

Г. Х. ЭЙХЕ

У ФИМСКАЯ
АВАНТЮРА
КОЛЧАКА
(МАРТ-АПРЕЛЬ 1919 г.)

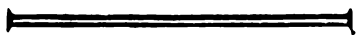

Г. Х. ЭЙХЕ

УФИМСКАЯ АВАНТЮРА КОЛЧАКА

(Март - апрель 1919 г.)

*Почему Колчаку не удалось
прорваться к Волге
на соединение с Деникиным*

В О Е Н Н О Е
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА
ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

МОСКВА • 1960

В книге исследуется одна из крупных операций гражданской войны на Востоке, в ходе которой Колчак рассчитывал прорваться к Волге для совместного с Деникиным похода на Москву. Несмотря на крупные оперативно-тактические успехи противника, Уфимская операция не принесла Колчаку стратегической победы.

Автор книги Г. Х. Эйхе— активный и видный участник гражданской войны на Урале и в Сибири, последовательно занимал посты командира бригады, начальника дивизии, командующего 5-й армией. Книга написана им на основе обширных впервые публикуемых документальных материалов и личных воспоминаний. В ней по-новому освещается ряд принципиальных вопросов гражданской войны на Восточном фронте и даются оригинальные оценки и выводы по действиям как советского, так и белогвардейского командования.

Книга рассчитана на офицеров Советской Армии и Флота и всех интересующихся историей гражданской войны.

ВВЕДЕНИЕ

Огромная территория от Волги до берегов Тихого океана с населением в несколько десятков миллионов человек была ареной ожесточенной классовой борьбы на протяжении почти пяти лет: с зимы 1917/18 г., когда образовались отдельные очаги-фронты вооруженных столкновений в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, и до ноября 1922 г., когда были изгнаны из Приморья последние интервенты и уничтожены последние остатки белогвардейских войск.

Значительную массу населения указанной территории составляло сибирское крестьянство — самое зажиточное, не знавшее крепостного права и потому, естественно, бывшее дальше, чем кто-либо, от коммунизма*.

Слабым по численности был промышленный пролетариат, состоявший в основном из рабочих горнопромышленного Урала, рабочих угольных копей Сибири и Дальнего Востока, рабочих железнодорожных мастерских, депо, портов, лесозаготовительных районов, рыбных промыслов.

Много национальных меньшинств проживало на этой территории, среди них наиболее крупными являлись татары, башкиры, киргизы, казахи, буряты. Освобожденные Февральской революцией 1917 г. от гнета царизма, они еще целиком находились в плену у своей националистически настроенной буржуазии, выступавшей вместе с духовенством и кулаками.

Все пограничные районы юго-востока России от Волги до Владивостока (за исключением так называемых среднеазиатских владений) были издавна заселены казаками-колонистами, составлявшими отдельные войска: Ураль-

* См. В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 130—137.

ское, Оренбургское, Сибирское, Восточно-Сибирское, Забайкальское, Амурское и Уссурийское. Эти казацки войска сыграли в годы гражданской войны на востоке ту же отрицательную роль, что донские, кубанские и терские казаки на юге России.

Наконец, в Сибири и на Дальнем Востоке собралось 500—700 тысяч бежавших из центральных районов России врагов Советской власти из числа буржуазии, чиновничества, офицерства и т. д.

Таким образом, по своей классовой структуре и национальному составу население обширной территории, которую русские контрреволюционеры с империалистами Антанты стремились превратить в свою базу, представляло собою конгломерат антагонистических сил, раздираемых классовыми и национальными противоречиями. В этом отношении ничего по существу не могло изменить временное совпадение интересов значительной части этих сил на почве общей ненависти к Коммунистической партии и Советской власти.

Разнообразнейшие географические, социально-экономические и политические условия огромной территории определили самые различные формы проявления ожесточенной классовой борьбы в различные периоды и в различных условиях меняющейся обстановки. Но всегда и везде вооруженные столкновения и классовая политическая борьба были неотделимы друг от друга, шли одновременно, переплетаясь и находясь в непрерывном взаимодействии и в постоянной взаимозависимости, ибо гражданская война — наиболее ожесточенная форма классовой борьбы с оружием в руках.

Сказанным объясняется то обстоятельство, что, какие бы конкретные вопросы и темы не составляли содержание работ об установлении Советской власти на востоке России, авторам неизбежно приходится касаться чисто военной стороны нашей многолетней борьбы с интервентами и белогвардейцами.

К сожалению, у нас до сих пор еще нет капитального военно-исторического исследования, которое давало хотя бы в общем виде историю гражданской войны на Востоке в двух основных ее формах: борьбы регулярных войск противников и партизанской войны, указывало бы основ-

ные решающие операции, давало хотя бы простую хронологию важнейших событий.

Недостаточность научной разработки политической и военной истории героической борьбы советского народа под руководством Коммунистической партии против интервентов и белых за период действий регулярной Красной Армии на Восточном фронте, с одной стороны, и большое число отдельных работ (воспоминаний, статей, диссертаций и т. д.), написанных в разное время по различным поводам и с различными целями на эту же основную тему, с другой — привели к противоречивому освещению, а в некоторых случаях к прямому искажению исторических событий, к их неверному толкованию.

Отмеченные обстоятельства — причина того, что там, где речь идет об узко военной стороне гражданской войны на Восточном фронте, авторы предпочитают идти по шаблонному пути повторения ранее уже кем-то и когда-то высказанных взглядов, суждений и выводов. Тем самым в последующих исследованиях нередко повторяются ошибки и недочеты предшественников, в чем бы эти ошибки и недочеты ни состояли и в каком бы резком противоречии с фактами истории они ни находились.

В подтверждение сказанного можно сослаться на некоторые монографии *. Первая из них — книга Ф. Огородникова — была опубликована в 1938 г. Не будучи подвергнута основательному разбору и критике, она долгое время оставалась единственным исследованием, в котором говорилось о наступлении Колчака от Урала к Волге весной 1919 г. Отмеченные обстоятельства привели к тому, что книга приобрела значение некоего капитального военно-исторического труда, на который можно положиться полностью во всех вопросах гражданской войны на Восточном фронте в первой половине 1919 г. Используя недостаточно критически монографию Ф. Огородникова, некоторые авторы позднее изданных работ невольно способствовали еще большему распространению допущенных Ф. Огородниковым ошибочных концепций и некоторых

* Ф. Огородников. Удар по Колчаку весной 1919 г. Воениздат, 1938.

Е. А. Болтин. Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака. Воениздат, 1949.

Л. М. Спирин. Разгром армии Колчака. Госполитиздат, 1957.

принципиальных глубоко неверных толкований событий, не говоря уже о повторении большого числа содержащихся в ней фактических ошибок и неточностей.

Вот несколько примеров: 1) Вслед за Ф. Огородниковым авторы пишут, что во всех корпусах колчаковской армии были созданы ударные егерские бригады из подобранных надежных солдат. На самом же деле такие бригады были редким исключением. Их совершенно не было ни в Западной армии Ханжина, ни в Оренбургской армии Дутова, ни в Уральской казачьей армии, ни в армейской группе Белова, а в Сибирской армии Гайды они имелись не во всех корпусах. Аналогично обстоит дело в вопросе о наличии егерских батальонов при пехотных дивизиях; 2) большинство авторов повторяет ошибочную версию Огородникова о том, что Колчак якобы стремился соединиться с северной группировкой интервентов и белых и поэтому избрал Пермь — Вятку — Котлас главным направлением своего наступления. Подчеркивается мысль, что только на этом направлении Колчак мог добиться серьезных успехов; 3) Ф. Огородников и авторы позднее изданных работ утверждают, что Западная армия Ханжина лишь после овладения г. Уфой получила направление главными силами на юго-запад и что это была роковая ошибка белых. В лучшем случае, пишут авторы, поворот армии Ханжина должен быть расценен как временное отклонение от основного плана Колчака; 4) Ф. Огородников и его последователи утверждают, что целью Уфимского сражения с нашей стороны был выигрыш времени, хотя во всех приказах и директивах нашего командования говорится совершенно другое; 5) все авторы сходятся на том, что после первых успехов противника командование нашей 5-й армии якобы пыталось развернуть свои войска на р. Белой. Отмечая, что это не удалось, авторы тут же утверждают, что армия якобы планомерно заняла двумя своими дивизиями оба основных (расходящиеся от Уфы на г. Симбирск и на г. Самару) железнодорожных направления и удерживала их вплоть до конца апреля 1919 г.

Таких ошибочных концепций много. На большом числе приводимых нами фактов и публикуемых впервые архивных документов читатель сам легко убедится в несостоятельности большинства выдвинутых Ф. Огородниковым положений, некритически воспринятых авторами последующих исследований.

Только сказанным можно объяснить тот факт, что ряд крупнейших операций, знаменующих собой поворотные моменты в борьбе с интервентами и белогвардейцами и во многом предопределивших ход развития военных действий на Восточном фронте, оказался до сих пор не исследованным или же неправильно освещенным.

Одной из таких операций посвящена настоящая работа.

* * *

Выступая 11 апреля 1919 г. на Пленуме Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов с докладом о задачах профсоюзов в связи с объявленной Советом Народных Комиссаров мобилизацией на Восточный фронт, В. И. Ленин подчеркнул, что давно уже все директивы правительства направлялись к тому, чтобы главные наши силы устремить на Южный фронт, так как «без победы на Южном фронте ни о каком упрочении Советской пролетарской власти в центре не могло быть и речи... Союзники-империалисты как раз с юга, с Украины, пытались наступать и хотели сделать из Украины опорный пункт против Советской республики... Вы знаете, что мы ведем войну с большим напряжением. Поэтому сосредоточение всех сил на Южном фронте вызвало чрезвычайное ослабление Восточного фронта. Подкреплений туда мы давать не могли. Армия на Восточном фронте несла неслыханные тяготы и жертвы. Она боролась месяцами, и целый ряд товарищей-работников сообщал телеграммами, что выносить такие тяжести воюющим красноармейцам становится неизмеримо тяжело. В результате — перенапряжение сил на Восточном фронте» *.

Восточный фронт был одним из первых по времени и одним из основных и главных по значению фронтов гражданской войны. Именно о нем в документах ЦК и в выступлениях В. И. Ленина неоднократно говорится как о фронте, на котором решается судьба социалистической революции, как о фронте, победа на котором наших врагов грозит гибелью Советской власти.

В ходе гражданской войны роль и значение отдельных фронтов менялись; в различные периоды войны главными были и Петроградский фронт против Юденича и его

* В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 257—258.

союзников, и Южный фронт против Деникина, и Западный фронт против белополяков. На всех этих фронтах героические войска молодой Красной Армии вели такие же, как на Восточном фронте, ожесточенные кровопролитные бои с нашими врагами. Но никогда и ни про один из всех этих фронтов В. И. Ленин не высказывал такой оценки и в таких словах, как в приведенной цитате. И это не случайность.

Стоит лишь более вдумчиво вчитаться в упомянутую речь Ленина, вникнуть в смысл ее, и нам станет тотчас ясно, что дело не просто в одном из выступлений Ленина в связи с проведением мобилизации. Речь идет о значительно большем. Объявленная мобилизация и крайне тяжелая обстановка на Восточном фронте послужили для Ленина прежде всего поводом коснуться основных узловых вопросов военно-политического и стратегического руководства гражданской войной в конце 1918 — начале 1919 гг.

Несколько кратких, приведенных в цитате фраз раскрывают перед нами с гениальной ленинской глубиной всю сложность обстановки и историческое значение решений и мероприятий партии и Советского правительства в тот период.

Если высказанные Лениным в приведенной цитате положения рассматривать с точки зрения требований теории военного искусства и военной науки, то мы должны констатировать:

а) выбор из многочисленных фронтов того периода одного — в данном случае Южного — решающим и главным фронтом свидетельствует о глубоко научном понимании и решительном осуществлении ЦК во главе с Лениным взаимодействия между политикой и стратегией;

б) в условиях общего недостатка средств и сил был осуществлен принцип сосредоточения их на решающем фронте за счет ослабления остальных фронтов для предоставления стратегии возможности выполнить поставленную ей политикой главную задачу;

в) Ленин не ищет виновников неудач на Восточном фронте и не ссылается на объективные причины успехов Колчака (армия врага многочисленнее, снабжается Антантой, имеет обеспеченный ее войсками тыл, ведет войну только на одном фронте). Для него успехи противника

только временная победа, достигнутая вследствие перенапряжения наших сил на Восточном фронте. ЦК и правительство знали о «неслыханных тяготах и жертвах», о длившейся месяцами непосильной борьбе войск Восточного фронта. Тем не менее ЦК и правительство дали все на Южный фронт, и это не было ошибкой в стратегическом руководстве войной.

«...Нам не приходится раскаиваться в том, — говорил Ленин, — что мы все военные задачи строили таким образом, чтобы преобладающее внимание и преобладающие силы уделялись Южному фронту. В этом отношении я думаю, что мы не ошибались» *.

Ход событий подтвердил правильность этих слов.

Казалось бы, эта речь В. И. Ленина должна была привлечь внимание всех разрабатывающих историю гражданской войны, и прежде всего тех, кто изучает и исследует вопросы нашей борьбы с интервентами и белыми на Востоке. Казалось бы, речь Ленина должна была поставить перед нашими исследователями и военными историками сразу же большое число подлежащих освещению и изучению вопросов: а) о формах взаимодействия между Южным — главным и не менее важным — Восточным фронтами в тот период; б) о конкретных операциях, возложенных на Восточный фронт в тот период, и их значении для достижения победы на фронте решающего нашего наступления; в) о том, как армии Восточного фронта в условиях значительного численного превосходства сил противника выполняли поставленные им задачи и с каким результатом; г) о методах и масштабах использования армиями названного фронта местных ресурсов для продолжения успешной борьбы в условиях, когда глубокий тыл не давал средств и сил.

К сожалению, ни в специальной военно-исторической литературе, ни в изданиях мемуарного характера найти ответ на эти и другие (не менее важные для истории и для освещения развития нашего военного искусства и науки) вопросы невозможно. До сего времени остается открытым даже такой простой вопрос: какие же конкретные события имел в виду Ленин, говоря о длившейся месяцами героической борьбе армий Восточного фронта?

* В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 257.

На основании изучения архивных материалов автор пришел к выводу, что в центре всех военных событий на Восточном фронте с конца 1918 г. по май 1919 г. было начатое Колчаком весной 1919 г. наступление.

С этим наступлением связан один из самых критических моментов за весь почти четырехлетний период нашей вооруженной борьбы с интервентами и белогвардейцами на Востоке, потому что оно велось Колчаком как раз в то время, когда армии Восточного фронта были наиболее ослаблены и своевременной помощи от центра не получали. О наступлении этом у нас принято говорить как о «походе на Москву», как о «первом комбинированном походе Антанты», как об операции, начатой Колчаком с целью соединиться на Средней Волге с Деникиным для совместного наступления на Москву с юга; его называют и «большим», и «решительным». К сожалению, приходится констатировать, что все эти высказывания — не более как субъективные представления того или другого автора, предположения, не обоснованные и не подкрепленные документами. У нас еще мало работ, целиком посвященных исследованию тех операций, о которых наши военные историки говорят как о «первом комбинированном походе Антанты» и которые В. И. Ленин в своей речи 11 апреля 1919 г. (за несколько недель до начала действий войск Южной группы Восточного фронта) охарактеризовал как операции, имевшие общестратегическое значение для нас, давшие Красной Армии возможность добиться решительных успехов на Южном фронте.

Причины недостаточности таких специальных исследований своеобразны.

Дело в том, что по старой, унаследованной от дореволюционной России традиции принято считать заслуживающими внимания и изучения только те операции, в которых инициатива была в наших руках, в которых наступление, и притом обязательно победоносное, вели именно мы. В данном случае наступление вел Колчак, он добился весьма серьезных и крупных успехов, прорвав центр Восточного фронта и отбросив нас к Волге.

Успехи и победы на войне одного из противников всегда расцениваются как поражение и неудача другого. Это — укоренившаяся истина, не требующая как будто доказательств, но именно поэтому она оказывается нередко ошибочной.

По всем внешним признакам (разгром наших войск, прорыв нашего фронта на сотни километров, захват исчисляемой сотнями тысяч квадратных километров территории, захват больших трофеев, выход на дальние подступы к Волге и т. д. и т. д.) наступление Колчака — явная и неопровержимая победа. Но будет ли правильно назвать этот успех врага с таким же основанием нашим поражением?

Война — сложное общественно-политическое явление. Не научно рассматривать ее и расценивать отдельные ее этапы и процессы с позиций формальной логики.

Именно на этих позициях стояли руководители империалистических держав Антанты и ставка Колчака. По их оценке, военные события на Востоке развиваются так, как они этого хотят.

Пермская операция 1918 г. За месяц наступления достигнуты громадные успехи: захвачен важнейший военно-промышленный район, взяты колоссальные трофеи, разгромлен весь левый фланг Восточного фронта, и на этом направлении не приходится ожидать в ближайшие месяцы серьезных угроз со стороны Красной Армии.

Уфимская операция в марте — апреле 1919 г. Успехи таковы, что перед ними меркнет слава пермских побед.

Можно ли удивляться тому, что после этих двух несомненно крупнейших событий наши враги сами уверовали, что на Восточном фронте война ими выиграна? Они не только стремятся максимально использовать свои успехи в своих политических целях, предсказывая скорое падение власти Советов в России. Они настолько убеждены в прочности своих побед, что все свои дальнейшие военные операции строят как операции использования одержанных побед.

Совершенно по-другому расценивает эти события ЦК Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным. Он не отрицает успехов Колчака; в той же упомянутой речи Ленин объясняет их перенапряжением наших сил и подчеркивает временный характер успехов врага.

Мы не могли предотвратить перенапряжение наших сил на Восточном фронте, но значит ли это, что наше главное командование (выполняя принципиальные военно-политические директивы и решения ЦК) сознательно шло

на риск: разбить на юге пока еще менее сильного, но могущего стать более опасным противника, допуская даже возможность временного поражения наших сил на Востоке со стороны сейчас опасного и сильного врага, а таковыми были именно Колчак и чехословацкий корпус, если исходить из общепринятого сопоставления числа оперативно-тактических соединений, числа штыков, сабель, орудий и т. д. и т. д.?

Мы не могли предотвратить перенапряжение наших сил на Восточном фронте, но значит ли это, что, если бы перенапряжение не было допущено, — не было бы и самих успехов противника или же они не достигли бы таких угрожающих размеров?

Очевидно, все эти и многие другие связанные с Уфимской операцией Колчака вопросы имеют большое значение для правильного освещения хода военных действий на Восточном фронте. Так же очевидно, что ответ на них может дать лишь тщательное исследование этой операции.

Имелась еще одна причина выбора нами названной операции объектом исследования.

Советская военная наука и наше военное искусство зарождались и формировались не только в условиях победоносных действий с нашей стороны. Всем известны такие крупные, вначале невыгодно развивавшиеся для нас операции, как Пермская операция Колчака зимой 1918 г., как начавшееся контрударом в Донбассе 19 мая 1919 г. общее наступление Деникина на всем фронте от Азовского моря до среднего течения Волги и приведшее к потере нами Донбасса, Донской области, Крыма и части Украины, как наступление Юденича на Петроград в начале лета 1919 г. и др. К ним с полным основанием должна быть отнесена и рассматриваемая нами Уфимская операция Колчака.

На сложном и трудном пути развития советского военного искусства немало было оборонительных, отступательных и неудачных операций. Будучи наиболее суровой проверкой боевой упругости и моральных качеств войск, такого рода операции позволяют наиболее глубоко и полно выявить и показать значение правильной организации и управления войсками на войне, и прежде всего роль организаторских способностей, знания и умения, инициативы и силы воли командиров всех степеней.

Важность и поучительность изучения деятельности войск, командования и штабов в трудных и сложных условиях таких операций вряд ли нуждается в особых доказательствах.

* * *

Предлагаемый труд написан исключительно на основании подлинных первичных документов и по материалам, находящимся в Центральном Государственном Архиве Красной Армии и в Центральном Государственном Архиве Октябрьской революции.

На это имелись две главные причины:

а) в нашей военно-исторической литературе Уфимская операция Колчака, не будучи предметом самостоятельного исследования, послужила поводом для создания неправильных версий о действиях армий Восточного фронта в ходе наступления белых, что привело к искажению истории в ряде опубликованных работ;

б) зимой 1919/20 г. при окончательной ликвидации Колчака войсками 5-й дважды Краснознаменной Красной Армии Восточного фронта были захвачены оперативные документы высших белогвардейских штабов. Использование этих документов наряду с документами нашего командования предоставило возможность дать, так сказать, двустороннее исследование Уфимской операции, что имело большое значение, так как наступающей стороной был Колчак.

Благодаря этому оказалось возможным показать ход военных действий значительно шире и глубже, проанализировать работу соответствующих командных инстанций и штабов обоих противников в тесной связи с действиями их войск.

Уфимская операция длилась два месяца — март и апрель 1919 г. По своему размаху она приобрела значение решительной операции во фронтовом масштабе. Это потребовало привлечения большого дополнительного материала. Дабы не затруднять понимания основных событий и в то же время сосредоточить внимание читателя на основных, решающих, поворотных моментах операции, автор вынужден был в ряде случаев отказаться от подробного освещения хода борьбы. Одну из своих задач автор усматривал в том, чтобы ввести в научный документооборот по истории гражданской войны на Восточном

фронтe новые, до сих пор еще не публиковавшиеся материалы, имеющие крупное значение для правильного освещения и понимания событий на этом фронте.

Провал Уфимской операции Колчака — одна из основных причин крушения планов интервентов и белогвардейцев весной 1919 г.

Неслыханными назвал В. И. Ленин тяготы и жертвы Красной Армии на Восточном фронте в тот период. Сверхчеловеческими были усилия десятков тысяч оставшихся безыменными героев, отдавших жизнь за светлое будущее советского народа.

Памяти их автор посвящает свою работу.

Глава I

ОСНОВНЫЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ В 1918 г., ОКАЗАВШИЕ РЕШАЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОБСТАНОВКУ К ВЕСНЕ 1919 г.

(Схемы 1, 2, 3)

АРМИЯ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

1. Чехословацкий корпус — основное ядро контрреволюционных вооруженных сил на востоке России

Восточный фронт гражданской войны возник летом 1918 г. в Приволжье, как фронт вооруженной борьбы с мятежным чехословацким корпусом¹.

Отмечая, что на чехословацкое восстание многие сначала смотрели как на эпизод контрреволюционных бунтов, В. И. Ленин в многочисленных выступлениях того времени вскрывал истинные контрреволюционные замыслы и цели мятежа. «...Чехословацкое движение, — говорил В. И. Ленин в речи, произнесенной 29 июля 1918 г., — было одним из звеньев, давно рассчитанных на удушение Советской России систематической политикой англо-французских империалистов... Мы имеем здесь дело с систематическим, неуклонным, очевидно, давно обдуманым, месяцами подготовлявшимся всеми представителями англо-французского империализма, военным и финансовым контрреволюционным походом на Советскую республику... Мы теперь воюем с англо-французским империализмом и со всем, что есть в России буржуазного, капиталистического, что делает усилие, чтобы сорвать все

дело социалистической революции и втянуть нас в войну» *.

23 августа того же года на митинге в Москве Ленин снова указывал, что все враждебные Советам силы в России за чехословаков, «ибо мятеж последних они связывают с возможностью падения Советской власти. Об этом знают союзники, и они предпринимают одну из серьезнейших битв. Им нехватало в России ядра, и ядро они обрели в чехословаках.

...Спасение не только русской революции, но и международной, на чехословацком фронте» **.

Мятеж начался в конце мая 1918 г., когда части корпуса, направлявшиеся во Владивосток для дальнейшей отправки морем за границу, находились в железнодорожных эшелонах, растянутых на многие тысячи километров от г. Пензы до Дальнего Востока ².

На стороне контрреволюции оказались большие военные преимущества. Основное ядро вооруженных сил нападающего составляли регулярные войска корпуса, отлично обученные, вооруженные и снаряженные, имеющие сильную артиллерию и находящиеся под командованием опытных офицеров. Ничего этого у нас в то время не было. Заранее готовясь к восстанию, командование корпуса сумело создать большой перевес сил в пунктах нападения. Это обстоятельство вместе с элементом неожиданности нападения обеспечило им вначале крупные успехи ³. Однако общая обстановка для двух западных групп войск корпуса сложилась на первых порах весьма неблагоприятно. В особенно тяжелое положение попала самаро-пензенская группа полковника Чечека. С большим трудом и потерями, бросив часть эшелонов и продолжая движение походным порядком, группа смогла сосредоточиться в районе городов Пенза — Самара. Однако это незначительно улучшило ее положение. Группа оказалась окруженной со всех сторон нашими отрядами и полностью изолированной; ближайшие войска — челябинская группа Войцеховского — находились далеко на востоке за Уралом, и рассчитывать на быструю помощь с этой стороны Чечеку не приходилось. Он также не мог строить серьезные расчеты на помощь тех нескольких тысяч белогвар-

* В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 1—3, 15.

** Там же, стр. 64—65.

дейцев, которые, организовавшись под защитой и при помощи корпуса, громко именовались «Народной армией Комуча⁴», но на деле всегда старались держаться поближе к интервентам. Не лучше обстояло дело у Войцеховского. Путь на запад на помощь Чечеку ему преграждали в районе г. Златоуста и Миасса * наши отряды, состоящие в основном из рабочих ближайших уральских заводов и городов, а с севера, со стороны Екатеринбурга, против него действовали такие же рабочие отряды и дружины, усиливавшиеся прибывавшими из центра частями. Плохо вооруженные, наспех организованные и, за редким исключением, совершенно необученные, не имеющие опытных командиров, не говоря уже об артиллерии и штабах, все эти отряды проявили высокую боеспособность. Нет сомнения, операция закончилась бы полным разгромом и уничтожением обеих названных групп корпуса и находившихся под их защитой белогвардейских войск, если бы на помощь им не подоспели их верные помощники, злейшие враги Советской власти — эсеры и меньшевики. Благодаря их провокациям и предательству⁵ чехобелым ** удалось после месяца с лишним боев восстановить в районе ст. Миньяр (110 км восточнее Уфы) оперативное взаимодействие между войсками Чечека и Войцеховского и занять 5 июля Уфу.

Наше сопротивление было сломлено, но отмеченные выше бои по своему значению и последствиям выходили далеко за пределы района военных действий. Территория бывшей Уфимской губернии сыграла в рассматриваемый период роль ключевой позиции на Востоке, упорная оборона которой свела на нет первые крупные успехи чешских войск и резко изменила обстановку в нашу пользу. Мы выиграли месяц времени и получили благодаря этому возможность собрать на Волге против Чечека и на Северо-Урало-Сибирском направлении против Войцеховского значительные силы⁶. Скованная нашими отрядами и вынужденная бросить силы прежде всего на восстановление связи с челябинской группой Войцеховского, группа Чечека не могла и думать о каких-то активных действиях против центральных областей России или на Волге. Меж-

* Поселок Миасс — в 36 км юго-восточнее Златоуста.

** Под словом «чехобелые» здесь и в дальнейшем следует понимать объединенные силы мятежного чехословацкого корпуса и русских белогвардейцев.

ду тем как раз в это время в волжских городах Ярославле и Рыбинске, а также в Муроме эсеры усиленно готовили мятежи, рассчитывая на помощь союзников. Только обеспечив свой тыл и получив помощь от Войцеховского, Чечек смог во второй половине июля совместно с белогвардейцами начать операцию по расширению захваченного им района и занял 22 июля Симбирск, а 7 августа — Казань. Но к этому времени ярославское восстание эсеров, равно как и другие поднятые ими восстания в бассейне Волги, было нами окончательно ликвидировано. Такую же крупную роль сыграло удерживание нами северных районов Уфимской губернии и успешные наши действия против группы Войцеховского. Только 29 июня 1918 г., когда по указанной выше причине наш фронт в районе Златоуст — Миасс был ослаблен, Войцеховский мог отдать свой первый приказ о начале решительной операции по овладению Екатеринбургом и всем Северным Уралом (см. прим. 16). И на этом направлении помощь чехословацких войск эсерово-кулацкому восстанию в районе Ижевского и Воткинского заводов ⁷ запоздала.

На этот раз обеим названным группам корпуса и действовавшим с ними войскам белых удалось избежать разгрома, но план интервентов, рассчитанный на быстрый и легкий захват Урала и Поволжья и оказание помощи готовившимся в центральных районах России эсерово-кулацким мятежам, был сорван.

2. Разгром Красной Армией объединенных чехобелых войск на Волге осенью 1918 г.

Военно-политические последствия нашей победы

Временные успехи чехословацкого корпуса и белогвардейцев ⁸ привлекли внимание ЦК партии. «...Положение с чехословаками из рук вон плохо... — писал В. И. Ленин 20 июля 1918 г. — Но мы *погибнем* наверняка от чехословаков, ежели не сделаем *отчаянных* усилий для прибавки сотен и тысяч *руководящих* рабочих для превращения киселя в твердое нечто» *.

Следя за ходом событий, В. И. Ленин лично отдавал распоряжения о немедленном усилении Восточного фронта за счет создаваемых в тылу отрядов и сформиро-

* В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 503.

ванных уже частей войск. По его указаниям и призыву на Восточный фронт направлялись тысячи большевиков и рабочих из Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, Ярославля и других городов, а также из прифронтовых районов.

Принятые меры не могли не дать результатов: 10 сентября 1918 г. была освобождена Казань, 12 сентября — г. Симбирск и 7 октября — г. Самара.

В. И. Ленин придавал серьезнейшее значение одержанным победам.

12 сентября 1918 г. в «Правде» была опубликована его телеграмма по этому поводу, адресованная всем армиям Восточного фронта.

Несколькими днями позднее на фронте было получено его известное «Письмо красноармейцам, участвовавшим во взятии Казани»⁹.

«Товарищи! Вам уже известно, — говорилось в этом письме, — какое великое значение приобрело для всей русской революции взятие Казани, ознаменовавшее перелом в настроении нашей армии, переход ее к твердым, решительным победоносным действиям. Тяжелые жертвы, понесенные вами в боях, спасают республику Советов. От укрепления армии зависит прочность республики в борьбе с империалистами, зависит победа социализма в России и во всем мире. От всей души приветствую героические советские войска, армию авангарда эксплуатируемых, борющихся за свержение эксплуатации, и желаю дальнейших успехов.

С товарищеским и коммунистическим приветом
*В. Ульянов (Ленин)» **

Отброшенные с большими потерями от Волги, части чехословацкого корпуса и белогвардейская «Народная армия» отступали поспешно на восток, преследуемые нашими войсками.

О силе нанесенного нами удара можно судить по белогвардейским документам. «При настоящих условиях и настоящем состоянии частей, — доносил по команде начальник 2-й пехотной дивизии белых ген. Бакич, — они к бою не пригодны и стоят на позиции потому, что пока

* В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 81.

нет натиска противника. Изложенное касается в одинаковой степени «Народной армии» и чехословаков» *.

Командующий Поволжским фронтом полковник Чечек вынужден был 8 октября 1918 г. (на другой день после взятия нами г. Самары) отдать приказ, в котором говорилось: «...Для сосредоточения и устройства войск назначаю линию г. Бугуруслан — г. Бузулук» **.

Это означало отвод чехобелых войск примерно на 150—160 км на восток.

Поражение корпуса имело важное значение для всего дальнейшего хода нашей борьбы на Восточном фронте. Резко изменив военную обстановку, одержанная победа оказалась сильнейшим нашим ударом по «Комучу». Ему пришлось срочно отказаться от своей позиции центрального «правительства России». В результате Уфимского совещания, на котором на равных правах присутствовали представители всех «правительств», была 29 сентября 1918 г. образована «Директория» — высший орган власти всех антисоветских сил на востоке России¹⁰.

Практическое значение передачи власти в руки «Директории» было ничтожным. Не успела она еще усесться в креслах, как ей пришлось спешно перебраться из г. Уфы в г. Омск — наступление Красной Армии от р. Волги на восток развивалось быстро и успешно.

Правда, отступающие чехобелые предприняли несколько отчаянных попыток остановить наше продвижение (под г. Белебеем, г. Мелекесом, на р. Ик и на р. Чермасан). Им удалось нанести нашим войскам весьма серьезные потери, поколебать некоторые участки фронта, но в целом эти кровопролитные бои не выходили по своим последствиям за рамки операций местного значения. Приостановить наступление наших пяти армий — на это у «Директории» сил уже не имелось¹¹.

Поражение чехобелых имело еще одно важное последствие — нарастающее ухудшение взаимоотношений между чехословаками и войсками «Народной армии». Это был неизбежный и вполне естественный процесс: что общего могло быть у контрреволюционной русской буржуазии и русского офицерства с солдатской массой корпуса, стремившейся возможно скорее, проще и без потерь вы-

* ЦГАОР, ф. 687, оп. 1, д. 41, лл. 7—8.

** Там же, л. 50.

браться из России на родину? Солдаты корпуса уже начинали уяснять себе истинные цели белых и понимать, что командование бросает их в бой в интересах Антанты, а не для того чтобы скорей выбраться за границу¹². Пока дела на фронте шли успешно, отношения между чехословаками и белыми были удовлетворительными. Понесенное ими на р. Волге и в Приволжье поражение раскололо навязанный им Антантой союз. Начались взаимные обвинения в стремлении уклониться от боя и спрятаться за спиной соседа. Виновниками всех неудач и поражений на фронте чехи считали белых, а белые — чехословаков. Дело доходило до того, что на отдельных направлениях оказывалось невозможным давать задачи для совместных боевых действий «Народной армии» и чеховойск¹³.

3. Пермская операция в планах белогвардейского командования

9 октября 1918 г. «Верховный Главнокомандующий Народной армией» ген. Болдырев отдал приказ № 451, в котором говорилось: «...Войска русской и чехословацкой армий ведут борьбу с противником за выигрыш времени до прибытия союзных войск с востока... Главнокомандующий Западным фронтом ген. Сыровый с целью войти в связь с северной группой союзников подготавливает главный удар на Пермь, сдерживая наступление противника на Поволжском фронте»*.

Идея операции прорыва сибирской группы чехобелых на соединение с северной группой интервентов не была новостью¹⁴. Над осуществлением ее работали уже первый командующий войсками интервентов на севере английский генерал Пуль, а за ним его преемник — генерал Айрнсайд¹⁵.

Несмотря на самоуверенный тон, приведенная из приказа цитата содержит весьма ценные данные для уяснения истинного военно-политического положения «Директории». Главковерх «Директории» открыто признает, что у него нет уже сил, чтобы приостановить победоносное наступление Красной Армии. Все, на что он еще может рассчитывать, — выигрыш времени. Но для чего ему нужен этот выигрыш времени? Расписавшись в слабости

* ЦГАОР, ф. 1437, оп. 1, д. 50, лл. 130—133.

своих собственных сил, «Директория» открыто заявляет: спасти нас могут только интервенты — держитесь до их подхода с востока или с севера.

Ко времени отдачи упомянутого приказа ген. Болдырева в составе Западного фронта белых была уже организована екатеринбургская группа¹⁶ под командованием чеха Гайда (произведенного Антантой в генералы за заслуги в деле свержения Советов и организации мятежа корпуса). Группа вела бои без особых успехов. В обзорной сводке штаба главнокомандующего Западным фронтом в конце октября 1918 г. был сделан по этому поводу следующий общий вывод: «Настроение наших войск сильно понизилось. Во-первых, вследствие бессменной и чрезвычайно тяжелой работы на фронте. Во-вторых, вследствие безрезультатности обещаний и надежд на подход союзных войск и скорый мир, между тем как на фронте господствует прежнее напряжение... Нужна скорая и реальная помощь, которая могла бы сменить с фронта истомленные части»*.

Еще более мрачным было настроение тех частей Поволжского фронта белых, которые на протяжении почти трех месяцев вынуждены были вести тяжелые отступательные бои с частями наших 5-й и 1-й армий: 19 октября 1918 г. мы овладели г. Бугульмой, 23 октября пал г. Бугуруслан, 24 октября — г. Чистополь, 28 октября — г. Елабуга и 30 октября — г. Бузулук; назревали серьезные события в самой армии «Директории». Именно в этой связи и с целью поднять настроение войск ген. Болдырев отдал 2 ноября 1918 г. приводимый нами ниже в выдержках обширный приказ за № 386/0**:

«...Продолжая развивать главный удар на Пермь, наши войска на прочих направлениях ведут борьбу за выигрыш времени до окончания сформирования русской армии и прибытия новых частей союзных войск...

Войска союзников: а) северная группа развивает действия на Вологду и Котлас; б) южная группа заняла форт Александровский на Каспийском море; в) восточная группа — английский бронепоезд действует на самарском направлении, батальон англичан находится в г. Омске... прочие в переброске из г. Владивостока, Индии, Канады,

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 112, л. 4.

** Там же, д. 23, л. 41.

частью расположены в Забайкалье, Приморье, на КВЖД; г) добровольческая армия ген. Алексеева, распространившись до западного побережья Каспийского моря, обеспечивает себе базирование на Черном море, куда ожидается прибытие союзной эскадры. Отряд Бичерахова, войдя в связь с армией ген. Алексеева и атамана Дутова, занял г. Петровск».

Закончив обзор всех белогвардейских фронтов, Болдырев ставит следующие задачи войскам восточной группы: «Верховный Главнокомандующий решил ко времени готовности русской армии и прибытия союзных войск занять исходное положение: ...1) Главнокомандующему Западным фронтом отбросить противника за верхнее течение р. Камы до Николо-Березовки, после чего произвести перегруппировку для флангового удара противнику, наступающему на г. Уфу; 2) Юго-Западному фронту* сдерживать наступление противника и, поддерживая связь с г. Астраханью, генералом Алексеевым и Бичераховым, 15 ноября начать операцию на г. Ташкент; 3) Сибирской армии готовиться к операции в Семиречье, начать 15 ноября операцию на г. Ташкент; 4) Ближайшая задача 2-го Степного сибирского корпуса — занять г. Верный... Предполагается в районе Кушка — Мервь — г. Ашхабад — г. Красноводск содействие южной группы союзников... при наступлении на г. Ташкент».

Для обеспечения выполнения принятого решения давно уже велась большая работа в тылу: вербовались добровольцы, производились мобилизации, срочно заканчивались формирования войсковых частей. Все, что только могло бы быть использовано на фронте, направлялось в екатеринбургскую группу¹⁷.

В самый разгар этой работы в г. Омск прибыл Колчак. Назначенный 4 ноября военным и морским министром, он тут же объездил фронт, имел совещание с командованием и по возвращении в г. Омск развил энергичную работу своего министерства для обеспечения успеха Пермской операции. Две недели спустя — 18 ноября 1918 г. — в г. Омске был произведен колчаковский переворот¹⁸. По постановлению «Совета Министров Временного Всероссийского правительства» Колчак был тут же произведен

* В состав Юго-Западного фронта входили Оренбургская и Уральская казачьи армии под командованием генерала Дутова.

в адмиралы, объявлен «Верховным правителем России» и «Верховным Главкомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России».

Новый «Главверх», принимавший в качестве военного министра деятельное участие в подготовке Пермской операции, приказал продолжить наступление¹⁹.

КРАСНАЯ АРМИЯ

1. Стратегическое положение Советской республики осенью 1918 г.

7 октября 1918 г. главнокомандующий Красной Армией И. И. Вацетис представил В. И. Ленину как Председателю Совета Народных Комиссаров доклад о стратегическом положении страны*.

Дав обзор положения на существовавших к тому времени Северном, Восточном и Южном фронтах и в Западном районе обороны, Вацетис предлагал признать Южный фронт главным. Мотивировалось это рядом обстоятельств и соображений²⁰. Касаясь плана предстоящих операций на отдельных фронтах, главком писал: «...На Южном фронте противник достиг значительных успехов, передовые части его значительно продвинулись к северу, и дальнейшее наше отступление грозит нам бедствием, поэтому Южный фронт в самое ближайшее время должен быть усилен всеми имеющимися в стране свободными силами, чтобы нанести армии Краснова решительный удар. Должна быть произведена самая решительная операция — наступление всех армий против Донской области с целью отбросить ее за р. Дон и укрепить в области власть революционного казачества, стоящего на платформе Советской власти. Достижение этой цели даст нам возможность значительные силы перебросить на Северный Кавказ или на Восточный фронт в случае каких-либо осложнений».

В общем плане намечаемых на ближайшее время операций предусматривалось: Северному фронту — упорная оборона с учетом того, что противник на этом фронте развивает главные усилия на Котлас — Вятку, «видимо, для установления связи с чехословацким Восточным фронтом»; Западному району обороны — борьба за выигрыш времени в случае наступления немцев.

* ЦГАКА, ф. 4, оп. 1, д. 39, лл. 43—50.

Восточному фронту в докладе уделялось много места *. Отметив, что нет точных данных о силах противника на Восточном фронте, Вацетис сделал следующее обобщающее заключение: «...Но сила серьезная настолько, что мы для того, чтобы иметь успех в каком-либо направлении, должны это направление усиливать за счет пока еще незначительных ресурсов страны в отношении вооруженной силы».

О задачах Восточного фронта в докладе было сказано: «В соответствии с группировкой противника и теми направлениями, на которых развиваются действия противника, наши армии группируются: 3-я армия — екатеринбургское направление, 2-я армия — сарапулское, 5-я армия — нижекамское и симбирское, 1-я армия — самарское и 4-я армия — в районе Саратова, Николаева и Уральска для действий против г. Самары. Кроме того, в состав Восточного фронта входит Туркестанская армия, которая, в числе прочих задач, частью сил пробивается из Туркестана к г. Оренбургу и, по сведениям, уже заняла г. Актюбинск. Армии Восточного фронта имеют общие задачи: 3-я — движение на г. Екатеринбург — г. Челябинск; 2-я — движение на г. Уфу и далее на г. Челябинск на поддержку 3-й армии; 5-я армия — движение на г. Бугульму — г. Уфу; 1-я и 4-я армии имеют общую задачу овладеть общими силами г. Самарой, после чего 1-я армия включается в резерв главкома, а 4-я армия получает назначение двигаться навстречу Туркестанской армии, наступающей от г. Актюбинска. В ближайшее время противник должен быть сброшен с р. Волги, должно быть установлено взаимодействие с Туркестанской армией и должен быть подавлен Ижевско-Воткинский мятеж».

Обширнейший доклад, затрагивавший целый ряд важнейших вопросов **, заканчивался следующим заявлением:

* Главными направлениями наступления противника главком считал: 1) из района Екатеринбурга на Пермь; 2) из района Ижевска, Воткинска и Сарапула в разрез ж. д. Пермь — Вятка и на Вятку; 3) район Средней Камы; 4) симбирское; 5) самарское и 6) направление Уральск — Саратов.

** В докладе и отдельных приложениях к нему затрагивались вопросы снабжения армии, создания укрепленных районов и потребных на это средств, создания военно-морского и речного флотов, военно-санитарного дела, оперативных перебросок, взаимоотношений с НКПС и т. д.

«Необходимо еще раз остановить наше внимание на том, что особенно с Востока и Юга * нам грозит серьезная опасность, для встречи которой надо напрячь все усилия страны и предоставить в распоряжение центрального аппарата управления всеми вооруженными силами Республики все средства и полную мощь».

На основании данных и соображений доклада необходимо сделать следующие общие выводы:

а) хозяйственное положение Республики крайне тяжелое. Она отрезана от всех основных источников продовольствия, сырья, материалов и топлива, то есть от всех необходимых средств к жизни, без чего страна существовать не может;

б) стратегическое положение Республики тяжелое и весьма сложное. С трех сторон она окружена армиями империалистических государств: 1) на западных границах германская армия, о которой в докладе сказано, что «в никоем случае нельзя полагаться на то, что германцы серьезно хотят установить с нами добрососедские отношения»; 2) против нашего Северного фронта уже действуют интервенты, насчитывающие в своем составе войска восьми государств; 3) с востока ведет наступление чехословацкий корпус — авангард армий интервентов; уже имеются данные о выдвигании на Урал японских войск;

в) общее протяжение линии фронтов превышает уже несколько тысяч верст. Действующая Красная Армия насчитывает всего около 285 тысяч штыков и сабель, но армия в стадии строительства, она создается и формируется в ходе упорных боев с нападающими со всех сторон врагами. Важнейшие для жизни армии вопросы еще не разрешены, в частности это касается централизации снабжения армии продовольствием, вопросов оперативных перебросок войск, что в условиях разбросанных и сильно растянутых фронтов приобретает серьезнейшее значение, а также ряд других вопросов;

г) отражая высказанную В. И. Лениным еще 29 июля 1918 г. мысль, что «весь вопрос российской социалистической революции свелся к вопросу военному» **, что к этому же свелся и вопрос о самом существовании Респуб-

* Слова «и Юга» вписаны дополнительно в текст доклада от руки.

** В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 13.

лики, доклад главкома был проникнут в своих конкретных решениях духом активности на основных фронтах — Восточном и Южном. Основная задача Южного фронта — разгром армии Краснова и занятие Донской области, что откроет нам путь к хлебу, топливу и сырью и одновременно с ликвидацией военной угрозы центральным районам Республики расширит базу социально родственных нам классовых сил. *Ближайшая задача Восточного фронта — утвердиться на Средней Волге, ликвидировать Ижевско-Воткинский мятеж и установить связь с Туркестаном.* «В результате этих операций, — говорилось в докладе, — мы должны выдвинуться примерно на линию г. Челябинск — г. Екатеринбург для развития дальнейших операций в глубь Сибири. Из всех очередных задач Восточного фронта наиболее важна задача 2-й армии по подавлению мятежа в Ижевско-Воткинском районе, где сосредоточены значительные силы. По ликвидации этого мятежа вся 2-я армия может быть брошена в направлении Екатеринбург — Челябинск, что, несомненно, закрепит наше положение на Урале и в Западной Сибири».

2. Ослабление Восточного фронта в ноябре — декабре 1918 г.

8 октября 1918 г. — на другой день после занятия нами Самары — командующий Восточным фронтом С. С. Каменев отдал директиву, в основе совпадающую с отмеченными выше предложениями доклада главкома от 7 октября.

Констатировав освобождение р. Волги от противника, директива ставила следующие задачи войскам фронта²¹:

4-й армии главными силами нанести удар в направлении г. Бузулук — г. Оренбург и продолжать наступать правым флангом на г. Уральск;

1-й армии энергично преследовать противника в направлении г. Бугуруслан — г. Белебей, имея конечной целью овладение г. Уфой;

5-й армии продолжать движение в общем направлении на г. Бугульму, имея конечной целью овладение г. Уфой;

2-й армии ликвидировать Ижевско-Воткинский мятеж, после чего совместно с левым флангом 5-й армии очистить Прикамье от остатков войск противника;

3-й армии продолжать решительное наступление, имея конечной целью занятие района г. Екатеринбурга.

2-я армия, получившая специальную задачу, временно исключалась из числа наших сил, действующих против чешских войск и «Народной армии». Продолжать наступление на восток могли только четыре наши армии. Наиболее сильной по численности и техническому оснащению нашей 3-й армии поставлена определенная задача — овладение районом г. Екатеринбурга. Задача правофланговой — 4-й армии, также сильной по численности, сформулирована неопределенно и расплывчато. Центр фронта (в полосе ж. д. от г. Казань через г. Сарапул на г. Екатеринбург и до ж. д. от г. Самары через г. Бузулук на г. Оренбург) занимают войска 5-й и 1-й армий, насчитывающие всего около 18 600 штыков и сабель*, 652 пулемета, 123 орудия, 2 бронепоезда, 11 автоброневиков и 16 самолетов. Ширина полосы наступления названных армий около 400 км.

Понять замысел командования фронтом не трудно. Три железные дороги южнее р. Камы ведут от р. Волги на восток к Уралу — они и определяют три основных направления действий войск всего правого фланга и центра фронта.

Командующий фронтом не ставит себе задачей избрать решающее направление, создать в ходе наступления решающую группировку сил. Его, очевидно, не занимал даже вопрос, будет ли при выполнении поставленных задач вообще возможно оперативное взаимодействие между армиями. Объясняется это в основном тем, что в момент отдачи директивы еще не известно, куда отошли главные силы противника, трудно и почти невозможно уже сейчас — 8 октября — выяснить, каковы намерения белых после потери ими рубежа р. Волги. Несомненно, в ходе наступления от р. Волги к Уралу обстановка станет более ясной — тогда и последуют дальнейшие указания**.

* Боевой состав 1-й армии на 15 октября составлял 10 521 штык и саблю, а 5-й армии — 7714 штыков и сабель (ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 93, лл. 18 и 146).

** О том, что белогвардейский главковерх ген. Болдырев отдал почти в тот же день — 9 октября — директиву о нанесении главного удара на пермском направлении, наше командование, конечно, знать не могло. Не могло оно знать и об упомянутой выше директиве командующего Поволжским фронтом Чечека об отводе войск на линию г. Бузулук — г. Бугуруслан.

Подробное рассмотрение действий армий Восточного фронта за период с 8 октября 1918 г. по март 1919 г. (когда началось наступление армий Колчака) отвлекло бы нас от исследуемой темы. Мы останавливаем поэтому внимание читателя только на тех событиях этого периода, которые привели к резкому ухудшению обстановки для наших войск к концу 1918 г. Наибольшее значение в этой связи имеет вопрос о сознательном ослаблении Восточного фронта путем изъятия у него войсковых частей для переброски на другие фронты. Было ли неизбежно снятие войск именно с этого фронта и не имелись ли другие возможности и другие источники для оказания срочной помощи другим фронтам, — эти вопросы выходят за пределы нашего исследования. Мы исходим из того исторического факта, что крупные силы были сняты с названного фронта, и в этом аспекте нас интересуют только два вопроса: как было произведено изъятие войск и как оно отразилось в дальнейшем на действиях этого фронта.

9 ноября 1918 г. Революционный Военный Совет Восточного фронта получил из штаба Южного фронта за подписью главнокомандующего Вацетиса зашифрованную телеграмму о срочной переброске с Восточного на Южный фронт всей 1-й армии в составе всех трех ее стрелковых дивизий: Инзенской, Пензенской и 24-й Симбирской; последняя временно находилась в оперативном подчинении у командующего 4-й армией*.

Через несколько дней, а именно 14 ноября, поступила от главнокома новая телеграмма: «Ввиду непосредственной угрозы г. Камышину и району Волги к северу от Камышина немедленно направьте Уральскую дивизию** по железной дороге на Покровскую слободу и далее по Волге на Камышин до деревни Золотое»***.

Как указывалось в телеграмме, распоряжение это вызвано прорывом белыми Южного фронта в саратовском направлении.

Во исполнение этих распоряжений РВС фронта отдал:

а) 10 ноября директиву № 02 318: — 1-й армии приставить наступление, начать переброску войск на Южный фронт, оставив временно Пензенскую дивизию для наступления вдоль Самаро-Златоустовской железной

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 16, л. 255.

** Уральская дивизия входила в состав 4-й армии.

*** ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 16, л. 278.

дороги в целях обеспечения правого фланга 5-й армии до овладения нами узловой ст. Чишма*.

б) 15 ноября — директиву № 02 412: — 4-й армии приостановить наступление на г. Уральск, произвести перегруппировку войск армии, имея задачей не допустить движение противника от г. Уральска на г. Саратов и г. Самару**.

Так, в течение нескольких дней две зашифрованные телеграммы главкома разрушили все расчеты и планы командования Восточного фронта: приостановлено наступление на г. Уральск, приостановлено наступление на г. Оренбург, затормозилось наступление 5-й армии на г. Уфу — ведь с уходом всей 1-й армии фланг и глубокий тыл 5-й армии прикрывать некому²².

Но это только начало трудностей. В расчетах нашего главнокомандующего изъятие четырех стрелковых дивизий из 1-й и 4-й армий рассматривается как совершенно недостаточная помощь Южному фронту. С правого фланга Восточного фронта брать уже больше нечего — настает черед левофланговых армий²³.

Полученные распоряжения РВС фронта аккуратно передавал в армии для срочного исполнения, но тут сразу же возникали колоссальные трудности. Чтобы не оголить целые участки фронта и не подставлять под удар ослабленные уходом соседей части наших войск, главкому приходилось уступать доводам и требованиям командармов и командующего фронтом: менять сроки отправки, давать отсрочки, вообще отменять некоторые свои распоряжения***, не останавливаясь при этом ни перед нарушением организации войск, ни перед существенным изменением оперативных задач остающимся войскам²⁴.

3. Мероприятия нашего командования в связи с Пермской операцией противника

27 октября 1918 г. командующий 3-й армией Р. И. Берзин телеграфировал главкому Вацетису, минуя командующего фронтом: «...Положение пермском направлении ста-

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 16, л. 266.

** Там же, лл. 280—284.

*** Из перечисленных выше войск остались неотправленными: вся 24-я Симбирская и вся Пензенская дивизии 1-й армии, бригада Уральской дивизии из 4-й армии, бригада 4-й дивизии из 5-й армии, оба армейских управления и другие более мелкие части войск.

новится все серьезнее. Противник ведет непрерывное наступление двумя дивизиями по тракту. ...Все обещанные резервы остались на бумаге» *.

Это было серьезное предупреждение за два месяца до падения Перми. Несколькими днями позднее в директиве от 31 октября командующий фронтом Каменев сам указывал, что, по имеющимся сведениям, противник снял с фронта 5-й армии большую часть сил и перебросил их на участок 3-й армии для действий в направлении на г. Кунгур и г. Пермь **. Правда, Каменев глубоко ошибался, считая, что появившиеся против 3-й армии новые части прибыли с фронта 5-й армии; как выше уже отмечено, екатеринбургская группа противника усиливалась за счет сибирских формирований, но сейчас вопрос не в том, откуда прибыли свежие войска.

Приведенные документы не оставляют никаких сомнений в том, что все наши высшие командные инстанции были в курсе производившегося противником сосредоточивания крупных сил против 3-й армии *** и что уже в конце октября — за два месяца до падения г. Перми — силы белых начали теснить войска нашей 3-й армии.

По численности и богатству техникой 3-я армия считалась сильнейшей на Восточном фронте. Она имела крепкие, надежные в политическом отношении кадры из коммунистов, добровольцев, бывших красногвардейцев и рабочих отрядов и пополнялась непрерывно за счет рабочих многих местных заводов²⁵. Все это позволило нашему командованию считать левое крыло фронта надежно обеспеченным силами находящейся на этом направлении 3-й армии. Она была в несколько раз сильнее своего правого соседа — 2-й армии, возникшей в период борьбы за р. Волгу и р. Каму летом 1918 г. Подавление Ижевско-Воткинского мятежа — основная задача 2-й армии за весь послеказанский период ее существования; выполняя ее, 2-я армия фактически не принимала участия в операциях фронта против регулярных войск против-

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 17, л. 12.

** Там же, л. 28.

*** 24 октября 1918 г. главком Вацетис, комфронта Каменев и председатель Реввоенсовета Республики Троцкий получили из г. Перми от члена РВС Республики Антонова (назначенного объединить действия 2-й и 3-й наших армий) донесение, что на участке левого крыла фронта «завязывается противником решительная операция в направлении Кунгур».

ника. Окончание ликвидации мятежа совпало по времени с очень тяжелым положением на других наших фронтах, и поэтому нет ничего ни нелогичного, ни непонятного в том, что главком в полном согласии с командующим фронтом решили ликвидировать армию как оперативно-стратегическую единицу фронта. Ведь основной силой здесь — на левом фланге — всегда была, да и остается теперь, 3-я армия; она будет еще усилена войсками 28-й дивизии и отрядом Аглока из состава ликвидируемой 2-й армии.

Именно в этом следует искать объяснение тому, на первый взгляд, весьма странному факту, что, несмотря на все ухудшающуюся обстановку на участке 3-й армии и несмотря на все более тревожные сведения о сосредоточивании противником крупных сил и начале решительной операции в пермском направлении, главком и комфронта сняли с северного крыла фронта свыше 15 тысяч бойцов всего за месяц до падения г. Перми²⁶.

Было бы, однако, неверно обвинять наше командование в непонимании грозящей г. Перми опасности и в непринятии мер к оказанию помощи 3-й армии. В этом отношении исторический интерес представляют нижеследующие документы.

13 декабря 1918 г. командующий Восточным фронтом Каменев получил из Полевого штаба Республики телеграмму № 479/Ш, адресованную в копии Председателю Совета Обороны В. И. Ленину и председателю Реввоенсовета Республики Троцкому*. «Из донесений усматривается, — говорилось в телеграмме, — что противник предпринимает решительную операцию против 3-й армии. Возможно, что противник поставил своей задачей захват Перми и развитие в дальнейшем своей операции в направлении на Вятку и в сторону Воткинского и Ижевского заводов. Мы должны всеми мерами воспрепятствовать одержанию противником какого бы то ни было успеха над нами на Урале, ни в коем случае не допустить перехода в руки противника района Перми — Вятки — Воткинского и Ижевского заводов. Из донесений усматривается, что левый фланг 3-й армии не выдерживает напора противника и постепенно отходит на Пермь. Примите самые срочные меры, чтобы действиями 2-й и 5-й армий парализовать наступление противника на Пермь, а

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 100, л. 94.

равно подкрепите имеющимися у вас резервами 3-ю армию».

Далее в телеграмме сообщалось о следующих конкретных мерах помощи Восточному фронту со стороны главкома: а) командующему фронтом предоставлялось право взять на месте из готовой продукции Ижевского завода 3000 винтовок на нужды фронта, б) в распоряжение фронта передавалась бригада 7-й дивизии из Ярославского — ближайшего к 3-й армии — военного округа. В отношении бригады в телеграмме была сделана оговорка: «...Она в стадии незаконченного формирования, и передача ее на фронт продиктована исключительно тем, что неудача 3-й армии может повлечь за собою весьма нежелательные последствия».

Ознакомившись с телеграммой²⁷, РВС фронта в лице Каменева и Смилги начертал на ней резолюцию: «Все выполнено, кроме резервов, которых нет»²⁸. Но так как в телеграмме речь как раз и шла о передаче фронту в качестве резерва целой бригады, то РВС фронта энергично добивается получения этой бригады.

Как известно, бригада (3-я) 7-й дивизии сосредоточилась на ст. Чепца (170 км западнее г. Перми) только к 8 января 1919 г., то есть через неделю после падения Перми, и к тому же была совершенно небоеспособна²⁹. Начатое по инициативе и указаниям В. И. Ленина важнейшее дело оказания своевременной помощи 3-й армии оказалось сорванным.

Только в конце декабря 1918 г., когда падение г. Перми и тяжелое поражение 3-й армии резко и весьма чувствительно вскрыли истинное положение дел в названной армии и на всем левом фланге фронта, главком и комфронта вынуждены были взяться конкретно за исправление создавшегося угрожающего положения.

29 декабря 1918 г. в г. Сарапул — в штаб 2-й армии — прибыли (проездом в штаб 3-й армии) командующий фронтом Каменев, член РВС фронта Смилга и начальник штаба Коленковский. В тот же день Смилга вызвал к прямому проводу командующего 3-й армией М. М. Лашевича. Состоявшиеся между ними переговоры* представляют большой интерес.

«Речь идет о восстановлении положения... сообщи положение и настроение ...назови рубежи, думаешь где

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 25, лл. 5—13.

остановиться, если неудача будет продолжаться еще дней десять, если вообще допускаешь какой-нибудь рубеж...» — таковы вопросы Смилги.

Указав примерное расположение войск армии, Лашевич продолжал: «...Вчера части 30-й дивизии, приняв наш казачий разъезд за неприятеля, оставили Юговский и Бимовский заводы. ...В армейском резерве — ничего. Настроение подавленное, части устали, измотались, но не могу сказать, чтобы настроение было безнадежное. Маленький отдых и хотя какой-нибудь успех — и возродятся. Рубежей, к сожалению, нет у нас, да и без наличия войск зимою их и быть не может. Были чудесные рубежи и позиции, на которых можно было месяцами отсиживаться, но никто в окопы при 30 градусах не садится. По моему убеждению, теперь рубежом служит каждая деревня в населенных местах. Части дерутся и отступают только после боя. Все, что севернее ж. д., отошло на населенные пункты, и здесь будут отходить шаг за шагом. Южнее — дело хуже. Только караульные команды для поддержки Каширина. Коммунаров — и тех всех бросил на фронт. Части Каширина (30-я дивизия) потрепаны, как и 29-я дивизия. Держится он только на своих старых бойцах по походу из Оренбурга. Таким образом, трудно сказать, на сколько дней удержим настоящее положение. Резервы из центра только подходят, в лучшем случае сосредоточатся дней через десять. Подумай с командармом второй, каким ударом ослабить нажим на Каширина».

После такой краткой, но весьма исчерпывающей и убедительной информации Каменеву и Смилге письменный доклад*, представленный им Лашевичем в г. Глазове (в штабе 3-й армии) о положении армии на 24 часа 2 января 1919 г., как особо оговорено в самом докладе, мало что добавлял³⁰. Заканчивался доклад Лашевича следующими словами: «Перечисленными имеющимися людскими средствами армии сохранить положение не представляется возможным. Для удержания общего положения армии необходима срочная присылка свежих частей».

На этой мысли сошлись все. На другой же день Каменев доносил об этом главкому: «...Задача восстановления положения 3-й армии, в частности, обратное взятие Перми определенно осознано командованием 3-й армии, причем

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 25, лл. 34—37.

командование 3-й армии, так же как и командование фронта, считает эту задачу вполне выполнимой. Но для этого необходимо теперь же сменить 29-ю и 30-ю дивизии частями, мало-мальски боеспособными, после чего 29-я и 30-я дивизии в двухнедельный срок будут приведены в полную боевую готовность и будут брошены для обратного овладения Пермью» *.

Через день в этом же духе была послана телеграмма В. И. Ленину комиссией ЦК из г. Вятки ³¹.

Таким образом, только в последних числах декабря — в первых числах января (с опозданием на месяц, если иметь в виду упомянутый выше запрос Смилги из Москвы о выезде комфронта в 3-ю армию) — РВС фронта, наконец, вплотную занялся положением на левом фланге: а) 29 декабря — совещание в г. Сарапуле с командармом 2; б) 2 января — совещание в г. Глазове с командармом 3; в) 3 и 4 января — телеграфные донесения главкому с изложением плана восстановления положения и с просьбой о присылке войск и г) 5—6 января в г. Вятке совещание у комиссии ЦК **.

Как явствует из приведенных цитат, вначале РВС фронта считает необходимым получить столько войск из центра, чтобы можно было сменить всю 3-ю армию и дать ей две недели на приведение себя в порядок, но потом — тут же — весь вопрос об исправлении положения свелся к получению одной «мало-мальски» боеспособной бригады, как выразился Каменев в телеграмме главкому. Такой мало-мальски боеспособной оказалась не только бригада, но и вся 7-я дивизия Ярославского военного округа. Вслед за прибывшей на ст. Чепца 3-й бригадой дивизии через ст. Арзамас проследовали 4 января головные части 1-й бригады, а 2-я бригада готовилась округом также к отправке. Эти данные показывают, что Ярославский военный округ мог выделить своевременно если не три, то во всяком случае одну боеспособную бригаду, при

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 25, лл. 40—42.

** 6 января 1919 г. в разговоре со штабом фронта по прямому проводу Каменев сообщил: «...Мы задержались в Вятке на целый день, так как встретили там комиссию Дзержинского и Сталина, которая сняла с нас опрос о положении на фронте, и в частности историю пермской неудачи. Там же Сталин сказал, что дело о нашем предании трибуналу окончено» (ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 25, л. 104).

условии, конечно, заблаговременного получения распоряжения и принятия самим округом энергичных мер к срочному выполнению задания.

З а к л ю ч е н и е

Вместе с календарным 1918 годом закончился на Восточном фронте крупный этап гражданской войны. Он должен быть назван этапом разгрома нами «демократической контрреволюции», так как главенствующую контрреволюционную роль сыграли в истекшем году эсеры и меньшевики. Они создали военно-политическую коалицию с белогвардейцами, вместе с ними и при помощи чешского корпуса образовали объединенный фронт всех антисоветских сил против Советской республики, подготовили приход к власти Колчака, служили министрами в его правительстве. Они вошли в связь с обоими существовавшими в то время империалистическими блоками — австро-германским и англо-франко-американским, — добиваясь вооруженной интервенции, стремясь превратить свою контрреволюционную борьбу против социалистической революции в России из вопроса национального, внутрироссийского в вопрос буржуазии всех империалистических государств.

В военном отношении первый этап характеризуется тем, что основную роль в нем сыграл мятеж чехословацкого корпуса. Потерпели крушение расчеты врагов Советов на то, что этим восстанием удастся с наскоку добиться крупных решающих успехов. Им удалось захватить большие пространства России, но жизненные центры и районы революции — центральные районы России — оказались недостижимыми. Не удалось корпусу отстоять Поволжье и Урал в качестве основной территории «Комуча». Не удалось корпусу оказать помощь готовившимся эсеров-кулацким мятежам как в бассейне р. Волги, так и в Прикамье. Крупнейшую роль в этом вопросе сыграли наши успешные военные действия на территории бывшей Уфимской губернии.

Но тем не менее мятеж сыграл крупную роль для всего дела контрреволюции на востоке. Об этом имеется свидетельство такого авторитетного в этих делах лица, как Колчак.

В отданном им 4 декабря 1918 г. приказе № 60 го-

ворилось: «1-я и 2-я чехословацкие дивизии своими исключительными подвигами и трудами в Поволжье, на Урале и в Сибири положили основу для возрождения востока России, проложили нам путь к Великому океану, откуда мы получаем теперь помощь наших союзников, дали нам время для организации Русской вооруженной силы» *.

Стратегические планы наших противников в этот период на Восточном фронте основывались на одном главном положении и проникнуты одной основной целью, наиболее ярко выраженной в приведенной выше директиве ген. Болдырева от 2 ноября 1918 г. — директиве, отданной за две недели до омского переворота и оказавшейся лебединой песнью «Директории». Больше всего в этой директиве говорится о войсках союзников. Болдырев не ищет решающих сражений с Красной Армией. Он понимает, что «Народная армия» (даже в союзе с чехословацким корпусом) для такой задачи не пригодна. Основной замысел всех его оперативных приказов и стратегических планов — создать единый фронт с войсками союзников на любом театре военных действий. Именно поэтому в директиве от 2 ноября малочисленная и слабая «Народная армия» получает сразу четыре направления наступления, абсолютно расходящихся между собой: а) на г. Ташкент — г. Верный; б) на г. Пермь — г. Вятку; в) на г. Гурьев к Каспийскому морю для связи с Бичераховым и г) на Нижнюю Волгу — г. Саратов и г. Астрахань — для связи с Доном и через него с армией ген. Алексева. Вместо того чтобы собрать силы в кулак и попытаться дать отпор Красной Армии, успешно наступающей на уфимском — наиболее угрожаемом в начале ноября, в момент отдачи директивы, направлении, ген. Болдырев, наоборот, еще больше разбрасывает свои и без того слабые силы. Нельзя, конечно, эти планы объяснять стратегическими ошибками или просчетами. Военные планы Болдырева — продолжение той же политики ориентации целиком и полностью на союзников. Основная цель приказов Болдырева — установить взаимодействие с войсками Антанты, втянуть их в боевые операции, получить материальную помощь и моральную поддержку для своей разваливающейся «Народной армии»; из четырех направ-

* ЦГАОР, ф. 292, оп. 1, л. 118, л. 56.

лений наступления где-нибудь ведь должно это удался, иначе полнейший крах неизбежен³².

Итак, в основе всех и политических и военных планов, а также в основе практической деятельности наших противников на востоке России в тот период лежала отчетливо выраженная концепция: свергнуть Советы и оккупировать жизненные центры России в состоянии только армии союзников. Для прикрытия истинных контрреволюционных целей интервентов российская «революционная демократия» в лице меньшевиков и эсеров выдвигает лозунги: защита России от немцев, борьба за Учредительное собрание и т. п.

Собственным, пока слабым, белогвардейским вооруженным силам в этих планах отводилась подсобная роль.

В приведенном выше докладе нашего главкома о стратегическом положении Республики этой стороне вопроса почти совершенно не уделено внимания. Поскольку объектом нашего исследования является Восточный фронт, целесообразно на рассмотрении действий отдельных армий этого фронта проследить вопрос о том, были ли выполнены основные задачи, поставленные главкомом в упомянутом докладе.

В целях более краткого изложения и удобства сопоставления данных по этому вопросу мы свели их в таблицу (см. стр. 39).

Как видно из таблицы, ближайшие стратегические задачи Восточным фронтом выполнены, и тем не менее положение на фронте нельзя назвать благополучным. Более того, положение на левом крыле таково, что сам фронт уже не в состоянии справиться с ним и нуждается в срочной помощи центра, чтобы предотвратить угрозу соединения северной и сибирской групп противника и захвата ими выгодных для операции на Москву исходных рубежей.

Возникает вполне законный вопрос: как могло случиться, что из пяти армий Восточного фронта только одна — 5-я армия полностью выполнила поставленную ей задачу, фронт же в целом оказался в положении более тяжелом, чем было три месяца назад, когда, одержав решительную победу на Волге, он продолжал энергично и успешно развивать достигнутые успехи?

В докладе главкома от 7 октября предусматривалось усиление Южного — решающего в тот период — фронта

Армия	Задачи по директиве фронта от 8 октября и докладу главкома от 7 октября 1918 г.	Фактически выполнено на конец 1918 г.
3-я армия	Продолжать решительное наступление, имея конечной целью занятие района г. Екатеринбург	Армия отброшена за 300—350 км на запад, понесла тяжелое поражение, потеряла боеспособность, вместо решительного наступления — потеря Перми, всего горно-заводского Урала и продолжающийся отход на запад
2-я армия	Ликвидировать Ижевско-Воткинское восстание и оказать содействие 3-й армии ударом или на Екатеринбург — Челябинск или на Уфу — Челябинск	Восстание подавлено, но тут же армия фактически расформирована; осталась в армии одна дивизия, которая не в состоянии выполнить даже ограниченную задачу очистки Прикамья от противника
5-я армия	Конечная цель — овладеть г. Уфой	Задача полностью выполнена — район г. Уфы занят 31 декабря 1918 г.
1-я армия	После овладения районом г. Самары преследовать противника в направлении г. Белебей — г. Бугуруслан, имея конечной задачей овладение г. Уфой	Города Бугуруслан и Белебей заняты, но две дивизии выведены в резерв главкома, и только одна Пензенская дивизия временно продолжает наступление с задачей обеспечить правый фланг 5-й армии до выхода к узловой ст. Чишма
4-я армия	Главными силами нанести удар в направлении г. Бузулук — г. Оренбург, а правым флангом наступать на г. Уральск. Установить связь с Туркестаном	Так как при постановке задачи ни конкретных рубежей, ни точных сроков их занятия указано не было, то нет критерия для оценки успешности действий армии. Город Уральск еще не занят, а до Оренбурга еще свыше 150 км

Республики только за счет тыловых формирований. Не говорилось ни слова о снятии войск с Восточного фронта для усиления Южного, не говорилось также ни слова о каком-либо другом способе взаимодействия между названными фронтами, к примеру, путем изменения разграничительных линий, поворота 4-й армии на юг с передачей ее

направления 1-й армии и т. д. В докладе весь упор был сделан на усиление Южного фронта тыловыми формированиями. Между тем на деле главком снял с Восточного фронта для переброски на юг и в Прибалтику свыше 25 тысяч человек. А так как это было сделано в сверхсрочном порядке под давлением тяжелой обстановки на других фронтах, то результаты получились крайне отрицательные. Оказалось, что наибольшие силы сняты с крайнего левого крыла фронта, то есть как раз с того направления, на котором противник не только готовился к крупной операции, но уже с октября фактически ее проводил, тесня войска 3-й армии. Хаотическое выдергивание войск имело еще одно отрицательное последствие. В основе доклада главкома и упомянутой директивы комфронта лежит одна весьма ясно выраженная мысль: главная операция фронта — удар левым флангом на юго-восток (на г. Екатеринбург — г. Челябинск) с использованием выгодной конфигурации линии фронта и нависающего, далеко выдвинутого вперед на восток положения 3-й армии. Дважды подчеркивал эту мысль главком в своем докладе, указывая, что 2-я армия получит задачу содействия 3-й армии, для чего ей будет дан приказ нанести главный удар или на Уфу — Челябинск или на Екатеринбург — Челябинск. От всех этих соображений, предположений и планов не осталось и следа по той же причине выхватывания войск из всех армий Восточного фронта.

Строго придерживаясь объективности в историческом исследовании и не преследуя цели найти «виновных», а единственно стремясь дать исторически правдивое освещение событий для извлечения из него поучений и уроков, мы должны констатировать:

а) одержанная Красной Армией на р. Волге и тогда же отмеченная В. И. Лениным крупнейшая победа — разгром первого натиска интервентов и белогвардейцев с востока на Советскую республику — не была понята и правильно использована ни с точки зрения оперативных задач самого Восточного фронта, ни с точки зрения решения основной стратегической задачи всех вооруженных сил Республики в тот период — обрушиться всеми силами на армию Краснова и уничтожить ее прежде, чем успеют вступить в дело многочисленные враги на других фронтах, и благодаря победе над Красновым открыть путь

к продовольствию, топливу и высвободить силы для других фронтов;

б) указанный в предыдущем пункте крупный стратегический просчет нашего командования привел к еще более серьезным просчетам и нарушениям на Восточном фронте: приостановка энергичного наступления после победы на р. Волге, неиспользование выгодной конфигурации линии фронта на левом крыле, ослабление всех армий фронта и, как следствие этого, отсутствие крупных группировок наших сил и резервов и возможности оперативного взаимодействия между армиями фронта.

Особо следует подчеркнуть, что ни в упомянутом докладе главкома, ни в других относящихся к тому времени стратегических директивах главкома вопросы взаимодействия фронтов и стратегического маневрирования вообще не поднимались и задачи такого порядка фронтам не ставились, а решались в каждом отдельном конкретном случае особым распоряжением.

Положительными результатами, достигнутыми за тот же первый этап, следует признать:

а) окончательный разгром эсеров-меньшевистской «демократии» вследствие разоблачения меньшевиков и эсеров как союзников белогвардейцев и агентов империалистических государств;

б) политический и военный разгром объединенных белогвардейских и чехословацких войск, приведший к политическому расколу среди них и ускоривший снятие с Восточного фронта всех иностранных войсковых частей;

в) поворот крестьянства в сторону Советской власти, так как после чехословаков «настроение даже зажиточных крестьян круто изменилось в пользу Советской власти, ибо чехословаки дали им жестокий предметный урок» *.

Отмеченные выше политические и военные события имели крупнейшее значение прежде всего для Восточного фронта. Но не они определяли общее военно-политическое положение нашей Республики к началу нового, 1919 года.

Закончившийся 1918 год вошел в историю не только как первый год гражданской войны. Это — год принятия партией важнейших исторических решений и осуществления крупнейших мероприятий по переводу страны на военное положение, по строительству Красной Армии. Речь

* В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 29.

идет не о мероприятиях, направленных на создание и укрепление того или другого из многочисленных фронтов. Мы имеем в виду решения и меры общеполитического и общегосударственного порядка.

В соответствии с задачами нашего исследования необходимо остановиться вкратце на следующих вопросах:

а) в 1918 г. ожесточенная классовая борьба велась под руководством партии не только вооруженной силой против войск интервентов и белогвардейцев. Одновременно и параллельно с этой борьбой шла не менее ожесточенная борьба во всех областях жизни страны. Фронты политической классовой борьбы существовали везде: был фронт продовольственный, фронт идеологический, фронт в промышленности, на транспорте, на селе и т. д. Борьба на этих фронтах лишь в исключительных случаях принимала формы вооруженных столкновений, но она велась с неменьшим напряжением. Теснейшая взаимозависимость и взаимодействие между этими фронтами не требуют доказательства. Успех или неудача на одном из них тотчас же отражались на положении другого фронта. Наиболее ярко это обнаружилось на фронте борьбы за крестьянство, вернее говоря, за организацию и сплочение деревенской бедноты, разгром кулачества, за поворот середняка в нашу сторону и заключение с ним военно-политического союза;

б) в первый период гражданской войны первостепенное значение для победы имел прифронтовой тыл, оказывавший непосредственное влияние на ход военных действий быстрее и сильнее, чем тыл глубокий. Организованные по решению и под руководством партии комитеты деревенской бедноты сыграли в этом вопросе крупнейшую роль на театре военных действий. Именно этим следует объяснить то большое внимание, которое уделялось созданию и руководству комбедами со стороны партийных и политических органов армий Восточного фронта, а также местных партийных организаций. Так, к примеру, в одной из сводок политического отдела 5-й армии говорится, что за период нашего наступления от р. Волги к Уралу в одном только Белебеевском уезде, Уфимской губернии, было организовано 679 комитетов деревенской бедноты. Благодаря этому даже в самые тяжелые для нас периоды Уфимской операции тыл 5-й армии был надежен. Там же, где организации комбедов, партийных и

советских органов и их работе не уделялось должного внимания, врагам удавалось использовать в ближайшем тылу наших войск враждебные Советам элементы для мятежей, создания банд, порчи связи, распространения провокационных и панических слухов и для диверсионных актов, как это показали события во время Пермской операции;

в) декрет от 2 сентября 1918 г., объявивший Советскую республику единым военным лагерем, был, с одной стороны, как бы итоговым документом о проделанной уже в военном строительстве работе, а с другой стороны, *содержал развернутую программу по конкретным вопросам перестройки хозяйства и всей жизни страны для удовлетворения всех нужд фронта*. Были изданы декреты о национализации всей крупной и средней промышленности, поставлена под контроль мелкая промышленность, установлена хлебная монополия и введена продовольственная разверстка, введена трудовая повинность для всех граждан страны, введено обязательное всеобщее военное обучение («Всеобуч»), введен военный режим на транспорте и в промышленности, установлена строжайшая централизация во всех вопросах управления. 19 августа был издан декрет об объединении всех вооруженных сил Республики, декрет о создании Революционного Военного Совета Республики и об учреждении должности главнокомандующего войсками Красной Армии*. 30 ноября 1918 г. принято постановление ВЦИК об организации Совета рабочей и крестьянской обороны под председательством В. И. Ленина. Отменен принцип создания добровольческой Красной Армии и опубликованы декреты о строительстве миллионной регулярной Красной Армии и о мобилизациях и призывах на военную службу. Начато создание сети учебных заведений для подготовки комиссарского и командного состава для армии. Отмеченные мероприятия проводились партией в порядке советского и военного строительства. Вся эта работа партии шла одновременно с широко развернутой и интенсивно проводившейся партийной и политической работой, и поэтому глубоко ошибочна и порочна постановка вопроса (еще встречающаяся у нас) о том, где начиналась и где кончалась ра-

* 8 мая 1918 г. был создан Всероглаштаб, ведавший вопросами мобилизаций, формирований, устройства и обучения войск; 11 ноября был образован Полевой штаб Республики.

бота партии, к примеру, в таких вопросах, как проведение мобилизаций, составление стратегических планов, ведение решающих крупных операций и т. д. *Лето 1918 г. вошло в историю как время первых массовых партийной, профсоюзной и комсомольской мобилизаций на фронт*, принявших особенно широкие размеры после июльского письма ЦК партии, подчеркнувшего, что «вопрос о судьбе революции решается там, на Волге и Урале». Опережая мобилизационную работу военного ведомства, эти добровольные специальные мобилизации обеспечили победу Восточному фронту над чехобелыми на р. Волге и на путях к Уралу.

Таковы вкратце решения и мероприятия партии, легшие в основу подготовки Советской республики к решающим операциям нового, 1919 г. и определившие наше военно-политическое положение в канун его.

Глава 2

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА К ВЕСНЕ 1919 г.

(Схема 4)

1. Поворотный момент в планах интервентов и белогвардейцев на 1919 г.

6 января 1919 г. Колчак отдал директиву № 779. В ней было сказано: «...Западному фронту генерала Сыровый закрепить обладание пермским районом. Пермь безусловно удержать в наших руках. Закончить операцию в Соликамском районе... В кратчайший срок разбить большевистские пятую и первую армии и овладеть районом г. Уфы — г. Бугуруслана; 2) Оренбургской отдельной армии обороняться на туркестанском направлении и овладеть г. Бузулуком, конницу направить в тыл противнику, действующему в районе городов Уфа — Стерлитамак... 3) Уральской отдельной армии содействовать генералу Дутову наступлением на соболевском направлении* и оборонять границы Уральской области»**.

Как уже было отмечено, решение о нанесении главного удара на пермском направлении было принято за несколько месяцев до прихода к власти Колчака. Это был не его план, а план его предшественника.

Осуществление этого плана дало белым уже в самом начале крупные успехи:

1) красные войска отброшены на несколько сот километров на запад и понесли тяжелые потери;

2) Пермь взята и при этом захвачено много пленных и крупные по тому времени трофеи. По, несомненно, преувеличенным данным штаба Сибирской армии, они со-

* Соболев — населенный пункт в 90 км севернее г. Уральска на пути в г. Бузулук.

** ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 10, л. 92.

ставили за всю Кушва-Пермскую операцию около 32 тысяч пленных, 123 орудия, более 1000 пулеметов, 9 бронепоездов, несколько миллионов патронов, свыше 5000 вагонов и «много видных советских деятелей в г. Перми», как особо подчеркивалось в донесениях *;

3) обе основные дивизии 3-й армии (29-я и 30-я) разбиты, боеспособность их утеряна в значительной степени, сопротивление их все больше слабеет;

4) в тылу открытого левого фланга 3-й армии в ряде волостей Верхтуринского уезда действовали белопартизанские отряды, установившие связь с районами Ижевского и Воткинского заводов, где только в октябре были подавлены крупные контрреволюционные мятежи и еще действовали подпольные антисоветские группы.

И в этот момент, когда всякому элементарно грамотному в военном отношении человеку ясно, что надо стремиться во что бы то ни стало использовать достигнутые успехи и напрячь все силы для продолжения энергичного наступления на вятском направлении и далее для соединения с северной группой союзников, Колчак отдал директиву, значение которой для всего дальнейшего хода борьбы на Восточном фронте вряд ли можно переоценить.

Естественно, немедленно встает вопрос: что же побудило Колчака отказаться от пермского направления, несмотря на достигнутые успехи и многообещающие перспективы их развития?

У нас нет какого-либо документа, который давал бы прямой и ясный ответ на поставленный вопрос. Поэтому, чтобы установить соображения и мотивы, в силу которых директива № 779 была отдана, необходимо тщательно рассмотреть последовавшие после отдачи директивы действия белогвардейцев, а также приказы Колчака.

Директива заканчивалась словами:

«...Общий оперативный приказ будет издан по достижении соглашения с союзным командованием»³³.

2. Итоги нашего контрнаступления для ликвидации «Пермской катастрофы»

Результатом всех указанных в главе 1 высокоавторитетных совещаний нашего командования было принятие

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 112, л. 16.

командующим фронтом Каменевым решения: сдерживая противника упорной обороной 3-й армии на Глазовском и Оханском направлениях, нанести левому флангу и тылу действующего на указанных направлениях противника сильный удар главными силами нашей 2-й армии в направлении на г. Кунгур. С этой целью в районе ст. Агрыз — Воткинск должны быть сосредоточены семь полков за счет подвозимых резервов и передачи бригады 4-й дивизии из 5-й армии. Содействовать указанной ударной группе 2-й армии должна ударная группа левого фланга 5-й армии наступлением из района г. Бирска в общем направлении на Явгельдин — г. Красноуфимск.

С выполнением указанного плана связывались большие надежды: Сибирской армии противника будет нанесено тяжелое поражение, положение под Пермью будет восстановлено и развернется успешное наше наступление на Екатеринбург.

Так как наличных сил для выполнения задуманной операции мало, принимаются исключительные меры. Из глубокого тыла во 2-ю и 3-ю армии было влито около 25 000 человек пополнения. Кроме того, мобилизация на месте дала около 15 000 человек, главным образом рабочих. Благодаря этому, а также прибытию отдельных соединений общая численность 2-й и 3-й армий на 20 января достигла 63 000 человек³⁴. Ударная группа 5-й армии насчитывала около 4000 человек. Всем этим силам (около 45 тысяч штыков и сабель) противостояла Сибирская армия — около 38 000 * — и правофланговые части 2-го Уфимского стрелкового корпуса Западной армии (на стыке между 5-й и 2-й армиями) — около 4000 человек, а всего около 42 — 45 тысяч штыков и сабель.

В силу ряда обстоятельств общее наступление 2-й и 3-й армий и ударной группы 5-й армии могло начаться только 19—21 января. Уже к 28 января оно закончилось. За десять дней нашего контрнаступления части 3-й армии продвинулись на 10—20 км, части 2-й армии — на 20—50 км, а ударная группа 5-й армии — на 35—40 км. Наши потери составили около 4300 человек, а трофеев — 4

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 112, л. 16. Численность дана на 31 декабря. К началу нашего общего контрнаступления она должна была уменьшиться на 8—10 тысяч бойцов.

орудия и 19 пулеметов. В плен было захвачено 386 солдат и офицеров противника, всего противник потерял около 4000 человек.

Ни одна из поставленных командующим фронтом задач выполнена не была. Пермский район остался в руках противника.

О продолжении нами операции и овладении районом Екатеринбургa думать уже не приходилось. В наступление были брошены крупные силы, собранные с большим трудом, достигнуты же были весьма скромные результаты. Если при их оценке принять во внимание ослабление Сибирской армии белых вследствие снятия с фронта нескольких соединений (см. стр. 51), то мизерность наших успехов удивительна.

Главное было не в том, конечно, взято ли на сотню — другую пленных больше или меньше, продвинулись ли мы на десяток километров дальше или нет. По замыслу нашего командования контрнаступление должно было прежде всего дать крупный оперативный успех на всем левом крыле фронта и благодаря этому резко изменить в нашу пользу обстановку на всем Восточном фронте. Этого не произошло. Более чем скромные (по сравнению с брошенными в наступление силами) результаты были только тактическими успехами, которые не могли быть развиты в успех оперативный.

Ничего в этом отношении не могли исправить тяжелые бои, продолжавшиеся на фронте всех трех названных выше наших армий почти в течение еще целого месяца с переменным успехом на разных участках.

Контрнаступление поглотило все, что центр мог дать Восточному фронту и что сам фронт сумел собрать на месте; в связи с этим остальные армии фронта не могли быть своевременно подкреплены ни маршевым пополнением, ни отдельными частями войск, что в дальнейшем сказалось на действиях центра и правого фланга фронта.

Стоит только сравнить создавшееся к концу февраля 1919 г. положение: а) на фронте Сибирской армии с тем, какая задача была ей поставлена Колчаком, и б) на фронте наших 2-й и 3-й армий и ударной группы войск 5-й армии с тем, какая задача была поставлена им нашим командованием, — и мы должны будем признать, что успех был на стороне белых.

3. Образование Западной (ударной) армии генерала Ханжина

Директива № 779 была адресована главнокомандующему Западным фронтом чеху ген. Сыровый, но уже было известно, что управление фронта будет расформировано и должны быть образованы две отдельные армии:

1) Сибирская армия ген. Гайда — в ее состав включались все войска, действующие против наших 3-й и 2-й армий в полосе севернее рек Белой и Камы (до впадения последней в р. Волгу) — г. Бирск — Явгельдин;

2) Западная армия ген. Ханжина — из войск, действовавших южнее указанной линии. Южная граница армии Ханжина шла примерно через г. Стерлитамак — г. Бугуслан.

Приказ о формировании Западной армии был отдан 31 декабря 1918 г. Ее командующий — генерал-лейтенант артиллерии старой армии Ханжин, участник совещаний в г. Екатеринбурге и г. Челябинске, где обсуждался вопрос о дальнейшем плане действий и было принято решение, нашедшее свое выражение в директиве № 779, — был в курсе обстоятельств и соображений, вынудивших Колчака отдать указанную директиву. Задача разбить наши 5-ю и 1-ю армии возлагалась по директиве № 779 на Ханжина, но Западной армии как ударного кулака в это время еще не было — она существовала пока только на бумаге.

По приказу Колчака в ее состав должны были войти остатки бывшей «Народной армии Директории», состоящие из следующих групп:

1) Камская группа ген. Люпова, прикрывающая направление г. Мензелинск — г. Бирск. Группа состояла из Воткинской дивизии и Сводной Уфимской дивизии — всего около 17 500 человек;

2) Самарская группа ген. Войцеховского, прикрывающая основное — железнодорожное направление г. Уфа — г. Златоуст. Группа состояла из 4-й Уфимской и Волжской пехотных дивизий — всего около 11 000 человек;

3) 3-й Уральский стрелковый корпус в составе 6-й и 7-й Уральских дивизий горных стрелков. 6-я дивизия находилась в стадии формирования в районе Златоуст — Миасс, 7-я же дивизия уже с конца октября действовала

временно в составе Сибирской армии, где за нею установилась слава одной из лучших ударных дивизий;

4) 6-й Уральский стрелковый корпус генерала Сукина в составе 11-й и 12-й Уральских стрелковых дивизий. Из них 12-я дивизия также находилась временно в составе екатеринбургской группы в районе г. Екатеринбурга *.

По численности указанные войсковые соединения значительно превосходили нашу 5-ю армию, но они не были пригодны для роли ударного кулака ни по своей боеспособности, ни по организации. В этих условиях поставленная Ханжину 6 января задача разгрома 5-й и 1-й красных армий должна быть признана только стратегической директивой на будущее. Для выполнения ее требовалось: а) срочными мерами надежно обеспечить за собою находящиеся в непосредственном тылу войск перевалы через Урал, обладание которыми имело первостепенное оперативное значение для подготовки и проведения начального этапа предстоящего большого весеннего наступления, и б) создать из назначенных в армию войск боеспособные и сколоченные соединения, пригодные для роли ударного кулака.

Только 3 марта 1919 г. Ханжин смог отдать приказ о начале наступления. Нет надобности вдаваться в подробное рассмотрение причин, почему наступление могло быть начато только через два месяца после отдачи директивы № 779. Для нашего исследования достаточно указать на следующие основные обстоятельства.

Директива № 779 совпала по времени ее отдачи с периодом реорганизации Колчаком всего военного дела, и в частности действующей армии. 13 декабря 1918 г. им был отдан приказ, предусматривающий разделение всей территории Сибири и Дальнего Востока на тыловые военные округа³⁵. 3 января 1919 г. был опубликован обширный приказ № 94, детально предусматривающий коренное переустройство армии. Установленное приказом боевое расписание вооруженных сил очень подробно предусматривало, какие части подлежат расформированию, какие развертыванию и за счет каких именно частей, сколько должно быть создано дивизий, корпусов, какие и где должны быть созданы запасные и кадровые части и т. д.

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 5, л. 131.

Вполне понятно, что в этих условиях требовалось значительно больше времени на создание Западной армии.

Приняв решение перейти к обороне на пермском направлении и обрушиться всеми силами на центр нашего Восточного фронта, белое командование энергично берется за его осуществление.

Командующий Сибирской армией Гайда выделяет только два полка 5-й пехотной дивизии для действий против нашей Усольской группы 3-й армии севернее г. Перми. Преследование главных сил 3-й армии на фронте г. Глазов — г. Оханск возлагается только на одну 2-ю Сибирскую пехотную дивизию. Действовавшие на этом направлении шесть чешских полков снимаются с фронта и отводятся в тыл в район г. Кунгура; с этого времени ни одна более или менее крупная часть чехословацких войск больше не принимает участия в боях с регулярными войсками Восточного фронта. Снимаются с фронта и отводятся в тыл для отдыха и пополнения две пехотные дивизии — 4-я и 1-я Сибирские, подготавливается также смена 3-й Иркутской пехотной дивизии, сильно пострадавшей в период Пермской операции.

Из состава Сибирской армии подлежат передаче в Западную две пехотные дивизии и одна бригада. Одна из этих дивизий, а именно 12-я Уральская, была переброшена из-под г. Екатеринбурга в г. Уфу по железной дороге и с ходу по частям брошена в бой против нашей 5-й армии в конце декабря 1918 г. для прикрытия уральских перевалов. Это означало, что 12-я дивизия была для Ханжина потеряна как крупное соединение, которое должно было войти в состав создаваемого ударного кулака. Вторым включенным в Западную армию соединением была 7-я Уральская дивизия горных стрелков — около 7000 штыков. От времени прибытия 7-й дивизии в Западную армию зависело в известной степени начало операции Ханжина против 5-й армии³⁶. Между тем Гайда не торопился с передачей, находя оправдание задержки дивизии на своем фронте в ухудшающейся обстановке, вызванной нашим упомянутым выше контрнаступлением.

Если задержка 7-й дивизии сыграла известную роль в оттяжке начала наступления Западной армии, то несравнимо более крупное значение имели события, разразившиеся на крайнем южном крыле фронта белых.

На состоявшемся в январе 1919 г. в г. Челябинске под

председательством Колчака военном совещании атаман всех Оренбургских казачьих войск и командующий отдельной Оренбургской казачьей армией генерал Дутов доложил, что вверенная ему армия вполне боеспособна, что лояльность и надежность подчиненных ему башкирских войск не вызывает у него сомнений и что поэтому левый фланг фронта, и в частности левый фланг Западной армии генерала Ханжина, будет не только надежно обеспечен, но генерал Ханжин может вполне рассчитывать на активное и серьезное содействие со стороны Оренбургской армии.

Вопрос о башкирских войсках возник не случайно. Не входя в подробности, достаточно отметить, что в числе прочего «наследства» Колчак получил от своих предшественников корпус башкирских войск. В собственном смысле слова корпуса как такового вообще не было. Был организован штаб башкирских войск из русских офицеров. Командиром корпуса числился ген. Савич-Заблотский. По данным штаба, значилось 5 пехотных и два кавалерийских полка и большое количество кантонных команд партизан — в общей сложности около 5000 человек³⁷.

Имелось, однако, одно очень неприятное для белых обстоятельство. Вместе с корпусом кочевало Башкирское национальное правительство, возглавлявшееся местным уроженцем сельским учителем Валидовым. Колчаку приходилось до поры до времени «терпеть» существование правительства Башкирии, дабы не потерять башкирские войска и не обнаружить сразу же свои истинные великодержавные цели.

Гражданская война — война классов, война угнетенных против угнетателей. Мудрая ленинская национальная политика не могла не найти отклика среди обманутых масс трудового населения Башкирии³⁸. 19 февраля злополучный командир башкирского корпуса докладывал по прямому проводу начальнику штаба Западной армии генералу Щепихину, что он и состоящие в штабе корпуса русские офицеры были в селе Баймак арестованы по распоряжению Валидова, что Валидовым отдан приказ поголовно уничтожить всех русских офицеров и что только чудом ему, генералу Савич-Заблотскому, и небольшой части офицеров штаба удалось вырваться из-под ареста и спастись, добравшись до села Кизильская *. Из всего кор-

* С. Кизильская — в 100 км восточнее завода Кананикольский.

пуса с ним отошли в названный пункт только солдаты первого башкирского полка*.

Совершенно неожиданно для Колчака там, где числился на фронте башкирский корпус, оказалось пустое место. Более того, теперь уж нужно было считаться с тем, что перешедшие на сторону Советов башкирские части будут действовать совместно с войсками Красной Армии. Потеря войск означала потерю сочувствия и поддержки населения. Это была крупная брешь в военных и политических расчетах Колчака накануне Уфимской операции.

Еще хуже сложилось дело в Оренбургской армии.

Говоря об отдельных Уральской и Оренбургской армиях, следует прежде всего иметь в виду, что речь не идет об армиях в обычном понимании этого слова, обозначающем временное оперативное объединение общевойсковых соединений — единиц оперативного расчета — под одним командованием.

По времени своего возникновения и по мотивам формирования Уральская и Оренбургская армии относятся к тому отмеченному выше периоду, когда на окраинах России возникали многочисленные контрреволюционные правительства, стремившиеся прежде всего создать свое собственное войско. В отношении принципов организации и классовой принадлежности личного состава названные армии имели свои особенности.

Они возникли как армии казацки, образовавшиеся по территориальному и сословному признаку на базе бывших Оренбургского и Уральского казачьих войск. Организаторы этих армий полагали, что лучшая гарантия против проникновения идей Октября и классовой борьбы в массы казачества — всячески возбуждать и поддерживать кастовый дух и былые традиции «войска» как военно-сословной организации, сильной и сплоченной тем, что она крепко держится за «дарованные» ей царем вольности и привилегии и благодаря этому политически замкнута и изолирована от масс окружающего ее населения. Именно этим объясняется то обстоятельство, что в относящихся к 1918 г. документах с боевым расписанием войск названных армий, наряду с перечислением полков и дивизий, указываются всегда списки отдельных дружин, сотен и команд, организовавшихся по признаку отдельных

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 34, л. 8.

казацких станиц, отделов и округов. Но уже в самом замысле сплотить массы трудового казачества вокруг идеи возрождения былого значения и роли «бесклассового войска» была заложена причина его поражения. «Одной из важных причин неудачного исхода боевых операций армии за последние два месяца, — вынужден был писать в приказе от 18 марта 1919 г. ген. Дутов, — является моральное разложение некоторых казацких конных частей, особенно из 1-го округа. Наблюдаются повышенная нервность, нежелание драться вообще и в пешем строю в особенности, отсутствие дисциплины...» *

Еще хуже обстояло дело в Уральской казацкой армии, о чем свидетельствует следующая выдержка из разговора Дутова с уполномоченным Оренбургского войска при ставке Колчака. «Проезжавшие от Деникина, — заявил в этом разговоре Дутов, — к Колчаку два офицера рассказывали, что уральцы перед рождеством почти все разъехались на праздники и ловлю рыбы. Сам начальник штаба армии говорил: «Полков у нас 19, но в полку не больше 150 шашек... дисциплины никакой... выборное начало... митинги... неисполнение приказов... самовольные уходы с позиции, комитеты в частях... Сотнями и дружинами часто командует писарь или фельдшер, а офицеры за урядника...» **.

Процесс революционизирования и классового расслоения в казацких войсках ширился и углублялся — приостановить его не могли никакие призывы и ухищрения белогвардейской верхушки казачества ³⁹.

Как видно из приведенных выдержек из белогвардейских документов, вслед за башкирским корпусом слабым местом Западного фронта Колчака оказались Оренбургская и Уральская казацкие армии. Успешное наступление нашей 1-й армии в январе 1919 г. создало угрозу Оренбургу. 16 января Колчак вынужден был отдать директиву № 28/Ш, начинающуюся словами: «В целях спасения Оренбурга...»***. Директивой предлагалось командующему Западной армией нанести удар в стерлитамакском направлении и продолжать наступление в юго-западном — в тыл наступающим на Оренбург красным; одно-

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 23, л. 171.

** Там же, д. 7, л. 183.

*** Там же, д. 10, л. 86.

временно подтверждалась Ханжину необходимость продолжать энергично готовиться к выполнению основной задачи Западной армии по директиве № 779. Предусматривалась также переброска войск из Сибармии на помощь Дутову. Но спасти Оренбург оказалось уже невозможно⁴⁰.

Падение Оренбурга 22 января 1919 г. усилило развал армии Дутова. Вслед за Оренбургом наступил черед г. Орска.

26 февраля Дутов, разуверившись в получении реальной помощи от ставки, обращается непосредственно за немедленной помощью к командующему Западной армией ген. Ханжину: «...Части 2-го конного Оренбургского казачьего корпуса, не оказывая никакого сопротивления противнику, отошли. ...Положение г. Орска катастрофическое, некоторые части совершенно вышли из подчинения. Есть случаи грабежа складов, транспортов... Невозможно учесть, во что выльется операция...» *

Таким образом, в самый разгар формирования Западной армии и подготовки ее к решительному наступлению левый фланг всего Западного фронта Колчака начал разваливаться; выполнение директивы от 6 января оказалось под угрозой срыва. Следующий разговор начальника штаба Западной армии ген. Щепихина с генерал-квартирмейстером штаба верховного главнокомандующего полковником Церетелли показывает, какое значение белогвардейское высшее командование придавало создавшемуся положению.

«Оренбургская армия, — заявил Щепихин, — больна, почти все заражены политикой, а потому рассчитывать на серьезную работу ее трудно... внутреннее положение ее вызывает серьезные опасения. Я должен теперь признать, что при обсуждении общего плана здесь, в Челябинске, в присутствии верховного, мы были введены — быть может, вполне добросовестно — командующим Оренбургской армией генералом Дутовым в заблуждение как относительно общего состояния армии, так и, в частности, относительно башкирского участка. Основываясь на докладе генерала Дутова, что все обстоит благополучно и что с башкирами он справится, — и был принят план, который я назову средним, так как он учитывал нанесение глав-

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 34, ч. II, л. 248.

ного удара по центру на Уфу. Два крайних плана в то время отпали по различным причинам: план Гайда — нанесение главного удара в районе его армии — потому, что слишком район удара удален от района, где нужна помощь. Второй крайний план, который, быть может, по обстановке данного момента теперь и надо принимать, — именно сосредоточение главного удара от г. Троицка и Верхнеуральска по Башкирии (наиболее решительно и быстро приводящий к результатам) — тогда не был принят ввиду удовлетворительного, по освещению генералом Дутовым обстановки, положения... и было принято известное уже вам решение»*.

Разговор закончился тем, что Щепихин от имени командарма Ханжина просит ставку принять срочные меры к усилению Оренбургской армии свежими пехотными частями из тыла, так как Западная армия не имеет под рукой войск, которые могли бы быть посланы. «...Иначе к моменту начала операции на Уфу можно быть вынужденным поспешно обессилить занесенный удар и скомкать всю операцию», — этими словами Щепихин закончил свой доклад, подчеркнув, что из-за неустойчивости Оренбургской армии возникает серьезная угроза флангу и тылу Западной армии.

Не довольствуясь этим докладом начальника штаба армии, Ханжин сам посылает телеграмму Колчаку по этому же вопросу. В телеграмме говорится, что последние военные неудачи Оренбургской армии привели к расколу войскового круга и армии; многие видят в генерале Дутове виновника всех бед и требуют устранить его от всякого влияния, причем полки 2-й Оренбургской казачьей бригады поднялись и идут, чтобы силой ликвидировать войсковой круг — послушный аппарат в руках Дутова. Другая же часть войска и населения видит в атамане единственного спасителя и по его примеру придерживается японской ориентации. Шифрованная телеграмма с этим сообщением была послана 3 марта, а через день — 5 марта — Ханжин снова телеграфирует начальнику штаба Колчака и просит срочно направить в район г. Троицка части формирующегося в Западной Сибири Волжского корпуса ген. Каппеля, так как 1-й и 2-й казачьи корпуса армии Дутова вышли из подчинения.

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 34-В, лл. 3—8.

Несмотря на повторные доклады и просьбы Ханжина и Щепихина, а также несмотря на продолжающийся развал казачьих частей, Колчак приказал Ханжину обеспечить свой левый фланг своими собственными силами и не оказал за счет тыловых формирований никакой помощи Дутову.

Еще 3 февраля по приказу Ханжина все действующие южнее условной линии (г. Бугуруслан — г. Белебей — ст. Шингак-куль — Новотроицкое — гора Карагай Тау)* и далее до границы с Оренбургской армией части были сведены в один корпус — Сводный Стерлитамакский стрелковый корпус, в полосу действия которого входил также упомянутый выше участок башкирского корпуса. Теперь, в начале марта, в ответ на все просьбы Ханжина об обеспечении левого фланга его армии на стыке с Оренбургской казачьей армией Колчак приказал развернуть указанный Сводный Стерлитамакский стрелковый корпус в армейскую группу, в состав которой должны были быть включены, кроме Сводного Стерлитамакского, еще 4-й Оренбургский армейский корпус и все те казачьи и башкирские войсковые части, которые окажутся в районе новых разграничительных линий. Новая армейская группа была включена в состав Западной армии.

В приказе Колчака говорилось: «...Генералу Белову (командующий создаваемой группы. — Г. Э.) беспощадными действиями привести в порядок войска и население района, создать для этого специальные карательные отряды. Малодушных начальников предать военно-полевому суду»**.

В отданных по этому поводу приказах Ханжина господствует тот же тон — «карать немилосердно»⁴¹.

Передача в Западную армию направления г. Стерлитамак — Белорецкий завод означала удлинение линии фронта примерно на 100 км. Но войск для надежного обеспечения этого участка нет; говорить о серьезном содействии со стороны Оренбургской армии в предстоящем наступлении уже не приходится. Чтобы новый командующий создаваемой Южной группы смог собрать на месте все, что еще может быть использовано, Ханжин спешно направляет в распоряжение ген. Белова бригаду 6-й

* Ст. Шингак-куль — в 25 км юго-западнее ст. Чишма, с. Новотроицкое — в 40 км южнее Иглино.

** ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 5, лл. 122—123.

Уральской дивизии и несколько других более мелких частей войск. Направленные войска должны служить ядром, вокруг которого Белову и предстоит сформировать группу для активной обороны упомянутого выше направления с последующей задачей обеспечения левого фланга Западной армии, когда она перейдет в наступление.

Ослабление ударной силы Западной армии на несколько тысяч штыков, брошенных для закрытия бреши на стерлитамакском направлении, удлинение фронта Западной армии на сто с лишним километров при отсутствии войск, могущих надежно обеспечить вновь включенный в армию участок, потеря надежды на то, что казачьи части Дутова способны активными действиями помогать Западной армии в ее решительном наступлении или хотя бы обеспечить фланг ее, — таковы некоторые факты, имеющие значение для правильного освещения обстановки накануне Уфимской операции и дачи ответа на вопрос о причинах задержки начала ее.

Надо отдать справедливость Ханжину и его штабу: несмотря на все отмеченные выше препятствия и трудности, им удалось создать Западную армию и собрать к концу февраля 1919 г. сильный ударный кулак. Не все, конечно, было подготовлено так, как планировалось. Именно поэтому Ханжин — ловкий, осторожный и дальновидный — посылает накануне начала операции Колчаку специальный доклад, содержащий ряд оговорок на случай неудачи.

Но как бы там ни было, к 25 февраля 1919 г. на уфимском направлении стояла готовая к прыжку белогвардейская ударная армия, насчитывавшая около 64 000 человек, в том числе штыков и сабель 48 800, не считая бойцов полковых команд — пулеметчиков, разведчиков, саперов и т. д. На вооружении армии имелось свыше 650 пулеметов и 110 орудий. Из указанных войск около 30 000 штыков и сабель было сосредоточено плотной массой на фронте 40—45 км севернее и северо-восточнее г. Уфы, которые нависали над открытым левым флангом наших войск.

4. Стратегическое положение Советской республики к концу февраля 1919 г.

22 февраля 1919 г. главком Вацетис представил Председателю Совета Обороны В. И. Ленину доклад о страте-

гическом положении страны, намечаемых основных военных операциях и вытекающих из этого задачах увеличения и обеспечения вооруженных сил Республики*.

Доклад начинается с констатации того факта, что, несмотря на временные неудачи под Пермью и в Прибалтике, территория Республики расширилась на востоке и севере, а особенно на юге и западе, где местами мы продвинулись на 300 верст. В результате этого общее протяжение линии всех пяти фронтов и отдельной 6-й армии составляет уже около 8000 верст, увеличившись за последние два с половиной месяца почти на 2000 верст. «Расширение территории, — говорилось в докладе, — поставило перед республикой ряд военно-политических и стратегических задач, которые в связи с ожидающимся выступлением войск Антанты на южной и западной границах потребуют новых усилий в развитии военных операций».

Обстановка на отдельных фронтах характеризовалась в докладе следующим образом:

1) Западный фронт прикрывает колоссальный участок от Онежской губы (Нюхча) Белого моря до г. Ровна. В связи с последней нашей неудачей под г. Валком противник проявляет большую активность. Наши силы — до 85 тысяч штыков и сабель против 104 тысяч противника, из которых до 74 тысяч группируются на небольшом относительно участке: Карельский перешеек — г. Ревель — г. Митава. Главную силу противника здесь составляют армии: белоэстонская до 24 тысяч и финляндская до 48 тысяч, которая «ждет только решения Антанты», чтобы ринуться на Петроград — Кронштадт;

2) Украинский фронт образовался недавно в связи с тем, что «события на Украине вызвали необходимость поддержать движение народных масс и одновременно создать выгодное исходное положение для действий против готовящегося наступления войск Антанты». Против наших 47 тысяч штыков и сабель насчитывается в данное время на этом фронте до 35 тысяч штыков и сабель противника;

3) Южный фронт. Наших сил до 117 тысяч штыков и сабель против 85 тысяч штыков и сабель противника. Сопротивление белых сломлено, наше положение упро-

* ЦГАКА, ф. 6, оп. 4, д. 222, лл. 24—34.

чено. Необходимо использовать достигнутые успехи и превосходство сил, чтобы окончательно разгромить врага и освободить Донецкий бассейн, район Новочеркаска — Ростова и Северный Кавказ;

4) Восточный фронт. «Успехи в Уфимском, Уральском и Оренбургском районах значительно улучшили общее положение, что дало возможность армиям приступить к выполнению дальнейших задач — овладению Пермью, Екатеринбургом и Челябинском и восстановить связь с Туркестаном. Но борьба на уральском и сибирском направлениях в силу значительной численности противника принимает все более и более затяжной характер. Окончательный исход борьбы во многом будет зависеть от хода политической обстановки и наших средств борьбы». Соотношение сил: наших до 84 тысяч штыков и сабель против 143 тысяч штыков и сабель противника.

5) Каспийско-Кавказский фронт (определен как вспомогательный к Южному фронту) и отдельная 6-я армия, действующая на беломорском направлении, признавались пассивными участками, не требующими пока особого внимания и сил.

«Таким образом, — говорится в заключении этого раздела доклада, — из рассмотрения современного военно-политического положения вытекают две главные задачи:

1) борьба на Украинском фронте против соединенных сил Антанты и добровольческой армии и

2) борьба на всем Западном фронте от Карельского перешейка до г. Ровна против объединенных сил Финляндии, Эстонии, Германии и Польши».

После сказанного в докладе о положении на отдельных фронтах вывод этот кажется неожиданным и неправильным. Но в докладе он обосновывается следующими данными и соображениями:

1) Антанта сосредоточивает в портах Черного моря крупные силы * и сможет легко к весне иметь на юге против нас армию в 150—200 тысяч человек;

2) «Имеются достоверные данные о намерении Германии восстановить свой Восточный фронт». По агентурным данным, формируемая германская добровольческая

* В докладе отмечается, что в Черном море у противника сосредоточено: 12 дредноутов, 10 крейсеров, 10 миноносцев и большое число судов торгового флота в качестве вспомогательного.

армия к весне может составить три армейских корпуса — до 150 тысяч человек с тыловым районом Мемель — Вержболово — Лык. Воззвание Гинденбурга откровенно говорит, что задача создаваемой добровольческой армии — борьба с большевизмом в России. Указывается также на агрессивные намерения белой Польши, имеющей армию около 60 тысяч человек.

Если в докладе от 7 октября 1918 г. еще упоминалось о войсках интервентов в Сибири и на Дальнем Востоке, то в рассматриваемом докладе о них уже ничего не говорится; в представленных разведывательным управлением Полевого штаба материалах о противниках лишь вскользь упоминаются 6500 солдат-чехословаков.

Указав, что с наступлением весны военные действия на всех фронтах приобретут значительно более интенсивный характер и что в силу этого необходимо энергично готовиться к отпору, главком большую часть доклада посвящает конкретным вопросам увеличения наших вооруженных сил и материального обеспечения армии⁴².

Оценку положения на Восточном фронте и нарисованную в докладе перспективу развития наших действий «в глубь Сибири» следует признать более чем оптимистическими. Объясняется это рядом причин. Наше главное командование не имело определенных данных о силе и намерениях интервентов в Сибири и на Дальнем Востоке, между тем как прибытие в черноморские порты войск Антанты был твердо установленный уже факт. Таким же неопровержимым фактом главком признавал приведенные в боевую готовность и ожидающие только распоряжения Антанты о переходе в наступление армии Финляндии и Польши, а также сформированный уже 21 батальон добровольческой армии Гинденбурга.

Близость названных группировок к жизненным центрам Республики при наличии отличных путей для наступления придавала этим группировкам значение непосредственно нависающей опасности, более реальной и угрожающей, чем это имело место на Восточном фронте, отдаленном от Москвы и Петрограда и состоящем пока только из белогвардейских формирований.

Недооценка сил и значения белогвардейских армий и традиционная, мы бы сказали, переоценка сил и значения иностранных регулярных войск проявляются в докладах и решениях Вацетиса не только в данном случае. Поле-

вым штабом Республики был разработан подробный план переброски и сосредоточения резервов главного командования в зависимости от обстановки или на Южный или на Западный фронт. Для Восточного фронта такого плана составлено не было.

Таким образом, во всех своих расчетах и соображениях о военных действиях в начале 1919 г. Полевой штаб Республики исходил из предположения неизбежности отразить нападение войск иностранных армий на южных и западных границах.

5. Восточный фронт в январе — феврале 1919 г.

31 декабря 1918 г. — в день занятия войсками 5-й армии г. Уфы — штаб фронта разослал войскам директиву № 03216*.

Директива ставила армиям фронта следующие задачи:

1) 5-й армии в составе коренных частей, «преследуя противника, занять авангардом силою не менее бригады район ст. Тавтиманово — Новотроицкое. В кратчайший срок овладеть г. Бирском, имея в дальнейшем задачей выдвижение сильного отряда в составе не менее 4-х полков в район Явгельдин»;

2) 1-й армии теперь же начать операцию по овладению г. Оренбургом, ведя операции по направлениям: г. Стерлитамак — г. Оренбург и г. Бузулук — г. Оренбург. Из Пензенской дивизии армии сосредоточить четыре полка в резерве командующего фронтом в районе ст. Чишма, привести их в полное боевое состояние;

3) 4-й армии, кроме основной задачи, ставится задача обеспечить правый фланг 1-й армии, действующий от г. Бузулук на г. Оренбург;

4) 2-й и 3-й армиям — задача прежняя по директиве № 03147. Граница между 5-й и 1-й армиями — Пр. Табынск — г. Белебей.

На первый взгляд директива эта, отданная за подписью РВС фронта в полном составе, не вызывает как будто никаких возражений. К сожалению, в ней были заложены глубокие противоречия, приведшие к серьезным последствиям. В этой связи заслуживает внимания история ее появления.

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 13, л. 1.

В дни, когда Каменев, Смилга и начальник штаба фронта Коленковский находились в 3-й армии, занимаясь вопросом восстановления положения под г. Пермью, в штабе фронта была получена телеграмма главкома Вацетиса за № 579/Ш*:

«Ввиду достигнутых нами успехов на уфимском направлении, а также необходимости развить успех на оренбургском направлении в связи с начавшимся наступлением Туркестанской армии 29 декабря приказываю срочно выполнить следующее:

1) для придания большей устойчивости 5-й армии Пензенскую дивизию временно передать командующему 5-й армией;

2) для усиления активных действий на оренбургском направлении части 24-й дивизии, наступающие на уфимском направлении, перебросить на оренбургское направление к частям этой дивизии, уже наступающим на Оренбург, после чего она войдет в состав 4-й армии. Все остальные строевые части 1-й армии, действующие на востоке от р. Волги, временно передать в распоряжение командарма 4;

3) 20-ю дивизию передать в 1-ю армию, штаб которой одну бригаду ее привести срочно в боевую готовность. Она исключается из списка частей, формирующихся в Приволжском военном округе;

4) Штаб 1-й армии в г. Сызрани...»

И эта телеграмма, показательная во многих отношениях, привела к большим отрицательным последствиям.

29 декабря начали наступление со стороны Туркестана созданные там части Красной Армии. Первостепенное значение начатой операции не требует доказательств. Успех ее означал разобщение Оренбургской и Уральской казачьих армий противника, восстановление связи с Центральной Россией и захват важнейшего административно-политического центра края — стародавней «столицы» Оренбургского казачьего войска. Слабая по численности (всего около 13 500 штыков и сабель), плохо вооруженная и снаряженная, кругом изолированная и ощущающая острый недостаток в боеприпасах, Туркестанская армия не была в состоянии одна выполнить упомянутую задачу. Понадобились указания В. И. Ленина нашему главному

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 25, л. 57.

командованию ⁴³ срочно оказать помощь туркестанцам наступлением наших войск навстречу — с запада. Но тут выяснилось, что (хотя еще в докладе от 7 октября главком сам говорил об этом же) теперь для Вацетиса — это полная неожиданность, а главное, у него нет никаких войск на оренбургском направлении, да и командовать тут некому. Это и вынудило главкома через голову фронтового и армейского командования заняться самому собиранием на указанном направлении частей 24-й дивизии в нарушение всех канонов управления армиями, фронтами и соединениями на войне. Оставшийся один «за всех» в штабе фронта начальник оперативного управления штаба Гарф и член РВС фронта С. И. Гусев, не запросив находившегося в штабе 3-й армии командующего фронтом, дали сами от имени РВС указанную выше директиву № 03216, утвержденную Каменевым задним числом в разговоре по прямому проводу из Глазова с Арзамасом *. Между тем обстановка требовала принципиального решения с учетом всех стоящих перед нами на востоке задач.

Овладение 5-й армией районом г. Уфы поставило в порядок дня вопрос большой важности: каково должно быть дальнейшее использование войск этой армии, какую задачу надлежит им поставить?

Перед армией отходили неоднократно битые ею остатки «Народной армии» противника. В непосредственном тылу отступающих белых начинались за г. Уфой теснины, ведущие к уральским перевалам в Сибирь. После начальных энергичных фраз директивы № 03216 о преследовании противника и недопустимости остановить «энергию славных красноармейцев» можно было, казалось, ждать такого же энергичного и смелого решения, как дальше действовать.

Решений могло быть, конечно, несколько. Можно было поставить 5-й армии задачу, развивая успех, отбросить противника за перевалы и выйти на Уфимское плоскогорье, пока противник не успел еще создать сильную оборону перевалов и подступов к ним. Можно было поставить более ограниченную задачу — овладение районом ст. Аша-Балашева — оперативно-тактическим ключом всего Среднего Урала. Занятие этого района открывало возможности, удерживая его незначительными силами,

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 25, лл. 57—68.

высвободить главные силы 5-й армии для действий на другом (к примеру, явгельдинском) направлении или создать крупные резервы для приведения войск в порядок, для отдыха и пополнения. Было возможно еще одно решение: используя передачу главкомом в 5-ю армию всей Пензенской дивизии, создать сразу же на левом фланге армии сильный кулак для нанесения действительно мощного удара совместно с частями правого фланга 2-й армии в общем направлении на Явгельдин — г. Красноуфимск или г. Кунгур.

Но вместо приказа, в основе которого лежала бы идея энергичного использования достигнутых на уфимском направлении успехов, а также использования наличия в районе г. Уфа — г. Бирск войск трех наших дивизий, перед которыми отступает разбитый противник, Гарф и Гусев составили, а Каменев и Смилга утвердили директиву, которую в лучшем случае можно назвать половинчатой.

В телеграмме № 579/Ш главком тоже ничего не говорит о том, как надлежит использовать успехи на уфимском направлении. Отмечая их, он своим собственным прямым распоряжением усиливает еще более 5-ю армию передачей в ее состав Пензенской дивизии, имея, несомненно, в виду, что армия получит активную задачу решительно развить успех и что на ее участке могут появиться свежие, переброшенные с фронта Сибирской армии части⁴⁴. Гарф и Гусев меняют телеграмму № 579/Ш в том смысле, что не передают Пензенской дивизии командарму 5, а назначают четыре полка дивизии в резерв фронта в районе ст. Чишма, но одновременно увеличивают участок 5-й армии включением в него района г. Стерлитамака. Это привело к тому, что назначенные в резерв полки Пензенской дивизии, не успев сосредоточиться, были тут же двинуты к правому флангу 5-й армии на удлинение этого фланга и обеспечение стыка с соседом справа. Пока что этим соседом были части 24-й дивизии, но по телеграмме № 579/Ш главком сам поворачивал их на г. Оренбург, то есть на юго-восток, открывая тем самым стерлитамакское направление. Так перед командующим фронтом встала сложная задача. В телеграммах из штаба 3-й армии Каменев, испрашивая свежие войска из тыла для 2-й и 3-й армий, обязался перед главкомом восстановить положение под Пермью и начать

операцию по овладению районом г. Екатеринбургa. Для этого вся 2-я армия и левофланговая группа 5-й армии поворачивались с фронта г. Бирск — г. Сарапул — Воткинск на север и северо-восток. Но теперь по телеграмме № 579/Ш главком потребовал срочно развить активные действия на оренбургском направлении для содействия туркестанцам, то есть поворачивать значительные силы войск фронта на юго-восток.

Предстояло решить одновременно две вполне самостоятельные задачи, совершенно не связанные во фронтовом масштабе единством оперативно-стратегического замысла. Понимая, что выполнение обеих задач должно привести к разделению усилий войск фронта в расходящихся направлениях, Гарф и Гусев остановились в нерешительности перед создающимся положением. По существу в составленной ими директиве № 03216 нет никакого решения.

Не менее важный отрицательный момент в действиях командования фронта и 5-й армии открывается при ознакомлении с оперативными приказами и сводками штаба 5-й армии за период январь — февраль 1919 г.

Рассматривая действия войск армии за указанный период в аспекте операций всего фронта и перспектив на развертывание решительных действий армий фронта с началом весны, мы должны признать их лишенными оперативного замысла и планомерного стремления к взаимодействию с остальными армиями.

Беспрерывно ведутся атаки и контратаки, идут ежедневно бои, но все это происходит в полосе, весьма незначительной по глубине. Фронт армии растянут на 150—180 км, и на всем этом фронте, вдоль него, сравнительно узкая полоса — шириною не более 15—25 км — превратилась как будто в одно поле боев и тактических маневров. Ни одной из сторон не удается развить успехи за границы полосы. Причины у каждого из противников при этом свои. Ханжин готовит Западную армию к решительному наступлению, а для этого необходимо прикрывать выходы из дефиле и сосредоточить главные силы у подножья западных склонов Урала. «Вообще я считаю нашей задачей в ближайшие дни по возможности приковать противника к фронту, заставить его влить в боевую линию резервы и тем лишить его свободы маневра. Про-

движения нам не нужно», — указывает командир 6-го Уральского корпуса ген. Сукин*.

По-другому расценивало отмеченные действия наше командование. Овладение той или другой деревней, удержание ее в наших руках путем упорной обороны или такой же упорной контратаки становилось самоцелью. Никто не обращал внимания на то, что сама по себе деревня никаких особых тактических выгод не давала и никакого оперативного значения не имела. Просто считалось в высшей степени зазорным отдать или оставить в руках противника населенный пункт, который только что занимался нами. Нельзя также признать действия войск 5-й армии за весь упомянутый период борьбой за инициативу; бригады и дивизии дрались на широких фронтах — участках, не создавая группировок и не преследуя оперативных целей. Заполняя ежедневные сводки и донесения армии и приобретая благодаря этому как будто значение серьезных оперативных действий, все эти бои за населенные пункты, все эти ежедневные атаки и контратаки измотали наши части чрезвычайно⁴⁵.

30 января командующий 5-й армией Блюмберг вынужден был докладывать командующему фронтом: «В последние дни все больше и больше поступает докладов о невероятной усталости частей. Двинуть части вперед требует очень большого напряжения командного состава и политического — комиссарского состава»**.

Но Каменев не дал ни распоряжения, ни разрешения. Состояние войск 5-й армии было, однако, таково уже, что 1 февраля РВС армии взял на себя ответственность и отдал директиву № 130/Н, в которой говорилось: «Ввиду того что задача армии на главном направлении почти выполнена, а также ввиду чрезвычайной усталости войск 26-й и 27-й дивизиям приостановить наступление и упорно обороняться»***.

Задача армии, о которой говорилось в директиве, была поставлена командующим фронтом еще 4 января и состояла в «обеспечении г. Уфы пространством».

Это была одна из тех директив фронта, в которых за-

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 34, ч. II, л. 237.

** ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 190, лл. 51—54.

*** ЦГАКА, ф. 1347, оп. 2, д. 34, л. 17.

дача, выраженная в словах, ничего общего не могла иметь с задачей в конкретном ее виде. О каком «обеспечении пространством» идет речь? Если противник начнет решительную операцию на г. Уфу и введет в дело соответствующие такой операции силы, то никакого практического значения не может иметь вопрос, будет ли линия фронта армии на десяток километров дальше от города или ближе. Ведь в распоряжении фронтового командования не было резервов, которые могли бы быть брошены на угрожаемое направление и подоспели бы вовремя, пока противник преодолевает эти лишние 20—30 км пространства, долженствующие «прикрывать» город. Если же, с другой стороны, имеется в виду обеспечение города от тактических действий противника, то, конечно, имел значение каждый километр, но это уже не вопрос для командующего фронтом; им должны заниматься командование дивизии, может быть, также командование армии. Во всяком случае меньше всего о таких километрах должен говорить в приказе командующий фронтом, как об «обеспечении Уфы пространством». Бесспорно — центр тяжести в директиве РВС армии заключался в словах «...а также ввиду чрезвычайной усталости войск». Прошел месяц со дня овладения Уфимским районом. Но за этот месяц войска не имели ни настоящего отдыха, ни настоящих побед и успехов, которые могли бы оказать влияние на обстановку. В разговоре с Блюмбергом 16 февраля командующий фронтом должен был признать: «Я считаю, что положение по обстановке всего фронта у вас серьезное. Обеспечение Уфы пространством не удалось. В этом и есть серьезность положения»*.

Но, как уже отмечалось выше, на 5-ю армию была возложена задача оказать содействие 2-й армии наступлением четырех полков на Явгельдин. Выполнение этой задачи по ряду причин шло плохо. В связи с этим 18 февраля упомянутый выше начальник оперативного управления штаба фронта Гарф давал штабу 5-й армии следующие указания: «Только энергичное движение вперед 27-й дивизии может облегчить положение правого фланга 2-й армии. Других средств для облегчения положения 2-й армии нет, так как она сама бессильна что-либо сделать ввиду больших потерь. 2-я армия за последние дни

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 190, л. 173.

получила довольно много пополнения и, отводя все что можно в резерв, приводится в порядок и, думаю, недели через две снова окрепнет. Пока же к какой-либо крупной операции она безусловно не способна» *.

Заканчивается разговор требованием штаба фронта ускорить решительное движение левого фланга 27-й дивизии на Явгельдин — Аскин. После ряда неудачных попыток наступать части названной дивизии произвели перегруппировку и 18 февраля снова перешли в наступление. Но уже на другой день штаб армии должен был донести штабу фронта: «...Наступление 27-й дивизии успеха не имело. На всем фронте противник весьма серьезно сопротивляется и очень активен» **.

В связи с создавшимся положением командующий армией послал 18 февраля комфронта доклад, в котором после разбора и оценки обстановки на участках соседних 1-й и 2-й армий обращалось внимание фронта на постепенное расширение активных действий противника к югу. «...Причем, — говорилось в докладе, — после неудачи 2-й армии за последние дни активность противника обозначается на большей части фронта 5-й армии, а именно в районе ж. д. и к югу от нее. Как на одном, так и на другом участках противником вводятся, по-видимому, свежие части. Особенно, имея в виду малочисленный состав войск и, как результат сказанного, весьма серьезное положение духа, обстановка на фронте армии внушает серьезные опасения» ***.

Заканчивая доклад, командарм просил немедленно дать ему хотя бы одну свежую бригаду, а также пополнение ввиду «крайней нужды возможно скорее освежить части войск армии». Заслуживает внимания то, что командарма беспокоит не только существующее в армии положение. «...При таких условиях, — говорилось в докладе, — армия в случае серьезных активных действий противника может обеспечить за собою занимаемое ныне положение, после чего отдохнувшая, пополненная армия переходом в решительное наступление на г. Златоуст и г. Красноуфимск может коренным образом изменить обстановку в благоприятную для нас сторону, содействуя переходу в наступление 2-й армии».

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 190, л. 192.

** Там же, л. 196.

*** Там же, л. 197.

Упомянутый доклад имеет для нашего исследования то значение, что в нем за две недели до начала наступления Западной армии Колчака дана была вполне правильная в основном оценка общей обстановки и вполне обоснованно предъявлена командующему фронтом просьба: «...Принять *исключительные* меры к быстрой доставке в армию достаточных укомплектований».

Но, как уже было отмечено выше, операция по восстановлению положения на пермском направлении поглотила все, что было пригодно для отправки из тыла на Восточный фронт без ослабления других (Южного и Западного) фронтов. Не помогла и посланная членами РВС фронта Гусевым и Смилгой телеграмма, адресованная лично Председателю РВС Республики 22 февраля: «Положение пятой и второй армий начинает осложняться. Просим поторопить центральные учреждения скорейшей отправкой всего обещанного».

Между тем все чаще в донесениях и сводках штаба 5-й армии появляются сведения о готовящемся наступлении противника. Сводка от 14 февраля отмечает, что боями на участке 27-й дивизии установлено прибытие из глубокого тыла на фронт 13-го Уфимского полка. Пленные, захваченные на участке 26-й дивизии, показывали, что 11-й и 12-й Уральским дивизиям отдан приказ во что бы то ни стало взять г. Уфу. Сводка за 15 февраля указывала, что части названных дивизий уже действуют против нас в районе ж. д. и южнее. Уже 19 февраля штаб армии доносил штабу фронта, что, по полученным сведениям, район Бураево (в 60 км севернее г. Бирска) занят противником*. Аналогичные донесения и сведения содержатся в сводках армии за все последующие, вплоть до 5 марта, дни.

Надвигающаяся катастрофа вынудила командарма искать выхода из создающегося тяжелого положения своими собственными средствами — ведь фронт дать ничего не мог. В качестве одного из таких средств следует признать решение, изложенное в директиве от 2 марта № 241.

Отметив, что 2-я армия ведет упорные бои с наступающим противником на всем фронте от завода Бикбардинского и до г. Осы, что 1-я армия успешно продвигается

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 190, л. 196.

по тракту г. Орск — г. Верхнеуральск и что на фронте 5-й армии противник особенно активен на участке левого фланга 27-й дивизии, которая «своими активными действиями привлекла крупные силы белых и тем облегчила положение 2-й армии», Блюмберг продолжал: «Ввиду имеющих сведения о намерении противника перейти в наступление на г. Уфу и в связи с общей обстановкой для получения тактических выгод я решил отбросить противника за Балашев и занять горные проходы» *.

Начало наступления назначено на 5 марта. Поставленная задача должна быть выполнена не позднее 7 марта.

Так, с опозданием на два месяца командующий армией ставит, наконец, войскам задачу закрыть горные проходы. Два месяца назад, после занятия нами района г. Уфы, обстановка в центре всего Восточного фронта властно указывала на эту же задачу. Понадобились два месяца бесцельного (в оперативном смысле) топтания войск армии на месте, чтобы эта простая мысль вылилась в оперативную директиву. Но время было упущено безвозвратно; Ханжин успел собрать свою ударную армию и надежно обеспечить за собою выходы из дефиле; войска 5-й армии ослаблены и устали вконец, нет уже разговора о четырех полках фронтового резерва в районе ст. Чишмы.

З а к л ю ч е н и е

Декабрь 1918 г. — март 1919 г. — первый этап колчаковского периода гражданской войны на Востоке.

Этап этот характеризуется следующими основными моментами:

1) союзники вынуждены отказаться от посылки в Россию своих собственных армий для свержения Советов; к этому их вынуждает международное, а также внутреннее положение в собственных странах и прежде всего отказ солдат воевать с русскими. Такого могучее влияние Октябрьской революции на умы трудящихся масс Западной Европы. В военно-политическом отношении интервенция (в том виде, как она могла быть осуществлена) означала для руководителей Антанты крах замыслов свергнуть Советы собственными армиями;

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 10—12.

2) центр тяжести ведения войны против Советов перемещается с войск интервентов на белогвардейские формирования. Из подсобных, вспомогательных вооруженных сил, группирующихся вокруг иностранных войсковых частей, как вокруг основного ядра, белые армии становятся главной силой ведения войны;

3) уход с фронта чехословацкого корпуса и других менее крупных частей войск Антанты ⁴⁶, с одной стороны, и разгром «Народной армии» на путях от р. Волги к Уралу, с другой стороны, заставляют Колчака пересмотреть в корне и переоценить всю военную и стратегическую обстановку;

4) принимаются совместно с представителями Антанты решения, в основу которых легли следующие общие соображения:

а) война без армий союзников будет тяжелой и длительной, поэтому подготовка к ней должна быть основательной, с полным использованием всех собственных ресурсов занятых территорий; материальная и политическая помощь и поддержка союзников безусловно необходимы;

б) для успешного ведения войны должна быть создана регулярная армия, боеспособная и надежная во всех отношениях ⁴⁷. Это возможно лишь при условии сохранения основных кадров тех войсковых частей, которые перешли к Колчаку по наследству от его предшественников; в частности, речь идет об остатках «Народной армии Директории»;

в) успех против наших 3-й и 2-й армий расценивается как их полный разгром, позволяющий считать пермское направление обеспеченным от угрозы крупного наступления красных армий в ближайшее время;

г) успешное наступление центра и правого фланга советского Восточного фронта создает реальную угрозу потери Среднего и Южного Урала — богатейших источников средств и сил для войны — и выхода Красной Армии в глубокий тыл Сибирской армии с проникновением большевиков в Туркестан и Западную Сибирь.

Таковы в общих чертах основные соображения белогвардейского высшего командования, как они нашли свое выражение в документах белых и как они выявляются из анализа общего военно-политического положения Колчака и его союзников-интервентов к концу 1918 г.

Первая же директива Колчака от 6 января отражает полностью концепцию длительной войны против Советов и вытекающую из нее главную задачу создания регулярной «Российской армии». По существу директива № 779 означает отмену всех стратегических планов и оперативных приказов его предшественника — главноверха «Директории» ген. Болдырева. Отменен приказ о прорыве на соединение с северной группировкой интервентов — приказ об основной и главной операции всех планов «Директории». Отменен приказ Болдырева о наступлении на Ташкент, о наступлении на г. Гурьев, о наступлении Уральской армии для связи с Доном и армией ген. Алексеева. Более того, директива от 6 января фактически на два месяца приостановила какие бы то ни было активные операции на всем фронте. И даже тогда, когда на левом фланге белогвардейского фронта дела для белых приняли весьма плохой оборот — потеря Южного Урала вплоть до г. Орска и разобшение Оренбургской и Уральской армий, развал в этих армиях до угрожающих размеров, — Колчак не дал ни одного войскового соединения ни на помощь Дутову, ни на помощь Ханжину за счет тыловых формирований, несмотря на брешь из-за перехода башкир на нашу сторону, несмотря на неоднократные обращения к нему и Ханжина и Дутова⁴⁸. Активная оборона с основной и единственной главной задачей — удержать занимаемые районы характеризует действия и Сибирской, и Западной армий белых на этом первом этапе колчаковского периода войны.

Было бы совершенно неверно объяснить все эти имевшие большие последствия распоряжения Колчака только лишь упорством в выполнении принятых на совещаниях с генералами Антанты решений. Фактически решения эти и отдававшиеся на основе их распоряжения были вынужденными.

В условиях когда с фронта Сибирской армии приходилось убрать и отправить в тыл шесть наиболее боеспособных регулярных полков чехословацкого корпуса, когда на уфимском направлении с падением г. Уфы и ввиду разгрома «Народной армии» был открыт путь Красной Армии через Урал на г. Златоуст — г. Челябинск и далее в Сибирь, когда морально-политическое состояние Оренбургской и Уральской казачьих армий угрожало окончательным развалом их и потерей боеспособности еще

дерущихся казачьих полков, — в этих условиях Колчаку только и оставалось, как перейти к обороне и попытаться удержать занимаемую территорию, пока не удастся создать боеспособную армию. И если понадобились два месяца упорной работы белогвардейского командования, чтобы, наконец, можно было приступить к выполнению директивы от 6 января, то это служит прямым доказательством того, в каком тяжелом критическом положении находились белые к концу 1918 г. на Восточном фронте в результате наших побед в Приволжье на участке 5, 1 и 4-й армий.

Возникает вопрос: было ли и как именно использовано это положение нашим командованием?

Доклад главкома о стратегическом положении Советской республики на конец февраля имеет в виду одну главную задачу — подготовку отпора ожидающемуся нападению иностранных армий. Если уже 31 декабря 1918 г. начальник штаба Западного колчаковского фронта ген. Дитерихс мог вполне определенно и категорически заявить ген. Гайда, что рассчитывать на какую-либо помощь войсками со стороны союзников уже не приходится, то наш главком еще в конце февраля — два месяца спустя после принятия Колчаком и его антантовскими советниками плана войны только собственными войсками — строит все свои расчеты, исходя из предположения, что основной и главной опасностью для Республики в 1919 г. будет нападение армий Антанты или Гинденбурга.

Главком Вацетис не знал, а если и имел кое-какие сведения о невозможности для Антанты двинуть на нас собственные армии, то не полагал их достаточными, чтобы произвести переоценку стратегического положения Республики. Мы отмечаем это обстоятельство не для того, конечно, чтобы указать на неосведомленность нашего командования или на его просчет, а исключительно и единственно для того, чтобы показать, какие из этого положения вытекали для Колчака крупные военные преимущества. Именно потому, что внимание нашего командования уделено было прежде всего южной и западной границам Республики, что туда устремлялись силы и средства, что для этих направлений формировались и держались наготове все стратегические резервы страны, Колчак получил по существу два месяца передышки для реорганизации

унаследованных от «Директории» вооруженных сил и для создания ударной Западной армии.

Решающее значение в этом деле сыграло то обстоятельство, что у Колчака в этот период был только один активный и серьезный фронт — наш Восточный; ему он мог противопоставить все силы и средства, имея благодаря помощи войск Антанты обеспеченный тыл. Наше командование находилось в несравнимо более тяжелых условиях. Восточный фронт был только одним из шести наших фронтов того времени, из которых каждый мог в любой момент приобрести решающее значение. Окружая Республику со всех сторон, они не только отрезали ее от основных источников сырья, топлива и, главное, продовольствия, но обуславливали колоссальную разброску войск: 300 тысяч бойцов действующей армии на 8000 км фронта. Политическое и стратегическое значение каждого из фронтов определялось обстоятельствами, не зависящими от соображений и возможностей нашего командования. Эти обстоятельства необходимо постоянно иметь в виду, когда речь идет о деятельности Революционного Военного Совета Республики и нашего главного командования.

В этих условиях крупнейшее значение приобретали вопросы взаимодействия политики и стратегии, взаимодействия фронтов и вопросы стратегического маневрирования. Надо отметить, что наше командование отдавало себе полностью в этом отчет. «Если еще в настоящее время, — читаем мы в докладе, — мы одерживаем крупные успехи на всех фронтах протяжением в 8000 верст с теми ничтожными силами, которые имеем, то это происходит от того, что против нас действует разрозненный материально и духовно противник, не объединенный под одним началом, и который как на востоке, так и на юге и западе не успел еще организовать и вырасти в регулярную армию».

Но, констатировав это имевшее крупнейшее, решающее значение обстоятельство разрозненности наших противников, главком ничего не сказал о том, предполагается ли использовать его как военное преимущество над врагом, позволяющее бить поодиночке эти разрозненные группировки белых. Приведенный выше доклад от 22 февраля примечателен в этом отношении тем, что в нем впервые можно обнаружить признаки идеи стратегиче-

ского маневрирования, выраженной, правда, пока еще односторонне. Из резервов главкома не предполагается дать на Восточный фронт ничего, несмотря на то что соотношение сил здесь для нас крайне неблагоприятно. Предположения о возможном сосредоточении крупных сил Антанты в черноморских портах, о возможном сосредоточении крупных сил немцев на западных границах, о возможном переходе в наступление армий Финляндии, Эстонии и Польши заставили Полевой штаб разработать подробный план и график сосредоточения наших стратегических резервов на юге и на западе; не считается даже нужным сказать в докладе хоть слово о том, будет ли и чем оказана помощь Восточному фронту, несмотря на то что уже ко времени составления доклада против наших 84 тысяч штыков и сабель действовали (как указано в докладе) 143 тысячи колчаковцев и чехословаков. Естественно встает вопрос: чем же наше главное командование намеревалось компенсировать этот достигающий шестидесяти тысяч бойцов перевес противника? К сожалению, найти ответ на этот вопрос в докладе от 22 февраля или в других стратегических директивах Вацетиса не удастся. Казалось бы, в этих условиях должна была сильно возрасти роль РВС Восточного фронта при разработке и постановке оперативных задач армиям. Однако документы показывают, что командование и штаб фронта сознательно ограничивали свою работу ролью аккуратных и добросовестных исполнителей указаний главного командования, превратившись в передаточную инстанцию⁴⁹.

Отмеченные обстоятельства оказывали, несомненно, сильнейшее влияние на решения и действия командования фронтом, но ими не всегда можно объяснить допущенные командованием просчеты, промахи и ошибки. Главнейшими из них в исследуемый период были:

а) провал контрнаступления левого крыла фронта для восстановления положения под г. Пермью, разгрома Сибирской армии и овладения районом г. Екатеринбурга. Подготовка и проведению этой операции были подчинены все планы, усиления, расчеты и силы трех армий фронта: 3, 2-й и ударной группы левого фланга 5-й армии. В контрнаступлении должны были участвовать около 45 тысяч штыков и сабель, 140 орудий, то есть около 60% боевого состава фронта. Но, выделив столь крупные силы

для достижения одной цели, командование упустило их из рук, предоставив все самотеку, не объединило их под одним началом и само не сумело организовать взаимодействие армий. Несогласованность и разноречивость во всем — характеризуют действия всех участвовавших в этом контрнаступлении наших войск. Показательно, что в упомянутом докладе главкома В. И. Ленину от 22 февраля главком ни словом не обмолвился о том, что наше контрнаступление закончилось еще в конце января. Он все еще говорит о перспективах овладения нами Пермью, Екатеринбургом и Челябинском, между тем как из сводок и донесений штаба фронта провал контрнаступления неоспоримо ясен также и Полевому штабу Республики;

б) уже в те первые дни 1919 г., когда главное и фронтовое командования совещались и решали вопрос о контрнаступлении левого крыла, в центре фронта на уфимском направлении создалась весьма благоприятная для нас обстановка. В ходе наступления на этом направлении сосредоточились: 26, 27-я и Пензенская дивизии, бригада 4-й Петроградской дивизии и отряд Панюшкина, всего около 18 000 штыков и сабель. Основное направление нашего наступления г. Уфа — г. Златоуст прикрывала деморализованная Самарская группа, насчитывающая около 11 000 бойцов, потерявших боеспособность, отдавших г. Уфу без боя и продолжающих отступать к уральским перевалам. Показательно, что достигнутые нами в Уфимском районе успехи расцениваются командованием фронта лишь с точки зрения того, как они повлияют на действия Сибирской армии; и главком, и Каменев спешат сообщить войскам 5-й армии, что с фронта Сибирской армии сняты две дивизии противника, видимо перебрасываемые на уфимское направление. И не менее показательно, что в это же время производится ослабление 5-й армии: ее участок увеличивается до Пр. Табынска, но указания о передаче командарму Пензенской дивизии фронт не выполняет; снимается с фронта для переброски на другой фронт отряд Панюшкина и снимается с левого фланга армии бригада 4-й Петроградской дивизии для переброски во 2-ю армию. Тем самым командование фронтом отказалось от возможности и необходимости использовать благоприятную обстановку и достигнутые успехи. Но отказ от развития успехов только подтверждает необходимость безусловного закрепления того, что уже достигнуто. Оши-

бочно было считать, что занятием города Уфы и выдвинутением войск на 40—45 км к востоку от него операция закончена и положение наше в центре фронта упрочено ⁵⁰;

в) первые два месяца 1919 г. прошли в бесконечных попытках Каменева добиться оперативных успехов в центре и на левом фланге фронта. Несмотря на явный провал контрнаступления 3-й и 2-й армий, фронт пытается «оживить» и продолжить его. Но так как основные причины неудачи — отсутствие взаимодействия между армиями и разрозненность действий — не устранены, то снова нет успеха. Более того, как уже сказано ранее, разбитой оказалась теперь и 2-я армия. Такой же неудачей кончаются все попытки подтолкнуть 5-ю армию для овладения аша-балашевским оперативно-тактическим ключом Среднего Урала и этим закончить операцию. Результаты всех этих попыток механически продолжить (без переоценки обстановки и стремления создать какие-либо группировки) старые операции были для войск фронта прямо губительными. Главные силы фронта — 3, 2 и 5-я армии — оказались вконец измотанными, численно ослабленными, с подорванным моральным духом. Трудно установить, на что собственно рассчитывал фронт, стремясь упорно и невзирая ни на что продолжать неоспоримо проигранные, по его же вине, операции. Нет лишь сомнений в одном: предоставленный главкомом самому себе, Восточный фронт ничего не предпринял, чтобы подготовить войска к весне — к началу решительных операций. Можно было бы говорить об известном оправдании этого безыдейного руководства армиями со стороны фронта, если бы в результате бесконечного подталкивания фронтом войск в наступление был сорван основной план Колчака — реорганизация действующей армии, если бы нам удалось помешать созданию Западной (ударной) армии Ханжина.

Добиться этого фронт не сумел, благодаря чему весной 1919 г. на стороне Колчака оказались крупные стратегические и оперативные преимущества, использование которых предопределило в основном успехи его армий в начале Уфимской операции.

Глава 3

УФИМСКАЯ ОПЕРАЦИЯ КОЛЧАКА

В первых числах марта 1919 г. войска нашей 5-й армии и Западной армий ген. Ханжина занимали положение, показанное на схеме 5.

Соотношение сил противников видно из следующей таблицы:

Таблица

5-я армия Восточного фронта*					Западная армия ген. Ханжина**				
Название частей	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий	Название частей	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
26-я стрелковая дивизия	6668	84	131	22	6-й Уральский корпус	10124	3180	168	31
27-я стрелковая дивизия	4947	238	127	33	3-й Уральский корпус	8728	1947	108	21
					2-й Уфимский корпус	16838	844	221	33
Итого	11615	322	258	55	Итого	35690	5971	497	85
Резерв армии	—	—	—	—	Резерв армии	4970	811	73	15
Всего	11615	322	258	55	Всего	40660***	6782	570	100

Согласно директиве от 2 марта 1919 г. 5-я армия должна была к 7 марта силами 1-й и 2-й бригад 26-й дивизии совместно с 1-й бригадой 27-й дивизии, временно подчиненной начальнику 26-й дивизии, отбросить противника за аша-балашевские теснины и занять горные проходы

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 155, л. 5.

** ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 128, лл. 13—28.

*** Боевой состав Западной армии показан без Южной группы ген. Белова (насчитывавшей около 14 000 человек), так как она действовала главными силами против нашей 1-й армии и только своими правофланговыми частями в начале марта вела бои против правого фланга 5-й армии в районе завода Архангельское.

для получения тактических выгод, после чего намечалось освобождающиеся на этом направлении силы бросить к левому флангу армии для наступления в направлении на Явгельдин — Аскин.

Армия ген. Ханжина занимала исходные позиции, готовясь к переходу в наступление.

ПЕРВЫЙ ЭТАП ОПЕРАЦИИ

СРАЖЕНИЕ СЕВЕРНЕЕ г. УФЫ
С 3 МАРТА ПО 13 МАРТА 1919 г.

(Схемы 5, 6, 7 и 8)

1. Директива командующего Западной армией белых генерала Ханжина о переходе в наступление

26 февраля 1919 г. командующий Западной армией ген. Ханжин отдал директиву № 0688 о наступлении*, указав, что приступить к ее исполнению следует только по получении дополнительного распоряжения.

Директива гласила: «Верховный главнокомандующий и верховный правитель повелел к началу апреля армиям занять выгодное исходное положение для развития с наступлением весны решительных операций против большевиков.

Западной армии поставлена задача разбить 5-ю армию противника и, овладев районом городов Бирска — Уфы — Стерлитамака — Белебея, выдвинуться на линию реки Ик, оказав содействие Оренбургской армии ударом в тыл 1-й армии противника, действующей против ген. Дутова. Сибирской и Оренбургской армиям указано содействовать Западной армии наступлением для овладения: Сибирской армии — районом городов Сарапул — Вятка — Ижевский завод; Оренбургской армии — г. Оренбургом.

Для выполнения поставленной мне задачи приказываю:

Ударной группе ген. Голицына — 7-я Уральская дивизия горных стрелков, Ижевская бригада и 3-я Оренбургская казачья бригада — с получением сего сменить части 2-го Уфимского корпуса на участке Подлубово — Че-

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 5, л. 2.

маево — Татарский Кудаш включительно и наступать в полосе...*

Ближайшей задачей ударной группы ставлю разбить противника на своем участке и, развивая удар в тыл противнику, обороняющему район г. Уфы, облегчить 6-му корпусу выполнение его задачи;

2-му Уфимскому корпусу теперь же снять свои части с участка к северу от разграничительных линий с Сибирской армией и по смене частей корпуса на левом участке группой ген. Голицына наступать в полосе... *

Ближайшей задачей корпусу ставлю разбить противника на своем участке и, развивая удар, овладеть г. Бирском, дабы обеспечить правый фланг ген. Голицына;

6-му Уральскому корпусу наступать в полосе... *

Ближайшей задачей корпуса ставлю приковать к себе противника, действующего в Уфимском районе, и, когда обнаружится действие ударной группы, перейти в решительное наступление с целью разбить противника и, преследуя его в западном направлении, ударом в юго-западном и южном направлениях выйти в тыл 1-й армии противника, действующей против г. Оренбурга;

Сводному Стерлитамакскому корпусу (Южной группе. — Г. Э.), обеспечив себя достаточно сильным заслоном на башкирском участке и прикрыв направление на г. Верхнеуральск, перейти главными силами в наступление на завод Авзяно-Петровский, взятие которого ставлю ближайшей задачей корпуса, после чего, развивая действия на г. Стерлитамак, главный удар направить в тыл войск, действующих в районе завода Кананикольский;

Первая бригада 6-й Уральской дивизии составит мой резерв.

При наступлении требую от начальников и частей энергии, решительных действий, фланговых ударов, наступления не равномерным фронтом, а ударом по важнейшим направлениям силами, собранными в кулак, полного содействия соседу по собственной инициативе, не ожидая приказа сверху».

Через пять дней — 3 марта 1919 г. в 18.45 Ханжин отдал приказание № 774 о переходе в наступление**: Юж-

* Во избежание перечисления большого числа населенных пунктов полосы наступления указаны в схемах 5 и 6.

** ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 5, л. 3.

ной группе — 4 марта, 2-му Уфимскому и 3-му Уральскому корпусам — в ночь на 6 марта, а 6-му Уральскому корпусу — 7 марта.

Следует подчеркнуть, что уже в первой своей директиве от 26 февраля Ханжин ставит 6-му корпусу и Южной группе задачу нанести удар в тыл нашей 1-й армии; это говорит о том, что у Ханжина уже в самом начале операции не было никаких сомнений в быстром разгроме нашей 5-й армии и овладении районом г. Уфы. Он отлично осведомлен о силах 5-й армии и состоянии наших войск. Поэтому из имеющихся у него семи пехотных дивизий (28 пехотных полков) только полторы дивизии включаются в ударную группу, имеющую задачей выход в глубокий тыл войск Красной Армии, действующих в Уфимском районе. Сковать эти наши силы с фронта — задача 6-го корпуса на первом этапе наступления белых. По сравнению с задачей ударной группы совсем уже легкой кажется задача, поставленная 2-му Уфимскому корпусу: семь его пехотных и два кавалерийских полка должны овладеть г. Бирском, который прикрывает только одна 3-я бригада нашей 27-й стрелковой дивизии; в течение последних двух месяцев бригада безуспешно пыталась овладеть районом Явгельдин — Аскин для оказания содействия 2-й армии. С приданным бригаде Сводным полком в ней насчитывалось всего 2657 штыков и сабель, 48 пулеметов и 10 орудий, удар же наносили свыше 12 000 штыков и сабель, 150 пулеметов и 20 орудий 2-го Уфимского корпуса. Открытый левый фланг 5-й армии прикрывался боковым отрядом из состава той же 3-й бригады 27-й дивизии (один батальон, один эскадрон) в районе южнее Бураево.

2. Первые крупные успехи белых против 27-й стрелковой дивизии 5-й армии

В оперативных сводках штаба 5-й армии за время с 2 по 6 марта отмечаются ожесточенные бои на правом фланге армии (Стерлитамакский корпус выполнял директиву Ханжина № 0688), о левом же фланге изо дня в день повторяется одна и та же стереотипная фраза: «на аскинском направлении без перемен». Это находилось в тесной связи с тем, что последняя попытка 3-й бригады 27-й дивизии занять район Явгельдин кончилась полной

неудачей и войска вынуждены были отойти в исходное положение, чтобы привести себя в порядок.

Первые сведения о надвигающемся ударе появились в оперативной сводке за 6 марта: «Противник, поведя наступление на Нагритдиново — Уразаево — Усманово, потеснил наши части и принудил нас оставить Усманово. Приняты меры к восстановлению положения. При наступлении противника на Верх-Карышево и Нагарово со стороны Чишмы и Новотроицкого после упорного боя с превосходными силами противника наши части оставили названные деревни. Левофланговый отряд после горячего боя с частями противника отступил на линию Азяково. На всем фронте армии идет напряженный бой с превосходными силами противника» *.

В этой сводке все изложено правильно, и события развиваются так, как это предусмотрено директивой Ханжина. Два корпуса против крайнего левого фланга 5-й армии нанесли первый удар, центр армии и правофланговые части ее в районе завода Архангельское скрываются активными действиями 6-го Уральского и правого фланга Южной группы. Отлично выполняет свою задачу 6-й корпус на главном — железнодорожном направлении северо-восточнее ст. Тавтиманово. Действующая в этом районе 2-я бригада 26-й дивизии успешно продвигается, берет ряд деревень. Ей уже видны совсем недалеко впереди высоты Аша-Балашева, взять которые к 7 марта ее обязал командарм 5. Чем дальше продвинется на восток эта наша бригада и чем серьезнее она ввяжется в бои с частями 6-го корпуса, тем тяжелее ей будет потом вырваться из готовящегося Ханжиным в районе г. Уфа — ст. Чишма мешка.

В сводке армии к 15 часам 7 марта снова сообщается: «В районе железной дороги атаки и контратаки... 2-я бригада 26-й дивизии на аша-балашевском направлении с боем заняла Ишимбетово и Куранча... 44-й полк противника, действующий против левого фланга бригады, разбит... появился 47-й полк...» **

Снова успех, и не удивительно, что в сводке тут же говорится: «Командармом приказано приложить исключи-

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 21—24.

** Там же. лл. 25—26.

тельные усилия для скорейшего овладения Аша-Балашева».

И эта наша сводка показывает, что в центре 5-й армии все развивается в желательном для Ханжина направлении. О нашем левом фланге в этой же сводке говорилось: «Аскинское направление — противник продолжает сильное давление крупными силами в направлении Бол. Шады — г. Бирск. Наши части под давлением отошли на линию Мишкино — Кайраково, особый левофланговый отряд — в Курманаево. Сведений от 2-й бригады 27-й дивизии, занимавшей Ежовку — Бабаево, нет... Как начдивом, так и командармом в связи с создавшимся положением принимаются исключительные меры: приказано 241-му полку, находящемуся в районе Васкино, ударить во фланг противнику на Новоключево. Саперная рота дивизии уже двинута на фронт в качестве боевой единицы. Отдано приказание 42-му полку, находящемуся в армейском резерве в районе Касимова *, спешно выступить в г. Бирск в распоряжение начальника 27-й дивизии. Туда же отдано распоряжение отправиться 41-му полку из района Немислярово».

В этой связи необходимо отметить следующий разговор по прямому проводу между начальником штаба фронта Коленковским и начальником оперативного отдела 5-й армии Ивасиовым 3 марта 1919 г. ** «По последней сводке обнаружено, — заявил Коленковский, — скопление значительных сил противника в районе Сейтяково, то есть по карте получается, что эти силы находятся в тылу левого фланга 27-й дивизии...»

Но тут же в разговоре выяснилось, что командующий 5-й армией в этот момент прибыл в штаб фронта и поэтому начатый весьма важным вопросом разговор закончился следующим сообщением Коленковского: «...Все эти вопросы выяснены. Решено главный удар нанести на Аша-Балашева левым флангом 26-й дивизии, а затем, заняв горные проходы и тем сэкономив силы, бросить резерв по реке Уфе на Явгельдин. Командарм уверен, что к 7 марта Аша-Балашева будет взята».

Этого плана и продолжал твердо придерживаться командарм 5, но так как обстановка с каждым часом все

* Д. Касимовс — 20 км юго-восточнее г. Уфы.

** ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 31—32.

более ухудшалась на левом фланге армии, на участке 27-й дивизии, то 8 марта в 12.30 он вынужден был дать новую директиву*. «Противник, — говорится в директиве № 286/Н, — превосходными силами упорно атакует 27-ю дивизию на всем фронте. Несмотря на упорное сопротивление и все принятые меры, войска дивизии под давлением отошли на линию Федоровское — Бирск — Пушкаревка. Бесперывные атаки противника продолжаютя... Части 27-й дивизии понесли серьезные потери, в особенности в командном составе и комиссарах...»

Этими столь необычными для директив и боевых приказов словами заканчивается директива № 286/Н. Так как оба полка армейского резерва уже двинуты на поддержку 27-й дивизии к левому флангу армии, то директивой № 286/Н выводится в резерв армии 2-я бригада 26-й дивизии (район сосредоточения — завод Благовещенский), в связи с чем начальнику 26-й дивизии приказано отвести свой левый фланг на линию ст. Тавтиманово — Немислярово — Быково. Начдиву 27 приказано совместно с 41-м и 42-м полками, переданными в его распоряжение из армейского резерва, как указано было выше, перейти в наступление и отбросить противника на север. На случай дальнейших неудач начальнику 27-й дивизии приказано 3-ю бригаду дивизии вытянуть на тракт г. Бирск — г. Мензелинск.

Директива № 286/Н имела большое значение. Прежде всего она означала окончательный отказ командарма 5 от операции овладения районом Аша-Балашева, а следовательно, также отказ от всех связанных с захватом названного района расчетов на высвобождение сил армии для создания кулака, намечавшегося к использованию на явгельдинском направлении. Ведь до этого — в течение всего января и февраля — четыре наших полка безуспешно бились над выполнением этой же задачи — овладением районом Явгельдин — Аскин, — входившей составной частью в план нашего контрнаступления левым флангом фронта. Тогда ни командарм, ни комфронта не находили войск для усиления явгельдинского направления и создания ударного кулака, чтобы покончить с недопустимо затянувшейся задачей, но теперь тяжелая обстановка вынудила их вытянуть с главного (железнодорож-

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл 37—38.

ного) направления целую бригаду, выполнявшую решительную операцию овладения Аша-Балашева, и срочно сосредоточить ее ближе к левому флангу армии; сюда же направляется 238-й полк из состава 1-й бригады 27-й дивизии, действующей правее названной 2-й бригады 26-й дивизии вдоль железной дороги на г. Златоуст.

В 2 часа ночи 9 марта штаб 5-й армии послал штабу фронта подробную ориентировочную сводку о положении на фронте армии к вечеру 8 марта *.

Согласно этой сводке весь правый фланг армии от завода Архангельского до Ишмуратова (что 25 км с.-в. ст. Тавтиманово) удерживает старое положение. Получившая приказ отойти в завод Благовещенский и быть в армейском резерве 2-я бригада 26-й дивизии еще не двинулась; она скована противником, который вводит в бой все новые силы. Находившийся на левом фланге бригады заслон (с севера) в составе 239-го полка и одного батальона 41-го полка ведет еще бои в районе Дуванейский — Белый Ключ, то есть тоже скован противником — частями 6-го Уральского корпуса. Нажим противника на всем фронте 27-й дивизии продолжает усиливаться, особенно западнее линии Явгельдин — Калининники. По последним сведениям, части дивизии занимали линию Федоровское — Ст. Иликово — Янагушево — Зуево — Старо-Угузево — Силантьево, имея на мензелинском тракте (точное местонахождение не названо) наспех сформированный политкомом штаба 27-й дивизии Татаринцевым отряд, составленный из частей 243-го полка дивизии и команд штаба дивизии — всего около 700 человек. Обозначился нажим белых на правый фланг 27-й дивизии в направлении Федоровское. На поддержку уже подходят 41-й и 42-й полки, сосредоточившиеся в районе Каменная Поляна — Удел Дуваней. Указанный выше 238-й полк находится в движении из района Дуванейский к правому флангу дивизии — в район Федоровское. Из г. Уфы двинут на Калининники формирующийся кавдивизион.

Начальнику 27-й дивизии приказано нацеливать идущие на поддержку войска для удара в направлении г. Бирск и «в районе правого фланга». В армейском резерве в районе Караганка ** один 236-й стрелковый полк.

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 44—47.

** Д. Караганка находится в 15 км южнее г. Уфы.

В 12 часов 9 марта состоялся разговор по прямому проводу командующего фронтом Каменева с командармом 5 Блюмбергом*.

На просьбу Каменева ориентировать в обстановке Блюмберг докладывает те же данные, что были посланы штабу фронта в приведенном ночном донесении. Он добавляет только, что туда же — к левому флангу армии — направлен также 239-й полк, действовавший до этого в качестве заслона в районе Дуванейский — Белый Ключ. Доложив, что начдиву 27 приказано нанести сосредоточенный удар 41-м и 42-м полками и перейти в наступление всем фронтом дивизии, чтобы отбросить противника на север, Блюмберг заявил: «Кризис еще окончательно не прошел, но положение стало более устойчивым. Части 3-й бригады 27-й дивизии приводятся спешно в порядок и перейдут в наступление. Надеюсь, что через несколько дней положение окончательно выяснится и тогда при помощи 2-й бригады 26-й дивизии, сосредоточивающейся в Благовещенском, постараюсь восстановить положение».

Одновременно Блюмберг доложил, что ночью противник перешел в энергичное наступление против правого фланга армии в районе завода Архангельский; исход боев еще не известен.

Все это в основном старые данные — сводок за 9 марта от войск штаб армий еще не получил, и поэтому комфронта задает вопрос: «Вчерашние атаки отбиты 27-й дивизией?» Дать точного ответа Блюмберг не в состоянии: «...По-видимому, части сохранили начерченное мною положение, сомневаюсь лишь в отношении Ст. Иликово, где действовали наши кавалерийские части...»

Больше говорить не о чем. «Вы считаете свое положение несколько улучшившимся?» — все, что находит нужным еще сказать Каменев. «Во всяком случае чувствую себя прочнее, чем в предшествующие дни...» — успокаивает командующего фронтом в своем ответе командарм.

Действительно, как будто есть все основания считать, что положение если уж не улучшилось, то, безусловно, должно улучшиться. Ведь распоряжениями командарма на поддержку левого фланга армии двинуты: два полка армейского резерва — 41-й и 42-й (около 1560 штыков и сабель), затем 238-й и 239-й полки (свыше 1000 штыков)

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 48—54.

и в район завода Благовещенский — 2-я бригада 26-й дивизии (около 2000 штыков и сабель).

Вместе с действующими в районе левого фланга армии частями 27-й дивизии теперь на этом направлении оказывалось около 6500—7000 штыков и сабель — шестьдесят с лишним процентов всех сил армии.

Большого как будто от командарма и требовать нельзя — теперь все дело за начальником 27-й дивизии (ведь участок его) и за войсками. Так, очевидно, и понимал дело командующий фронтом Каменев, удовлетворившись ответами командарма Блюмберга и не посчитав нужным дать от себя какие-либо указания или подробнее вникнуть в положение дела на фронте.

Через три часа после приведенного разговора состоялся по прямому проводу другой разговор — между штабом армии и штабом фронта*, рисующий истинное положение дела: «Обстановка на фронте 27-й дивизии продолжает обостряться. Части дивизии, занимавшие линию Надеждино — Калининники — Петровка, утомленные боями, представляют крайне незначительную боевую силу. Противник продолжает упорно теснить, занял Калининники, части не в состоянии сдерживать напора. 42-й полк, введенный в дело на Удел Дуваней — Калининники, также успеха не имел. Постепенно подходят новые подкрепления, например, отряд особого назначения — 500 штыков, кавдивизион, но все это не в состоянии упрочить положение, благодаря сильной деморализации в частях, как результат сильного удара противника и общих причин».

Перечислив обнаруженные боями части 7-й Уральской, 4-й Уфимской и 8-й Камской дивизий и Ижевской бригады, донесение заканчивалось следующим выводом: «В общем, обстановка на фронте армии более чем тяжелая, а главное все в том, что, поставивши задачу, невозможно рассчитывать на выполнение. Некому водить полки, роты, батальоны. Особенно это касается 27-й дивизии...»

И еще несколькими часами позднее (в 18.05 того же 9 марта) Блюмберг послал командующему соседней

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 63—64. В тексте документа не указано, кто вел переговоры; предположительно, разговор шел между начальником оперативного отдела штаба армии Ивасковым и начальником оперативного управления штаба фронта Гарфом.

1-й армии в порядке ориентировки и с целью предупреждения о возможном отводе правого фланга 5-й армии телеграмму № 224/А *, в которой говорилось: «Обстановка на фронте армии сложилась так, что 27-я дивизия, не выдерживая напора превосходных сил противника, отходит в южном направлении. Несмотря на принятые исключительные меры, противника остановить пока не удалось».

3. «Уфимские «Канны»

Если бы документы, из которых нами приведены последние цитаты, попали в те дни в руки командующего Западной армией ген. Ханжина, он без сомнения посчитал бы, что они преднамеренно подброшены ему, чтобы ввести его в заблуждение. Для Ханжина обстановка рисуется значительно более трудной и сложной.

8 марта 1919 г. в 16.27 он отдает свою вторую для Уфимской операции директиву № 0869 **. Он констатирует в ней, что красные оказывают ударной группе сильное сопротивление и ведут атаки против 6-го Уральского корпуса с целью не дать ему возможности поддержать Южную группу, против которой красные на фронте Авзяно — Петровский — Булатово (100 км ю.-з. Авзяно-Петровского) ведут удар в направлении завод Белорецкий — Верхнеуральск ***.

Но на участке 2-го Уфимского корпуса уже обозначился успех — значит отсюда и надо начать решение очередной задачи наступающей Западной армии для всего ее двухсотпятидесятикилометрового фронта. Для этого 2-й Уфимский корпус получает по директиве № 0869 распоряжение снять все части свои с участка от станции Куеда (60 км севернее Сейтякова) — река Быстрый Танып, оставив только разведывательные части для наблюдения и небольшую группу в районе Каразирикова — Юмакаево (схема 7) для прикрытия направления Аскин-Байки. Сделать это совершенно безопасно — ведь

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 61—62.

** ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 5, л. 67.

*** Как уже было отмечено, против Южной группы Ханжина действовала наша 1-я армия. Ее активные действия в направлении заводов Белорецк — Кананикольский не были, к сожалению, вызваны приказами командующего фронтом для отвлечения сил с фронта 5-й армии, как теоретически вполне правильно, но фактически ошибочно предполагал Ханжин (схема 5).

правый фланг 2-й красной армии абсолютно связан частями Сибирской армии, перешедшей в наступление несколькими днями раньше Западной армии, как это было указано в директиве Колчака. Все снятые части командиру 2-го Уфимского корпуса приказано бросить на бирское направление для оказания помощи ударной группе по овладению районом Дуваней Монастырские — Султанаева, откуда нанести удар в тыл красным, сосредоточивающим ударную группу против войск ген. Голицына. Как видно из директивы, от Ханжина не ускользнуло сосредоточение Блюмбергом указанных выше полков армейского резерва и 2-й бригады 26-й дивизии.

Новую и значительно более активную задачу получает 6-й корпус: «быть в готовности нанести левым флангом удар в направлении Ирныкши — Бузовьязы, дабы отрезать путь отступления Уфимской группе противника на стерлитамакский тракт. Всем частям, действующим в районе Уфы, ставлю главной задачей окружить 5-ю красную армию, перерезав путь отступления вдоль железной дороги на запад и по стерлитамакскому тракту на юг. Южной группе удержать противника перед собой, пока наши части от г. Уфы не выйдут в тыл району завод Авзяно-Петровский — завод Кананикольский».

В этой директиве впервые ясно и четко выражена идея окружения войск 5-й армии в районе г. Уфы — идея «Уфимских «Канн», под знаком которой проводилась Ханжиным вся Уфимская операция вплоть до 4 апреля. Пока оперативное и тактическое окружение красных было еще только задачей будущего.

9 марта состоялся еще один разговор по прямому проводу между командармом 5 и комфронтом (время суток, к сожалению, не указано), из которого выясняется, что день прошел относительно спокойнее, чем предыдущие, объясняется это, по мнению командования, тем, что противник производит перегруппировку для решительного продолжения операции. Но и наше командование приняло свои меры. Блюмберг докладывает, что «27-я дивизия после продолжительных утомительных боев и будучи значительно деморализована» приводится в порядок и с утра 10 марта совместно с подошедшей 2-й бригадой 26-й дивизии, с 41-м и 42-м полками перейдет в общее наступление с целью отбросить противника на линию Орловский — Осиновый Ключ — Сорвиха — Зуева — ст. Угу-

зеву — Силантьеву. «Полагаю, — заканчивал свой доклад командарм Блюмберг, — что, несмотря на дезорганизованность некоторых частей и усталость, дивизия выполнит эту задачу... Донесения с фронта более оптимистического содержания. Полагаю, что положение упрочится...» *.

Это было уже третье по счету оптимистическое заявление командарма. Каменев находит нужным сделать только одно замечание — назвать «криминальным» отсутствие связи в течение двух суток с отрядом политкома Татаринцева, отошедшего якобы на мензелинский тракт.

Имелись ли основания для такого рода радужной оценки положения?

Для командарма и командующего фронтом начавшееся наступление противника и ожесточенные бои — не более как активность белых, не выходящая за рамки тактических действий, когда речь идет о захвате или удержании той или другой деревни или участка позиции. На тактические действия войск противника достаточно ответить тактическими действиями своих войск. Так и поступают оба наших командующих, пытаясь применением давно известных на войне тактических приемов (удар во фланг или в тыл силами отдельных войсковых частей на поле боя) выправить положение. Четыре отдельных полка и три полка 2-й бригады 26-й дивизии направляются в район натиска белых. Но интересно проследить, как это делается.

Оттуда, где застало распоряжение командарма идти на помощь левому флангу армии, каждый из полков выбирает свой собственный путь — маршрут. Пункты сосредоточения указаны такие, достигнуть которых раньше противника невозможно. К примеру, 7 марта дается приказание 42-му полку из района Касимова (20 км ю.-в. г. Уфы) двинуться в г. Бирск, то есть совершить марш на 100—110 км, в то время как оперативная сводка к 15 часам того же 7 марта уже говорит о том, что наши войска отброшены на линию Мишкино — Кайраково, то есть находятся в 25—30 км северо-восточнее г. Бирска, и не в состоянии сдерживать натиска белых. Два двинутых в последнюю очередь полка — 238-й и 239-й, чтобы достигнуть пунктов сосредоточения, должны совершить переход

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 58—59.

вдоль фронта в непосредственном тылу наших войск, безуспешно пытающихся остановить наступление противника. Не удивительно, что оба эти спешащие на помощь 27-й дивизии полка очень скоро оказываются уже на марше своем (к месту назначения) в сфере действий противника; неизбежно они втягиваются в бои, не дойдя до пунктов назначения, а следовательно, и не могут быть использованы для выполнения задач, ради которых они были направлены. Сказанное верно также в отношении 2-й бригады 26-й дивизии. Ей еще надо прежде всего оторваться от сковывающего ее противника и потом совершить такой же фланговый марш (около 60 км) на завод Благовещенский, «оставаясь в армейском резерве». Совершенно непонятно, о каком состоянии в резерве армии может идти речь, если войска, которые формально еще считаются в резерве, фактически оказываются на линии боев, в сфере действия пехотных частей противника. Натиск врага настолько сильный и стремительный, обстановка меняется так быстро, что ни о каком управлении таким армейским резервом из штаба армии и речи быть не может, особенно если учесть крайне слабую техническую связь.

Но даже в отмеченных невыгодных для нас условиях брошенные в бой (по мере подхода) полки принесли бы, несомненно, решительный успех, если бы дело шло только о тактических действиях противника.

Этого-то как раз и не было.

Каменев и Блюмберг совершенно не уяснили себе пока истинного смысла всего, что происходило на фронте. До самых последних дней они не могли понять, что активность противника, большие его силы и упорство — начало крупной армейской операции, а не наступление для достижения тактических успехов.

В историческом исследовании легко впасть в ошибку. Когда заранее знаешь, чем закончились рассматриваемые действия войск, когда располагаешь всеми данными о силах противников, о группировках, о том, какие, когда и кому были отданы приказы и что помешало точному выполнению приказов и т. д. и т. п., не трудно, конечно, разобраться в том, что в каждый данный момент происходило, найти недосмотры, ошибки и просчеты. Для исследователя, располагающего всеми или почти всеми данными, все кажется просто, ясно и понятно, а решение са-

мых трудных задач — делом легким и простым. Отсюда один шаг до критики и осуждений, неправильных и недостаточно объективных. Отлично сознавая преимущества, которые имеет (в отмеченных условиях) любой исследователь, мы тем не менее не снимаем нашего осуждения в адрес Каменева и Блюмберга. От них требовалось решить только один (правда, важнейший) вопрос: с какой целью, для чего противник проявляет такую активность, собрал столько сил и стремительно наступает на левый фланг армии? Идет ли речь только о тактических целях или все происходящее — начало крупной армейской операции? Все дальнейшие действия и распоряжения командарма должны были вытекать из того, каков его ответ на поставленные вопросы. В штабы армии и фронта поступала ежедневно масса всевозможных донесений и сводок — оперативных и разведывательных — от своих войск и соседей. Уметь отыскать во всем этом непрерывно меняющемся потоке данных то, что дает ключ к пониманию обстановки, подсказывает намечающееся развитие ее, найти решающее звено в цепи событий — задача нелегкая, но первейшая и самая главная для всякого, кому доверено командование войсками на войне. Очевидно, в данном случае важнейшее значение имеет вопрос, располагали ли Каменев и Блюмберг всеми необходимыми сведениями для решения задачи о характере начавшегося наступления белых. Ответ на этот вопрос должен быть дан положительный. В дополнение к приведенным выше материалам, свидетельствующим о том, что о готовящемся наступлении противника было своевременно известно, можно привести еще целый ряд документов⁵¹. Не может вызывать никакого сомнения тот факт, что все командные инстанции — от начальника 27-й дивизии и до командующего фронтом включительно, начиная с середины февраля систематически получали на протяжении по крайней мере двух недель многочисленные сведения и материалы о сосредоточении крупных сил белых против левого фланга 5-й армии и о их намерении захватить г. Уфу⁵².

Неожиданность и внезапность нападения белых должны быть безусловно исключены как элемент обстановки начавшейся 3 марта операции.

Между тем для командующего Западной армией обстановка становится все более ясной. 10 марта он отдает

очередную — третью по счету — директиву — 0912 *. Указав, что «сопротивление 5-й армии сломлено, левый фланг ее смят и отступает, правый еще держится», Ханжин вносит весьма существенное изменение в свою первую — основную — директиву от 26 февраля. Он пришел к выводу, что всему 2-му Уфимскому корпусу на бирском направлении делать уже нечего, и поэтому ставит корпусу задачу не позднее 13 марта перехватить Самаро-Златоустовскую ж. д., заняв район ст. Чишма. Одновременно приказано 6-му корпусу не позднее того же 13 марта перехватить тракт из г. Уфы на г. Стерлитамак, отрезав путь отступления на юг красным из района г. Уфы.

Изменив таким образом направление главного удара 2-го корпуса с запада круто на юг, Ханжин заходит корпусом, как обходной колонной, еще глубже в тыл главным силам 5-й армии. Ему ясно, что ни со стороны 2-й нашей армии из района г. Сарапула, ни с запада со стороны г. Мензелинска никакой опасности правому флангу его армии не предвидится. Именно поэтому он бросает в южном направлении оказавшуюся в Бирском районе без дела 4-ю Уфимскую дивизию. По расчетам Ханжина, дивизия не встретит серьезного сопротивления, и поэтому ей дается всего трое суток на преодоление 60—65 км пути и овладение крупнейшей узловой станцией на главном коммуникационном пути 5-й армии. Занятием названной станции путь отступления красных на запад будет отрезан — начинаются «Уфимские «Канны». Лишним в этих условиях признается нанесение 6-м корпусом удара на район г. Уфы с востока. Корпусу ставится новая задача: теперь же произвести перегруппировку и наступать не на запад, а на юго-запад правым флангом вдоль ж. д. на г. Уфу (по дороге от ст. Иглино на Русский Юрмаш), а левым флангом на Пр. Табынск — г. Стерлитамак (50 км ю.-з. Пр. Табынска) и не позднее того же 13 марта перехватить тракт из г. Уфы на г. Стерлитамак, отрезая последний путь отступления красным из Уфимского района на юг (схема 8).

Идея директивы ясна: 6-й корпус получает задачу такого же глубокого обхода правого фланга 5-й армии, какую уже выполняла 4-я Уфимская дивизия 2-го Уфим-

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 5, л. 8.

ского корпуса в отношении левого фланга 5-й армии. Замысел окружить войска нашей армии в районе г. Уфы выражен предельно четко.

4. Директивы советского командования и действия наших войск на первом этапе Уфимской операции белых

(Схемы 7 и 8)

Поступившие в штаб 5-й армии к утру 10 марта сведения были весьма неопределенны. Известно, что войска 27-й дивизии находились на линии Орловский — Удел Дуваней *, «а далее на запад части, по-видимому, где-то в районе Топорнино. Связи с ними штаб дивизии не имеет». В течение ночи на 10 марта 42-й полк с другими частями атаковал и взял Калининки, но контратакой противника с севера и с юго-востока был обит и отошел на юго-запад — в Удел Дуваней. В бою геройски погиб командир полка. В связи с отходом отряда от г. Бирска на запад по тракту на г. Мензелинск начальник оперативного отдела штаба 5-й армии Ивасиов сообщил фронту: «...Надо считать — мы это направление потеряли. Ничего не поде-лаешь... Вообще удар противника был весьма сильный... Самые исключительные усилия, чтобы поставить 27-ю дивизию фронтом на восток, пока не удаются» **.

Обстановка крайне тяжелая, но командование армией действует энергично. С участка железной дороги г. Уфа — Аша-Балашева (считавшегося до этого главным направлением) снята еще одна бригада, а именно 1-я бригада 27-й дивизии в составе двух полков, находившаяся в оперативном подчинении у начальника 26-й дивизии. Полки бригады уже тянутся через г. Уфу в район Подымалово (15 км северо-западнее города); трудности для штаба армии заключаются в отношении и этой бригады в том же — куда ее нацелить; части отступающей от г. Бирска к ст. Чишме 27-й дивизии деморализованы, и «очень тяжело с вопросом постановки задачи» ***.

Решение командующего армией о создании армей-

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 69—70.

** Там же.

*** Там же.

ского резерва в районе северо-западнее г. Уфы за счет ослабления правого фланга заслуживает внимания как мера энергичная и соответствующая сложившейся тяжелой обстановке. Оставив на фронте от завода Архангельское до ст. Иглино (около 70 км) всего две бригады 26-й дивизии (3-ю и 1-ю), командарм преследует цель еще усилить войска на решающем направлении. С подходом названной 1-й бригады 27-й дивизии теперь уже девять полков были брошены на помощь 27-й дивизии. Семь из них (41, 42, 238 и 239-й в одиночку и три полка в составе 2-й бригады 26-й дивизии) уже втянулись в бой, но обстановка стала еще тяжелей. Что делается западнее тракта г. Бирск — Топорнино — ст. Чишма — совершенно неизвестно, связь с войсками, а следовательно, и управление утеряны.

В этих условиях командарм Блюмберг принимает новое решение большой важности и крупнейшего значения. 10 марта 1919 г. он отдал директиву № 300/Н*: «По полученным сведениям, противник глубоко зашел в тыл 27-й дивизии. Его пехотой занято Шарыпово, для овладения которым направлены 2-я бригада 26-й дивизии из района завода Благовещенский и 236-й полк из района Подымалово... В связи с тяжелой неудачей, постигшей 27-ю дивизию, и выходом противника в тыл армии в районе Шарыпова я решил вывести армию из боя и оттянуть на рубеж реки Чермасан. Комбригу 2/26 объединить командование над своей бригадой, 236-м полком и батальоном 41-го полка, разбить противника, занявшего Шарыпово, и облегчить отход всех частей 27-й дивизии на р. Чермасан в район Сабаево — Якупово — Ураково — Тавларово. Приказываю принять все возможные меры для передачи приказа частям 27-й дивизии и полкам 41-му и 42-му об отходе в указанный для 27-й дивизии район. С отходом их самому отойти за р. Чермасан в район 27-й дивизии... Войскам 26-й дивизии сегодня — 10 марта — с наступлением темноты начать отход с занимаемых позиций и под прикрытием арьергардов следовать — бригаде Эйхе в район ст. Давлеканово — Шарыпово — Казангулово, бригаде Гайлита отойти на рубеж р. Чермасан и занять фронт Санаево — Салтаново — Амирово —

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 155, лл. 7—10.

Ст. и Нов. Килимово. По выходе в указанные районы немедленно выставить сторожевое охранение на главных путях и вести разведку вперед».

Директива показывает, что командующий армией, наконец, совершенно правильно разобрался в обстановке, верно расшифровал замысел противника — окружить 5-ю армию в районе г. Уфа — ст. Чишма — и ясно увидел реальную угрозу — приближающиеся, далеко занесенные на обоих флангах армии и сбивающие войска армии в мешок в районе г. Уфы клещи — почти все четыре корпуса армии Ханжина.

«Я принял это решение, — заявил Каменеву командарм, — для того, чтобы спасти уцелевшие части армии и не открывать противнику направлений на г. Бугульму и г. Бугуруслан по железной дороге» *.

Директива вызвала немедленную резкую реакцию со стороны командующего фронтом. В ночном разговоре Каменев заявил: «Сейчас мне доложили ваше решение, и сию минуту передам ответ, считаю ваше решение неприемлемым». Переданный тут же ответ гласил: «Оставление Уфы намеченным вами порядком совершенно невыносимо. Принятое вами решение не только не сохранит живой силы армии, а приведет к ее полному разгрому. Вами не исчерпаны силы для сопротивления. Какими частями занято Шарыпово? Отсюда представляется наиболее удобным перебросить либо в Чишму, либо на следующую станцию части для выставления заслона к стороне Шарыпово, тем более что у вас не имеется определенных сведений, какие части в Шарыпово. Потеря связи с 1-й армией, каковая неизбежна при выполнении вашего плана, может повлечь разгром 1-й армии. Вновь повторяю: необходимо сопротивление, а не растерянность, какая наблюдается у вас. Вообще необходимо думать и о положении 26-й дивизии, которая при вашем плане также попадает в невыгодное положение. Ожидается немедленное донесение по изложенному № 0742. Реввоенсовет фронта С. Каменев — С. Гусев» **.

Не закончив разговора, Каменев ушел, поручив передать командарму: «Необходимо обдумать решение и вне-

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 75—76.

** Там же, л. 71.

сти поправки, после чего немедленно сообщить». Но думать долго некогда, и командарм отдает в течение суток один за другим несколько приказов.

Как только штабу армии удалось получить кое-какие сведения от штабов дивизий, командарм отдал 11 марта в 9.34 директиву № 304/Н*. Ориентировка в директиве дана была следующая: 3-я бригада 27-й дивизии удерживалась в районе Казарма — Токмаклы (схема 8); 41-й и 42-й полки в районе Первушино; 236-й полк из Подымалово и два полка 2-й бригады 26-й дивизии из завода Благовещенский в движении на Шарыпово. Выведенная в резерв армии 1-я бригада 27-й дивизии — в движении в район Подымалово, где она сосредоточивается по приказу командарма. Во изменение директивы № 300/Н приказано: 26-й дивизии отойти на линию Шареево — Амитово — Богородское — Александровка, установить связь с нашими войсками в районе завода Благовещенский; 3-й бригаде 27-й дивизии упорно оборонять занимаемый район и войти в связь с 236-м полком. «Приказываю принять исключительные меры, чтобы 27-я дивизия была остановлена на указанной линии, а 1-я бригада 27-й дивизии возможно скорее сосредоточена в районе Подымалово», — этими словами заканчивалась директива № 304/Н.

В тот же день командарм отдал еще одну директиву — № 306/Н **: «В связи с новыми более благоприятными сведениями о положении дел на фронте 27-й дивизии директиву мою за № 300/Н отменяю».

В чем состоит это более благоприятное положение, в директиве не говорится. По новому приказу задача 26-й дивизии остается старая — установить связь с левым флангом 1-й армии в районе Коварды. Сводной бригаде Шабата (наспех созданной из 41, 42, 239-го стрелковых и конного полков 27-й дивизии и некоторых частей 2-й бригады той же дивизии***) приказано занять и упорно оборонять участок Ст. Турбаслы до Удел Дуванен (т. е. для прикрытия с севера наступления 2-й бригады 26-й ди-

* ЦГАКА, ф. 1317, оп. 2, д. 51, л. 62.

** ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 155, лл. 15—18.

*** 2-я бригада 27-й дивизии оказалась наиболее пострадавшей уже в первые дни наступления противника. Где ее полки, в точности неизвестно. Поэтому командарм в директиве № 306/Н говорит об этой бригаде, не называя полков.

визии иметь фронт на северо-восток), выделив в резерв не менее полка в районе Подымалово. 2-й бригаде 26-й дивизии продолжать энергичное выполнение прежней задачи — наступление из завода Благовещенский на Шарыпово, после чего решительно наступать на север с задачей выйти на линию Удел Дуваней — Ахлыстино — Биктемирово. 1-й бригаде 27-й дивизии продолжать форсированное движение через Подымалово на поддержку 236-го полка и сбить противника у Шарыпова, далее наступать на фронт Биктемирово — Топорнино. 3-й бригаде 27-й дивизии, занимающей район Казарма — Сюльтюк, оставаться на месте «в резерве армии».

Несмотря на «более благоприятные сведения», Реввоенсовет 5-й армии в тот же день покинул г. Уфу и на рассвете 12 марта оказался уже в вагонах на ст. Чишма. Сидеть на этой станции было не совсем приятно, весь район уже забит отступающими в панике обозами и беглецами из 27-й дивизии. Распространялись самые дикие, невероятные слухи о поголовной гибели всех, кто не сумел вырваться на Чишму. Надо было ехать дальше, но, чтобы отъезд этот не был похож на бегство, командарм тут же на рассвете 12 марта спешно отдает еще одну директиву* (третью за последние сутки) — впопыхах опять без указания времени суток и даже без номера. В ней говорится, что противник ведет наступление по тракту г. Бирск — г. Уфа. Приказано: 26-й дивизии упорно оборонять занимаемую позицию; 27-й дивизии «с утра 12 марта отбросить противника на север и выйти на линию Александровка — Камышенка — Шарыпово». 238-му и 42-му полкам, как совершенно небоеспособным уже, отойти в район ст. Чишма. 3-й бригаде 27-й дивизии, которая, по данным, к утру 11 марта, то есть сутки тому назад, находилась в районе Казарма — Сюльтюк, приказано «по выходе всей 27-й дивизии на указанный рубеж находиться в резерве армии в районе Кашкалаши — Богородское — Архангельское и вести разведку вниз по р. Чермасану». Начальникам дивизий иметь по полку в резерве в районе г. Уфы.

Полагая, очевидно, что командующий армией выполнил свои обязанности, отдав за одни сутки три оперативные директивы и все написанные в решительных выраже-

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 155, лл. 19—20.

ниях, Реввоенсовет армии отправился поездом дальше на запад. На попутных станциях (во время кратких остановок поезда по техническим надобностям) состоялось несколько разговоров между работниками штаба фронта и штаба армии по прямым проводам. В 20 часов 12 марта состоялся разговор командующего фронтом с командующим армией *. Разговор начался в строгом тоне с запроса Каменева о положении на фронте армии и с требования дать объяснения о причинах отсутствия связи с дивизиями, а также требования доложить, какие меры приняты для восстановления связи. На этот раз в штабе армии имелись следующие данные: 2-я бригада 26-й дивизии вместо района завода Благовещенский вышла в район Подымалова, то есть на 28 км юго-западнее, и не успев начать движение на Шарыпово, была атакована противником с севера и запада и отброшена; 27-я дивизия вела наступление на Нурлино — Казанское, но была отброшена, причем 237-й полк отскочил в Арасланово; 3-я бригада 27-й дивизии сосредоточилась в районе Кашкалаши — больше о ней ничего не известно. Тут же отмечается наступление крупных сил противника на правый фланг армии в направлении завода Архангельское, где боями обнаружены подразделения 47-го и 48-го полков.

Как видно из доклада командарма, все три его последние директивы остались на бумаге — ударные кулаки Ханжина на флангах 5-й армии действовали успешно. Признав положение угрожающим, командарм просит точных указаний, как дальше действовать, чтобы его собственные решения не противоречили задачам фронта. «Я должен решение принять немедленно, потому что важна при данной обстановке каждая минута», — заканчивает свой доклад Блюмберг. Но командующего фронтом уже нет у аппарата — в Реввоенсовете фронта началось срочное обсуждение положения в связи с последними сообщениями 5-й армии. Отдельно Блюмбергом был поставлен вопрос о самом городе Уфе — оборонять ли его или отдать без боя⁵³. Решения РВС фронта командарм так и не дождался, но в это самое время ему была вручена отданная до этого разговора директива фронта № 0770, и поэтому уже через 20 минут Блюмберг выпустил в свет еще одну директиву — 310/Н следующего со-

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 111—120.

держания: «Приказываю удерживать Уфу до последней возможности. Когда будут исчерпаны все средства и усилия, начдиву 27 с 3-й бригадой дивизии и 2-й бригадой 26-й дивизии занять линию Бочкарево — Алкино — Аминево, упорно оборонять узел Чишма; начдиву 26, взорвав самым основательным образом мост через Белую и Уфимский вокзал, отходя с боями, занять 3-й бригадой 26-й дивизии линию Карамаскалы — Топорино — Осоргино — Бочкарево (исключительно), имея отдельный отряд в районе Малаево для охраны правого фланга и поддержания теснейшей связи с 1-й армией. 1-ю бригаду сосредоточить в армейском резерве в районе ст. Шингак-куль» *.

Отдана еще одна директива — можно ехать дальше. И когда случайно на одной из остановок между станциями Давлеканово и Белебей-Аксаково состоялся разговор начальника оперативного управления штаба фронта с начальником штаба армии Ермолиным, последний только и мог сообщить: «...С полуночи не могу установить связи с дивизиями... Всю ночь тщетно работало радио... По косвенным данным, Чишма наша. Вопрос об Уфе покончен...» **.

Только 14 марта, то есть через двое суток со дня выезда из г. Уфы, когда поезд РВС армии остановился наконец окончательно на ст. Белебей-Аксаково и оказался в безопасности, началась работа штаба. Но никто не знает, где штабы дивизий, связи никакой с ними уже давно нет. Поэтому штабу армии приходится посылать штабу фронта только те скудные и случайные сведения, которые ему удастся собрать разными путями.

«13 марта в 16 часов, — сообщает штаб 5-й армии в телеграмме штабу фронта 14 марта в 10 часов, — противник повел наступление на ст. Чишму при поддержке артиллерии. Из находившихся на станции остатков частей небольшое сопротивление оказали только части 237-го Минского полка и два бронепоезда, отступившие после боя на юг. Противник продолжает наступление на ст. Шингак-куль, а на Волго-Бугульминской дороге занял

* ЦГАКА, ф. 1317, оп. 2, д. 51, л. 17.

** ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 98—102.

станцию Благовар. За отсутствием связи от остальных частей сведений нет» *.

Через час — в 11 часов 14 марта — посылается новое донесение: «На фронте 26-й дивизии вчера происходили ожесточенные бои. С наступлением темноты части отходили на линию Карлыманбашево — Берсуванбаш — в общем, по стерлитамакскому тракту. Сведений от других частей нет» **.

В 22 часа того же 14 марта сообщается: «На станции Давлеканово стекаются остатки и обозы частей 27-й дивизии. Из упомянутых остатков формируется отряд, который будет использован для обороны ж. д. В районе Теперишева (28 км. с.-в. ст. Давлеканово) находятся вооруженные рабочие, вышедшие из Уфы, численностью около 1500 человек. Штаб 2-й бригады 26-й дивизии был в 5 часов утра 13 марта в Крижацком, что севернее г. Уфы» ***.

Даже 15 марта — на третьи сутки со дня выезда из г. Уфы — РВС армии еще не вступил в командование своими войсками. «Противник по занятии ст. Чишмы, — докладывал командарм штабу фронта в тот день (время суток не указано. — Г. Э.), — движется на юг, какие части — неизвестно. На ст. Шингак-куль — наши бронепоезда, поддержанные наскоро сколоченными сводными командами, которые принял на себя Вахромеев, организуя в Давлеканово сводный полк, собирая в него всякую калечь...» ****

Приведенные документы показывают, что в течение двух с лишним суток ни штаб армии, ни штаб фронта ничего не знали точно о том, что происходит на фронте. Отрывочные сведения поступали, но не в виде оперативных сводок, представляемых к определенному сроку всеми войсковыми штабами и содержащих сведения о всех частях войск. Кроме того, сведения получались с таким опозданием, что теряли в условиях стремительного наступления противника и неустойчивости наших войск всякое практическое значение для принятия решений и отдачи приказов частям. Это, однако, не смущало коман-

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, л. 141.

** Там же, лл. 136—137.

*** Там же, лл. 158—161.

**** Там же, лл. 144—152.

дарма Блюмберга — в течение одних суток, как указано выше, он отдал несколько директив, называл в этих директивах конкретные линии и определенные населенные пункты, которые надо то оборонять, то атаковать. Создалось положение, когда оперативные приказы и директивы высшими штабами писались, куда-то отсылались, но были ли отданные распоряжения получены адресатами, когда именно они были получены и соответствовали ли они обстановке, да и можно ли было вообще что-либо предпринять для выполнения этих приказов, — ничего этого в те дни в штабе армии никто сказать не мог. Более того, по документам не видно, какие конкретные меры принимались штабом 5-й армии для установления связи со штабами дивизий сверху вниз. Так, к примеру, случилось с директивой, отданной командармом на ст. Чишма 12 марта. На подлиннике имеется надпись: «Приказ не послан — положение не позволяло. Успели только сообщить по телефону начальнику 27-й дивизии и комбригу 3/26» *.

Можно считать установленным, что уже в ночь на 12 марта всякое управление войсками со стороны командующего армией кончилось. Положение усугублялось тем, что некоторые из войсковых частей получали директивы, а другие нет. Получившие приказы начали выполнять их, а не получившие действовали по собственному усмотрению; разрозненность действий и распыление сил росли с каждым часом, в то время как только собранные в кулак под твердым управлением войска могли бы оказать сопротивление врагу⁵⁴. В этой связи заслуживают внимания действия Блюмберга как командующего войсками армии в весьма трудной и сложной обстановке на первом этапе наступления Ханжина.

Через несколько часов после отдачи директивы № 300/Н об отводе всей 5-й армии без боя за реку Чермасан, то есть примерно на 100—120 км на запад, командарм получил от командующего фронтом телеграмму (приведенную выше на стр. 97) с указанием, что план командарма об оставлении города Уфы неприемлем и должен быть изменен. Изложенное в директиве № 300/Н решение о глубоком без боёв отводе на запад всех сил армии, конечно, выходило за пределы компетенции и

* ЦГАКА, ф. 1317, оп. 2, д. 51, лл. 15—16.

прав командующего войсками армии. До 10 марта у Блюмберга имелось достаточно времени и возможностей в переговорах с командующим фронтом и штабом фронта заблаговременно выяснить, какие задачи для 5-й армии и соседних армий намечает в создавшейся тяжелой обстановке командование фронта, но он этого не сделал. Принятие столь ответственного и затрагивающего весь фронт — прежде всего соседнюю 1-ю армию — решения и отдача его войскам до согласования с фронтом указывает, несомненно, на существование разногласий между РВС армии и РВС фронта. Заслуживает безусловного осуждения избранный РВС армии путь разрешить эти разногласия, поставив фронт перед совершившимся фактом; ведь РВС армии должно было быть ясно, что от этого пострадают прежде всего войска и будет внесена еще бóльшая дезорганизация в управление, если (как оно и произошло на самом деле) приказ об отводе придется отменить. Можно только предполагать, что РВС армии пошел на этот шаг или в минуту полной растерянности, или пытаясь снять с себя ответственность за дальнейшие стихийно развивающиеся события на фронте армии и ее окончательный разгром. Только этим можно объяснить то обстоятельство, что тотчас же по получении указаний Каменева о неприемлемости решения командарма РВС армии моментально забыл обо всем, что было до телеграммы Каменева, забыл о всех своих собственных деловых соображениях, которые были у него тогда, когда он принимал решение об отводе армии и послал приказ об этом войскам. Отменив директиву РВС армии № 300/Н, РВС фронта принял ответственность за дальнейшие события на себя, но тут же потребовал от командарма представить другое решение — другой план действий. Практической помощи или делового совета в телеграмме Каменева № 0742 нет, но теперь это уже для РВС армии и командарма Блюмберга совершенно неважно; теперь уже отвечать за все придется РВС фронта, и поэтому РВС армии бросается в другую крайность.

1-я и 3-я бригады 26-й дивизии прикрывают г. Уфу с востока и сами скованы противником; их в наступление не бросишь. Зато имеются шестнадцать полков севернее г. Уфы. Правда, нет точных данных, где эти полки и что с ними; известно только, что они понесли тяжелые потери

и не в состоянии задержать противника; об этом командарм сам докладывал командующему фронтом. Но теперь все это не имеет никакого значения. Не задумываясь над последствиями, командарм Блюмберг бросает все эти 16 полков — потрепанных, уставших и, главное, не объединенных под одним командованием, не имеющих связи ни между собой, ни со своими штабами бригад или дивизий, — навстречу трем корпусам Ханжина, в их железные объятия. Повторные приказания Блюмберга — восстановить положение на линии Шарыпово — выводят наши части как раз поглубже в раскрытые клещи противника... Трудно найти другое объяснение действиям командарма. Вместо отхода без боев на сотню километров на запад (по директиве № 300/Н) — удар вперед на 15—20 км для того, чтобы занять новый рубеж к обороне.

Перед Блюмбергом нет уже дилеммы: или Уфа — или живая сила армии; или спасти живую силу, но тогда приходится отдавать Уфу; или же оборонять город, но тогда надо забывать о спасении живой силы. Блюмберг, видимо, по-своему понял слова Каменева: «оставление Уфы в указанном вами порядке совершенно неприемлемо». Теперь, после стольких категорических его директив, никто не может предъявлять Блюмбергу обвинение, что само командование армии по собственному приказу сдало город⁵⁵.

Мы не знаем, как подобные спорные вопросы решались в тот период в колчаковской армии, но, пока наше командование отдавало, а потом отменяло свои приказы и этим еще больше ухудшало обстановку для войск, остававшихся без связи и управления, вынужденных действовать на собственный страх и риск, командующий Западной ударной армией ген. Ханжин отдал 11 марта в 22.45 четвертую по счету директиву № 0930*. В оценке Ханжина положение рисуется в следующем виде. Красные с участка 6-го корпуса снимают и отводят войска в район г. Уфы, чтобы, создав резервы, при их помощи ликвидировать обход 2-го Уфимского корпуса от г. Бирска на ст. Чишму. Как видно, Ханжин в основном правильно понял сущность действий главных сил 5-й армии.

По директиве № 0930 командиру 2-го Уфимского кор-

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 5, л. 9.

пуса приказано энергичными действиями захватить Чишму и удерживать ее во что бы то ни стало. Ударной группе подтверждается энергичное наступление на завод Благовещенский — г. Уфа; 6-му корпусу наступать главными силами южнее железной дороги и города в направлении на ст. Шингак-куль, стремясь отрезать красным путь отхода на юг. Этому же корпусу дается следующее весьма интересное указание: «быть готовым нанести удар на север и северо-запад, дабы облегчить выполнение задачи 4-й Уфимской дивизии по овладению районом ст. Чишмы». Это означало, что, если резервам нашей 5-й армии и удастся отбросить на север 4-ю Уфимскую дивизию и преградить ей путь на ст. Чишму, они тут же получат сильнейший удар в тыл главными силами 6-го корпуса, наступающего южнее города в направлении станции Шингак-куль. Но если мы и не сумеем произвести контрудара на участке 2-го Уфимского корпуса, а будем только обороняться с целью удержать за собою ст. Чишма — г. Уфа, то и в этом случае движение 6-го корпуса в указанном направлении сыграет большую роль в осуществлении операции окружения войск 5-й армии; Ханжин, конечно, не мог знать о приказе Блюмберга «удерживать Уфу до последней возможности», но он создает в районе города такую группировку главных сил Западной армии, которая легко сомнет и разгромит (войсками трех корпусов) две — три расстроенные бригады наших войск, что могли быть собраны для выполнения приказа Блюмберга о защите города.

Между тем 12 марта, после отъезда Реввоенсовета армии из города, в Уфе собрались начальник 26-й дивизии Матиасевич и начальник 27-й дивизии Яхлаков. Так на месте уехавшего армейского РВС в городе оказался «Совет начдивов» 5-й армии. В тот же день начдивы сумели еще связаться со штабом армии и запросили указаний о дальнейших действиях, в частности, как быть с городом. Полученные ими упомянутые выше распоряжения командарма удерживать город до последней возможности и перейти с утра 12 марта всеми силами в наступление для занятия рубежа Шарыпово были на деле для войск пустым звуком. Войскам предстояло самим разобраться в обстановке, так как обе директивы абсолютно уже не соответствовали фактическому положению на

фронте. К примеру, о каком переходе с утра 12 марта в наступление всеми частями могла идти речь, если директива об этом была послана только в 3 часа 55 минут утра 12 марта в штаб 27-й дивизии, который сам не имел связи со своими частями.

Таким образом, с 12 марта, когда РВС армии, уехав из города, потерял связь со штабами дивизий, сражение севернее города вступило в новую фазу: уже не РВС и не штаб армии решали; слово было за начальниками дивизий — от них зависело полностью решение вопросов о дальнейших действиях войск армии и, в частности, о самом городе ⁵⁶.

Порешив, что оборонять район города невозможно, и не имея уже связи со штабом армии, оба начдива пускаются того же 12 марта со своими штабами вслед за штабом армии также на запад.

Уже в пути начальник 26-й дивизии Матиасевич послал 13 марта в 9.30 войскам дивизии распоряжение № 17/М; надо отметить, что к этому времени в подчинении начдива оставались только 1-я и 3-я бригады 26-й дивизии; 2-я бригада дивизии была передана в распоряжение начальника 27-й дивизии и действовала севернее города.

В приказании № 17/М говорилось: «Сего 13 марта с наступлением темноты отойти 3-й бригаде на линию Алайгирово — ст. Мусино, 1-й бригаде — Мусино — Листовка. 14 марта с наступлением темноты бригадам продолжать отход на линию... 15 марта с наступлением темноты бригадам продолжать отход: 3-й бригаде на линию ст. Давлеканово — Стар. Турумбетово, 1-й бригаде... На станции Давлеканово будет оставлен пост с распоряжением о дальнейших передвижениях» *.

Как видно из этого распоряжения, теперь уже начальник 26-й дивизии сам решил осуществить маневр глубокого отвода войск на линию ст. Давлеканово, о котором еще три дня назад дал директиву командарм, в тот же день фактически отмененную командующим фронтом, а вслед за ним и самим командующим войсками армии Блюмбергом.

* ЦГАКА, ф. 1317, оп. 2, д. 51, л. 40.

ВТОРОЙ ЭТАП ОПЕРАЦИИ

СРАЖЕНИЕ ЮЖНЕЕ г. УФЫ

С 15 МАРТА 1919 г. ПО 3 АПРЕЛЯ 1919 г.

(Схемы 8 и 9)

1. Обстановка в районе г. Уфы по занятии его белыми

14 марта командующий Западной армией ген. Ханжин отдал директиву № 0962* — пятую со времени начала операции.

Директива начиналась сообщением о том, что 13 марта части 6-го корпуса заняли г. Уфу, а 4-я Уфимская дивизия — ст. Чишму. «Противник, — говорилось в директиве, — частью прорвался и в беспорядке отходит в западном и юго-западном направлениях, причем часть пытается оказывать сопротивление в районе ж. д. Чишма — Уфа».

Ближайшая задача армии — «замкнуть окружение красных в районе Репьевки»**. Выполнение этой задачи возлагается на 2-й Уфимский и 6-й Уральский корпуса. Составляющему ударную группу 3-му Уральскому корпусу, наступавшему в промежутке между 2-м и 6-м корпусами и несколько отставшему, приказано быстро выдвинуться и главными силами в составе 7-й Уральской дивизии и Оренбургской казачьей бригады энергично преследовать красных в общем направлении на г. Белебей. В связи с этим 2-й Уфимский корпус получает задачу совершить перегруппировку и действовать на запад в направлении на г. Мензелинск и г. Бугульму. 6-му корпусу после выхода 7-й Уральской дивизии в район Репьевки также перегруппироваться для наступления в южном направлении на г. Стерлитамак. Южной группе перейти в наступление, разбить противостоящего противника и овладеть заводом Кананикольский. Ижевская бригада (из 3-го корпуса) и 11-я дивизия (из 6-го корпуса) выводятся в резерв армии (в районе г. Уфа), а находившаяся в армейском резерве бригада 6-й Уральской дивизии передается в 3-й корпус.

В свете этой директивы Ханжина следует признать правильным принятое начальниками дивизий 5-й армии 12 марта в г. Уфе решение оставить город без боев вопреки приказу командарма. Точное выполнение приказа

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 5, л. 11.

** Д. Репьевка находилась в 15—18 км южнее ст. Чишмы.

Блюмберга дало бы возможность трем корпусам белых (несколько десятков тысяч штыков и сабель) буквально задушить наши действующие в Уфимском районе войска, насчитывавшие максимально 5—6 тысяч бойцов.

Как видно из приведенной директивы, не все получилось так, как замышлял Ханжин. Правда, район города и ст. Чишма заняты его войсками, но: а) красным удалось прорваться, б) далеко отстал ударный корпус и в) 6-й корпус бросился к городу и поэтому не перехватил тракта из Уфы на Стерлитамак. Наконец, два соединения — Ижевскую бригаду и 11-ю дивизию — пришлось вывести в резерв: их потери и расстройство не позволяли ставить им задачи дальнейшего решительного наступления.

Но все это не останавливает Ханжина: не удалась «Уфимские «Канны» — так должны удалиться «Репьевские». Поэтому директива № 0962 вновь подтверждает, что главная задача армии: «действуя с прежней энергией и упорством, окружить и уничтожить 5-ю красную армию». По расчетам Ханжина, задача эта может быть выполнена в районе Репьевки.

В 2 часа утра 14 марта — в день отдачи Ханжиным директивы окружить войска 5-й армии южнее Чишмы — Уфы — прибыл в село Бузовьязы, что в 45 км южнее г. Уфы на стерлитамакском тракте, штаб 3-й бригады 26-й дивизии; названная бригада действовала на крайнем правом фланге 5-й армии и выполняла упомянутое выше приказание об отводе войск на ст. Давлеканово. В тот же день около 10 часов утра состоялся первый разговор командира бригады Эйхе с начальником Пензенской дивизии Воробьевым из состава соседней 1-й армии.

После краткого обмена сведениями о положении частей и обстановке командир бригады сообщил Воробьеву, что по приказу начальника 26-й дивизии он будет продолжать отход на ст. Давлеканово, где должен получить дальнейшие распоряжения. Просьбу Эйхе дать ему возможность переговорить через штаб Пензенской дивизии со штабом 5-й армии или штабом 26-й дивизии Воробьев отклоняет под предлогом отсутствия у него в данный момент связи со штабом 1-й армии, находящимся в г. Оренбурге. Воробьев обещает, однако, выяснить все тотчас по восстановлении связи, причем он подчеркивает: «Если вы оголите мой фланг, то придется потерпеть неудачу». Раз-

говор кончился следующим заявлением командира бригады: «Вопрос о моем дальнейшем отходе всецело зависит от положения на участке 1-й бригады нашей дивизии влево от меня в Ново-Мусино — Листовка и от того, будет ли она отходить. Безусловно, соглашаясь с высказываемыми вами положениями, я приостановлю отход бригады до 24 часов сегодняшнего дня и приложу все усилия...» *.

К этому времени из поступивших в штаб 3-й бригады 26-й дивизии донесений от полков уже было известно, что 232-й полк связался вдоль фронта влево (на запад) с 228-м полком 1-й бригады 26-й дивизии. Поэтому тотчас по окончании разговора с Воробьевым командир бригады Эйхе направляет командиру 1-й бригады Гайлиту записку тем же кружным путем через штабы названных полков, так как прямой связи между штабами бригад нет, да и неизвестно точное местонахождение штаба 1-й бригады.

Так как записка эта имела крупное значение для дальнейшего хода событий на фронте 5-й армии и, кроме того, освещает положение наших войск южнее г. Уфы — ст. Чишмы на 14 марта, мы приводим ее почти полностью: «Сегодня я имел разговор с начальником 1-й Пензенской дивизии в Стерлитамаке. Он сообщает, что 1-я армия двигает весьма крупные силы в нашу сторону, чтобы не потерпеть неудачу на своем фронте, имея в виду, что ими занят г. Верхнеуральск. Отряд в 2000 человек прибывает сегодня в Пр. Табынск. В Толбазы стоит полк. Левый фланг дивизии в Сейтбабино. Начдив Воробьев ведет разговор со штабом 1-й армии о приостановке нашего дальнейшего отхода. Сейчас вопрос решается в штабе фронта. Связи со штабом нашей дивизии, а также со штабом 5-й армии не имею. Ввиду настоятельных просьб начдива Пензенской я решил приостановить отход до 24 часов сего числа. Если к этому времени вопрос не будет решен (сейчас Стерлитамак — штаб фронта не работает), то я начну отход. Убедительно прошу вас согласовать свои действия со мною и не начать отхода раньше, во всяком случае, указанного времени нашего отхода. Лучше всего будет держать связь вашему правому флангу с 232-м полком, занимающим Мусино, чтобы таким путем своевременно предупредить мою бригаду о ва-

* ЦГАКА, ф. 1317, оп. 2, д. 34, лл. 103—104.

шем отходе, что будет самым быстрым уведомлением. Штаб фронта надеется исправить положение, двигая весьма крупные силы к левому флангу 1-й армии. Поэтому считаю, что нам безусловно следует дожидаться решения штаба фронта, чтобы потом снова не быть двинутыми на ныне занимаемую линию и своим отходом не оголить весь левый фланг 1-й армии, что может кончиться таким же поражением, как у нас. На участке бригады спокойно. Сообщите сведения о противнике против вас, а также кто и в каком положении влево от вас. Сообщите, можете ли связаться со штабом дивизии и что имеете от него. Я, кроме бумажки от 13 марта № 17/М, больше ничего от дивизии не знаю и не слышал. Полагаю, что это приказание начдива слишком скороспешное и штадив 26 еще более осложнил положение, теряя всякую связь с нами. Прошу срочно ответить о начале отхода, а также ваше мнение по поводу разговора с начальником 1-й Пензенской дивизии» *.

Записка эта была получена командиром 1-й бригады только в 22 часа 14 марта. Сняв копию с записки для отправки начальнику 26-й дивизии, командир бригады Гайлит одновременно послал свое донесение, в котором сообщает, что, по донесению командира 41-го полка, подчиненного ему временно, в эту ночь через участок бригады должны проходить с севера разбитые части 2-й бригады 26-й дивизии, 1-й бригады 27-й дивизии и Сводной бригады Шабата. Спасаясь от преследования белых, все названные части отходят на юго-восток—на стерлитамакский тракт. Гайлит доносил: «Ввиду того, что эти части совершенно потеряли боеспособность и не в состоянии пробиться к нам, если они будут подвергаться новым нападениям противника, я решил удерживать занимаемую позицию до утра 15 марта, пока не последует новое приказание от вас после ознакомления с положением на фронте бригад моей и т. Эйхе, а также сведений, которые имеются от 1-й армии, в частности от Пензенской дивизии. О своем решении я предупредил т. Эйхе. Прошу дать ответ срочно» **.

Части бригады Гайлита занимали Мусино—Николаевка, давления со стороны противника пока не было;

* ЦГАКА, ф. 1317, оп. 2, д. 97, лл. 325—328.

** Там же, л. 332.

связь имелась влево (на запад) с 229-м полком, а вправо (на восток) с 232-м полком.

«Необходимость остановиться на занимаемой линии,— доносил тот же командир бригады Гайлит начдиву 26 другой полевой запиской того же 14 марта, — вызвана крайней усталостью частей, из которых некоторые делали по 45 верст в сутки. При таких обстоятельствах не нахожу возможным переходить на новую позицию до тех пор, пока не узнаю, известно ли 2-й и 3-й бригадам, на какой рубеж и каким путем им отойти, а то открою фланг их, если они, не получив соответствующего приказа, откажутся отойти» *.

Как показывают приведенные документы, соображения и мотивы у каждого из командиров бригад свои, но они приходят к одному и тому же выводу: дальше отступить нельзя. Отступление грозит поражением 1-й армии и окончательным уничтожением вырывающихся из Уфимского района остатков частей главных сил 5-й армии. Приказ начальника 26-й дивизии о планомерном в течение трех суток отходе на запад бригадами получен. Командиры бригад понимают, что они обязаны его выполнить. Но они также понимают, что приказ этот абсолютно не соответствует сложившейся обстановке. Решение вопроса о том, продолжать ли отход (по явно устаревшему приказу) или перейти к обороне (как того требует обстановка), выходит за пределы их компетенции. Поэтому Эйхе ждет решения от штаба фронта, а комбриг Гайлит — от начальника 26-й дивизии, то есть каждый — от той командной инстанции, с которой ему удалось связаться своим собственным путем.

Приведенные цитаты подтверждают еще и то обстоятельство, что данная ген. Ханжиным в директиве от 14 марта оценка состояния войск 5-й армии оказалась в отношении главных сил этой армии вполне правильной, соответствующей действительности. До падения города Уфы севернее его находились 1-я и 2-я бригады 27-й дивизии, 2-я бригада 26-й дивизии и Сводная бригада Шабата. Атакованные главными силами трех корпусов Ханжина, указанные наши бригады были отброшены на юг. С падением ст. Чишмы 13 марта путь на запад был им отрезан. Занятие того же числа частями 6-го корпуса

* ЦГАКА, ф. 1317, оп. 2, д. 97, л. 334.

района г. Уфы оставляло всем нашим четырем бригадам с их тылами для отхода на юг сравнительно узкий коридор между ст. Чишмой и г. Уфой. В этот узкий коридор (схема 8) и устремилось все то, что пыталось вырваться из окружения на свой собственный страх и риск, не имея связи ни с какими штабами и не получая распоряжений.

В этих условиях было вполне нормальным сообщение штаба 5-й армии в оперативной сводке к 24 часам 17 марта: «Кроме того, не прекращается работа по сбору дезертиров и прочих групп частей 27-й дивизии, стекающихся в район г. Белебея и район г. Бугульмы»*.

Фактически уже с 12 марта никакого фронта войск 5-й армии в районе г. Уфы больше не существовало — таков единственный вывод, который должен быть сделан в результате изучения архивных материалов за этот период.

2. Образование нового фронта войск 5-й армии южнее г. Уфы. Борьба вокруг вопроса — отступить или обороняться

Связь, технически очень слабая, шла по проводам далеким круглым путем: с Бузовьязы — г. Стерлитамак — г. Оренбург — г. Бузулук — г. Самара — г. Симбирск. Поэтому не удивительно, что только поздно ночью с 14 на 15 марта состоялся разговор командующего 1-й армией Гая с командующим фронтом Каменевым. Гая докладывал: «Только что разговаривал с начдивом Пензенской, который донес, что сейчас 1-я и 3-я бригады 26-й дивизии, оторванные от других частей, от штаба дивизии и штаба армии, находятся на линии Ильтуганово — Мусино — Листовка, а штаб бригады — в Бузовьязы. Эти бригады не знают, что делать, так как связи ни с кем не имеют, запросили Стерлитамак об этом. Не найдете ли возможным остановить дальнейший отход этих частей и временное управление ими передать мне, пока шторм 5 приведет себя в порядок. Начдив Пензенской может воспользоваться ими, пока я покончу перегруппировку Уфимской группы»**.

Не трудно убедиться, что доклад Гая Каменеву весьма существенно расходится с тем, что говорил комбриг Эйхе

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, л. 246.

** Там же, л. 143.

начальнику Пензенской дивизии Воробьеву, что потом Эйхе сообщал командиру 1-й бригады Гайлиту и что этот последний доносил начальнику 26-й дивизии. Но командарм Гая идет на «маленькие неточности». Для него важнее всего получить как можно скорее распоряжение Каменева на передачу обеих бригад в 1-ю армию.

Неожиданное появление двух непотрепанных бригад 26-й дивизии на фланге 1-й армии и последовавшая тут же передача их в эту армию (согласно директиве командующего фронтом от 15 марта № 0810) обрадовало командарма Гая. Он тут же развивает большую активность, отдав в течение одних суток несколько оперативных распоряжений. По существу в этих распоряжениях нет ничего нового: бригадам категорически подтверждается упорно оборонять рубежи, на которых они остановились и задержались по собственной инициативе. Но для Гая и это важно — фланг его армии теперь надежно обеспечен. Поэтому он не скупится на приветливые слова и на распоряжения по вопросам обеспечения бригад всем необходимым за счет 1-й армии, ибо собственные тыловые части бригад и дивизии давно уже где-то в районе ст. Давлеканово. Но совершенно по-другому отнеслись к приостановке отхода бригад на запад их непосредственные начальники — начдив 26 и командарм 5. Переговоры комбрига Эйхе с начдивом Пензенской Воробьевым и последовавшая за этим передача бригад в 1-ю армию показали всем неоспоримо и ясно, что ни начдив 26, ни штаб 5-й армии не имели связи со своими частями в самый тяжелый момент, когда белые почти завершили окружение их в районе г. Уфы. Как уже было отмечено, и Гая и Воробьев не постеснялись «расписать» это дело в желательном им духе. Это было, конечно, неприятно для Блюмберга и Матиасевича, но еще хуже было другое. С каждым лишним часом, с каждым лишним днем удерживания бригадами занятого по собственному почину южнее г. Уфы рубежа становилось все более ясно и неопровержимо, что не так уж сильны белые, что их можно задержать и что приказание о глубоком без боев отходе на рубеж ст. Давлеканово было неправильно и ошибочно, что, приостановив свой отход, обе названные бригады сыграли крупную роль, прикрыв левый фланг 1-й армии и помогая спасти и сохранить для 5-й армии остатки полков, вырывающихся из окружения на стерлитамакский

тракт. Все это, казалось бы, внутриармейские вопросы самой 5-й армии. Они так бы и остались никем не замеченные, если бы все это не произошло на стыке двух армий и если бы не было последовавшего в силу этого обращения командарма 1 к командующему фронтом. После всех отмеченных выше переговоров между целым рядом командных инстанций и директивы Каменева № 0810 о передаче бригад в оперативное подчинение 1-й армии все дело приобретало совершенно другое значение и другой смысл. Командование фронта сказало свое веское слово: бригадам упорно обороняться там, где они сами остановились, — в этом заинтересован весь фронт, прежде всего в целях предотвращения удара белых во фланг и в тыл нашей 1-й армии. Самовольные действия командиров бригад, отказавшихся от слепого исполнения боевого приказа о глубоком отходе на запад, теперь были признаны правильными и санкционированы командованием фронта. Благодаря всему этому выявились крупнейшие недостатки в деле управления войсками со стороны командарма 5. Было очевидно, что ни штаб армии, ни штабы дивизий не предприняли ничего, чтобы своими собственными средствами поддерживать связь, а, снявшись с места, предоставили войсковое командование самому себе.

Именно так понимал РВС фронта весь вопрос, послав 15 марта резкую телеграмму Реввоенсовету 5-й армии с обвинением не только в отсутствии связи с дивизиями, но и в том, что именно по вине Реввоенсовета армии, бросившего войска, вся армия оказалась небоеспособной. Молча принять такое обвинение нельзя было, конечно. В тот же день члены РВС 5-й армии Михайлов и Стуков вызвали к прямому проводу члена РВС фронта Гусева, чтобы опровергнуть предъявленное им обвинение. «Связь со штадивами и некоторыми частями дивизий, — вынуждены признаться Михайлов и Стуков, — и штабом армии была прервана лишь в течение полутора — двух суток. Этот перерыв вызывался тем, что как части и штадивы, так и штарм находились в движении. Бригады Гайлита и Эйхе на основании всех имеющихся в нашем распоряжении данных представляются в настоящий момент наиболее боеспособными частями армии. Каких-либо точных сведений, противоречащих этому нашему взгляду, штаб фронта иметь не мог. Нам кажется, что тяжелые условия,

в которых в настоящее время находится 5-я армия, и естественное стремление выяснить причины их не могут, пожалуй, предоставлять РВС фронта основания торопиться с отысканием виновных там, где их, может, и не имеется» *.

Заявив, «Мы вовсе не ищем виновных», Гусев разъяснил: а) что бригады переданы в 1-ю армию временно для того, чтобы прикрыть сосредоточение сил 1-й армии к ее левому флангу, после чего обе бригады будут возвращены в 5-ю армию, и б) что отсутствие связи ничем оправдывать нельзя; «указывая на это, — заявил Гусев, — РВС фронта стремился только к тому, чтобы вы поскорее собрали ваши части и установили с ними связь».

Приведенный разговор не был единственным на эту тему. Передача бригад в 1-ю армию подняла на ноги все руководство и штаб 5-й армии⁵⁷.

Из многочисленных состоявшихся в эти дни переговоров ответственных работников 5-й армии заслуживает внимания имевший место 16 марта доклад начальника 26-й дивизии Матиасевича начальнику штаба 5-й армии Ермолину: «Обе бригады должны были быть еще вчера на ст. Давлеканово, но благодаря какой-то интриге, основанной, между прочим (в этом месте лента с текстом переговоров преднамеренно вырвана. — Г. Э.)... и это влияние из Пензенской дивизии передал на бригаду Гайлита, что мне известно из письма Эйхе Гайлиту. Финал этого таков: Гайлит, по-видимому, задержался лишний день на линии Мусино — Берсуанбашево, имея штаб в Репьевке. Сейчас получены точные сведения, что весь район Репьевки занят противником, причем есть много оснований, что штаб Гайлита погиб... Что делается к западу от ж. д. — неизвестно, и средств осветить этот район нет. 2-я бригада 26-й дивизии отошла на стерлитамакский тракт, и пребывание ее неизвестно. 2-й Петроградский кавалерийский полк тоже не разыскан. 1-я бригада 27-й дивизии отходит в район Ташлы Нж. и Верх. и без значительного отдыха совсем небоеспособна. Таким образом, мне командовать нечем, задача, возложенная на меня, исполнена быть не может. В районе ст. Давлеканово находятся 239-й и 241-й полки под командованием Шабата. Оба полка тоже утратили всякую боеспособ-

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 167—169.

ность, да и состав их что-то по 150 человек. Вот наши силы в районе Давлеканово. Шабат отказался прикрывать район Давлеканово, поэтому штадив 26 намеревается перейти на ст. Раевка, туда же оттянуть многочисленные обозы разных частей, находящиеся сейчас в Давлеканово. Вахромеев решил свой сводный отряд и бронепоезда оттянуть на разъезд Казангулово» *.

Из приведенного разговора вырисовывается общая катастрофическая картина в 5-й армии. Там, где должны были быть главные силы ее для прикрытия железнодорожного направления на г. Бугуруслан, нет ни одной боеспособной части войск. Где начальник и штаб 27-й дивизии — неизвестно. Две бригады этой дивизии — 1-я под командованием Неймана и два полка (239-й и 241-й) из 2-й бригады под командованием Шабата — никакой боеспособной силы собою не представляют и отказываются подчиняться начальнику 26-й дивизии. О 3-й бригаде 27-й дивизии ничего не слышно. Кроме бронепоездов и сводного отряда Вахромеева, драться с противником некому, но и этот отряд отводится по приказанию своего начальника.

Было отчего нервничать командованию армии и начальнику дивизии.

Но штаб фронта также чувствовал свою ответственность: ведь РВС фронта сам отменил приказ командарма Блюмберга о глубоком (в целях спасения живой силы) отводе войск еще 10 марта, когда главные силы армии — пять бригад — были еще боеспособными, занимали определенные районы, имели связь со своим командованием и ими можно было управлять. Все это рассыпалось.

16 марта командарм Блюмберг заявил командующему фронтом жалобу ** на то, что 1-я армия не дотянула левый свой фланг до ст. Усманово на Самаро-Златоустовской ж. д. силами переданных ей двух бригад 26-й дивизии. В связи с этим командарм просил: а) или приказать 1-й армии занять названную станцию своими левофланговыми войсками; б) или указать новую разграничительную линию между 5-й и 1-й армиями; в) или вернуть обе переданные бригады в 5-ю армию. Мотивировалось это тем, что между ст. Усманово и деревней Петровка (схема 9),

* ЦГАКА, ф. 1317, оп. 2, д. 65, л. 75.

** ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 186—191.

где находятся подчиненные командарму 5 войска, образовался никем не занятый прорыв. В условиях гражданской войны не представляли собою ничего особенного такого рода незанятые промежутки — ведь сплошного фронта не бывало очень часто. В данном случае, когда у командарма 5 вообще не было ни войск, ни какого-либо фронта в районе Самаро-Златоустовской ж. д., вопрос стоял уже не о заполнении какого-то промежутка, а о том, будет ли вообще восстановлен фронт войск армии. Кроме того, прорыв этот образовался не без прямого участия самого Блюмберга. Дело в том, что 15 марта им был отдан приказ * начальнику 27-й дивизии отвести свои части в район завода Усень — Ивановский (что в 15 км с.-в. г. Белебея). Распоряжение это вызвало возражения штаба фронта. Давая объяснения, Блюмберг заявил: «...Дивизия небоеспособна, в ближайшее время участия в операциях принимать не может... некоторые части расплылись, в некоторых насчитывается не более 100—150 штыков. Поэтому я решил отвести в глубокий тыл, где дивизия спокойно себя приведет в порядок» **.

Штаб фронта возражал, но дать прямой приказ об отмене распоряжения командарма не решился. Теперь РВС 5-й армии решил использовать вопрос об этом незанятом промежутке для того, чтобы предъявить РВС фронта ряд обвинений.

«Считаю своим долгом и обязанностью доложить, — заявил член РВС 5-й армии Михайлов 16 марта в разговоре с РВС фронта, — что передача двух бригад 26-й дивизии лишила армии тех крепких частей, вокруг которых можно было сплотить более менее дезорганизованные остальные части. На основании заявлений ответственных политических работников дивизии я имею основания утверждать, что замена командования дезорганизовала работу политического и командного состава как штаба, так и частей дивизии. Кроме того, имеются основания утверждать, что передача бригад сильно отразилась на их боеспособности. От политкома 26-й дивизии нами получены сведения, ...что бригада Гайлита противником смята, есть сведения, что штаб бригады погиб. Реввоенсовет 5 в целом считает, что возвращение обеих

* ЦГАКА, ф. 1317, оп. 2, д. 60, л. 56.

** ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, л. 162.

бригад может, если еще не поздно, хотя бы несколько приостановить катастрофическое для нас развитие»*.

Смысл заявлений Михайлова вполне ясен: передав бригады в 1-ю армию, РВС фронта совершил ошибку, граничащую с преступлением.

27-ю дивизию разбил противник, а боеспособность 26-й дивизии подорвал сам РВС фронта. Отняв у командования армии последние боеспособные две бригады, РВС фронта лишил РВС армии возможности занимать вообще какой-то фронт и попытаться восстановить боеспособность деморализованных частей 27-й дивизии. Попав в другую армию, обе бригады 26-й дивизии сами уже потеряли боеспособность, как доносит политический комиссар дивизии.

Вопрос РВС 5-й армии поставлен четко и определенно: если обе бригады не будут немедленно возвращены — полная катастрофа неизбежна. Для большей убедительности и воздействия на РВС фронта рассказывается выдуманная кем-то с начала до конца история о гибели бригады и штаба Гайлита. Высокоответственные работники армии (член РВС армии и начальник 26-й дивизии со своим политкомом) не останавливаются перед тем, чтобы вполне официально докладывать непроверенные панические слухи, лишь бы доказать, что нельзя было остановиться южнее г. Уфы, а надо было отходить на меридиан ст. Давлеканово и что, следовательно, правы командарм Блюмберг и начдив 26, отдавшие приказание о глубоком отводе войск на запад, — первый еще 10 марта, а второй 13 марта. Налицо, несомненно, серьезное обвинение командующего фронтом, ведь он отменил директиву № 300/Н Блюмберга 10 марта, когда положение 5-й армии было еще поправимо.

Весь второй этап Уфимского сражения заполнен бесконечными переговорами по прямым проводам, донесениями, запросами и телеграфными ответами, но во всех этих документах менее всего говорится о самом главном — о самих войсках, о делах на созданном вновь южнее г. Уфы рубеже обороны, о помощи войскам пополнением, обмундированием и т. д.

Как мы уже выше отметили, получив в свое подчинение обе бригады, командарм 1 Гая развил большую энер-

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 186—191.

гию по обеспечению ими фланга своей армии (схема 9). 15 марта он отдал приказ № 0890, в котором, между прочим, говорилось: «Комбригу Эйхе взять на себя временное командование 1-й и 3-й бригадами 26-й дивизии и немедленно занять линию Подлубово (45 км южнее г. Уфы) — Ибрагимово — Ново-Николаевка — ст. Усманово... иметь на левом фланге сильную кавалерию для связи с остальными частями 5-й армии. По занятии указанной линии немедленно выслать кавалерийскую разведку на Карамаскалы — Топорино — станцию Юматово — ст. Чишму и Врх. Термы» *.

Через несколько часов поступил от него новый приказ: «Получил Ваше расположение. Приказываю упорно оборонять линию Алайгирово — Мусяково — Ильтуганово — Бекетово — Листовка — Абраево. Подчините себе конный полк 26-й дивизии, занимающий станцию Усманово. Подчините также себе все разрозненные и мелкие части, находящиеся в Вашем районе, и немедленно организуйте их» **.

17 марта последовал еще один приказ Гая: «Для обеспечения правого фланга группы Эйхе от удара противника со стороны завода Архангельский начальнику Пензенской дивизии немедленно Витебским полком занять Тюкунево (23 версты сев. Пр. Табынск), Ефремкино (12 верст северо-западнее Тюкунево) и Карлыманово (10 верст с.-з. Ефремкино)» ***.

Далее в приказе подтверждается, что группе Эйхе следует во что бы то ни стало удерживать линию, указанную в предыдущем приказе, и, кроме того, занять левым флангом район Ебалаклина, что в 23 км севернее ст. Давлеканово.

Как видно из приведенных приказов, командарм I уже не ограничивается только тем, чтобы прикрыть непосредственно только свой армейский фланг. С каждым новым приказом он протягивает все дальше на запад левый фланг созданной им временной группы Эйхе. На деле это означало, что группа должна была занять фронт шириною 70—75 км и в него явочным порядком должны были быть включены все те войска, что окажутся в этом районе.

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 143, лл. 5—6.

** Там же, л. 7.

*** Там же, д. 143, лл. 11—12.

Между тем, как уже было выше указано, на ст. Давлеканово уже находился начальник 26-й дивизии и кое-какие части 27-й дивизии, с помощью которых начдив 26 и должен был прикрывать железную дорогу на г. Бугуруслан. Снова выявилось несоответствие приказов обстановке; весь участок от стерлитамакского тракта до Самаро-Златоустовской ж. д. теперь уже является объектом забот и внимания сразу двух командующих армиями — Блюмберга и Гая, из которых каждый дает одним и тем же находящимся в упомянутом районе войскам свои приказы.

17 марта последовал приказ комфронта о возвращении всех войск группы Эйхе в 5-ю армию с установлением соответствующих разграничительных линий между армиями.

Казалось бы, что на этом должна была закончиться борьба между руководством 5-й армии и руководством фронта по вопросу — обороняться ли на рубеже южнее г. Уфы или отойти на рубеж ст. Давлеканово.

Боевая жизнь на фронте шла своим порядком. Уже 15 марта рядом с 3-й и 1-й бригадами 26-й дивизии выстраивались вырвавшиеся из окружения части 2-й бригады той же дивизии, 1-й бригады 27-й дивизии и Сводной бригады, то есть почти все, что в 5-й армии еще способно было на какие-либо действия. Одновременно части 2-й бригады 27-й дивизии «собирались» в районе завода Усень-Ивановский. 3-я бригада этой дивизии, вышедшая на Волго-Бугульминскую ж. д., пыталась прикрывать направление на г. Бугульму — г. Симбирск, но, сильно пострадавшая, не могла сдерживать противника и продолжала отходить на запад.

Перечисленные пять (кроме 3-й бригады 27-й дивизии) бригад — весьма неодинаковые по численности, боеспособности, морально-политическому состоянию — и заняли для обороны весь участок от Алайгирова до Самаро-Златоустовской ж. д., поддерживая связь с действовавшей на Волго-Бугульминской ж. д. 3-й бригадой 27-й дивизии конными частями. Обозначился новый фронт 5-й армии.

В атмосфере выдуманных и рассказанных членом РВС армии Михайловым и политкомом 26-й дивизии историй о разложении войск в связи с передачей двух бригад в 1-ю армию и остановке их южнее г. Уфы прозвучало резким диссонансом донесение политического ко-

миссара 3-й бригады 26-й дивизии Г. И. Евдокимова от 17 марта: «Последние недели непрерывных боев совершенно умертвили партийную работу. В полках сильная усталость, неудовольствие продовольствием, обувью, что отражается на настроении, но в общем оно хорошее. Последнее отступление сильно взволновало красноармейцев и командный состав, но отступают, несмотря на упорноседающего противника, в полном порядке, представляя силу, могущую всегда дать отпор противнику. Из Уфы прибыл первый батальон Уфимского рабочего полка, нет обуви, нет кухонь, обмундирования, производят впечатлительные толпы, но туда послан политком... Батальон вооружен оружием разных систем, к которым нет патронов...»*.

Это не единственное такого рода донесение из частей 26-й дивизии в те дни, когда войска были предоставлены самим себе, а высшее командование армии и фронта занималось спорами и взаимными обвинениями, показывая этим самым, что оно стоит далеко от войск по боевому духу, крепости нервов, по вере в свои силы, вере в устойчивость и решимость войск — не уступать врагу без боя.

Но если на фронте войска были заняты приведением себя в порядок, укреплением занятого рубежа, изживали паническое настроение первых дней, постепенно восстанавливали свою моральную и боевую упругость, давали отпор наступлению корпусов Ханжина, то в тылу фронта паника все росла.

16 марта всегда целеустремленный и по-боевому настроенный командарм 1 Гая в телеграмме № 0914 на имя комфронта Каменева рисует мрачную картину неминуемой гибели 1-й армии, если не будет немедленной помощи из центра ** (схемы 5 и 9).

«Считаю долгом своевременно донести, что создавшееся положение на фронте 5-й армии непоправимо без помощи внушительных свежих сил из центра. В настоящий момент в связи с обстановкой под Уфой вся тяжесть положения на Восточном фронте падает на чрезмерно усталые части 1-й армии. Противник занял станцию Шингакуль 14 марта и продолжает наступление. С занятием ст. Шафраново противнику открывается прямая шоссезная дорога с запада на восток на г. Стерлитамак, и очень

* ЦГАКА, ф. 185, оп. 2, д. 20, л. 90.

** ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 143, лл. 8—10.

скоро левый фланг 1-й армии может очутиться в таком же положении, как и 5-я армия. С падением Стерлитамака создается крайне тяжелая обстановка для фронта 1-й армии, который выдвинут на 300 верст к востоку от г. Оренбурга *. Из Стерлитамака противник легко может угрожать тылу всей 1-й армии и магистрали г. Бузулук — г. Оренбург. Двух кавалерийских полков для этого достаточно. Учитывая явную угрозу армии и крайне опасное положение выдвинутого далеко вперед правого фланга, следует стремиться сохранить живую силу армии, не останавливаясь для этого даже перед потерей части занятой территории и двух городов, а потому прошу дать разрешение оттянуть правый фланг и центр на 100 верст назад, оставив город Орск. Этим 1-я армия заблаговременно сократит свой 500-верстный фронт и будет поставлена в более выгодные условия для дальнейшей борьбы, если 5-я армия не сумеет остановить противника на линии ст. Давлеканово — Тюп-Кильды ** и при невозможности надеяться на скорую помощь центра... Прошу разрешить начать отход теперь же».

В качестве командующего армией Гая обязан был, конечно, представить командующему фронтом свои соображения о существующем на фронте армии положении и о будущих действиях подчиненных ему войск. Но, как показывает цитата, соображения Гая целиком основаны на паническом преувеличении будущих успехов противника и насквозь пронизаны духом пассивности и безнадежности положения. Основное — сохранить живую силу армии, а это возможно лишь при условии глубокого отвода войск; командарм 5 Блюмберг пришел к этой мысли в дни, когда его армии угрожало в действительности окружение в районе Шарыпово — г. Уфа — ст. Чишма; командарм 1 Гая учел «опыт» командования 5-й армии в этом вопросе и поэтому заранее запрашивает разрешение командующего фронтом об отводе войск, пытаясь обосновать свою просьбу весьма мрачной, им же самим нарисованной кар-

* Все, что сказано в телеграмме от слов «С занятнем ст. Шафраново...» и до слов «Учитывая явную угрозу армии...», — относится полностью к предположениям Гая; фактически белые были остановлены нами в районе разъезда Казангулово — примерно 50 км не доходя ст. Шафраново уже в ночь на 15 марта.

** Село Тюп-Кильды — около 60 км севернее г. Белебей на Волго-Бугульминской ж. д.

тиной того, что может получиться, если войска 5-й армии не удержатся на новом рубеже *.

В ночь на 17 марта в штаб 5-й армии на ст. Белебей-Аксаково прибыли бывший командующий 4-й армией Балтийский и член РВС той же армии Берзин для обследования 5-й армии.

18 марта в 23 часа названные лица послали Реввоенсовету фронта обширную телеграмму за № 35 **, нарисовав такую же мрачную картину положения в 5-й армии.

«Левый фланг армии открыт. В резерве армии 2-й кавалерийский полк в районе Ибраево с крайне измотанным конским составом, небоеспособный. В районе завода Усень-Ивановский 238-й и 240-й полки в составе всего 180 штыков; совершенно небоеспособны. В центре части армии занимают небольшими группами войск 236-го и 42-го полков и отрядом коммунистов (всего около 750 штыков) пункты Биктемирово — Карамалина — Ташлы-Шарыпово — Казангулово и Давлеканово... по ж. д. Казангулово — до ст. Шингакуль действуют два бронепоезда... три бригады 26-й дивизии (около 3500 штыков) занимают фронт Алайгирово — Бекетово — Теренгулово... всего в 5-й армии около 6500 штыков. По заявлению командования армии, сравнительно боеспособной является 26-я дивизия, остальные войска весьма условно боеспособны вследствие чрезвычайной усталости всех частей и значительной убыли, особенно командного состава. Средняя убыль в армии около 60%. Описание двухнедельных боевых действий молодого военного организма, каковым являются наши армии, указывает на пережитое 5-й армией и ее высшим командованием исключительное напряжение и проявление нравственной упругости, которые в пору лишь армиям, закаленным в боях. Если оправдываются данные разведки штаба фронта, то в районе г. Уфа — г. Златоуст 12—14 дивизий. Развитие военных действий противника при наличии этих сил встретит ничтожное сопротивление войск 5-й армии, сла-

* Командование фронта не разрешило отвода войск 1-й армии, но это было сделано не в виде официального ответа на телеграмму Гая, а в разговоре между штабом фронта и штабом 1-й армии. Отказ мотивировался укреплением положения южнее г. Уфы в связи с предпринимавшимся штабом фронта мерами подготовки нашего контрнаступления.

** ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 287—290.

бых числом, физически усталых. Полагаю необходимым срочные меры — доставить подкрепление»⁵⁸.

18 марта 1919 г. на имя председателя РВС Республики и в копии В. И. Ленину было послано письмо командующего 4-й армией М. В. Фрунзе. Введенный в заблуждение штабными паникерами, Фрунзе в этом письме сообщал: «...По ...донесениям от лиц, заслуживающих полного доверия, 5-я армия почти утратила боеспособность. Полки ее откатываются назад при первом натиске противника и сразу очищают большие пространства. В штабе армии (5-й) высказывались опасения за возможность отхода к Самаре и Симбирску. Этим все сказано» *.

Действительно, письмом этим все сказано, но только с той поправкой, что слово «все» совершенно неверно в отношении главной массы войск 5-й армии и в то же время абсолютно верно по отношению к руководству армией и к тем, от кого Фрунзе получил такие сведения.

Но тут же необходимо отметить, что не все руководство 5-й армии растерялось и было панически настроено. Уже на другой день после падения Уфы политический отдел 5-й армии послал от себя телеграмму в Москву Революционному Военному Совету Республики и в копии Председателю ВЦИК Я. М. Свердлову и РВС фронта:

«Уфа сдана. Возможно, в центре существует убеждение, что причиной этого была недостаточная стойкость частей армии или разложение. Находясь в непосредственной связи с политкomsами всех частей войск и получая ежедневно многократные сводки, также информацию, считаем долгом указать, что военная неудача 5-й армии обусловливается отнюдь не расстройством полков, ибо они вели себя героически, и в обстановке, когда противник своими ударами отрезал пути отхода дивизиям, полки проявили спокойствие, давали бой противнику у подступов Уфы и прорывались, будучи окруженными. Причины приходится искать в совершенно другом, именно: усталость войск, прошедших от Казани и не имевших ни дня отдыха, невоспитанность в военном деле пополнения, большие материальные недостатки армии, неподготовленность войск к зимней операции и отсутствие стратегических ре-

* М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 76—77.

зервов... Для изучения сдачи Уфы необходимо военно-политическое расследование» *.

И еще более открыто говорится об истинных причинах неудачи и о состоянии войск армии в телеграмме, посланной 16 марта политическим отделом армии политическому отделу фронта:

«Высшие интересы РККА и ее будущее настоятельно требуют широкого всестороннего расследования причин катастрофически закончившейся последней операции под Уфой.

Этот жестокий урок, стоящий нам громадных жертв, должен быть использован, дабы предупредить возможности подобных неудач в будущем. Никакой доклад не может объять всей сложности обстановки и условий, не может дать общей исчерпывающей картины происшедшей катастрофы. Необходимо, чтобы расследование производилось людьми, совершенно непричастными к операции и стоящими вне заинтересованных штабов, причем необходимо обратить особое внимание на опрос низших штабов и командиров, соприкасающихся непосредственно с массами, которым обстановка рисовалась совершенно иначе, чем высшему командованию. Считали бы непростительной ошибкой власти довольствоваться поверхностным розыском виновных, тем более в лицах. Только самый подробный разбор материалов и документов, дающих представление о состоянии 5-й армии до поражения, даст обильный материал для внесения существенных поправок в строительстве Красной Армии, избавит ее от поражений в будущем» **.

Никакого расследования причин неудачи 5-й армии под Уфой произведено не было. Революционному Военному Совету Восточного фронта, только недавно пережившему много неприятностей из-за «Пермской катастрофы», совершенно не хотелось опять стать объектом еще одного расследования представителями ЦК. Такого же мнения держался председатель РВС Республики Троицкий, побывавший в эти дни несколько раз в штабе фронта. Соответственно освещалась обстановка и перед центральными органами.

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, л. 222.

** Там же, лл. 224—227.

Только 10 апреля, почти через месяц со дня падений г. Уфы, разгрома всего левого фланга 5-й армии, прорыва белыми центра Восточного фронта и создания реальной угрозы такого же разгрома соседней 1-й армии, В. И. Ленин посылает свое известное «Письмо петроградским рабочим о помощи Восточному фронту» *. Только 12 апреля «Правда» публикует написанные В. И. Лениным «Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта» **, а 10 апреля Совет Народных Комиссаров объявил мобилизацию. Причины ясны: Троцкий, главком Вацетис и РВС фронта давали такое освещение и объяснение событий в районе г. Уфы, докладывали о таких, уже предпринятых и предпринимаемых всеми инстанциями, мерах, что у В. И. Ленина не могла вплоть до начала апреля 1919 г. возникнуть даже мысль, что под Уфой развертываются события, которые таят в себе несравнимо более грозную для Советов опасность, чем отшумевшая недавно «Пермская катастрофа» ***.

3. Планы советского командования по восстановлению положения под г. Уфой

По решению ЦК и указаниям В. И. Ленина в январе 1919 г. перед нашим главным командованием была поставлена задача форсировать овладение г. Челябинском. Об этом РВС фронта была получена 25 января 1919 г. шифрованная телеграмма Полевого штаба Республики, посланная в копии В. И. Ленину: «В дополнение директивы № 730/Ш. Политобстановка требует самых энергичных и решительных действий в направлении на Челябинск, которые должны быть организованы и проведены в кратчайший срок — 731/Ш» ****.

Получив телеграмму, РВС фронта в тот же день послал Гая приказ № 279 *****: «... Командарму 1 продолжать энергичное преследование противника, теперь же

* В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 250.

** Там же, стр. 251—254.

*** Несомненно, известную роль в этом деле сыграло и то обстоятельство, что части 5-й армии создали уже 15 марта южнее г. Уфы (в 40—45 км) новый фронт и приостановили дальнейшее наступление белых.

**** ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 165, л. 6.

***** Там же, д. 13, л. 109.

произвести перегруппировку и подготовиться к новой операции, имеющей своей основной целью овладение г. Челябинском. Намеченная операция должна быть начата через 5 дней и будет вестись по двум направлениям: Оренбург — Орск — Троицк — Челябинск и Оренбург — Стерлитамак на Верхнеуральск. 25-я дивизия на эту операцию остается в распоряжении командарма».

В процессе подготовки⁵⁹ к намеченной операции производились перегруппировки и сосредоточения войск. Благодаря этому к концу первой декады марта у командарма I оказался крупный резерв — 25-я дивизия* (без 1-й бригады и 224-го полка), которому им и был еще 6 марта отдан приказ через Илецк — г. Оренбург — ст. Саракташ перейти в район завода Кананикольский. Кроме того, в г. Оренбурге оказалась также в резерве (в процессе реформирования) бригада Сангурского из Оренбургской стрелковой дивизии, в которую была сведена упомянутая выше Туркестанская армия. В поисках сил для оказания помощи 5-й армии РВС фронта и решил использовать указанные армейские резервы.

Бригада Сангурского была срочно переброшена по железной дороге, и уже 18 марта головные эшелоны ее разгружались на ст. Раевка. 21 марта вся бригада (около 2000 штыков, 6 орудий) сосредоточилась в 20—25 км восточнее названной станции за центром позиции 26-й дивизии. Одновременно походным порядком (на санях) спешили к левому флангу 1-й армии три полка 25-й дивизии из района Мелеуз** — г. Стерлитамак. Наконец, в связи с неудачей 5-й армии и угрозой флангу 1-й армии была также начата перегруппировка войск 4-й армии и временно подчиненных этой армии войск бывшей Туркестанской армии: им передавался район Актюбинска с установлением новых разграничительных линий с 1-й армией, что означало сокращение фронта последней.

Пока производились перегруппировки и сосредоточивание, командующий фронтом вел почти ежедневно пространные переговоры с командующими 1-й и 5-й армиями по вопросу выработки плана действий для восстановления

* Действовавшие под названием 25-й дивизии в указанный период в составе 1-й армии войсковые части были впоследствии включены в 20-ю стрелковую дивизию.

** Пос. Мелеуз — 80 км южнее г. Стерлитамака на оренбургском тракте.

положения под г. Уфой⁶⁰ силами указанных резервов (всего шесть полков — около 6—8 тысяч штыков и сабель). Переговоры эти носят чаще всего характер взаимных претензий, недовольства каждого из участников переговоров всеми остальными, а также характер споров отвлеченного содержания. Но, как правило, у Каменева в этих переговорах всегда возникает один и тот же вопрос о перспективах и возможных крупных результатах подготавливаемой операции. Ответы на эти вопросы, задаваемые каждому в отдельности, очень показательны. Разговор 20 марта заканчивается следующим заявлением командарма 5: «Реввоенсовет 5-й армии... положи руку на сердце, заявляет, что все-таки шансы на успех при такой обстановке микроскопически малы» *.

А на предшествующий этому заявлению вопрос Каменева: «Вы требуете двухнедельный срок. Уверены ли вы, что в течение этого срока вы удержите занимаемый фронт?» — Блюмберг, не задумываясь и без всяких оговорок, заявил: «В этом совершенно неуверен...» **.

Так же показательны ответы командарма 1 Гая. 22 марта он заявил командующему фронтом: «Успеха в этой операции я не вижу...» ***.

Возражая против передачи всей Оренбургской бригады Сангурского в 5-ю армию, Гая заявляет 22 марта: «Вообще я очень пессимистически отношусь к командарму 5. Человек доказал, что не умеет управлять... Простите меня, если я скажу, что частая перемена приказов и передача полков из одной армии в другую губельны и свидетельствуют о растерянности высшего командования».

Создалось весьма любопытное положение, когда накануне решительной фронтовой операции двое ближайших помощников командующего фронтом — командующие 1-й и 5-й армиями — становятся в оппозицию к комфронтом и заявляют в один голос: «Никаких надежд на успех». Подобных курьезов невозможно найти в истории. Естественно, встает вопрос — в чем же дело? Почему оба командарма настроены пораженчески и не поддерживают командующего фронтом?

14 марта командующий 5-й армией Блюмберг послал

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 261—267.

** Спор шел вокруг вопроса о начале нашего контрнаступления и исходной группировке.

*** ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 192, лл. 147—148.

командующему фронтом Каменеву обстоятельный доклад как относительно создавшегося положения, так и относительно предстоящих действий армии после потери района г. Уфы. Учитывая соотношение сил и моральное состояние своих войск, Блюмберг в докладе полагал, что 5-я армия может выполнять только пассивную задачу — поддерживать связь с 1-й армией и прикрывать Самаро-Златоустовскую ж. д. На большее армия не способна. Но так как указанная задача на деле приводит ко все большему расхождению направлений действий в случае дальнейшего вынужденного отхода наших войск, то и эту задачу 5-я армия без подкреплений долго выполнять не в состоянии. Другими словами, со временем придется задачу для нее сужать: или прикрывать направление вдоль названной железной дороги или прикрывать направление на юг — на г. Стерлитамак. Поскольку фронт уже принимает меры к обеспечению стерлитамакского направления, сосредоточивая Оренбургскую бригаду и части 25-й дивизии, как указано выше, и поскольку все тылы, как армейские, так и войсковые, 5-й армии эшелонированы по ж. д., Блюмберг полагает, что в случае если придется решать вопрос о сужении задачи 5-й армии, он должен будет решиться на прикрытие железнодорожного направления, дабы не быть совершенно отрезанным от своих тылов, расположенных вдоль идущих от ст. Чишма на запад обеих железных дорог. Но если фронт сумеет помочь перебазироваться на южное — стерлитамакское направление, то 5-я армия выберет это последнее направление за счет упомянутых железнодорожных.

Далее в докладе говорилось: «Для окончательного же выполнения задачи, то есть нанесения мощного удара, без которого немыслимо, конечно, восстановление положения, считаю, что для этого сил у меня недостаточно. Ведь вполне боеспособными остаются две бригады 26-й дивизии против почти шести дивизий противника, и еще большой вопрос, хватит ли их для удержания противника, и то при условии своевременного выдвижения свежих частей в район г. Стерлитамака».

Указав далее, что, по его оценке, противник готовится нанести удар по правому флангу армии, то есть в направлении на г. Стерлитамак и вдоль Самаро-Златоустовской ж. д. (см. схему 9), Блюмберг продолжает: «При таком положении вещей главный удар полагал бы нанести в

тыл противнику, действуя на его сообщения севернее железных дорог в направлении на завод Благовещенский и далее вдоль железной дороги на ст. Иглино, сосредоточив достаточно сильную ударную группу где-либо севернее в районе станции Буздяк, подвозя войска по бугульминской железной дороге... Сил для этого удара у меня недостаточно, и поэтому для всесторонней подготовки последнего фазиса операции по восстановлению положения прошу сообщить, на какие силы я могу рассчитывать и к какому времени можно ожидать их сосредоточения в районе севернее станций Кандры — Буздяк» *.

Доклад командарма оставлен был без ответа. Причин для этого было несколько: а) 14 марта еще совершенно не определилось направление наступления главных сил противника, то есть идут ли они на запад или на юг — юго-запад после овладения районом г. Уфы; б) никаких свободных резервов у командования фронта не имелось. Считалось, что в его распоряжении имеется достаточно сил в виде упомянутых выше шести полков, предназначенных для операции на г. Челябинск, а теперь оказавшихся весьма кстати под рукой на выгодном направлении для удара с юга на г. Уфу. В силу этих обстоятельств соображения командарма 5 даже нельзя назвать планом предстоящих действий, поскольку доклад его целиком построен на совершенно нереальных предположениях, что у фронта имеются крупные резервы где-то в районе г. Самары — г. Симбирска — г. Казани и что эти резервы (или другие из центра) будут переданы именно в 5-ю армию и, что особенно существенно, вовремя могут быть сосредоточены в желательном для Блюмберга районе. Но даже потом, когда стало ясно, что противник ведет главное наступление на юг вдоль стерлитамакского тракта и Самаро-Златоустовской ж. д., а у Каменева никаких других свободных сил нет, кроме Оренбургской бригады и частей 25-й дивизии (начавших сосредоточиваться южнее г. Уфы еще до того, как доклад Блюмберга был получен в штабе фронта), Блюмберг упорно, чтобы не сказать упрямо, остается при своем плане контр наступления до конца.

Кроме того, надо иметь в виду еще и следующее. Начиная с 10 марта, когда Каменев отменил его директиву о

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 179—184.

глубоком отходе, Блюмберг все время становится в оппозицию к командующему фронтом. Передача двух бригад 26-й дивизии в 1-ю армию через голову командующего 5-й армией еще более обострила положение, и Блюмберг в любом вопросе всегда находит что-либо для возражений и высказывания своего несогласия. Налицо явно выраженная порочная позиция, которую в данном случае нельзя оправдывать никакими деловыми соображениями командарма. В каком духе между Каменевым и Блюмбергом велись в то время переговоры, видно из следующих выдержек, взятых из переговоров по прямому проводу за 20 и 22 марта: «Я отказываюсь, — заявил Каменев, — понимать, уясняется ли вами обстановка. Вообще считаю долгом сказать, что если вы так относитесь ко всякой поддержке, то нам, в общем, не о чем говорить... Вы просили дивизию, — продолжал Каменев, — хорошо зная, что такой дивизии нет во фронте. То, что может прийти из центра, может прийти не раньше, чем через месяц. С большими усилиями собрали, чтобы оказать вам помощь, шесть полков из первой армии и два полка из второй армии, то есть восемь полков, и, несмотря на это, вы все еще продолжаете говорить: или все вам мало этого, или что нехорошие части... Я прошу вас встряхнуться после тяжелого периода, который вы пережили, и взять себя в руки и с большей уверенностью руководить восстановлением армии и упрочением положения фронта» *.

Но все эти уговоры и урезонивания не помогают. «Конечно, — заявил Блюмберг 22 марта, — армия пойдет в наступление, но за успех не ручаюсь». Это не могло не отразиться на подготовке и проведении намечаемой операции ⁶¹.

Иначе обстояло дело с командармом 1 Гая. Как уже было отмечено, вначале Гая очень энергично и рьяно взялся за дело. Но энергии хватило не надолго. Уже 16 марта он просит разрешения отвести свои войска на сто километров. Но, как показывает анализ действий войск 1-й армии за этот же период, то была лишь минутная растерянность и слабость, так как Гая продолжал весьма энергично действовать в полном согласии с планами и намерениями командующего фронтом.

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 257—271.

19 марта он предложил командующему фронтом свой план восстановления положения: сосредоточиваемые войска двинуть правым флангом из района Пр. Табынска через Бурля — Зелим — завод Архангельский на северо-восток для овладения районом Узунлярово, а левым флангом — через Бузовьязы — Топорино для занятия станции Ураково. Одновременно с ударной группой Гая предлагает двинуть Пензенскую дивизию из района Сейтбабино на северо-восток с целью овладеть районом Усмангалина, что около 50 км юго-восточнее Узунлярово. Для 5-й армии Гая предусматривает в своем плане наступление правым флангом одновременно с частями 1-й армии на фронт г. Уфа — ст. Чишма. По существу этот план Гая и был принят командующим фронтом (вернее, совпадал с собственными намерениями штаба фронта), и все же, несмотря на это, командарм Гая тоже оказался в оппозиции к командующему фронтом. Вкратце причины можно уяснить из нижеследующего. Считая себя автором идеи переброски Оренбургской бригады из г. Оренбурга (где в то время находился штаб 1-й армии) под г. Уфу, Гая рассчитывал на то, что бригада будет штабом фронта включена в ударную группу, создаваемую на левом фланге 1-й армии, совместно с частями 25-й дивизии, направленными Гая в этот же район его левого фланга. Фронт вначале как будто сам придерживался этого решения, но по прибытии бригады Сангурского в район ст. Равка передал ее в 5-ю армию. Это вызвало категорические возражения Гая. Он докладывал, что из четырех полков сосредоточиваемой им группы (220, 221 и 223-го из бригады 25-й дивизии и отдельно действующего Витебского полка) у него фактически на день получения директивы фронта о начале операции имеются налицо только два полка — 220-й и 221-й. Витебский полк занимал уже определенный участок фронта и ввязался в бои, а 223-й полк только подходит к району Мелеуз, то есть в 120—130 верстах от исходных позиций. Поэтому передача Оренбургской бригады командарму 5 — серьезное ослабление ударной группы 1-й армии и срывает сроки готовности этой группы. Гая просит вместо Оренбургской бригады передать ему снова 3-ю бригаду 26-й дивизии, которая фактически уже находится в полосе предстоящего наступления 1-й армии согласно указанным фронтом разграничительным линиям между армиями. Кроме того,

указанный Каменевым срок начала операции — 22 марта — совершенно неприемлем, так как части 25-й дивизии еще верстах в сорока от пунктов сосредоточения. Чтобы им занять исходное положение, требуется не менее двух суток. Следовательно, наступление может быть начато не ранее 25—26 марта, тем более что артиллерия 25-й дивизии далеко отстала в пути из-за сильных заносов и буранов. Но штаб фронта оставался непреклонным в своих решениях. Все, чего сумел добиться Гая в результате неоднократных переговоров, — это обещания сократить задачу 1-й армии в предстоящей операции.

Штаб фронта исходил из того, что, по его сведениям, противник группируется в районе ст. Усманово и затевает какую-то операцию.

Чтобы предупредить противника и сорвать его планы, и назначено начало нашего наступления на 22 марта. И тут с командармом Гая происходит то же, что с командармом 5 Блюмбергом, — он тоже до конца остается на своей позиции, и это принесло несомненный вред. Добиваясь получения Оренбургской бригады, Гая пытается доказать командующему фронтом, что в 5-й армии она не будет использована как надлежит, что противнику все равно удастся отбросить части 5-й армии на г. Белебей, а после этого ему уже ничто не мешает нанести удар в тыл ударной группе и левому флангу 1-й армии. Все это были, конечно, предположения только самого командарма 1, но, тем не менее, вопросы эти — тема ежедневных длительных переговоров и дискуссий между Каменевым и командармом Гая. В эти дни как раз части Южной группы Ханжина, выполняя его приказ сковать противостоящего противника, произвели удар накоротке в стык между 24-й и Пензенской дивизиями 1-й армии, вынудив наши войска оставить некоторые пункты. Удар этот показался Гая подтверждением всех его панических страхов. Вызвав срочно к прямому проводу командующего фронтом, Гая заявил: «...Мое предположение о прорыве противником центра армии сбылось...» *. В продолжительном разговоре в связи с этим сообщением снова поднимались и перебирались все давно уже обсужденные вопросы о необходимости оставления г. Орска и отвода центра 1-й армии назад, о передаче в 1-ю армию 3-й бригады

* ЦГАКА, ф. 106. оп. 3. д. 192. лл. 149—160.

26-й дивизии взамен Оренбургской, о выборе направления главного удара для ударной группы и т. д. и т. п.

И хотя уже на другой день в оперативной сводке 1-й армии говорилось: «На стыке 24-й и 20-й дивизий без существенных перемен, противник приостановил наступление, подходят части 24-й дивизии...» *, — паническое настроение командарма Гая и его недовольство в связи с отказом Каменева удовлетворить его (указанные выше) просьбы не изменились.

4. Директива командующего Западной армией ген. Ханжина — уничтожить 26-ю дивизию 5-й армии (Схема 9)

Опасения штаба Восточного фронта, что белые готовят какую-то операцию против правого фланга 5-й армии, не лишены были оснований.

Директива Ханжина от 14 марта об окружении войск 5-й армии в районе Репьевки выполнена не была. Это вынудило Ханжина 17 марта отдать новую (шестую по счету) директиву № 1007**, начинавшуюся словами: «Разбитая 5-я армия отброшена под Уфой по двум разобщенным нашими войсками направлениям: в западном — малобоеспособная 27-я дивизия (2/27 уничтожена, 1/27 сильно потрепана) и в южном — 26-я дивизия, сохранившая еще упругость. Шесть полков этой дивизии стремятся еще оказать сопротивление нашему 6-му корпусу на фронте Бекетово — Подлубово, а два полка отброшены в район Пр. Табынск, откуда в соединении с полком Троцкого пытаются действовать на крайний левый фланг 6-го корпуса».

Как видно из цитаты, Ханжин ошибочно считает спешащие к левому флангу 1-й армии полки 25-й дивизии за полки 5-й армии, отброшенные якобы в район Пр. Табынска. Согласно упомянутой директиве корпуса Западной армии получают следующие задачи:

а) командиру 6-го корпуса ген. Сукину «с 12-й пехотной дивизией и бригадой казаков закончить поражение 26-й дивизии красных, стремясь отбросить ее в горы к востоку от стерлитамакского тракта. Расчистив себе путь, корпусу продолжать наступление на г. Стерлитамак»;

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 192, л. 184.

** ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 5, л. 13.

б) ген. Голицыну (командующий 3-м Уральским корпусом. — Г. Э.) продолжать наступление в полосе согласно предыдущей директиве № 0962 вдоль ж. д. на г. Белебей — г. Бугуруслан. «...Ставлю задачей энергичными действиями на фланги и тыл группировки противника, сопротивляющейся в районе Бекетово — Подлубово, облегчить выполнение задачи 6-му корпусу, не давая противнику возможности отходить на запад и юго-запад»;

в) 2-му Уфимскому корпусу преследовать 27-ю дивизию в западном направлении и «закончить ее развал».

По существу директива № 1007 откровенно признает, что ни в районе г. Уфы, ни в районе Репьевки никаких «Канн» не получилось.

Более того, целых три армейских корпуса с двумя казачьими бригадами в течение двух недель ожесточенных боев добились лишь того, что овладели районом г. Уфы, а теперь перед ними снова фронт тех же войск 5-й армии. Не выполнено «повеление верховного» — уничтожить эту армию. Достигнуты минимальные результаты, несмотря на целый ряд весьма благоприятных для Ханжина условий и преимуществ: четырехкратное численное превосходство сил, удар по открытому флангу красных, глубокий обход 4-й дивизии и выход ее без серьезных потерь в глубокий тыл главных сил 5-й армии с захватом единственного железнодорожного пути отступления и коммуникаций красных, отсутствие у красных фронтового резерва, полное отсутствие советских войск на мензелинском направлении, пассивность правого фланга 2-й красной армии и, наконец, большие трофеи, захваченные в предыдущих боях в районе г. Уфы.

Но Ханжину нельзя признаться в более чем скромных результатах операции, которую он сам так долго и весьма тщательно подготавливал. Это невыгодно ни ему, ни самому «верховному». После «небывалой победы под Уфой» (как писалось в белых газетах и доносилось за границу) в Западную армию нахлынули многочисленные представители интервентов и корреспонденты; прибыла также японская военная миссия, посетившая некоторые участки фронта. Было, конечно, что показать всем этим контролерам: захваченные орудия, пулеметы, пленных, «освобожденную от большевиков Уфу».

И Ханжин делает вид, что все получилось так, как было задумано, все развивается так, как того хочет командование Западной армии. Именно поэтому Ханжин во всех директивах после 3 марта постоянно говорит о стремительном наступлении войск в тыл и во фланг 1-й красной армии, о «развале» 27-й дивизии и только вскользь упоминает «шесть полков этой (26-й. — Г. Э.) дивизии, которые стремятся еще оказать сопротивление...».

«Противник разгромлен, ведется стремительное преследование деморализованных остатков его войска, все, что еще кое-где, местами, пытается сопротивляться, — обречено на уничтожение, будет легко смято и стерто с лица земли победоносной армией верховного, а потому — никаких остановок! Только вперед! — таков дух и таков тон боевых приказов и всей белогвардейской печати. Впереди мерещилась уже Волга, за нею «башни древнего священного московского Кремля». В газете белой армии «Сибирский стрелок» печатались победные вирши, виды Кремля.

5-я красная армия сброшена со счетов, и поэтому никого не удивляет, что Колчак тут же «повелевает» уничтожить следующую на очереди армию большевиков — 1-ю — и этим существенно помочь ген. Дутову.

Оперативные сводки 5-й армии отражают полностью ход начавшегося наступления белых во исполнение директивы № 1007. В сводке * к 24 часам 19 марта отмечается отход 3-й бригады 27-й дивизии под давлением противника по всему фронту на линию Капей — Кубово — Арасланово (схема 9). Сводка к 24 часам 20 марта говорит о наступлении белых крупными силами на всем фронте 26-й дивизии и о дальнейшем отходе 3-й бригады 27-й дивизии. Сводка к 15 часам 21 марта отмечает продолжающиеся ожесточенные бои на всем фронте 26-й дивизии. Но тут же указывается, что южнее г. Уфы наши части на каждую атаку отвечают контратакой и ряд деревень за истекшие сутки переходил неоднократно из рук в руки. Сводка к 24 часам отмечает значительное усиление нажима белых в районе ж. д. на г. Белебей и западнее ее.

«26-я дивизия уже третий день отбивает яростные атаки противника, — докладывает 22 марта командарм

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 248, 274, 286.

Каменеву, — выяснилось, что почти вся явгельдинская группа и 12-я дивизия и, по непроверенным данным, также 11-я дивизия ведут наступление на 26-ю дивизию» *. На просьбу командарма о содействии со стороны соседей Каменев сообщает, что ударная колонна 2-й армии 21 марта вечером вышла на линию Якимовка (20 км ю.-в. Николо-Березовки) — Нж. Калмаш (45 км с.-з. Бураево) и будет продолжать наступление прямо на юг в направлении на Андреевское (40 км южнее Якимовки) (см. схему 2). «Первая армия перейдет в наступление завтра», — утешает Каменев Блюмберга, хотя из переговоров с командармом 1 ему хорошо известно, что ни в коем случае раньше 25—26 марта эта армия начать операцию не может. Было ясно, что рассчитывать на реальную помощь соседних армий не приходилось: ни 2-я армия (вследствие отдаленности ее ударной группы и медлительности действий), ни 1-я армия (вследствие неготовности) не в состоянии оттянуть войска Ханжина с участка 26-й дивизии. Под давлением превосходящих сил части 1-й бригады 26-й дивизии отброшены в район Адзитарово — Петряево; открывалась возможность для белых охватить с запада остальные части 26-й дивизии. Реальной становилась угроза, что приказ Ханжина — отбросить 26-ю дивизию на восток, прижать к горам и уничтожить — будет выполнен. «Положение на ж. д. отчаянное, принимаем все меры обороны ст. Давлеканово», — говорится в одной из телеграмм штаба 26-й дивизии **. Но развить успехи белым не удалось. 26-я дивизия удержала в основном занятый рубеж южнее г. Уфы, уступив противнику ряд населенных пунктов. Задача — «закончить поражение 26-й дивизии», — поставленная 17 марта 6-му и 3-му корпусам белых, оказалась невыполнимой. Это вынудило Ханжина 22 марта отдать новую — седьмую — директиву № 1088. Директива начинается с краткого обзора общего положения на всем фронте (схема 5). Сибирская армия сбила 3-ю красную армию и теснит ее к г. Глазову. 2-я красная армия еще оказывает сопротивление на воткинском и сарапулском направлениях. Сибирской армии приказано разбить ее и овладеть районом Ижевский завод — Воткинск — г. Сара-

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 307—308.

** ЦГАКА, ф. 1317, оп. 2, д. 34, л. 208.

пул. В районе Оренбургской армии красные ослабили свой нажим в результате успеха Западной армии под г. Уфой и частично перебросили силы на стерлитамакский тракт (следует обратить внимание на отличную осведомленность штаба Ханжина о передвижениях наших войск к левому флангу 1-й армии). Оренбургской армии приказано взять г. Орск и, наступая на фронте г. Актюбинск — г. Оренбург, обеспечить левый фланг Западной армии. Переходя к оценке обстановки у себя, Ханжин пишет: «На фронте Западной армии разбитая 5-я армия в беспорядке отходит на г. Мензелинск и г. Бугульму. Мензелинск взят⁶². На бугуруслано-стерлитамакском направлении части 26-й дивизии красных, поддержанные частями 1-й армии, пытаются задержать наше наступление в районе ст. Давлеканово — Подлубово — Бурля. 1-я армия противника, ослабив свой нажим на Оренбургскую армию и на левый фланг нашей Южной группы, перегруппировывается для удержания района звезд Авзяно-Петровский и нанесения контрудара в направлении от Стерлитамака вдоль реки Белой. Верховный главнокомандующий повелел: разбить 1-ю армию, продолжая преследование на прочих направлениях. Во исполнение повеления Верховного ставлю себе ближайшей задачей ликвидировать группу противника, обороняющую фронт Давлеканово — Подлубово — Бурля» *.

Надо отдать справедливость Ханжину — на этот раз он проявляет действительно армейские масштабы в своих расчетах и приказах. 2-й Уфимский корпус получает задачу — продолжая небольшими силами преследовать красных на г. Бугульму, нанести сильный удар с севера на г. Белебей, перехватить железную дорогу на г. Бугуруслан и перейти здесь (в районе г. Белебея) к обороне до подхода частей 3-го Уральского корпуса. Для выполнения этой задачи корпус, насчитывавший около 19 000 бойцов, усиливается еще 3-й Оренбургской казачьей бригадой. 3-й Уральский корпус также усиливается резервной бригадой 6-й Уральской дивизии и 2-й отдельной Оренбургской казачьей бригадой. Ему поставлена задача наступать уступом впереди 6-го корпуса, имея целью отрезать красным, сосредоточившимся перед 6-м корпусом, отход на запад и угрожать тылу 1-й ар-

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 5, л. 16.

мии. 6-му Уральскому корпусу выделить 41-й полк в армейский резерв и передать 2-ю отдельную Оренбургскую казачью бригаду в 3-й Уральский корпус, наступать с целью разбить противостоящего противника и взять г. Стерлитамак. Южной группе, сосредоточив главные свои силы к правому флангу, овладеть заводом Авзяно-Петровский, после чего перехватить стерлитамакский тракт, наступая центром на заводы Преображенский и Кананикольский. Армейский резерв — Ижевская бригада — переводится в район ст. Чишма. Снова вырисовываются контуры гигантских по масштабам того времени «Канн»: в районе г. Белебея 4-я Уфимская пехотная дивизия и 3-я отдельная казачья бригада, а в районе г. Стерлитамака — главные силы Южной группы (см. схему 7). Таковы две крайние противоположные точки клещей, главную силу которых составляют войска 3-го и 6-го Уральских корпусов, ведущих непосредственный удар на фронт 26-й дивизии. Могло ли командование Западной армии, выбросив на фронт свежую пехотную и казачью бригады, сомневаться, что на этот раз задача будет выполнена?

5. Наше контрнаступление и причины его неудачи

Как уже было отмечено, Каменев все время торопил 1-ю и 5-ю армии с началом наступления, чтобы не допустить захвата инициативы противником. Во исполнение директивы фронта командующий 5-й армией отдал 21 марта в 18.05 приказ № 403/Н* о начале решительной операции 22 марта. Задача — сковывая противника на участке 3-й бригады 27-й дивизии, овладеть районом ст. Чишма. По директиве фронта 1-й армии поставлена задача 23 марта отбросить противника за р. Белую и овладеть районом Тюкунево — Карташево — Ильтуганово. 2-я армия должна выдвинуть ударную колонну в общем направлении на г. Бирск с фронта ст. Орыбаш — Янаул (50—60 км с.-з. Бураево). В частных задачах войскам Блюмберг указал: а) 26-й дивизии в составе основных своих трех бригад, 1-й бригады 27-й дивизии и Оренбургской бригады с кавалерийским полком и двумя бронепоездами нанести главный удар в направлении ст. Чишма, имея конечной целью прочное закрепление за собою

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 155, лл. 39—44.

названного ж.-д. узла; прикрывая одновременно стерлитамакское направление, иметь заслон в районе Удрякбашево (схема 9); б) 27-й дивизии в составе 3-й и 2-й основных своих бригад и 1-й бригады 5-й дивизии (созданной из тех же неоднократно уже упомянутых выше 41-го и 42-го полков, участвовавших в сражении севернее г. Уфы) вести двумя бригадами концентрическое наступление с запада и юго-запада для овладения районом Амирово, а бригадой 5-й дивизии наступать в северо-восточном направлении для выхода на линию Зириклы (35 км с.-с.-з. ст. Кандры) — Шаран (36 км с.-з. ст. Кандры) и дальше на г. Бирск. Особо в приказе подчеркивается важное значение операции для восстановления положения под г. Уфой и для упрочения положения всего Восточного фронта.

Чтобы судить о реальности директивы, необходимо ознакомиться со следующими документами. Директива была отдана 22 марта, а четыре дня спустя, то есть 25 марта, Блюмберг вынужден послать начальнику 26-й дивизии телеграмму № 456 *. В телеграмме указывается, что начиная с 17 марта и по день подачи телеграммы командармом было отдано семь распоряжений, не считая разговоров по прямому проводу, об отправке 41-го и 42-го полков 1-й бригады 5-й дивизии в армейский резерв, а 239-го полка — в свою 27-ю дивизию. Ответы начальника дивизии всегда гласили: соответствующее распоряжение полкам дано, распоряжение уже выполняется, полки уже сменены и отводятся в резерв в указанный штабом армии район и т. п., а теперь — 25 марта — выясняется, что они никуда еще не двинулись и действуют на фронте 26-й дивизии. Предлагается в последний раз немедленно выполнить распоряжение об отправке указанных полков по назначению. Телеграмма эта означает, что командарм директивой № 403/Н от 21 марта включил в состав 27-й дивизии два полка и поставил им конкретную боевую задачу в то время, когда эти полки находились еще в 80—100 км от назначенного им участка действий, втянулись в бои с противником и, конечно, никак уже не могут перейти в наступление «завтра — 22 марта». Случай настолько невероятный в военном деле, что его нельзя просто объяснить неосве-

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 155, лл. 45—46.

домленностью и плохой работой штаба армии. Понять его можно лишь в свете сказанного выше. Блюмберг и Матиасевич не верят в устойчивость 26-й дивизии и в реальность перехода наших войск в наступление вообще, а в этом случае не все ли равно, где находятся два малочисленных и малобоеспособных полка; ведь они не могут повлиять на изменение обстановки. Фактически последнее распоряжение также не было выполнено — оба полка остались в 26-й дивизии. О какой реальности поставленной задачи может идти речь, если нет на месте двух полков, боевая работа которых принималась, конечно, в расчет при составлении директивы № 403/Н и при постановке задачи войскам левого фланга армии?

Как же обстояло дело на главном направлении нашего наступления? Наступление должно было начаться 22 марта, а на запрос штаба фронта 21 марта о точном расположении ударной группы 1-й армии Гая сообщил, что все полки этой группы находятся еще в движении к исходным рубежам, а именно: два полка 25-й дивизии должны занять район Бишкаин — Толбазы, а Витебский полк — Тюкунево (схема 9). Штаб фронта полагал, что за два дня — 21 и 22 марта — полки все же займут исходные позиции и смогут начать наступление. Несомненно, Каменев поторопился с отдачей приказа о начале операции, несмотря на возражения и доводы обоих командармов. Объясняется это тем, что накануне в штабе фронта происходило совещание с участием председателя Реввоенсовета Республики. Фактически 22 марта начали наступление 2-я бригада 26-й дивизии, 1-я бригада 27-й дивизии и 41-й с 42-м полком, застрявшие на участке 26-й дивизии, то есть всего три бригады из семи 5-й армии, а считая две 1-й армии — всего из 9 бригад. Фактически группа Великанова приступила к выполнению общей фронтовой задачи только 26 марта. Не начала наступления 22 марта также группа Эйхе в составе 3-й бригады 26-й дивизии и Оренбургской бригады, так как части последней еще не подошли к исходным позициям. В отношении подготовки всей операции нашего контрнаступления приходится отметить следующее:

а) медлительность сосредоточивания трех полков 25-й дивизии — на переход в 250 км им понадобилось больше недели времени, причем даже 25 марта еще не вся артиллерия ее была на месте;

б) вместо того чтобы собранные с большими усилиями войска использовать с наибольшим эффектом для одного мощного удара сильным кулаком, их распределили между соседними армиями;

в) вместо одной сильной ударной группы в руках одного начальника из сосредоточенных войск создаются две группы: в 5-й армии группа Эйхе, а в 1-й армии — группа Великанова (три полка 25-й дивизии и Витебский полк из состава 24-й дивизии);

г) группы подчиняются двум командармам, между которыми давно существуют неприязнь и разногласия по вопросу о том, как надлежит действовать, и поэтому нельзя было, конечно, рассчитывать на согласованность действий групп.

Все эти недостатки в деле организации привели к тому, что если вначале Каменев еще требует одновременности удара всех войск, то постепенно он поддается нажиму командармов и уступает трудностям организовать и осуществить одновременный удар всеми семью бригадами на главном направлении. Нетвердую позицию командования фронта пытались использовать Блюмберг и Гая, что вынудило Каменева послать им следующее распоряжение:

«Не может быть и речи о том, кто наносит главный удар, а кто содействует. Не должно быть равенства ни первой по пятой, ни пятой по первой. РВС фронта приказывает передать всем командирам, комиссарам и красноармейцам, что восстановление положения под Уфой есть общая задача первой и пятой армий и что та и вторая армии наносят один общий главный удар» *. Получилось так, что командующий фронтом взял на себя задачу координировать действия ударного кулака, составленного из войск двух соседних армий на стыке их флангов, но выполнить ее не сумел; вместо четкой организации взаимодействия ему приходится рассчитывать на успех от своего обращения к сознательности бойцов.

Директивой от 21 марта Блюмберг, а директивой от 22 марта ген. Ханжин поставили каждый своим войскам решительные задачи. Что же получилось на самом деле?

Оперативная сводка 5-й армии к 24 часам 22 марта отмечает ожесточенные бои в районе железной дороги: разъезд Казангулово переходит по нескольку раз из рук

* ЦГАКА, ф. 1317, оп. 2, д. 34, л. 236.

в руки, но к ночи наши войска вынуждены отойти. «239-й полк, окруженный лыжниками, поддался панике и отступил в беспорядке, оставив два орудия». Отмечаются ночные действия лыжников западнее железной дороги в районе озера Асликуль; подоспевшими резервами позиции удержаны; сильные бураны затрудняют действия войск. С утра 23 марта части трех бригад (2/26, 1/27 и Сводной) вновь перешли в наступление и взяли оставленный накануне разъезд Казангулово. Сводка к 15 часам 24 марта отмечает яростные атаки превосходящих сил противника на названный разъезд, наши части снова отброшены. 42-й полк (тот самый, что должен был действовать в составе 27-й дивизии и все еще не был ей передан) потерял весь командный состав, выведен ночью из боя и теперь «находится в армейском резерве» южнее оз. Асликуль. Отмечается распространение противника на запад от названного озера. 3-й бригаде 27-й дивизии удалось в районе Волго-Бугульминской ж. д. несколько продвинуться, но в сводке к 15 часам 25 марта отмечается, что противник перешел в контрнаступление, причем особенно энергично он действует против левого фланга бригады с явной целью сбросить наши войска с ж. д. Сводка к 24 часам 25 марта отмечает ночные атаки противника крупными силами на участке 2-й бригады 26-й дивизии; наступление отбито с большими для него потерями. На левом фланге 3-й бригады 27-й дивизии белыми занят район Чекан (на р. Ик — 50 км с.-з. ст. Кандры). Такие же ожесточенные бои отмечаются за 26 и 27 марта на всем участке 26-й дивизии с переменным успехом: нами оставлено Бекетово, идет ожесточенный бой за удержание Мусино, заняты Петряево и Теренгулово. После продолжительного ночного боя и ожесточенных схваток части 2-й бригады 26-й дивизии заняли Никольское — Романовку — Бураковку (все пункты в районе Петряево — Абраево — Теперишево) и продолжают наступление. В районе разъезда Казангулово сильный артиллерийский бой с двумя бронепоездами противника. Оперативная сводка к 24 часам 28 марта сообщает, что после двадцатичетырехчасового ожесточенного боя войска 2-й бригады 26-й дивизии вынуждены были отойти в исходное положение. 3-я бригада 27-й дивизии продолжает отходить под давлением противника. В результате продолжительного ночного боя наши части овладели Н. Япа-

рова, но контратакой противника были выбиты и понесли большие потери.

Крупные успехи отмечаются на участке 3-й бригады 26-й дивизии — в последние дни ею занят ряд деревень, захвачены 5 орудий, 5 пулеметов и около 500 пленных. Так, в течение семи дней (22—28 марта) оба противника, выполняя каждый свою задачу (указанную нами выше), ведут ожесточенные бои с переменным успехом. Одни и те же населенные пункты переходят по многу раз из рук в руки, но добиться решительного успеха ни одна из сторон не в состоянии, потери с обеих сторон большие.

Что же происходило за эти дни на участке 1-й армии, ударная группа которой должна была играть весьма важную роль в решении общей задачи? 24 марта начальник 26-й дивизии указал командиру своей 3-й бригады, что группе Великанова приказано к 26 марта выйти на линию Утяганово — Карамаскалы — Ильтуганово (схема 9), в связи с чем бригаде, действующей на стыке с названной группой, надлежит согласовать наступление своих частей с действиями группы. Командарм Блюмберг 25 марта отменил это указание и приказал не дожидаться начала наступления войск 1-й армии. Во исполнение этого распоряжения группа Эйхе (3-я бригада 26-й дивизии и Оренбургская бригада) перешла в наступление, причем в донесении о начале наступления командующий группой особо отметил, что войска группы Великанова только еще выдвигаются на исходные рубежи. В связи с этим Реввоенсовет 5-й армии обратился 26 марта в Реввоенсовет фронта с жалобой на командующего 1-й армией, указав, что Гая возлагает на свою ударную группу только задачу содействовать 5-й армии и обеспечивать ее фланг вместо решительного наступления с целью отбросить противника за р. Белую, как того требует директива фронта № 0910. Донесение заканчивалось заявлением, что при такой пассивности войск 1-й армии 26-я дивизия не справится с поставленной задачей *. 25 марта войска группы Великанова находились еще в районе Узбеково — Тюкунево — Старобабицево (18 км ю.-з. Тюкунева) — Бузовьязы (схема 9), то есть еще не вышли на исходную линию, причем 223-й полк находился на подходе еще южнее указанной линии, считаясь в резерве группы. В этих усло-

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 194, л. 45.

виях совершенной неожиданностью было сообщение оперативной сводки 1-й армии к 15 часам 27 марта: «. Наступление группы Великанова приостановлено вследствие больших потерь» *.

Сообщение это не могло не встревожить командование 5-й армии. Наступление группы Эйхе развивалось успешно: ею уже заняты Ляхово — Ибрагимово — Новокиевка — Репьевка, между тем группа Великанова не только отстала, но теперь по приказу командарма Гая приостановила наступление. Успешными были также действия на остальных участках 5-й армии: 2-я бригада 26-й дивизии овладела районом Никольское — Бураковка — Теперишево; 1-я бригада 27-й дивизии окончательно закрепила за собою Н. и Ст. Япарово и ведет наступление на Чукраклы (10 км с.-в. Япарово), а западнее ж. д. ею взяты в наступательном бою свыше 200 пленных. 3-я бригада 27-й дивизии ведет бой под Райманово (36 км западнее ст. Кандры), здесь тоже нами взяты пленные и 4 пулемета. Не имелось только сведений от 2-й бригады 27-й дивизии, наступавшей в районе озера Асликуль. Все это вынудило Блюмберга еще раз обратиться к командующему фронтом с просьбой об энергичном наступлении группы Великанова, хотя бы для содействия 26-й дивизии.

«Действия ваши выше похвалы. 1-ю армию сейчас подтолкну. Потребую категорически выполнить задачу, имея в виду во всяком случае облегчить значительно ваше продвижение, так как эта задача им по силам», — таков ответ Каменева, данный им 28 марта в разговоре с Блюмбергом. На замечания Блюмберга, что на долю 1-й армии выпала очень легкая задача, так как восточнее тракта действует 11-я дивизия белых, два полка которой находятся в Уфе, причем эта дивизия, по мнению его, «самая слабая, какую приходилось встречать, так как мы ее все время били и эти полки каждый раз разбегались», — Каменев опять отвечает: «Я сейчас подтолкну 1-ю армию».

За все дни нашего контрнаступления командующий фронтом выступает в неприглядной роли посредника между командармом Блюмбергом и командармом Гая; оче-

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, л. 192, л. 175.

видно, что таким путем руководить крупной операцией совершенно невысказано и крушение всех планов неизбежно. На другой день после разговора с Блюмбергом, а именно 29 марта, Каменев был срочно вызван к проводу командармом Гая. 700 казаков, пройдя горными ущельями и без дорог, появились в 20 верстах западнее занятого частями его армии завода Авзяно-Петровский, перехватили тракт от названного завода на г. Стерлитамак. Одновременно противник атакует завод с востока и севера; нашим частям приказано обороняться до последнего, но положение там тяжелое, и в тылу может начаться паника. Далее Гая высказывает большие опасения за положение Уфимской группы его войск, которая попадает в тяжелое положение в связи с намечающимся охватом ее белыми с двух сторон — со стороны г. Белебея и со стороны Авзяно-Петровского завода. Ответ Каменева заслуживает того, чтобы его привести полностью:

«Я с вами совершенно не согласен о тяжелом положении Уфимской операции. Если и тяжелое положение, то из-за группы Великанова, который упорно остается на месте. Части 26-й дивизии за два дня берут 700 пленных, 30 пулеметов, 5 орудий и захватывают большой участок, словом, преодолевают одну треть пути к Чишме, а Великанов занимается какой-то перегруппировкой. Это было вчера, 28 марта. Сегодня, не знаю уж по какой причине, опять теряется день, в то время как против него значительно слабейший противник. 5-я армия сейчас атакует Абраево и станцию Шингак-куль. Под г. Белебеем оказался заблудившийся противник, который не может найти себе сейчас выхода. Группу Блажевича (3-я бригада 27-й дивизии) удалось усилить на 2000 коммунистов отдельным полком. Таким образом, даже разговора об охвате слева сейчас не может быть. Этот ваш новый прорыв, где, по донесениям, проходит какой-то полк в 700 сабель, наводит на размышления, что Пензенская дивизия, освещая обстановку, что-то маскирует. Прежде всего, у противника и полка-то в 700 сабель нет и пройти ущельями полку довольно трудно. Что там в действительности, я не знаю, но думаю, что никакого прорыва там нет. Наступление, как вы говорите, с четырех сторон, — я совершенно не понимаю. Почему же не с шести сторон, то есть сверху и снизу! Через некоторое время я

вас усилию двумя казачьими полками, а сейчас держитесь, чтобы не сорвать Уфимской операции» *.

Нетрудно было, конечно, командарму Гая принять такого рода разговор за обиду, что он тут же высказал, сославшись на полученные донесения и указав, что полки группы Великанова слабы, но все же перешли в наступление утром 29 марта. «Я считал долгом, — заканчивает Гая этот разговор, — ориентировать вас как всегда о малейшем событии или перемене на фронте как своего старшего, ничего не добавляя и не скрывая. Больше вас не беспокою». Так закончить разговор, конечно, нельзя, и Каменев спешит выправить дело, заявив, что он совершенно не сомневается в том, что командарм справится с любой обстановкой.

«Но относительно Великанова, — продолжает Каменев, — тут уже я негодую. Полки Великанова действительно не высокой боеспособности, но 12-я дивизия, которая перед ним, та уж совсем ни к черту не годна, между тем она-то и атакует. А это понятно, потому что Великанов стоит на месте, а сосед двигается. Что же остается делать противнику?! Естественно, атаковать, а Великанов в ответ на это группируется. Вот что меня сердит».

Как и следовало быть, разговор кончается ко всеобщему удовлетворению: Гая обещает еще раз поговорить с начальником 20-й дивизии — во что бы то ни стало, какой бы ценой ни было — она должна завтра достигнуть указанной в приказе линии. «Жалею, что меня там нет, я бы сам повел бы их в наступление, а то вам известно положение приказов высшего командования и как они вяло исполняются. Если прикажете, я могу срочно на автомобиле выехать». Каменев ехать ему не разрешает и предлагает свой старый испытанный способ управления: «Вы их подтолкните по телеграфу».

Приведенный разговор показателен во многих отношениях. Каменев был, конечно, прав в своей общей оценке хода нашего контрнаступления. Ему следовало бы лишь добавить, что во всем этом разное и дезорганизованности виновен прежде всего он сам, так как не сумел создать действительную ударную группу, равно как не сумел координировать действия 5-й и 1-й армий. Остается также еще раз подчеркнуть столь ясно выраженное неверие

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 192, лл. 207—213.

командарма 1 в успех начатой операции; это не могло, конечно, не отразиться на действиях группы Великанова, а дважды поднятая командармом паника о прорыве фронта армии также не прошла бесследно. Что касается вопроса о крупных потерях группы, послуживших причиной отдачи приказа о приостановке наступления, то и в этом отношении имеющиеся данные говорят не в пользу Гая. По ежедневным сводкам о потерях и трофеях значится, что за время с 22 марта по 28 марта потери всей 1-й армии составили 588 человек. При оценке упомянутой цифры нельзя не иметь в виду, что армия занимала фронт длиной около 300 км, что указанное число включает также больных и обмороженных и что бои шли также на участках 24-й и Пензенской дивизий, а не только группы Великанова.

6. Прорыв фронта 26-й дивизии южнее г. Уфы *(Схема 9)*

Западной армии Ханжина не удалось и на этот раз выполнить поставленной директивой от 22 марта задачи уничтожить 26-ю дивизию и нанести удар в тыл на г. Белебей и г. Стерлитамак. Она понесла тяжелые потери и вынуждена была отдать большой район на самом опасном для нее направлении — на ст. Чишму. Если за предыдущие десять дней — с 3 по 13 марта — Ханжину удалось разгромить весь левый фланг 5-й армии, захватить большие трофеи и овладеть г. Уфой, то за последующие две недели Западная армия не могла сдвинуть с места 26-ю дивизию, упорно оборонявшую новый рубеж южнее г. Уфы. На 15 марта — начало второго этапа Уфимской операции — Западная армия насчитывала только на участке 5-й красной армии около 31 000 штыков и сабель, 443 пулемета и от 80 до 90 орудий. Число штыков и сабель 5-й армии равнялось, по неполным данным, всего 7500—8000. Дело принимало для Ханжина скандальный оборот. Очередная, девятая, директива его от 27 марта начинается так:

«Сопrotивление 5-й и 1-й красных армий окончательно еще не сломлено. Противник прилагает всю энергию, чтобы удержаться на линии ст. Давлеканово — Пр. Табынск — завод Авзяно-Петровский и для этой цели перебрасывает в район Давлеканово разрозненные части не

только первой, но и четвертой армий. Как последний резерв в район Давлеканово прибыл сам Троицкий. На нашем крайнем правом фланге противник перебросил в район г. Мензелинска части 28-й дивизии с сарапульского направления, в то же самое время крайний правый фланг противника смят частями южной группы и отходит на заводы Кананикольский — Преображенский. Ставлю задачей армии разбить центральную и наиболее сильную группу противника в районе Давлеканово» *.

Директива эта — неприятное и вынужденное признание командующего Западной армией, особенно неприятное после всего того, что на протяжении последних двух — трех недель официально писалось и говорилось о полнейшем разгроме и развале войск 5-й красной армии.

В частных задачах войскам указывается: а) 2-му Уфимскому корпусу, закрепившись на мензелинском направлении, продолжать наступление на г. Бугульму и выделить сильные части для нанесения решительного удара и стремительного захвата района г. Белебея; б) 3-му Уральскому корпусу, усиленному Ижевской бригадой из армейского резерва, разбить противостоящего противника, отбросив его на юг и юго-восток от ж. д.; в) 6-му Уральскому корпусу — задача прежняя по директиве № 1088; г) Южной группе, сосредоточив главные силы на правом фланге, овладеть заводом Авзяно-Петровский и, преследуя отступающего противника, выйти на стерлитамакский тракт в районе Воскресенское; д) в армейском резерве 41-й полк и Украинский курень им. Шевченко — всего около 2000 штыков.

Основной замысел Ханжина — окружить войска 5-й армии, не дать им отойти на запад, а отбросить на восток, перехватив с этой целью силами Южной группы стерлитамакский тракт, — оставался в силе полностью. Южная группа насчитывала около 13 000 штыков и сабель. Снова подтверждается 2-му Уфимскому корпусу стремительный захват г. Белебея.

Бои на участке южнее г. Уфы не прекращались, обстановка была крайне тяжелой для наших частей. «Очень мешает обороне сильный мороз, при котором люди, разутые и раздетые, часто бегают из окопов обогреться», —

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 5, л. 20.

доносил командир 1-й бригады 27-й дивизии *. «Из бригады около 600 человек не могут быть использованы из-за полного отсутствия обмундирования», — доносил командующий группой Эйхе о состоянии Оренбургской бригады **. «Что я буду делать — я не знаю, — читаем мы в донесении командира 227-го полка от 28 марта, — нет ни одного из командного состава, которому я мог бы доверить управление ротой или батальоном. Красноармейцы — это усталый, измученный, изнервничавшийся народ. Нынешнюю ночь никто не спал — все время атаки» ***.

Командир 1-й бригады 26-й дивизии доносил 31 марта, что 229-й полк сведен в три роты, в 230-м полку всего 300 штыков, в 231-м — 700, во всей бригаде только три действующих орудия. Командир 3-й бригады 26-й дивизии доносил 31 марта, что 2-й батальон 3-го Советского полка Оренбургской бригады отказался выступить на поддержку своего же полка и самовольно снялся с позиции, чем оголил участок бригады. Оперативная сводка к 15 часам 31 марта указывает, что весь вчерашний день шли ожесточенные бои на правом фланге 26-й дивизии, противник подтянул Ижевскую бригаду и вынудил наши части отойти на всем фронте. В районе Волго-Бугульминской ж. д. 3-я бригада 27-й дивизии понесла тяжелые потери и также отброшена на запад. В 22 часа того же 31 марта командующий 5-й армией докладывал Каменеву, что противник продолжает теснить 26-ю дивизию на всем ее фронте. 2-я бригада 26-й дивизии отброшена в район Кадыргулово — Искандерово (все пункты на тракте Толбазы — ст. Давлеканово), а 3-й Советский полк — в Курманаево. После неудачной атаки Мусино части 3-й бригады 26-й дивизии отошли на Бузовьязы. Налицо уже обозначился глубокий прорыв центра 26-й дивизии; восстановить положение нечем — нет никаких резервов. По многократным донесениям начальника и политического комиссара 26-й дивизии, возложенная на дивизию задача — овладение ст. Чишмой и дальнейшее наступление на г. Уфу — в настоящее время без свежих резервов не выполнима. Таково же мнение Реввоенсовета армии. В последних ожесточенных боях 26-я дивизия потеряла больше

* ЦГАКА, ф. 1317, оп. 2, д. 97, л. 468.

** Там же, л. 542.

*** Там же, л. 628.

половины своего состава, красноармейцы окончательно выбились из сил, между тем противник вводит в дело свежие войска. В силу этого командование и Реввоенсовет армии находят необходимым временно на участке дивизии перейти к активной обороне. Начальник дивизии и политический комиссар высказывают опасения, что дивизия не будет в состоянии удерживать занимаемые позиции. Блюмберг просит указаний, какое направление фронт считает необходимым прикрывать в случае дальнейшего отхода 26-й дивизии, то есть ставит перед Каменевым вопрос, о котором он докладывал ему еще 14 марта.

«В том-то и дело, — заявил в ответ Каменев, — что все стремления сократить линию привели к совершенно обратным результатам... Я не знаю, что Вы понимаете под активной обороной. Я понимаю восстановление утраченного положения и считаю, что только контрударом можно удержать линию, а не отходом. Прикрывать ли 5-й армией Стерлитамак или только Бугуруслан — это совершенно безразлично, самое главное, что нельзя разорвать фланги 5-й и 1-й армий...» *.

Командарм ввиду сложности положения просит конкретных указаний. Но так их и не получил.

«Вы сами, вероятно, понимаете, что оба направления совершенно равноценны», — все, что нашелся ответить Каменев, пообещав, что будет дана директива.

Между тем положение было уже непоправимо: резервов ни у Блюмберга, ни у Каменева нет; части доведены непрерывными боями и наступлениями до последней степени усталости, ослаблены численно и морально. Колоссальный численный перевес позволяет Ханжину свободно маневрировать крупными соединениями: 4-я Уфимская дивизия с бригадой казаков бросается на г. Белебей, а главные силы Южной группы — на завод Авзяно-Петровский — Воскресенское. Наступление 4-й дивизии и казаков было для нас наиболее опасно. Им удалось, нанося удар на г. Белебей со стороны Тюп-Кильды, овладеть районом Тузлукуш — Старо Семенкино — Исмагилово (10—15 км севернее города) и создать реальную угрозу перехвата ж. д. в этом районе. Чтобы ликвидировать этот удар белых, были спешно сняты с фронта в районе ст. Давлеканово и переброшены в г. Белебей бронепоезд «Коммунар»

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 194, лл. 155—160.

и отряд коммунистов особого назначения (около 250 штук). План действий был следующий: части 2-й бригады 27-й дивизии, 41-го полка и батальон уфимских рабочих (все, что можно было набрать в районе ст. Давлеканово) получили задание наступать из занимаемого района на северо-запад в общем направлении на оз. Асликуль. Одновременно все, что можно было собрать в районе г. Белебея, а именно: части приводившихся в порядок 42-го и 240-го полков и наспех сформированные команды должны были наступать с юга навстречу противнику в общем направлении на Тюп-Кильды. Вообще же говорить о плане в строгом понимании слова не приходится; штаб армии уже отдал приказание о своем переезде дальше на запад, нет и речи о каком-либо объединении всех упомянутых частей в одних руках.

Историческую роль в боях с наступающей на Белебей группой противника сыграл упомянутый выше отряд уфимских рабочих. Он создавался по призыву Уфимского комитета партии. Около 3000 рабочих железной дороги и речного затона пошли добровольно в отряд на фронт. В сводке политического отдела 5-й армии по этому поводу говорилось: «В Уфе не хватает оружия, рабочие вырвали из рук друг у друга оружие... имеющие большой боевой опыт доказывали свое право на получение оружия первыми... устанавливали очередь участия в боях. Губком объявил мобилизацию всех находящихся на территории Уфимской губернии коммунистов, никто не имеет права покинуть пределы Уфимской губернии» *.

О том, что представлял собой один из батальонов отряда, сказано было в приведенной нами выше сводке политического комиссара 3-й бригады 26-й дивизии. Отряд отошел из города сам, меры со стороны Реввоенсовета 5-й армии и совещавшихся в Уфе начальников 26-й и 27-й дивизий к использованию и организации отряда приняты не были. Только после того, как южнее города установился новый фронт 5-й армии, отряд привлек внимание и были приняты кое-какие меры к превращению его в боевую единицу; в сложившихся под Уфой условиях это была очень трудная задача; только горсточка командного и комиссарского состава могла быть брошена на организацию и создание из отряда боевой единицы. Можно лишь

* ЦГАКА, ф. 185, оп. 2, д. 576, л. 202.

сожалеть, что до сих пор на основании местных архивных материалов ничего об этом отряде не написано и для потомства не сохранены даже имена организаторов и руководителей отряда — полка, почти целиком павшего в боях с 4-й дивизией и казаками, но сорвавшего план Ханжина о захвате г. Белебея.

Неудача 4-й Уфимской дивизии сильно встревожила Ханжина; он изменяет своей манере командования войсками и отдает в один день два приказа. В приказе № 01214 от 10.05 31 марта констатируется, что прорыв красных на Черемшанский мост ликвидирован, причем особо подчеркивается, что ядро наступавших красных — Уфимский рабочий полк — разбит. Ханжин пришел к выводу, что уже невозможно продолжать ставить 4-й дивизии задачу захвата г. Белебея, и ей дается приказ: «Продолжать энергичное наступление на ст. Раевку теперь же, дабы избавить части Уфимской группы от напрасного лобового, весьма кровопролитного наступления»*. В это время к Ханжину поступил доклад командира 2-го Уфимского корпуса ген. Войцеховского, предложившего нанести удар в глубокий тыл 2-й армии из района г. Мензелинска, занятого белыми еще 22 марта. Это был самый сильный корпус Западной армии, насчитывавший на 1 апреля около 19 400 человек, 235 пулеметов, 41 орудие и два бронепоезда. На участке корпуса действовала 3-я бригада 27-й дивизии — всего около 3000 человек. Вполне естественно, что в этих условиях Ханжин рассматривал корпус как источник, откуда можно легко и быстро взять крупные силы для содействия соседним участкам армии. Предложение Войцеховского было заманчиво и вполне осуществимо, но оно не соответствовало обстановке на фронте Западной армии. Третью неделю Ханжин не в состоянии сбить части 5-й армии южнее г. Уфы. Именно поэтому на запрос Войцеховского о судьбе его предложения ему дается в раздраженном тоне ответ, что командарм остается при своем мнении и что «раз мы прозевали прорыв, то надо все силы направить на главное направление — на ст. Раевку и выполнить это в кратчайший срок, ибо Уфимская группа истекает кровью»**. Как видно, Ханжин убедился, что его широко задуманный

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 5, л. 25.

** Там же, л. 26.

план окружения 5-й армии путем захвата г. Белебея и района Воскресенское оказался не по силам армии. Именно поэтому направление наступления 4-й дивизии меняется круто на юг. Одновременно в тот же день Ханжин отдает Южной группе второй приказ № 01225, меняя главное направление ее удара с Воскресенское на г. Стерлитамак. Занятием г. Стерлитамака преследуется цель отрезать пути отхода красных на юг, в то время как 4-я дивизия перережет ж. д. на г. Бугуруслан, «оставив противнику узкий бездорожный коридор между железной дорогой и трактом. Дальнейшие действия будут зависеть от обстановки» *.

Этими словами заканчивается приказ Ханжина от 31 марта. Как видно, истекшие три недели боев в районе г. Уфы кое-чему уже научили Ханжина.

ТРЕТИЙ ЭТАП ОПЕРАЦИИ

ОТСТУПАТЕЛЬНЫЕ БОИ КРАСНОЙ АРМИИ

С 3 АПРЕЛЯ ПО 26 АПРЕЛЯ 1919 г.

(Схемы 9, 10, 11 и 12)

1. Начало отступления 5-й и 1-й красных армий. Директива ген. Ханжина от 3 апреля 1919 г.

В 23 часа 1 апреля состоялся разговор командующего фронтом с командармом 5 **.

Согласно последним данным, 2-я бригада 26-й дивизии снова отброшена на юг; прорвав фронт бригады, противник продолжал энергично развивать достигнутый успех. «Надо что-нибудь придумать, — заявил в упомянутом разговоре командующий фронтом, — чтобы приостановить отход 2-й бригады. Быть может, 3-ю бригаду 26-й дивизии можно хоть немножко растянуть. Мне рисуется, что здесь нет превосходных сил противника, а бригада просто перетянулась».

В ответ на это предложение командарм Блюмберг докладывает, что согласно донесению командира 3-й бригады он никоим образом не надеется удержаться на линии

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 5, л. 24.

** ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 190, лл. 261—263.

р. Мургазы *, так как противник ведет наступление крупными силами, в бригаде же всего 1000 штыков, и участок ее растянут на 20 верст. В армейский резерв назначена Оренбургская бригада, но, по словам Блюмберга, она как боевая единица потеряна, деморализована окончательно, и ей нельзя ставить абсолютно никакой боевой задачи. Пока реально в резерве армии только отряд коммунистов (300 штыков) в заводе Усень-Ивановский (15 верст с.-в. г. Белебея), но его необходимо сохранить для предупреждения возможных случайностей и поддержки центра армии. Вообще, как подчеркивает командарм, армия оказалась растянутой в длинную тонкую нитку, вывести что-нибудь в резерв из того, что еще боеспособно, совершенно уж невозможно. Комфронтом, однако, с этим не соглашается. Он указывает, что сократить фронт армии вполне возможно. Для этого следует лишь двинуть вперед более энергично действующую в районе Волго-Бугульминской ж. д. 3-ю бригаду 27-й дивизии, усиленную недавно двухтысячным отрядом коммунистов.

«Я уже прошу большие подкрепления из центра, — заканчивает разговор Каменев, — но только не знаю, когда их можно ждать».

Приведенный разговор показывает весьма неприглядную картину положения на фронте 5-й армии: войска растянуты в тонкую длинную нитку, которую легко прорвать где угодно, резервов нет и брать их неоткуда, как выйти из создавшегося тяжелого положения и чем помочь конкретно войскам — этого ни комфронтом, ни командарм придумать не могут. По существу дела состоявшийся разговор — молчаливое признание крушения всех расчетов на восстановление положения под г. Уфой, хотя об этом никто из собеседников открыто и не говорит.

Ввиду серьезности обстановки на участке 5-й армии вопрос шел уже не только об отказе от наступления на ст. Чишму — г. Уфу двух наших ударных групп и даже не только о переходе их к активной обороне после неудачи. Создавшейся обстановкой вопрос поставлен совершенно по-другому: удержат ли вообще войска 26-й дивизии рубежи южнее города, на которых они в течение

* Мургазы — небольшая речка, начинающаяся ю.-в. Толбазы и в районе Курманаево; впадает в р. Уршак — крупный приток р. Белой.

истекших 16 дней успешно отражали все атаки главных сил Западной армии.

Разговор Каменева и Блюмберга кончился ничем; на этот раз окончательно отказал метод управления войсками по принципу «надо что-нибудь придумать».

Участок 2-й бригады 26-й дивизии оказался самым слабым, отход ее продолжался 31 марта и 1 апреля и привел к глубокому проникновению сил противника в южном направлении между стерлитамакским трактом и Самаро-Златоустовской ж. д. Создалась реальная угроза, что белым действительно удастся отбросить части группы Эйхе и группы Великанова на восток в горы и уничтожить.

Из-за отхода 2-й бригады оборвалась связь с группой Эйхе, и только 2 апреля в 20.00 штаб фронта получил от штаба 1-й армии следующее сообщение:

«По донесению начдива 20, правый фланг 5-й армии не существует... сгруппировался в Месели *. Противник обрушился на левый фланг 20-й дивизии, который тоже рассыпался. С Великановым связи не имею с 1 апреля. В Месели собираются части Интернационального и Бузулукского полков **. Первая Оренбургская бригада, понеся потери, окончательно разложилась, приказания не выполняются, красноармейцы совершенно дезорганизованы, штыками забирают обывательские подводы, едут кому куда вздумается. Мадыяры Интернационального полка, прослышав, что у них на родине Советская власть, требуют отправки на родину...» ***.

В свою очередь штаб 5-й армии тут же передал фронту свои сведения (схема 9):

«Нами получено от начдива 26 следующее донесение: «Противник обрушился на центр расположения дивизии и захватил Чуюнчи-Николаевку ****. 2-я бригада вместе с Оренбургской откинулись куда-то на юг, каких-либо ординарцы и ни по каким дорогам найти не могут... Где находится Эйхе — неизвестно совершенно. 1-я бригада дивизии занимает Аюханово — Давлеканово и район западнее ж. д. 1-я бригада 27-й дивизии оттянута в район

* Село Месели — в 50 верстах южнее с. Бузовьязы.

** Интернациональный и Бузулукский полки входили в состав Оренбургской бригады Сангурского.

*** ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 190, л. 269.

**** Чуюнчи-Николаевка — в 25 км ю.-в. ст. Давлеканово.

Ташлы — Мекашево южнее озера Асликуль, — видимо, там же и 41-й полк. Отряд моряков и лыжников в районе Баймурзино — Ермолкино...» *.

Это было одно из первых панических сообщений. Снова в эти дни действительно кровопролитных боев и крайне сложной обстановки при утере связи с войсками начали ползти и шириться самые дикие слухи.

3 апреля в 1 часу ночи начальник полевого штаба 5-й армии Карягин, докладывая начальнику штаба фронта последние сведения с фронта, заявил: «Лично мне известно, что эта группа Великанова якобы совсем рассыпалась без указаний ее остановки на каких-либо рубежах...» **.

В 23 часа того же 3 апреля состоялся разговор командующего фронтом с командармом Блюмбергс. «Первые бригады 26-й и 27-й дивизий, — докладывал Блюмберг, — которые до сих пор еще держались кое-как, теперь, по докладу начдива, накануне тоже полного разложения... У противника на фронте армии сейчас свыше 17 000 штыков, таким образом, у противника в три с лишним раза больше сил наших. Кроме того, к противнику прибывают свежие резервы. ...У меня армейского резерва нет и неоткуда его взять. Оренбургская бригада рассыпалась совершенно... Прислуга Интернациональной батареи собирается в г. Белебее. Что делается на стыке между правым флангом 26-й дивизии и группой Великанова, в данный момент не знаю...» ***.

Разговор этот возник в связи с приказом Каменева: «Сосредоточить армейский резерв против стыка 1-й и 5-й армий».

К началу разговора в штабе 5-й армии имелись сведения о расположении 3-й бригады 27-й дивизии (действовавшей вдоль Волго-Бугульминской ж. д.), 1-й бригады 26-й дивизии (отошедшей с боями на линию Кипчак-Аскарово — Идрисово в районе ст. Шафраново) и 1-й бригады 27-й дивизии (отошедшей на линию Трунтайшево — Веровка, примкнувшей, таким образом, к левому флангу 1-й бригады 26-й дивизии севернее и северо-западнее ст. Шафраново). Но все это были войска, которые находились западнее участка прорыва фронта 26-й дивизии

* Баймурзино и Ермолкино — в 15—18 км с.-з. г. Белебее.

** ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 190, лл. 273—274.

*** Там же, лл. 277—283.

противником. О положении 3-й и 2-й бригад 26-й дивизии и Оренбургской бригады, действовавшей рядом с названными двумя бригадами, в районе стерлитамакского тракта, то есть о войсках восточнее участка прорыва белыми нашего фронта, за последние полутора суток никаких донесений не поступало, и связь с ними была утрачена.

Было известно, что уже к вечеру 2 апреля противник, развивая успех на участке прорыва и неотступно наседая на разбитую 2-ю бригаду 26-й дивизии, продвинулся глубоко на юг и к указанному выше времени овладел районом Абрашитово — Нигматуллино — все пункты в 20—25 км восточнее и юго-восточнее Раевка (схема 10). По непроверенным данным, части отскочившей на юг 2-й бригады находились в ночь на 2 апреля в районе Услыбаш — Верх. Услы, то есть в 35—40 км юго-восточнее занятых противником к вечеру 2 апреля вышеназванных пунктов; это давало бригаде время и возможности уйти от ударов захватившего ст. Раевка противника. В значительно более тяжелом положении оказалась 3-я бригада дивизии, занимавшая крайний правофланговый участок 5-й армии восточнее стерлитамакского тракта. Связь влево — на запад — с соседними частями своей дивизии была утрачена уже 1 апреля вследствие поспешного и продолжавшегося безостановочно отхода на юг 2-й бригады 26-й дивизии как 1, так и 2 апреля. Опасаясь, что бригада опять примкнет к флангу соседа вправо — 20-й дивизии 1-й армии (как это уже раз произошло в марте), — командарм Блюмберг послал командиру бригады приказ присоединиться к правому флангу своей, 26-й, дивизии. Докладывая об этом, Блюмберг сообщил Каменеву, что в ночь на 2 апреля бригада была в районе Турсугали — Наумкино и что, по полученному от комбрига донесению, он 3 апреля рано утром выступит из занимаемого района с целью идти в западном направлении на станцию Аксеново. Таким образом, на этот раз принятое командиром бригады самостоятельно решение соответствовало намерениям командарма, но от этого обстановка для бригады не облегчалась. Отдавая бригаде приказ присоединиться к правому флангу своей дивизии, командарм не указал, да фактически и не мог указать, где этот фланг будет находиться к тому времени, когда она дви-

нется на запад. Из документов не видно, было ли командиру бригады известно, что путь из района Турсугали — Наумкино на ст. Аксеново в ночь на 3 апреля ему уже преграждали войска противника, распространившиеся от ст. Раевка на восток и юго-восток на 25—30 км. Намеченный комбригом марш-маневр мог привести к тактическому окружению бригады в условиях ведения арьергардных боев сседающим противником и боев авангардами для очищения дороги на запад к правому (неизвестно где находящемуся) флангу 5-й армии. По всем этим вопросам ни от штаба 26-й дивизии, ни от штаба 5-й армии бригадой никаких указаний получено не было. «Больше сведений о нем не имею», — этими словами Блюмберг закончил свой доклад о положении крайнего правого фланга армии. Еще раз штаб армии оказался совершенно беспомощным в поддержании связи с войсками. Не смущало это обстоятельство, видимо, и штаб фронта, который довольствовался теми сведениями, что ему давали штабы армий, хотя сведения эти не отличались ни достоверностью, ни своевременностью.

В 22 часа 4 апреля в штабе фронта стало известно, что г. Стерлитамак уже занят противником и части 20-й дивизии продолжают отходить на юг, на линию Татьяна — Сейтекулева (25—30 км южнее Стерлитамака), стремясь прикрывать тракт на г. Оренбург (схема 11). Продолжается также отход 24-й дивизии (занимавшей центр и правый фланг 1-й армии) с уральских перевалов и частей Южной группы на орском направлении. Армейский резерв первой — бригада в Мелеузе. Никаких сведений о правофланговых бригадах 26-й дивизии штаб 1-й армии не имел; не было их также у штаба 5-й армии и штаба фронта.

При таком состоянии управления закончилось для нас Уфимское сражение. Если месяц тому назад — в начале марта — ни штаб 5-й армии, ни штаб фронта не знали, что происходит на левом фланге армии севернее г. Уфы с момента перехода в наступление войск Ханжина, то теперь — в начале апреля — та же история повторяется, но только в отношении другого, крайнего правого фланга армии.

Но была, к сожалению, и весьма существенная разница в обстановке. В начале марта в армии сохранялись

вполне боеспособные две бригады 26-й дивизии, прикрывавшие центр и правый фланг армии от стыка с 1-й армией до завода Благовещенского, а после сдачи г. Уфы, создавшие новый рубеж южнее города фронтом на север. Сейчас — в первых числах апреля — никаких боеспособных войск в армии уже не сохранилось. Месяц тяжелых боев, атак и контратак и, в особенности, последнее наступление для восстановления положения под г. Уфой вывели из строя также и 26-ю дивизию. Правда, успех этот обошелся Ханжину весьма дорого. Потери одного только 3-го ударного корпуса составили за время с 6 марта по 30 марта 86 офицеров и 2573 солдата, или 33% боевого состава корпуса на 1 апреля *. Но это не смущало Ханжина. Он был вполне в курсе производившегося нами сосредоточения сил для наступления на ст. Чишму — г. Уфу; и подготавливавшаяся нами операция была своевременно распознана штабом его армии⁶³. В этой связи несомненный интерес представляют следующие решения Ханжина. В оценке его штаба действия 26-й дивизии южнее г. Уфы характеризовались словами: «Таким образом, завязалось целое сражение на широком фронте». Чтобы решить исход этого сражения, Ханжин не остается ни одного дня без надежного и сильного армейского резерва. Отдохнувшая и пополненная Ижевская бригада была брошена сосредоточенной массой на участок 2-й бригады нашей 26-й дивизии и сравнительно легко выполнила поставленную ей задачу. Но, использовав бригаду для мощного и решительного удара, Ханжин тут же выводит ее из линии боев на участке 26-й дивизии. В 22 часа 3 апреля ижевцам дается уже другая задача — на другом, крайнем правом фланге Западной армии в направлении на г. Мензелинск, в резерве же армии было опять сосредоточено около 2000 штыков других частей в районе г. Уфы. переброску целой бригады в таком масштабе — с одного фланга армии на другой — следовало бы признать безусловно смелым решением, если бы Ханжин не был совершенно в курсе дела у нас и не убедился бы в ходе предыдущих трехнедельных боев, что красные использовали весьма неумело собранные южнее Уфы силы, а других резервов у них нет.

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 17, л. 9.

Другое заслуживающее внимания решение Ханжина касается Южной группы (схема 11). Вначале (первой директивой от 26 февраля) он ставит группе ген. Белова задачу наступать на завод Авзяно-Петровский и завод Кананикольский, чтобы сковать силы нашей 1-й армии. Затем (директивой от 22 марта) Белову ставится задача, собрав главные силы к правому флангу, нанести решительный удар на тот же завод Авзяно-Петровский, то есть главные силы группы подтягиваются на север ближе к району Уфимского сражения. И, наконец, директивой от 31 марта группе дается задача овладеть г. Стерлитамаком, оставив на всем своем остальном фронте (около 80 км) только заслоны, то есть главные силы группы подтягиваются еще на 50—60 км ближе к району Уфимского сражения. Объясняется это тем, что Ханжин снова задался целью окружить наши войска — на этот раз в районе г. Стерлитамака. Для этого намечалось привлечь войска 2-го Уфимского корпуса, действовавшего на крайнем правом фланге Западной армии в полосе между разграничительными линиями от р. Белой — г. Мензелинска до условной линии оз. Асликуль — г. Белебей. 4-я Уфимская дивизия корпуса в свое время ударом от г. Бирска на ст. Чишму сыграла крупную роль в поражении наших войск севернее г. Уфы. После этого Ханжин еще дважды (директивами от 22 и 27 марта) пытался использовать ту же 4-ю дивизию для такого же широко задуманного обходного маневра с ударом на г. Белебей, но задача выполнена не была. Видимо, эти неудачи заставили командира корпуса ген. Войцеховского искать другие возможности восстановить боевую славу войск в глазах высшего начальства. Именно с этой целью он просил 28 марта Ханжина дать ему Ижевскую бригаду для нанесения ею (одновременно с наступлением 4-й Уфимской дивизии) удара с севера на юг из района оз. Асликуль на станции Аксеново — Шафраново с тем, чтобы по занятии названных станций оставить заслон в сторону г. Бугуруслана (на запад), а главными силами кулака продолжать наступление на восток или на юг в зависимости от обстановки. Штаб Западной армии отверг это не лишнее смелости и понимания обстановки предложение, заявив, что Ижевской бригаде намечается другая «стратегическая задача, а не затыкание дыр». Но тут же — 31 марта — приказал

Войцеховскому * снять 4-ю дивизию с белебеевского направления, поставив ей задачу: «Продолжать наступать на ст. Раевку теперь же, дабы избавить части Уфимской группы от напрасного весьма кровопролитного лобового наступления».

3 апреля последовала новая (одиннадцатая) директива Ханжина за № 1266 **. В оценке Ханжина обстановка рисуется следующим образом. Фронт красных прорван в районе завода Авзяно-Петровский и в районе между стерлитамакским трактом и железной дорогой. Красные пытаются наступать на флангах, упорно обороняются в районе железных дорог на г. Бугульму и на г. Бугуруслан, а на прочих направлениях поспешно отходят. Директива гласила: «Ставлю себе задачей отбросить главные силы противника, действующего в районе Самаро-Златоустовской железной дороги, к югу от нее».

2-му Уфимскому корпусу подтверждается задача захвата г. Белебея, 3-му Уральскому корпусу — разбить противостоящего противника и отбросить к югу от ж. д. 6-й Уральский корпус получает новую задачу: «Надежно разобщить группу красных в районе железной дороги от Оренбургской группы красных». Южной группе по овладении г. Стерлитамаком нанести главный удар правым флангом в южном направлении на г. Оренбург.

Директива заканчивается следующими словами: «Преследование вести на подводах, беспощадно истребляя добровольческие части противника, а также мадыро-латышские, китайские и интернациональные, уничтожая всех комиссаров».

В этой директиве заслуживает внимания ряд моментов. Прежде всего Ханжин не ставит войскам ни районов, ни рубежей для достижения, ни сроков для овладения ими. Это признается уже ненужной задержкой. Единственный объект действий Западной армии — живая сила красных, а уничтожение их — главная и единственная задача. Ненужным считает Ханжин соблюдение при дальнейших действиях армии обычных походных порядков и мер походного охранения марша-маневра: «преследование вести на подводах».

На 1 апреля 1919 г. Западная армия насчитывала

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 5, л. 25.

** Там же, л. 28.

64 442 человека. Боевой состав ее 96 батальонов и 86 эскадронов-сотен — 41 276 штыков, 10 393 сабли, 703 пулемета, 115 орудий и 4 бронепоезда *.

По замыслу директивы № 1266, вся эта масса бросается стремительно вперед, и удар не может не получиться сокрушительным, все сметающим на своем пути: ведь перед наступающими только две разбитые дивизии 5-й армии и сильно расстроенные войска левого фланга 1-й армии. Ханжин совершенно уверен в успехе. Он принял предложение ген. Белова о том, что поскольку в районе г. Стерлитамака Южной группе делать уже нечего, то можно нанести фланговый удар в южном направлении на г. Оренбург и этим не только оказать помощь ген. Дутову, но и «оживить» Оренбургскую казачью армию. Ввиду этого боевой состав Южной группы следует исключить из состава Западной армии для того, чтобы получить правильное представление о тех силах, которые фактически продолжали натиск на части нашей 5-й армии. Эти силы составили, как показывают подсчеты, 33 860 штыков, 4603 сабли, 560 пулеметов и около 100 орудий, 4 бронепоезда.

Докладывая 31 марта Каменеву, что против 5-й армии действуют 17 000 штыков, командарм Блюмберг показал полную неосведомленность штаба армии: ведь он ошибся в оценке сил действующего против него противника не более, не менее как в два с лишним раза. Штаб фронта, располагавший несравнимо большими возможностями знать силы противника, тоже оказывался совершенно не в курсе дела. Каменев, возражая Блюмбергу, приводил свои расчеты, доказывая, что превосходство только полоторное, причем он обосновывал свой вывод только подсчетом количества действующих полков и не задавался вопросом, что собою представляли наши полки в действительности ⁶⁴.

Но, несмотря на столь значительное превосходство сил, смело и со знанием дела поставленные задачи по директиве № 1266 выполнены не были: не удалось сбросить красные войска с железной дороги, не удалось назначенное Ханжиным окружение наших войск в районе г. Стерлитамака ⁶⁵.

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 129, лл. 1—10.

6 апреля в 24 часа состоялся первый разговор между Каменевым и новым командующим войсками 5-й армии М. Н. Тухачевским.

Приняв только что командование, Тухачевский докладывал:

«...Обстановка неблагоприятна. 26-я дивизия сбита снова на всем фронте очень большими силами противника и отошла... 27-я дивизия после упорных боев на нескольких рубежах оставила г. Белебей и отошла в центре на Алексеевку *. 3-я бригада 27-й дивизии заняла ряд деревень, но была отброшена на Райманово — Какрыбашево **. На крайнем левом фланге бригады противник занял Байраки ***, отбросив коммунистический полк. Вообще части так растаяли, что армия вряд ли имеет 8—9 тысяч штыков. Большие расстояния крайне затрудняют маневрирование и быстрые перегруппировки, а вцепившийся противник делает это совсем трудно исполнимым... Прошу сообщить, входит ли в ваш план во что бы то ни стало остановить противника или допустимо выигрывание времени до подхода подкреплений?» ****.

Можно лишь высказать недоумение по поводу того, что новый командующий армией, направляясь на фронт в армию, ведущую тяжелую операцию отступления, не был командованием фронта ориентирован и осведомлен, во всяком случае о предположениях и намерениях его.

«Остановка противника является нашей задачей, — ответил на запрос Каменев. — ...Всеми силами стараюсь вас поддержать, но с каждым шагом назад перегруппировка 1-й армии затрудняется. Бригада 4-й армии, которую тоже подадим Вам, еще требует некоторого времени — получить обувь и хотя немножко пополниться».

По существу ответ Каменева означал: держитесь тем, что осталось у вас; все, на что можете рассчитывать, — одна бригада из 4-й армии, но еще неизвестно, когда она будет готова для отправки на фронт. Реальной ценности слова Каменева: «Всеми силами стараюсь вас поддержать» — не имели. Поэтому не удивительно, что РВС

* Алексеевка — 6—7 км западнее г. Белебея.

** Райманово и Какрыбашево — 3 и 9 км севернее ст. Туймазы на Волго-Бугульминской ж. д.

*** Байраки — около 20 км западнее Какрыбашево; занятие этого пункта означало глубокий обход открытого фланга бригады.

**** ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, л. 294.

армии ежедневно (как по линии командования, так и по линии политической) пытается получить от руководства фронтом более реальную и, главное, скорую помощь. В конце концов Каменев обещает послать дней через десять одну пулеметную команду, один маршевый батальон (6—7 сот штыков) и из г. Самары батальон ВЧК. 1000—1300 штыков — вот и все, что подготовил РВС фронта для поддержки 5-й армии в виде отдельных маршевых пополнений.

Таким образом, вся тяжесть задачи приостановить наступление 38 тысяч штыков и сабель Ханжина возлагалась на 8—9 тысяч усталых бойцов тех же 26-й и 27-й дивизий, которые вот уже больше месяца вели непосильные бои с Западной ударной армией Колчака.

В переговорах о положении на фронте, о намечающихся операциях высший командный состав ведет все расчеты на полки, бригады и дивизии. Но это — отвлеченные понятия. Узнать истинное положение и получить конкретное представление о том, что же на самом деле представляли собой как боевая сила все эти полки и бригады, можно только из донесений политических комиссаров, общающихся то, что было на самом деле, без мудрствований, как это видно из политсводок 5-й армии:

«В 1-й бригаде 26-й дивизии на 9 апреля насчитывается: в 226-м полку — 350—400 штыков, в 227-м полку — 250—300 штыков, а в 228-м полку — 200—250 штыков... На 14 апреля в 232-м полку 60 штыков, в 233-м полку около 300 штыков, в 234-м полку около 200 штыков; обмундирование скверное: большинство в валенках, а кругом оттепель, настроение подавленное, политработу вести невозможно... На 14 апреля в 229-м полку 120 штыков, пулеметов 3, телефонов нет — все брошено; в сапогах только 10%, остальные в валенках и лаптях.. белья совершенно нет, медикаменты и перевязочные средства абсолютно отсутствуют... в 228-м полку 150 штыков, пулеметов 7, но работают только два, на остальных нет пулеметчиков, связь утеряна, заболеваний тифом по 3—4 человека в день... в 231-м полку 175 штыков и 1 пулемет, из 8 коммунистов осталось только 3, взводных и отделенных командиров совершенно нет; в сапогах половина, остальные в лаптях и валенках... табаку дали по одной восьмушке на 4 человека. Физическая усталость полная. Паника сильная, старые красноармейцы так легко панике не

поддаются и являются единственной опорой, более или менее сдерживающей отступление, но их в полках 2-й бригады 26-й дивизии осталось немного... Остальная масса вообще на сопротивление не способна... с такой усталой, раздетой и деморализованной массой, которая есть в полках сейчас, воевать невозможно... выбит почти весь командный состав и полит-партийные работники, вести агитацию и внушать некому, репрессий никаких не страшатся... Неприятельская цепь, шедшая на Ташлы-Шарыпово, подошедшая на 40—50 шагов, была встречена артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем. Пулеметчики двух пулеметов 228-го полка во главе с начальником команды Гельберштейном косили из пулеметов до тех пор, пока не были переколоты подошедшими в упор неприятельскими цепями... В связи с отступлением появилось недоверие и недовольство высшим командованием... Общее настроение неудовлетворительное. Причина такого настроения заключается в самом факте отступления, которое вызвало массу поводов для недовольства... для массы красноармейцев непонятна причина такого отступления на сотню с лишним верст по непонятной для массы стратегии фронта, оно родило недоверие и внесло в ряды красноармейцев дезорганизацию» *.

Неизвестно, читались ли армейские политические сводки командующим армией и командующим фронтом, продолжавшим ставить войскам серьезные боевые задачи, говорившим о полках, бригадах и дивизиях, которых в подлинном смысле слова давно уже не существовало.

2. Директива Колчака от 12 апреля 1919 г. — овладеть переправами через р. Волгу

(Схема 1)

Отданная Колчаком 12 апреля директива № 1085/оп** начинается словами: «Противник на всем фронте разбит, деморализован и отступает». Отметив, что уральские казаки начали активные действия против г. Уральска, что Деникин теснит красных в районе Донбасса, а Юденич на псковском и нарвском направлениях, «верховный повелел уничтожить красных», оперирующих к востоку от рек

* ЦГАКА, ф. 185, оп. 2, д. 20.

** ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 10, л. 30.

Волги и Вятки, отрезав их от мостов через названные реки. Задачи армиям: Сибирской — выйти на линию Котельнич — Казань; Западной — отбросив красных от р. Волги на юго-восток, правым флангом быстро продвигнуться к переправам через р. Волгу у г. Симбирска и г. Сызрани, искать соединения с уральскими казаками. Оренбургской армии генерала Дутова овладеть г. Оренбургом, Илецком и г. Актюбинском. Речному флоту овладеть устьем р. Камы. 1-му Волжскому и Сводному Сибирскому казачьему корпусам, оставаясь в резерве верховного главнокомандующего, сосредоточиться в районе западнее г. Уфы. Сибирской и Западной армиям заранее организовать захват мостов через р. Волгу у Казани, г. Симбирска и г. Сызрани, дабы помешать их испортить. «Начальникам беречь войска и следить за сохранением правильной войсковой организации», — этими словами заканчивается директива. В тот же день Колчак послал еще две телеграммы: одну с объявлением благодарности Ханжину и Гайда, а вторую с требованием поголовного истребления коммунистов, комиссаров, добровольцев.

Указания «беречь войска» не были случайными. Уфимская операция стоила Колчаку уже около 8000 человек. Колчаковское военное министерство сумело поддерживать численность Западной армии на прежнем уровне. На 15 апреля в армии имелось 97 батальонов и 79 эскадронов-сотен, насчитывающих 36 863 штыка, 9242 сабли, 667 пулеметов и 146 орудий *. Новые, наспех обученные и насильно мобилизованные пополнения не могли, конечно, заменить в боевом отношении выбывших солдат первого периода войны, но, несмотря на это, Западная армия представляла собой вооруженную силу, остановить стремительное наступление («бег к Волге») которой, казалось, ничто уже не может. Именно в таком духе освещался ход войны белыми. В приказе Ханжина войскам от 10 апреля ** высокопарным стилем говорилось об отбитом Западной армией «натиске полков трех красных армий» в районе г. Уфы, о героизме войск, «обильно поливших своей кровью поля Давлеканово и Подлубово», о доблестных войсках Южной группы, «оросивших горы и долины Башкирии своей кровью». Приказ заканчивается указа-

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 129, л. 12.

** Там же, д. 5, л. 88.

нием, что лишения и страдания, холод и стужа — все осталось позади, «впереди же солнце, тепло и благовест златоглавых московских соборов». А поэтому — никаких остановок, вперед, чтобы скорее «водрузить победный стяг Российской армии на берегах освобожденной Волги». Такова была продукция белогвардейского генеральского агитпропа, перешедшего в армию Колчака по наследству от «Народной армии Уфимской Директории». Окрыленное успехами высшее колчаковское командование шлет войскам приказ за приказом. Содержание их всех одно и то же: насаждать неотступно, преследовать день и ночь.

«На ликвидацию еще сопротивляющихся отдельных групп противника обращаю самое серьезное внимание командиров корпусов, — писал в приказе от 18 апреля № 01469 Ханжин. — ...От этого зависит успех не только выдвижения нашего на р. Волгу, но и дальнейшего наступления за Волгой, а поэтому приказываю: тщательнее разрабатывать план, глубже охватывать противника, в особенности в полосе железных дорог, дабы он не мог увезти запасов, широко применяя ночные действия и марши» *.

В приказах уже появляются названия городов Сызрань, Ставрополь и других пунктов на западном берегу р. Волги. Еще 6 марта Колчак отдал приказ Ханжину заготовить 1000 сажень (два с лишним км) плавучих мостов в верховьях речек, впадающих в Каму и Белую, для сплава их к р. Волге. Спешно шла работа по приведению в исправность захваченного в г. Уфе речного флота: 63 буксирных пароходов, 24 товаро-пассажирских, 10 моторных баркасов, 4 паровых баркасов и 101 баржи **. Из этих плавучих средств к 8 апреля уже были усилены броней и вооружены 19 пароходов в качестве судов вспомогательного речного военного флота. Спешно производилось формирование четырехбатальонной бригады морских стрелков под командованием адмирала Смирнова. Река Волга не должна была ни на день стать преградой на пути победоносного стремительного наступления Западной армии...

Но имелась еще одна причина, заставлявшая колчаковское командование довести операцию преследования

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 5, л. 80.

** Там же, д. 7, л. 123.

до абсурда. Это — приближающаяся весенняя распутица. Каждый из противников связывал с ее наступлением свои надежды и расчеты, поэтому вопрос о состоянии дорог все чаще затрагивается в сводках и переговорах как у нас, так и у противника. Характерна в этом отношении резолюция Ханжина на докладе командира 6-го Уральского корпуса от 15 апреля, доказывавшего необходимость приостановить хотя бы на несколько дней стремительное наступление, ослабляющее войска вследствие все увеличивающейся непроходимости дорог, отсталости тылов и т. д. «В таком положении, — писал Ханжин, — все корпуса, но двигаться надо. Скоро красные не смогут ездить, а должны будут ходить» *. 16 апреля командующий Южной группой генерал Белов докладывал: «Дороги таковы стали, что ни на санях, ни на колесах ездить нельзя. На реках поверх льда местами вода до 2 аршин. Спасают только ночные заморозки и полнолуние. Двигаемся главным образом ночью и в утренние часы» **.

Но все эти донесения и доклады командиров корпусов и начальников дивизий во внимание не принимались ни Ханжиным, ни ставкой. В директиве от 18 апреля Ханжин писал: «Продолжать энергичное преследование, отбросить противника на юго-восток в степи и, не допуская отхода за Волгу, перехватить важнейшие на ней переправы».

Приказано к 26 апреля войскам армии выйти на линию г. Чистополь — г. Сергиевск — ст. Кротовка — г. Бузулук — г. Оренбург. В частных задачах предписано: а) 2-му Уфимскому и 3-му Уральскому корпусам ликвидировать красные войска, отступающие в полосе железных дорог на г. Симбирск и г. Самару; б) 6-му корпусу совместно с правым флангом Южной группы генерала Белова — ликвидировать Шарлыкскую группу красных, не допуская отхода на запад и юго-запад.

Дается особое задание всем корпусам: выбрасывать вперед кавалерию и «ездящую пехоту». По выполнении указанной задачи будет предоставлена возможность на время подготовки к переправе через р. Волгу подтянуть тылы, восстановить нарушенную войсковую организацию и пополниться. В армейский резерв выводятся Ижевская

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 7, л. 98.

** Там же, д. 34, ч. 1, л. 62.

бригада в район г. Бугульмы, а бригада 6-й Уральской дивизии — за левым флангом группы Белова.

Занятием района г. Мензелинска — г. Елабуги — г. Чистополя и выдвиганием сильной речной флотилии в район устья р. Камы правый фланг Западной армии считался обеспеченным; белые прекрасно знали, что ни на какие серьезные действия для помощи нашей 5-й армии войска 2-й армии не способны, будучи сами скованы частями Сибирской армии Гайда. Зато левый фланг Ханжина был совершенно необеспечен ввиду слабости Оренбургской армии. На 15 апреля эта армия насчитывала 14 666 человек — 6 батальонов и 82 сотни. Штыков числилось 5400, сабель — 9190, пулеметов — 74, орудий — 16 *. Одной из причин малочисленности армии было то, что ряд казачьих и пластунских бригад были взяты у Дутова и действовали в составе Сибирской и Западной армий как дивизионная и корпусная конница. Основная же причина заключалась в продолжавшейся «политической болезни» казачьих частей, обуславливавшей невысокий уровень боеспособности их. 23 марта Дутов отдал приказ овладеть г. Орском, после чего вести наступление на фронт г. Оренбург — г. Актюбинск, «имея главной задачей обеспечение левого фланга Западной армии» **. Задача выполнена не была, и по мере развития стремительного наступления армии Ханжина на запад с каждым днем все острее становился вопрос обеспечения ее левого фланга. В первые же дни апреля, как только 1-я красная армия начала отход, казачьи части Дутова потеряли соприкосновение с нашими частями. Ставка и штаб Ханжина неоднократно пытались получить от штаба Оренбургской армии сведения о направлении отхода главных сил красных, о группировке наших войск, но безуспешно. Штаб Оренбургской армии сам ничего не знал. «Вообще добиться от них правды очень трудно», — таков был вывод ставки и штаба Ханжина ***. Естественно, что в этих условиях штаб Западной армии пришел к выводу, что обеспечение левого фланга должно быть организовано собственными силами. Как уже было отмечено, в начале февраля Ханжин создал Южную группу войск для заполнения про-

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 128, л. 41.

** Там же, д. 34, ч. I, л. 193.

*** Там же.

рыва между его левым флангом и Оренбургской армией ввиду перехода башкирских войск на нашу сторону.

«Я придаю большое значение стерлитамакскому направлению не только в связи с положением правого фланга Оренбургской армии, но ввиду той работы, которая выпадет стерлитамакскому корпусу по занятии г. Стерлитамака, когда этот корпус придется несомненно усилить», — заявил Ханжин уже в то время *. На 15 апреля Южная группа насчитывала 16 383 человека — 27 батальонов и 47 эскадронов-сотен. Штыков числилось 7983, сабель — 5964, пулеметов — 145, орудий — 22 **. Таким образом, группа по численности была сильнее армии Дутова.

3. Обстановка на крайнем правом фланге Восточного фронта и действия наших войск

(Схемы 1, 2, 3, 4, 5, 11 и 12)

Обстановка на крайнем правом фланге фронта резко отличалась от положения на всех других участках его. Фактически фронта здесь не было даже в виде той прерывчатой линии, как он существовал во всех прочих армиях. Действовавшие против нас в этом районе уральские казаки — армия только по названию. О ее боеспособности дал откровенную характеристику начальник ее штаба представителям добровольческой армии Деникина, и у нас нет оснований не верить его оценке. И Деникин, и Колчак пытались оказывать помощь уральским казакам посылкой винтовок и боеприпасов⁶⁶, а также офицерских кадров, но осуществить намеченное полностью не удалось; не прибыли назначенные для этого Деникиным три офицерских батальона (около 2000 человек); посланные Колчаком 5000 винтовок застряли у Дутова. Пластунских частей было мало, а воевать в пешем строю основная масса казаков, верная тактике иррегулярной конницы, отказывалась. Крупнейшее значение имели также географические условия местности — степи с населенными пунктами, главным образом по берегам рек. Против уральцев действовала наша 4-я армия. По численности она была второй после 3-й армии, но боеспособность ее войск была

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 34, л. 41.

** Там же, д. 129, л. 12.

относительной; еще весной 1919 г. сильно сказывались основные недостатки первого периода нашего военного строительства: обсуждение приказов, выборность командного состава, самовольное смещение неугодных командиров и т. д. Это было одной из причин частой смены командующих и назначения в декабре 1918 г. командармом 4 М. В. Фрунзе. Мы не совершим большой ошибки, если признаем, что до вступления в командование войсками армии М. В. Фрунзе войска 4-й армии в отношении дисциплинированности, организованности, а следовательно, и боеспособности не намного превосходили казачьи уральские части.

Используя затишье на фронте 4-й армии, где операции носили в этот период явно выраженный характер малой войны, новый командарм уделил основное внимание реорганизации войск на началах регулярной Красной Армии.

Успешными действиями 1-й армии с запада и отрядов Красной Армии со стороны Туркестана нами был в конце января занят район г. Оренбурга, войска Дутова отбрасывались на восток, и этим самым была прервана связь Оренбургской казачьей армии с Уральской армией ген. Савельева. Происшедшее в связи с этим соединение войск 1-й армии с отрядами туркестанцев показало, что так называемая Туркестанская армия, создававшаяся в условиях полной изоляции от Советской России, далеко отстала во всех отношениях от армий Восточного фронта. В ней господствовали те же недостатки, о которых сказано выше в отношении 4-й армии: кроме института политических комиссаров, в частях туркестанских войск были созданы солдатские комитеты по образцу таких же комитетов в частях старой армии в 1917 г. до Октябрьской революции. Крайне остро стояли вопросы снабжения, вооружения и снаряжения — ведь фактически Туркестанская армия не имела никакого тыла в обычном военном понимании этого слова. Необходимость коренной реорганизации туркестанских войск была бесспорной. В тот период Восточному фронту было не под силу выделить материальные и людские ресурсы для решения такой крупной организационной задачи, как формирование новой армии со штабами, управлениями и всеми необходимыми тыловыми учреждениями. Ввиду этого дано было распоряжение свернуть пехоту туркестанцев в

стрелковую дивизию, а конников — в отдельную кавалерийскую бригаду. Задача эта была возложена на РВС 1-й армии, в состав которой и были включены бывшие туркестанские отряды под названием Оренбургской стрелковой дивизии и Отдельной Оренбургской кавалерийской бригады*.

Овладение районом г. Оренбурга, успешное преследование разваливающейся казачьей армии Дутова на орском направлении и увеличение сил Восточного фронта на 14 тысяч новых бойцов-туркестанцев, — несомненно, крупные события и прежде всего новые факторы обстановки большого оперативного значения. Однако напрасно стали бы мы искать в директивах нашего главного и фронтового командования какие-либо признаки того, как оно рассматривало изменившуюся обстановку на правом фланге фронта, и пыталось ли оно вообще использовать достигнутые в этом районе крупные успехи в интересах всего Восточного фронта.

Первая такая попытка нашла свое выражение в приказе командующего фронтом от 5 марта 1919 г. за № 313/К**, то есть через полтора месяца после падения Оренбурга, и только после занятия нами 27 февраля г. Орска и установления 28 февраля связи с Актюбинской группой бывшей Туркестанской армии. Приказ был отдан Каменевым в г. Оренбурге после совещания с РВС 1-й армии, но было бы ошибкой считать, что РВС фронта созвал совещание по своей собственной инициативе и с целью наконец-то заняться правым флангом после того, как все усилия добиться каких-либо серьезных успехов контрнаступлением 5, 2 и 3-й армий на левом фланге закончились безрезультатно. Дело в том, что за РВС фронта все еще числилась невыполненной директива Полевого штаба Республики № 731/Ш от 24 января, требовавшая проведения в кратчайший срок энергичных и решительных действий в направлении на г. Челябинск. Отданный тогда же Каменевым приказ 1-й армии за № 279, намечавший начало Челябинской операции через 5 дней со дня отдачи приказа, также не был выполнен. Занимаясь разработкой плана предстоящей операции на г. Челябинск, командующий 1-й армией неоднократно ставил

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 9, л. 133.

** Там же, д. 170, л. 2.

перед комфронтом вопрос, кто же и как будет обеспечивать его тыл, когда его войска, овладев районом Верхнеуральска, повернут свой фронт на север. Для обсуждения всех этих вопросов и принятия соответствующего решения командование фронта и прибыло в первых числах марта в штаб 1-й армии. Принятое решение свелось вкратце к следующему: а) задача по овладению Южным Уралом возлагается на 1-ю армию в составе основных ее — 24-й и Пензенской — дивизий и временно включаемых в ее состав трех полков 25-й дивизии; б) обеспечение тыла 1-й армии путем надежного удержания за нами Оренбургской и Уральской областей возлагается на все остальные находящиеся в районе правого фланга наши войска; в) поворот 1-й армии на северо-восток — на г. Челябинск требует занятия ее участка новыми силами для действий против ее старого противника — Оренбургской армии Дутова. Для выполнения этой задачи приказ предусматривает создание новой — Туркестанской — армии путем сформирования одной стрелковой и одной кавалерийской дивизий за счет развертывания тех же туркестанских войск, которые только три недели до этого сворачивались из армии в дивизию и кавалерийскую бригаду; г) развертывание новой армии, а в дальнейшем и координирование ее действий с действиями занятой целиком на уральском направлении 4-й армии возлагается на штаб и командующего 4-й армией Фрунзе с присвоением наименования «Южная группа» объединяемым под одним командованием войскам 4-й армии и подлежащей развертыванию Оренбургской дивизии. Сама формулировка задачи Южной группы в приказе указывает весьма недвусмысленно на то, что командование фронта не имело никаких видов на использование войск 4-й и создаваемой Туркестанской армий для более активных действий ни против Дутова, ни против уральцев.

Катастрофа на левом фланге 5-й армии и начавшееся Уфимское сражение заставили Каменева (ввиду настоячивых просьб со стороны командарма 1, как было указано выше) отдать 11 марта распоряжение о срочной переброске бригады Сангурского из Оренбургской дивизии на ст. Раевку *. Основная задача Южной группы (согласно

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 170, л. 5.

приказу № 313/К) в связи с переброской бригады под г. Уфу изменена не была. Положение на участке 5-й армии привлекло внимание командующего группой, и упомянутое выше письмо Фрунзе показывает, что, хотя он и оказался совершенно неправильно информированным о положении дел в 5-й армии и хотя войска группы находились далеко от участка фронта, где в те дни решался вопрос о прорыве Колчака к р. Волге, ему были ясны необходимость и неизбежность взаимодействия армий фронта. Между тем наше высшее командование совершенно забыло о нем. Именно поэтому 19 марта Фрунзе послал Каменеву телеграмму № 0717, напоминая о себе и высказывая мнение, что при изменившихся в центре фронта условиях прежняя задача группы, возложенная на нее еще в начале марта, уже не соответствует общей обстановке и предстоящим задачам армий фронта. В частности, в телеграмме был поставлен вопрос, куда должна базироваться вновь формируемая Туркестанская армия — на Туркестан или на р. Волгу. Последовавший в тот же день ответ Каменева предлагал отложить продолжение задачи Туркестанской армии, иметь в виду базирование на р. Волгу. В переводе на простой, всем понятный язык телеграмму Фрунзе следует читать так: куда придется идти туркестанским войскам — обратно в Туркестан, откуда они пришли, или они останутся с нами, если Восточному фронту придется еще дальше отходить на запад. Каменев подтвердил, что туркестанцы должны остаться в Южной группе Восточного фронта и отпущены в Туркестан не будут. Таким образом, если в основе запроса Фрунзе лежала мысль о возможности потери связи с Туркестаном, то Каменев отвергает эту возможность, но и только. Дальнейшие действия Южной группы его уже не интересуют. Продолжающееся ухудшение обстановки южнее г. Уфы, возрастающая активность группы Белова против 1-й армии и неоднократные обращения к нему командарма 1 Гая заставили Каменева сделать первый робкий шаг в деле привлечения войск группы для оказания помощи центру фронта. С этой целью было приказано перевести два полка группы в район г. Орска и один полк в г. Оренбург. Приказ предоставлял полную свободу комгруппой в отношении использования им остальных своих войск. «Впредь до восстановления положения под Уфой, — гово-

рилось в той же директиве Каменева от 23 марта *, — ликвидации прорыва на Мензелинск и упрочения фронта 1-й армии задачей Южной группы оставить прочное удержание занятой территории Оренбургской и Уральской областей».

По формулировке это была задача прежняя, поставленная группе уже в приказе от 5 марта, по существу же речь шла о новом задании. Группа была ослаблена взятием у нее бригады Сангурского, а теперь ей поручалось сменить войска 1-й армии на участке г. Орск — ст. Таналыцкая, что увеличивало фронт ее примерно на 100 км, требовавших надежной обороны. Фактически Южная группа превращалась в Южную завесу. Шесть стрелковых и одна кавалерийская бригады (около 16 000 штыков и сабель), местами расположенные отдельными гарнизонами, местами вытянутые в тонкую нитку по линии от станции Таналыцкой на г. Орск — г. Актюбинск — Ак-Булак — Илецк — Илецкий Городок — г. Уральск — Александров-Гай (схемы 5 и 11), должны были прикрывать участок протяжением 800—850 км. В этих условиях следует признать совершенно правильным создание (по приказу комгруппы от 25 марта за № 16 **) в тылу завесы группового резерва в составе двух бригад 25-й дивизии, из которых одна, находившаяся еще в стадии формирования, была расположена в районе г. Самары, а другая на железной дороге г. Оренбург — г. Бузулук. Принятая войсками по приказу № 16 группировка еще раз неоспоримо и наглядно подтверждает абсолютно пассивный в оперативном отношении характер всего крайнего правого фланга Восточного фронта. Он оставался таким вплоть до начала апреля; это обстоятельство было блестяще использовано М. В. Фрунзе для реорганизации войск и поднятия их боеспособности путем укрепления партийных и политических органов армии и усиления их работы. В истории гражданской войны не найти аналогичного примера, когда командующий войсками, выполняя боевые задачи на обширном фронте малыми силами против весьма подвижного противника, одновременно сумел добиться столь крупных результатов в деле поднятия боеспособности подчиненных войск, что оказало решающее

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 170, л. 17.

** См. М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Воениздат, 1941, стр. 86—87.

влияние на дальнейший ход событий на этом крыле фронта. С сожалением приходится констатировать, что этот ценный опыт до сих пор недостаточно исследован и не изучен.

Убедившись в окончательном провале нашего контрнаступления для восстановления положения под г. Уфой, Каменев с конца марта несколько раз обращался к главкому Вацетису с просьбой о подкреплениях. Полевой штаб Республики отмалчивался, что вынудило Каменева 2 апреля вызвать к прямому проводу главкома. Доложив ему вкратце обстановку, Каменев просил: а) разрешения оставить г. Орск, удерживание которого становилось для наших войск уже опасным, и б) сообщить, будет ли оказана помощь фронту присылкой «нескольких обстрелянных дивизий», без которых положение выправлено быть не может. Выслушав Каменева, главком ответил одним коротким словом «нет», добавив, что ответ будет дан через час. «Слушаюсь», — было все, что оставалось сказать приготовившемуся к большому деловому разговору командующему фронтом *. Вслед за этим от Полевого штаба Республики начали поступать требования дать объяснения по ряду вопросов, связанных с положением на фронте: в чем конкретно выразилась помощь фронта командованию 5-й армии в операции по восстановлению положения в районе г. Уфы, почему два казачьих полка из 3-й армии попали на ст. Агрыз и теперь перевозятся кружным путем на ст. Бузулук? Все эти вопросы относились к делам прошлым, и от того или другого ответа на них ничего, конечно, уже измениться не могло. Требования представить объяснения свидетельствовали только об одном — о недовольстве главного командования действиями командования фронта, не справившегося с задачей приостановить наступление Колчака и не сумевшего найти на месте силы и средства для усиления центра фронта за счет перегруппировок, использования тыловых и собственных формирований Приволжского и Ярославского военных округов, входивших в район фронта. Даже вопрос о потере 27-й дивизией в начале марта севернее г. Уфы 17 орудий стал предметом запроса, и Каменеву пришлось писать объяснения, почему о потере орудий не было донесено по линии командования немедленно, а послано сообщение

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 224, л. 4.

только 3 апреля и то по линии инспектора артиллерии. Переговоры и переписка ясно показывали РВС фронта, что рассчитывать на быструю и серьезную помощь центра не приходится.

В поисках выхода из создавшегося тяжелого положения, имея к тому же прямые указания главкома, Каменев наконец начинает интересоваться более подробно положением дел на своем крайнем правом крыле, столько времени выполнявшем пассивную роль завесы. Сама обстановка поставила перед комфронтом вопрос о срочной необходимости заполнить прорыв между правым флангом 5-й армии, отбрасываемой все дальше на запад, и 1-й армией, отступавшей левым флангом из района г. Стерлитамака на юг и юго-запад. По докладу командарма Гая, Пензенская (левофланговая) дивизия в значительной мере деморализована, противник все время стремится охватывать ее открытый левый фланг, и в этих условиях нельзя рассчитывать на четкое и своевременное выполнение приказов о перегруппировках и марш-маневрах. Но другого решения уже быть не может, и поэтому Каменев приказал Гая в ходе отступления отвести бригаду 24-й дивизии в район Михайловское (Шарлык), а также иметь в виду, что «левый фланг армии должен будет принять участие в одновременном ударе с выделяемой в резерв бригадой 24-й дивизии» — во фланг противнику, продолжающему отбрасывать правый фланг 5-й армии на запад. Отдав директиву, штаб фронта тут же спохватился, что поставленная 1-й армии задача ей совершенно не по силам, так как против нее действует вся Южная группа ген. Белова и некоторые части Дутова, что участок армии большой и действия ее в значительной степени скованы непрерывно наседающим противником. Поэтому вдогонку директиве в тот же день 7 апреля отдается приказание командующему Южной группой принять на себя задачу прикрытия оренбургского направления со стороны г. Стерлитамака. Приказом по группе от 7 апреля за № 20 задача занять с этой целью район станиц Муранталово — Исаево — Дедово (все пункты в 100—110 км севернее г. Оренбурга) была возложена на одну из бригад 31-й (бывшей Оренбургской) дивизии.

Как видно из приведенных распоряжений, командующий фронтом все еще надеется путем передвижки-рокировки отдельных бригад вдоль фронта для нанесения

фланговых ударов решить основную и главнейшую задачу всего фронта: приостановить принявшее широкие размеры стремительное наступление противника и не допустить его к р. Волге.

Не вдаваясь здесь в оценку такого рода маневрирования для решения оперативных задач в масштабе фронта, мы должны только подчеркнуть, что подобные распоряжения свидетельствуют об отсутствии у штаба фронта и Каменева какого-либо ясного представления о силах противника и какого-либо определенного плана действий для собственных войск. Косвенным доказательством сказанного может служить посланная Каменевым того же 7 апреля председателю РВС Республики и главкому телеграмма о необходимости произвести реорганизацию управления войсками, так как штабу фронта уже не под силу управлять в отдельности пятью армиями, растянутыми на 1700—1800 км, в сложной обстановке наступления противника на всем фронте от г. Глазова до г. Оренбурга. Составленный по этому же вопросу подробный доклад * Каменева на имя главкома был вручен последнему 10 апреля в штабе фронта, где на состоявшемся в тот же день совещании разделение армий фронта на две группы получило свое оформление. Принятое решение имело большое значение для всего дальнейшего развития действий наших войск правого фланга фронта. В упомянутом докладе Каменева от 9 апреля дана была следующая формулировка предстоящих задач группам:

«...1) на северном участке разбить группу противника, наступающую в районе западнее Камы и значительно удалившуюся от единственной в своем тылу переправы — Пермского моста; 2) на южном участке разбить ударом с юга на север силы противника, продолжающего теснить 5-ю армию, собрав для этого кулак в районе Бузулук — Сорочинская; 3) предпосылкой этих задач особым вопросом остается прикрытие Казани и Симбирска, а также обеспечение редюитами Южного участка, т. е. района Самары — Сызрани — Ставрополя. ...В связи с намеченными задачами с Восточного фронта должны быть временно сняты задачи по поддержанию связи с Туркестаном (при условии даже очищения нами г. Актюбинска) и задача по продвижению на Гурьев. Такое решение позволит собрать

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 224, лл. 28—33.

в Южной группе максимум сил для нанесения удара противнику, действующему на бугурусланском направлении. ...В заключение требуется полная определенность в вопросе, когда начать намеченные операции в северном и южном районах. РВС фронта считает, что операция в северном районе может быть начата после окончания распутицы, почему уже теперь надо предвидеть, что небольшой период до начала распутицы 2-я и 3-я армии, постепенно отходя назад, используют для принятия исходного положения. Что касается Южного участка, то здесь начало удара может быть произведено до распутицы лишь при том условии, если состояние грунта даст уверенность в возможности выдвинуть ударную группу 1-й армии на Самаро-Златоустовскую ж. д. и тем вывести 26-ю дивизию в резерв. Если же этой уверенности не будет, то удар следует отложить до окончания распутицы, приняв теперь же меры к достаточному усилению правого фланга 5-й армии. № 121/С».

Подробное рассмотрение доклада отвлекло бы нас в сторону, но в соответствии с задачами нашего исследования мы должны остановиться вкратце на нижеследующем:

а) предложение Каменева — нанести удар с юга на север в открытый фланг армии Ханжина — исходило из условий обстановки и учитывало: конфигурацию линии фронта, группировку сил 1-й, 4-й и создаваемой Туркестанской армий, а также явно благоприятную для выполнения решения обстановку на всем участке Южной за-весы;

б) уже дважды за истекшие первые три месяца 1919 г. РВС фронта были приняты аналогичные решения (удар с юга на север во фланг противнику), и оба раза (наше пермское контрнаступление и контрнаступление под г. Уфой) ожидавшиеся результаты достигнуты не были, в основном по причине разрозненности действий наших армий, участвовавших в операциях. Опыт этих контрнаступлений был учтен. Принимая в третий раз такое же решение — нанести удар с юга на север во фланг армии противника, — советское высшее командование тут же образовало из назначенных для участия в операции армий одну Южную группу «большого состава», создав тем самым твердые и правильные организационные предпосылки для достижения успехов в намеченной операции;

в) перед штабом фронта стояли в эти дни две проблемы:

1) участок от Самарской луки на север до г. Чистополя протяжением около 200 км был по существу открыт для войск Ханжина: Волго-Бугульминскую ж. д. оседлали только полуразбитые части 27-й дивизии, а дальше на север до р. Камы находилось несколько наспех собранных необстрелянных полков. Угроза прорыва противника к Волге на этом участке увеличивалась благодаря наличию у него сильной речной военной флотилии на р. Каме с морской бригадой десантников. Под прямой угрозой находились г. Симбирск, г. Казань и железная дорога Казань — Сарапул — единственная коммуникация всей 2-й армии;

2) стремительный натиск главных сил армии Ханжина на такие же полуразбитые войска центра и правого фланга 5-й армии делал реальной угрозой захвата противником района узловой ж.-д. станции Кинель, а это означало, что три наши армии — 5-я, 1-я и Туркестанская — могли лишиться своего единственного железнодорожного пути для подвоза и эвакуации. Было неоспоримо ясно, что решение этих проблем и вообще решение любых могущих возникнуть оперативных вопросов дает только разгром Западной армии Ханжина. Силы для этого уже собирались (из резерва главкома прибывали 35-я и 2-я стрелковые дивизии), а в треугольнике г. Оренбург — г. Уральск — г. Бузулук находились в резерве и в оперативном отношении свободными крупные соединения; весь вопрос в том, где и когда удастся собрать достаточно сильный кулак и нанести им удар с наибольшим эффектом. Штаб фронта и Каменев все это отлично понимали, и если тем не менее внесенное ими на рассмотрение главкома предложение нельзя не назвать половинчатым, то это может быть объяснено двумя важными, бесспорно, соображениями: решающее значение во всех расчетах и планах играл элемент времени, с одной стороны, и поведение Оренбургской и Уральской казачьих армий, с другой стороны.

Во исполнение принятого на совещании в штабе фронта 10 апреля решения командующий вновь созданной Южной группы «большого состава» Фрунзе отдал того же 10 апреля свой первый по группе приказ за № 21. Этот документ и все последующие приказы и директивы

его рассматриваются нами лишь постольку, поскольку они касаются решений нашего командования и действий войск Южной группы на третьем этапе Уфимской операции. РВС Южной группы сразу же приступил к энергичному созданию ударного кулака. С этой целью из пяти стрелковых (20, 24, 31, 22 и 25-я) и одной кавалерийской дивизий три стрелковые дивизии (24, 31 и 25-я) и бригада 3-й кавалерийской спешно перебрасывались (и по ж. д. и походным порядком) и сосредоточивались в районе ст. Кротовка, г. Бузулук и село Михайловское (Шарлык) (схемы 1 и 12). Только две стрелковые дивизии (22-я и 20-я) и бригада 3-й кавалерийской дивизии с Киргизской конной бригадой были оставлены на месте, получив приказ прикрывать производившуюся перегруппировку и сосредоточение ударной группы. Им была доверена судьба всего прежнего фронта Южной группы «малого состава» от района г. Уральска на Илецк, Ак-Булак, Оренбург, Мелеуз и Ратчино протяжением свыше 500 км для обороны его против Уральской и Оренбургской казачьих армий (схема 5). По данным на 15 апреля 1919 г., Оренбургская армия насчитывала всего около 14 500 человек, в том числе свыше 9 тысяч сабель и около 5 тысяч штыков; пулеметов числилось 74, орудий — 12 *. Боевой состав Уральской белой армии точно неизвестен на начало апреля, но, как указано было выше, он составлял не менее 7 тысяч человек, главным образом конных казаков. Таким образом, всего силы белых следует определить на упомянутом фронте в 22—24 тысячи бойцов, в том числе около 13—15 тысяч сабель. Для усиления наших войск, оставленных РВС Южной группы для обороны всего указанного выше фронта от г. Уральска до Ратчино, были широко использованы местные формирования, в частности только в г. Оренбурге были сформированы три рабочих полка, а в обороне г. Уральска принимало участие все рабочее население города, поэтому установить точный боевой состав наших частей на этом фронте не представляется возможным. Если даже допустить по самому благоприятному варианту, что численно наши войска не уступали противнику, то и в этом случае на стороне его имелись весьма серьезные преимущества: наличие крупных масс конницы, которой предстояло действовать на фронте, исчис-

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 128, л. 41.

ляемом сотнями км и обозначенном на местности в виде отдельных гарнизонов и наблюдаемых нашими кавалеристами участков. Следует особо подчеркнуть, что колчаковское высшее командование прекрасно понимало значение этого преимущества и все время требовало от Дутова активных действий. «Оренбургской армии надлежит, — писал начальник штаба Колчака Дутову, — большую часть сил конницы, обойдя г. Оренбург с юга, направить через р. Урал на фронт Сорочинское — Новосергиевка—Переволоцкое. Захватить Ташкентскую железную дорогу и, прервав по ней сообщение, действовать далее в тыл красным. Этой коннице следует присоединить себе уральскую казачью дивизию, занимающую район Илецкого городка. Уральская казачья армия будет действовать от г. Уральска на г. Бузулук. Более удобного случая для действий конницы трудно себе представить» *.

В теории все это было совершенно правильно, к практическому же выполнению предложенной задачи ни Дутов сам, ни его командиры корпусов и начальники дивизий не оказались пригодными; отмеченный выше развал в его армии играл, конечно, не малую роль, но не следует забывать, что «история кавалерии есть история ее вождей». Нет никаких сомнений, что в руках настоящего кавалерийского начальника хотя бы часть имеющихся конных масс (пусть 25—30% от указанных 13—15 тысяч) могла быть двинута для глубокого рейда по тылам главных сил Южной группы, совершавших в течение двух недель сложные перегруппировки, повернувших фронт на север и на своем правом фланге уже в двадцатых числах апреля связанных боевыми действиями против 6-го корпуса армии Ханжина. Весь апрель и весь май Оренбургская армия провела в бесплодных усилиях овладеть г. Оренбургом, а Уральская армия осаждала г. Уральск, то есть обе армии занимались несвойственной, прямо противоположенной коннице работой. Колчаковское командование видело причины слабой боеспособности названных армий в несоответствии высшего командного состава их и в установившихся в них порядках. Пытаясь коренным образом разрешить казачий вопрос, Колчак пошел на такую крайнюю меру, как издание приказа об отозвании Дутова и

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 10, л. 2.

расформировании Оренбургской армии *, но добился обратных результатов.

Вместе с тем следует со всей решительностью подчеркнуть исключительную роль М. В. Фрунзе в блестящем исходе операции создания ударного кулака.

Решительно повернуть главные свои силы тылом к двум казачьим армиям, двинуть повернутые силы в новом направлении против нового противника, поручив сковать казаков на пятисоткилометровом фронте несколькими стрелковым и конным бригадам, — одних военных знаний для этого было, конечно, недостаточно. Только глубокое марксистско-ленинское понимание того, как революционное классовое содержание гражданской войны влияет на ход операций, только глубокое знание противника, блестящее использование его слабостей и такое же блестящее использование сочувствия и революционных настроений рабочих масс городов Оренбурга и Уральска для увеличения своих сил — вот что дало М. В. Фрунзе основания принять и твердо до конца провести план действий, на который вряд ли решился бы в тех условиях кто-либо из старых военных специалистов.

Гарнизоны названных городов не только защитили их от захвата противником, но сковали главные силы казачьих армий, оказав тем самым решающее влияние на всю оперативную обстановку и прежде всего в районе Южной группы.

4. Начало поражения Западной армии Ханжина

(Схема 12)

Безостановочное продвижение 3-го Уральского и 2-го Уфимского корпусов на запад и выход их на линию г. Бугульма (10 апреля) и г. Бугуруслан (15 апреля) поставили перед Ханжиным вопрос о срочных мерах обеспечения левого фланга армии. Казачья армия Дутова, на которую Колчак лично возложил задачу содействия наступлению Западной армии еще на совещании в г. Челябинске в январе 1919 г., только еще продвигалась на запад от г. Орска (оставленного нашими войсками по приказанию РВС фронта от 2 апреля) к г. Оренбургу. Но если, таким образом, отпали виды на содействие и по-

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 10, л. 15.

мощь со стороны Оренбургской армии, то тем острее становился вопрос о прикрытии левого фланга Западной армии, открытого с выходом главных сил Ханжина на вышеуказанную линию. Оставалось попытаться решить задачу собственными силами Западной армии — войсками 6-го Уральского корпуса и Южной группы ген. Белова. 13 апреля генерал-квартирмейстер ставки передал Ханжину пожелания Колчака: «Необходима скорейшая ликвидация деморализованных частей Пензенской и 24-й дивизий, возможно и 26-й дивизии, группирующихся в верховьях р. Ашкадар (левый приток р. Белой), дабы облегчить в будущем ликвидацию отходящих от центра Оренбургской армии в район Верх. Ашкадара двух бригад 26-й дивизии» *.

В отношении 26-й дивизии указания Колчака явно устарели; совершив трехдневный фланговый марш, 3-я бригада ее, оказавшаяся, как было выше указано, в наиболее трудном положении, уже 5 апреля присоединилась к правому флангу 5-й армии юго-западнее ст. Аксеново. Но сообщение генкварверха послужило еще одним напоминанием ставки Ханжину, что необходимо ему самому принять срочные меры к обеспечению фланга армии, так как разрыв между этим флангом и окончательно застрявшей под г. Оренбургом армией Дутова увеличивается с каждым днем.

Из белогвардейских документов не видно, имелись ли вообще какие-либо данные у ставки Колчака и в штабе Ханжина о силах и группировке войск нашей Южной группы «малого состава». Как штаб Дутова, так и штаб ген. Савельева не могли сообщить ничего определенного. От внимания 6-го корпуса Ханжина не ускользнула перегруппировка 24-й дивизии к левому флангу 1-й армии в район Михайловское (Шарлык), и поэтому в директиве от 18 апреля Ханжин ставит названному корпусу задачу: «Ликвидировать шарлыкскую группировку красных, не допуская отхода на запад и юго-запад» **. Наступающая распутица требовала скорейшего выдвижения войск для обеспечения левого фланга армии. Но особенное беспокойство вызывало то обстоятельство, что начинающееся половодье на реках Деме и Белой отрежет 6-й корпус и Южную группу Белова от подвоза боеприпасов, по-

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 10, л. 29.

** Там же, д. 5, л. 80.

скольку направление действий войск этих соединений выводило их к верховьям названных рек с их многочисленными притоками. Перед Ханжиным встала дилемма: или задержать стремительное наступление 2-го и 3-го корпусов, пока не подойдут части 6-го корпуса и Южной группы, или же, продолжая неотступное преследование 2-м и 3-м корпусами, выбросить вперед возможно быстрее войска Белова и 6-го корпуса для выполнения той же задачи ликвидации опасных оперативных разрывов между Западной и Оренбургской армиями и предотвращения возможного удара с юга в правый фланг Западной армии. Были, конечно, возможны и другие решения, но Ханжин принял последнее. Оно было логическим продолжением авантюры, начатой отказом от приостановки наступления на р. Ик (как этого требовали командиры корпусов и дивизий) и доведенной до абсурда «бегом к Волге». Это привело к тому, что именно на том участке фронта Западной армии, где у нас в составе Южной группы были в оперативно-тактическом отношении вполне свободны крупные соединения, сосредоточиваемые для образования ударной группы, Ханжин бросил в стремительное, очертя голову, наступление свой 6-й корпус и войска Белова, не считаясь с тем, что уже началась распутица и что полоса предстоящих действий названных войск составляет около 300 км по ширине и почти столько же в глубину.

Уфимская операция отняла у Ханжина драгоценные три недели в боях южнее города. Когда наконец удалось сбить красные войска, и Ханжину и ставке уже казалось, что на всем Восточном фронте южнее р. Камы не осталось больше боеспособных войск большевиков. Ревностным сподвижником его в этом вопросе был начальник штаба Колчака ген. Лебедев. Ханжин и Лебедев усиленно создают и раздувают мнение, что с Красной Армией Восточного фронта покончено в центре и на правом его фланге. Ставка не считает уже необходимым в своих директивах указывать, о каких войсках красных — армиях и дивизиях — вообще идет еще речь. Для Лебедева и Ханжина нет уже ни 5-й армии, ни 1-й армии, ни других войсковых соединений (кстати говоря, до 28 апреля вообще в приказах Ханжина и ставки наша Южная группа не упоминается ни разу), а есть лишь дезорганизованные, сбившиеся в кучу в треугольнике Оренбург — Самара — Уральск, отдельные разрозненные группы красных. «Вер-

ховный повелел» окружить и беспощадно уничтожить их, не допуская отхода к р. Волге. Именно поэтому Лебедев телеграммой от 22 апреля указал Ханжину, что «ставка настаивает на скорейшем занятии Западной армией станции Бузулук и города» *, требуя еще большего ускорения «бега к Волге».

Первым предупреждением белых о том, что в районе левого фланга Западной армии имеются крупные боеспособные силы красных, явилось поражение корпуса ген. Бакича на р. Салмыш севернее г. Оренбурга на стыке войск группы ген. Белова и армии Дутова. Штаб Западной армии попытался скрыть от ставки размеры поражения, но ставка потребовала объяснений, почему в одной из оперативных сводок армии говорится «об отводе 2-й и 5-й дивизий за р. Салмыш вплавь». Запрос заканчивался словами: «Действительно ли 2-я и 5-я дивизии разбиты, каковы потери и что собою представляют в настоящее время дивизии, не причина ли в понижении морального состояния?» **.

По резолюции Ханжина: «Сообщить то, что есть, и впредь доложить так, как есть», — штабу армии пришлось донести, что целые роты мобилизованных Троицкого уезда переходили во время боя открыто на сторону красных, что и привело к разгрому корпуса ***.

По данным на 15 апреля, корпус ген. Бакича насчитывал 4029 штыков, 1990 сабель, 85 пулеметов и 12 орудий ****; на р. Салмыше корпус потерял около 2000 человек, 20 пулеметов и всю артиллерию.

Однако разгром корпуса не вызвал особого беспокойства Ханжина, да и ставку он беспокоил прежде всего с точки зрения политической ненадежности солдат, мобилизованных в прифронтовых районах.

Следующей жертвой этого «бега к Волге» стал весь 6-й Уральский корпус. Начиная с 14 апреля, командир корпуса ген. Сукин представлял Ханжину ряд докладов, а также донесений подчиненных ему начальников дивизий, доказывавших крайнюю необходимость приостановки наступления на период распутицы ввиду оторванности тылов, усталости войск, невозможности своевременного под-

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 10, л. 26.

** Там же, д. 7, л. 86.

*** Там же.

**** Там же, д. 129, л. 12.

везти боеприпасы и т. д. В своих докладах Сукин особо подчеркивал, что поставленная ему задача — в кратчайший срок овладеть районом г. Бузулук — выполнена быть не может. Фронт корпуса около 200 км, а сосед слева (группа Белова) сам застрял на р. Салмыш и, следовательно, обеспечить фланг 6-го корпуса не может; наступление все больше затрудняется из-за усиливающейся распутицы, и наконец в районе Михайловское (Шарлык) боями обнаружено присутствие всей 24-й дивизии красных, «вполне боеспособной и насчитывающей до 2000 штыков в полку» *. Все эти доклады и просьбы были оставлены Ханжиным без последствий; корпусу приказано было продолжать наступление. Сукин остался при своем мнении, продвижение войск корпуса затормозилось как из-за все усиливавшейся распутицы и половодья, так и скрытого сопротивления и формального выполнения приказов Ханжина со стороны войсковых начальников. 23 апреля Ханжин послал Сукину резкую телеграмму, заканчивавшуюся требованием: а) выяснить причины невыполнения 11-й дивизией приказа о занятии района г. Бузулука и б) дать объяснения, почему не было своевременно донесено о том, что дивизия задачи не выполняет. Категорически приказано — не позднее 26 апреля занять указанный район и «отрезать пути отхода 1-й армии противника на запад» **. Упоминание о нашей 1-й армии не было ни опиской, ни ошибкой штаба. Как мы уже отметили, Ханжин, его штаб и ставка были настолько загипнотизированы неудачно протекавшим для белых Уфимским сражением, что теперь, когда это сражение, наконец, закончилось и уже третью неделю шло стремительное преследование отступающих 26-й и 27-й дивизий на главном направлении, а также преследование 20-й дивизии от Стерлитамака на юго-запад, они не допускали и мысли о каких-либо других войсках Красной Армии к югу от р. Камы. Ускользнуло от внимания штаба армии и Ханжина, что в своих докладах командир 6-го Уральского корпуса вполне определенно указывал, что войсковой разведкой установлено появление частей 25-й дивизии красных. Высшее колчаковское командование оставалось до конца уверенным, что казаки армии Дутова и Савельева сковывают на своем участке противника и по-

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 129, л. 12.

** Там же, д. 7, л. 93.

этому никаких неожиданностей с этой стороны быть не может.

Опасения ген. Сукина оказались вполне обоснованными. В боях с 19 по 26 апреля главные силы нашей 24-й дивизии (насчитывавшей около 8600 штыков и сабель, 198 пулеметов и 30 орудий) нанесли сокрушительный удар во фланг 12-й дивизии белых в районе Романовское (Карабалка) * — Воздвиженское (Ст. Никитино), отбив попытки конных частей Южной группы ген. Белова захватить Михайловское (Шарлык). 12-я Уральская дивизия, насчитывавшая всего около 4400 штыков, 110 сабель, 57 пулеметов и 15 орудий, оказалась скованной распутицей, половодьем, связанной и изолированной нашими превосходящими силами. Это предопределило в основном также и разгром 11-й Уральской дивизии, вынужденной повторными категорическими приказами Ханжина броситься на г. Бузулук, несмотря на все доводы о рискованности такого наступления. В трех полках 11-й дивизии насчитывалось всего 2700 штыков, 51 пулемет и 6 орудий; конницы придано не было. Оказавшись в полной изолированности от 12-й дивизии (слева) и не имея связи вправо с частями 3-го Уральского корпуса, 11-я дивизия растянула в ходе наступления свой фронт на 50 с лишним километров в условиях сильнейшей распутицы. Не дойдя 40—45 км до ст. Бузулук, она была встречена контрударом сосредоточенной в этом районе бригады 25-й дивизии, легко опрокинута и отброшена к верховьям р. М. Кинельчик.

О достигнутых нашими войсками против 6-го корпуса в упомянутых боях результатах исчерпывающую картину дают следующие два документа.

Начальник 12-й Уральской дивизии ген. Бангерский доносил: «Дня четыре никто не ест и не спит, ибо кормить нечем, ничего не подвозят, а на месте выпекать не из чего и некогда... со времени Уфы мы хлеба не получали, а питались чем попало. В дополнение к многократным донесениям и докладам докладываю, что дивизия уже не в состоянии отходить с боями. Начнется паника, или еще что хуже, чего не дай бог... В ответ на личные доклады об ужасном состоянии дивизии получал только боевые при-

* Романовское (Карабалка) — в 25 км юго-западнее Воздвиженское (Ст. Никитино).

казы... 14, 15, 16 и 17 апреля бои... Хотелось бы так знать, во имя каких высших соображений пожертвовали 12-й дивизией? Какую служебную задачу она выполнила в общем деле?.. Когда-то генералу Гришину-Алмазову я говорил, что нельзя двигаться на Казань, пока не создана будет армия, а пока нужно прикрываться Волгой и Камой, создать могучую Сибирскую армию, а потом идти на Европейскую Россию. Легкомысленно решили иначе. Взятие Уфы давало возможность образовать тыл прочный, пополниться мобилизованными, снабдиться обозами и вот теперь, в начале мая, начать наступление крупными силами, подтянув корпус Каппеля и сформировав еще новые войска. Но, главное, нужно давать войскам хлеба и периодически отдых» *.

Заканчивал Бангерский доклад просьбой об отводе дивизии в тыл и об освобождении его от должности начальника дивизии. Весьма характерна резолюция командира корпуса ген. Сукина: «Никакие пополнения не помогут. Разложение будет увеличиваться, ибо тыл остается мертвым».

30 апреля ген. Сукин доносил шифрованной телеграммой Ханжину о состоянии другой дивизии его корпуса — 11-й. Осталось в 43-м и 44-м полках по 10 офицеров и 250 солдат, в 41-м полку — 7 офицеров и 300 солдат. Егерский батальон уничтожен полностью. Командир бригады и командиры полков сами ходили в атаку. «К тому докладываю, — говорилось в том же докладе, — что все влитые в последнее время пополнения передались красным и даже принимали участие в бою против нас. Дивизию надо создавать заново, но не из бывших красноармейцев. Таким образом, в погоне за территорией мне приказано было, вопреки моим докладам от 7, 25 и 28 апреля, заставить части корпуса умереть, что ими выполнено с доблестью и мужеством. Докладывая об изложенном, прошу произвести расследование, так как считаю, что гибель корпуса есть преступление государственное и тот, кто неверно докладывал вам обстановку, должен понести ответственность» **.

До назначения командиром корпуса Сукин служил начальником штаба у того же Ханжина и отлично знал, что

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 7, лл. 62—66.

** Там же, л. 50.

Все важные оперативные документы всегда лично просматривались последним. Ставя вопрос о привлечении к ответственности виновных в неправильных докладах, Сукин фактически называл единственного виновника — самого Ханжина, стремясь этим путем снять с себя ответственность перед Колчаком. Никакого расследования назначено, конечно, не было, и через месяца полтора управление 6-го Уральского корпуса было расформировано.

Весьма красноречива резолюция Ханжина на этом докладе: «Вечная память павшим, слава — живым».

Очередной конфликт на этой же почве несогласия части генералитета действующей армии с проводившимся высшим командованием и ставкой планом безудержного бега к р. Волге произошел во 2-м Уфимском корпусе Западной армии на другом, крайнем правом фланге ее. Командир корпуса ген. Войцеховский отрешил от должности начальника 4-й Уфимской дивизии ген. Косьмина, сыгравшего большую роль в период Уфимского сражения. Ханжин предложил разодравшимся генералам помириться, указав в своей резолюции: «Вполне согласен с генералом Войцеховским. Остановить наступление сейчас — значит дать возможность противнику устроиться. Нужно все время давить на него, делая хотя бы мельче переход, но ежедневно. Распутица будет непродолжительной, ибо край степной. Железнодорожное сообщение на днях восстановится и подвоз наладится» *.

Но и этот случай не был последним в общей массе отрицательных явлений в период безудержной гонки войск Западной армии к р. Волге. На этот раз дело шло об одном из боевых испытанных соединений армии — Ижевской стрелковой бригаде, также сыгравшей решающую роль в Уфимском сражении.

Выявляя в конце марта перспективы дальнейших действий в связи с тем, что войска 5-й армии отбрасывались от рубежа южнее г. Уфы, генерал-квартирмейстер Западной армии Нарышкин в разговоре со ставкой докладывал: «Все мысли и желания ижевцев направлены

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 7, л. 50. Об остроте конфликта, отражавшегося на управлении войсками, говорят следующие слова Войцеховского, сказанные в ответ на предложение примириться: «Должен сказать вообще, что встречаю сопротивление от ген. Косьмина не меньше, чем от большевиков».

на г. Ижевск. Если мы их пустим в тыл Сарапулу через Мензелинск на Ижевск, — мы сарапулскую большевистскую армию ликвидируем в самый короткий срок, если конечно, со стороны Сибирской армии из района г. Осы будет должное содействие» *.

Принимая во внимание сильно растянутый фронт Западной армии, расходящиеся операционные направления его и поворот войск Южной группы Белова на г. Оренбург, Нарышкин просит ставку разрешить поднятый штабом Западной армии вопрос следующим порядком: Западная армия передает и направляет через г. Мензелинск — г. Сарапул свою Ижевскую бригаду в Сибирскую армию, взамен которой Сибирская армия передает в Западную армию занаряженную в Сибирскую армию Омскую бригаду. «Дело очень подвинулось бы вперед, — заканчивал свой доклад Нарышкин, — имея главным образом в виду высокий подъем духа ижевцев и их веру в успех. Они ежедневно просят пустить их в тыл красным, но мы держим их в резерве. Скорее разрешите этот вопрос, тогда дни Сарапула сочтены».

Операция эта осуществлена не была — предложение штаба Западной армии запоздало, так как Омская бригада уже вела бои на фронте Сибирской армии. Главное же заключалось в том, что штаб Сибармии отнесся весьма скептически к предложению штаба Западной армии, заявив, что войска Гайда сами справятся с задачей разгрома 2-й армии красных.

Все эти переговоры, пререкания и высказываемые соображения высшего начальства мало интересовали солдат бригады, и, поскольку просьбы и желания ижевцев удовлетворены не были, солдаты сами приняли меры. В двадцатых числах апреля командир корпуса ген. Войцеховский должен был докладывать штабу Западной армии, что Ижевская бригада отказалась выступить на фронт, между тем ей ставилась важнейшая для всей армии задача — захват района г. Бузулука, не дожидаясь подхода 11-й дивизии. Заканчивая доклад, Войцеховский заявил: «Реальной силы с ними воевать, разумеется, нет, да и вряд ли это допустимо по причинам морально-политического свойства. Ижевцы требуют на основании приказа ген. Ханжина отпустить их по взятии нашими войсками

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 34, ч. II, л. 52.

Ижевска... Генерал Ханжин дал солдатам устное обещание при посещении госпиталя, что бригада будет отведена в Ижевск для переформирования в дивизию» *.

Об отказе бригады выполнить боевой приказ было доложено Колчаку, так как никакие уговоры и увещания местного начальства уже не помогали. 29 апреля последовала резолюция «верховного» следующего содержания: «Разрешается отвести ижевскую бригаду в район Ижевского завода для переформирования немедленно — после продвижения частей Западной армии к р. Волге и занятия г. Самары» **.

Одновременно была получена телеграмма начальника штаба Колчака на имя командира бригады ген. Молчанова о том, что «верховный» повелел бригаде немедленно выполнить все приказы командующего Западной армией, а если ижевцы уйдут самовольно, то их встретят ударные полки Сибирской армии генерала Гайда.

Угроза привела как раз к обратным результатам. На другой же день — 30 апреля — начальник штаба 2-го Уфимского корпуса телеграфировал штабу Западной армии: «Все ижевцы ушли и надежд на возвращение нет и едва ли их догонят... Обещание остановить их силой заставило их не идти, а бежать на Ижевск...» ***.

В тот же день командир корпуса докладывал Ханжину, что никакой Ижевской бригады в корпусе уже не осталось ****. Уход ижевцев сорвал его план — оставить на всем участке наступления корпуса от г. Чистополя до г. Сергиевска Ижевскую бригаду с одним полком 8-й дивизии, а все остальные силы корпуса бросить в юго-западном направлении для захвата г. Самары.

Приведенные выдержки из переговоров и резолюций высшего белогвардейского командования имеют для исторического исследования большое значение. Они позволяют проникнуть в ту сторону работы штабов и командования наших врагов, которая остается скрытой в казенных формулировках оперативных приказов, сводок и донесений, и дают возможность услышать из уст полностью

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 34, лл. 4—6.

** Там же, д. 10, л. 18.

*** Там же, д. 7, л. 71.

**** Ижевская бригада состояла из двух стрелковых полков. По данным на 15 апреля, в ней числилось 5407 человек, в том числе 4100 штыков и 200 сабель, 44 пулемета и 8 орудий.

осведомленных и решавших все вопросы ведения операций представителей высшего командования Колчака более правильное освещение истинного состояния войск Западной армии к концу третьего этапа Уфимской операции.

З а к л ю ч е н и е

Уфимская операция началась для генерала Ханжина весьма удачно.

На первом этапе все преимущества на его стороне. Сосредоточено пятикратное превосходство сил против левого открытого фланга 5-й армии. Действующие на этом участке четыре численно слабых наших полка окончательно измотаны двухмесячными бесплодными боями, атаками и контратаками. Уже на вторые сутки натиска белых они опрокинуты, отброшены на юг, потеряли боеспособность и, поспешно отступая, открывают два важных направления: на г. Мензелинск — г. Сарапул в тыл 2-й нашей армии и на г. Бирск — ст. Чишма в тыл нашей 5-й армии. Смело задуман и твердо выполнен маневр 2-го Уфимского корпуса. Шесть из восьми полков корпуса собраны в кулак к левому флангу. Уже на третьи сутки они выполнили поставленную задачу: г. Бирск взят, противник разбит и, не выдерживая натиска, поспешно отходит. Вообще никаких резервов у нас в этом районе нет. Сильный стремительный удар из района названного города круто на юг силами 5000 штыков 4-й Уфимской дивизии и овладение ею почти без боя районом ст. Чишмы решают исход борьбы на первом этапе операции.

Результаты этого этапа для Ханжина блестящи.

За восемь суток ударные войска его армии прошли с боями 180—200 км. Захвачены большие трофеи: свыше 100 пулеметов, 20 орудий; взято свыше 3000 пленных. Из семи бригад 5-й армии сохранили боеспособность только две — 3-я и 1-я бригады 26-й дивизии.

Несомненно, успехи противника крупные, но главная задача Западной армии не выполнена: не удалось окружить и уничтожить главные силы 5-й армии в районе г. Уфы. Явно отрицательную роль в этом деле сыграл 6-й корпус. Ему была поставлена задача: силами всей 11-й дивизии перехватить тракт г. Уфа — г. Стерлитамак в районе села Бузовьязы одновременно с занятием 4-й Уфимской дивизией ст. Чишма. Вместо точного выпол-

нения задачи корпус устремился правым флангом к южной окраине города Уфы, то есть самовольно сократил свою задачу. Слава занятия города (кстати говоря, никем уже не обороняемого) оказалась в глазах командира корпуса и начальников дивизий важнее, чем перехват тракта и оперативное окружение противника.

Второй этап начался директивой Ханжинна от 14 марта — требованием завершить окружение красных в районе Репьевки. И на этот раз повторилась та же история. 4-я Уфимская дивизия вышла в названный район 15 марта, продолжая преследование вырывающихся из мешка в районе г. Уфы наших войск и отрезав им путь отступления на запад. Замкнуть окружение должны были с востока и юго-востока части того же 6-го корпуса, но они еще не появлялись. В связи с этим начальник штаба 2-го Уфимского корпуса (в состав которого входила выполнившая задачу 4-я дивизия) заявил штабу Западной армии: «Мы должны сомкнуться с 6-м корпусом, который поспешает медленно в неизвестном направлении, и наши части должны скакать сотни верст и проделать почти полный круг. Это немножко много для одних и тех же частей. Начальник 4-й Уфимской дивизии уже протестует против частой смены задач. Насколько я понимаю, завтра мы можем повернуть части 4-й дивизии на г. Бугульму, а полки 8-й Камской дивизии направить севернее, вопрос же о Давлеканове отпадает, так как мы одни не в состоянии замкнуть круг» *.

В своем ответе генерал-квартирмейстер штаба армии указал, что 12-я дивизия 6-го корпуса продвигается медленно из-за бездорожья и упорных боев. По последним сведениям, части ее уже выходят на линию Борискино — Подлубово — Бузовьязы. Меры к ускорению продвижения их приняты. «Я думаю, — закончил разговор генквартирмейстер, — что завтра уже у Репьевки части сомкнутся». Разговор этот состоялся как раз в тот день, когда на рубеж Алайгирово — Бекеево — ст. Усманово выходили вырвавшиеся из окружения в районе г. Уфа — ст. Чишма наши войска, вливаясь в линию, занятую частями 3-й и 1-й бригад 26-й дивизии, уже 14 марта ночью. Как видно из приведенного разговора, первоначально предполагалось 4-ю дивизию (по выходе в район Репьевки) двинуть

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 34, ч. II, л. 87.

дальше на юго-запад на ст. Давлеканово. В районе этой станции никаких наших боеспособных войск в это время не было, о чем, в частности, докладывал начальнику штаба 5-й армии начдив 26. В этих условиях 4-я дивизия заняла бы район названной станции без сопротивления. Для нас потеря ст. Давлеканово означала необходимость отступить дальше на юг, так как при наличии крупных сил противника в районе Давлеканово за левым флангом указанной выше линии Алайгирово — ст. Усманово оборонять ее было бы невозможно. В последний момент Ханжин отменил свое первоначальное решение и повернул фронт 4-й Уфимской дивизии на запад, очевидно полагая, что двух корпусов (3-го Уральского и 6-го Уральского) вполне достаточно для разгрома двух бригад 26-й дивизии и примкнувших к ним вырвавшихся из окружения частей. Но несомненно еще и другое. Новое решение было продиктовано Ханжину создавшейся обстановкой. Весь правый фланг армии от устья р. Белой и до оз. Асликуль занимали только четыре полка 8-й Камской дивизии, наступавшей на фронте 160—180 км. Трудно было допустить, что на таком громадном участке, открывающем важные направления на г. Сарапул (в тыл 2-й армии) и к р. Волге на г. Казань, г. Симбирск, у нас никаких сил, кроме четырех разбитых полков, нет, и опасаться появления стратегических резервов не приходится.

Таким образом, следующие обстоятельства сыграли большую роль в изменении в нашу пользу обстановки южнее г. Уфы после сдачи нами города: а) замедленное наступление 12-й дивизии противника; встречая упорное сопротивление 3-й бригады 26-й дивизии, она не смогла овладеть районом Бузовьязы, чтобы замкнуть окружение в районе Репьевки; б) перемена Ханжиным направления 4-й дивизии — вместо Давлеканово ей приказано овладеть районом оз. Асликуль и в) вывод в армейский резерв сильно потрепанных 11-й дивизии и Ижевской бригады. Все это давало возможность нам привести в оборонительное состояние занятые на рубеже южнее города населенные пункты, собрать войска и привести их в порядок.

Было ли решение Ханжина ошибкой?

Выполнение поставленной ему Колчаком задачи идет отлично: за 10 суток пройдена половина пути к р. Ик — исходному рубежу для начала дальнейших решительных действий; главные силы 5-й армии разбиты, уцелевшие

части потрепаны и деморализованы, остается только довершить их окончательное уничтожение.

Но, рассматривая положение собственных войск, Ханжин должен был прийти в ужас. Части всех трех его корпусов сбились в кучу в районе г. Уфы. 4-я Уфимская дивизия заняла 13 марта ст. Чишма, а главные силы 3-го Уральского и 6-го Уральского корпусов — в тылу у нее в районе города, красные же ускользнули из готовившегося им мешка. Такая группировка корпусов не допускается никакими теориями и свидетельствует о провале плана окружения красных. Перед Ханжиным встали две задачи: а) довершить разгром скопившихся южнее города дезорганизованных войск противника и б) срочно развернуть свои главные силы, поставив корпусам частные задачи и указав им полосы наступления. Другими словами, предстояло выбрать главное направление для дальнейших действий и в соответствии с этим группировать по-новому силы. Директива Ханжина от 14 марта — «2-му Уфимскому и 6-му Уральскому корпусам замкнуть окружение в районе Репьевки» — означала по существу: а) стремление его использовать достигнутые успехи и б) отложить решение основной задачи о выборе главного направления дальнейших действий, поскольку обстановка в целом еще совершенно не ясна.

«Репьевские «Канны» тоже не удалась, и Ханжин решает дать своему основному ударному кулаку — 4-й Уфимской дивизии — задачу овладеть ст. Давлеканово. Маневр от Репьевки на Давлеканово напоминает по замыслу маневр той же 4-й дивизии от г. Бирска на ст. Чишму: стремительный удар во фланг и в тыл противнику. Приказ об этом наступлении дивизией уже получен, но в последний момент Ханжин его отменил, что вызвало возражения корпуса и начальника дивизии. «Нам предписывается глубокое наступление на запад, — заявил начальник штаба корпуса в разговоре со штабом Ханжина. — Имеются ли гарантии, что, пока мы будем на ф. Ик, наши соседи не сдадут Чишмы, где 4-я дивизия расположила свои тылы. Должны ли мы приступить к исполнению директивы?»*.

Подтвердив, что к исполнению директивы следует приступить немедленно, генерал-квартирмейстер штаба армии

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 34, ч. II, лл. 1—7.

сообщил, что за ст. Чишму беспокоиться нечего — в этот район направляются Ижевская бригада и два полка 6-й дивизии. Перемена направления вызвана, по словам генкварарма, слабыми действиями 3-го ударного корпуса, но в г. Уфу уже выехал сам Ханжин, и «он их там подбодрит».

Но и этот «выезд в войска на фронт» не помог. Требуя от войсковых начальников смелых, доходящих до дерзости решений и действий, Ханжин сам оказался на такие решения не способен.

Трудно было, конечно, допустить мысль, что от г. Сарапула и до оз. Асликуль у нас всего-навсего только четыре разбитых полка в районе ж. д. на г. Бугульму, что весь названный громадный участок никем не прикрывается и вообще нет на этом направлении никаких резервов, чтобы прикрывать важнейшие пути к р. Волге. Трудно было, конечно, царскому генералу, обученному и воспитанному на идеях управления миллионными армиями и находящемуся целиком во власти суждений и понятий, вытекавших из опыта только что закончившейся мировой войны (с ее сплошными позиционными фронтами, где массовым армиям тесно и они действуют плечом к плечу, имея за спиной глубоко эшелонированные корпусные, армейские и фронтовые резервы), поверить, что за разорванной тонкой ниткой войск 5-й армии абсолютная пустота и весь тысячесоткилометровый фронт большевиков прорван так легко в центре на 250—300 км.

Это не укладывалось ни в заученные теории, ни в запомнившиеся примеры из учебников.

Достигнутые в столь короткий срок Западной армией оперативно-стратегические результаты в оценке Ханжина настолько ошеломляюще громадны, масштабы открывающейся перед нею перспективы настолько многообещающи и колоссальны, что он просто струсил и растерялся перед сложностью обстановки. Он стремится скорее восстановить фронт армии на запад, создать какую-то линию и твердо держит за центром фронта в резерве две бригады.

С этого момента одна неудача за другой преследуют Ханжина. 4-й Уфимской дивизии не удается прорваться на г. Белебей. 3-му корпусу не удается выдвинуться вперед уступом вдоль ж. д. на г. Бугуруслан, чтобы получить возможность нанести удар во фланг главным силам

26-й дивизии, обороняющимся на участке между ж. д. и стерлитамакским трактом и задерживающим наступление 6-го корпуса. 8-й Камской дивизии не удается сбить с бугульминской ж. д. и отбросить на юг действующую в этом районе 3-ю бригаду 27-й дивизии. Южной группе ген. Белова не удается отбросить части 1-й армии и выйти на стерлитамакский тракт. Создалось положение, которое сами белогвардейцы называли «Уфимским кризисом». Понадобились две с лишним недели кровопролитных боев южнее г. Уфы, чтобы Ханжин уяснил себе сущность ошибки, допущенной им при развертывании корпусов и постановке им задач после овладения районом г. Уфа — ст. Чишма. В приказе от 31 марта за № 01214 говорилось: «4-й дивизии продолжать наступление на станцию Раевку теперь же, дабы избавить части Уфимской группы от напрасного лобового весьма кровопролитного наступления».

По замыслу это был тот же маневр, от которого Ханжин отказался, повернув 15 марта ту же 4-ю Уфимскую дивизию с Давлеканово на оз. Асликуль.

Показательна история создания рубежа 5-й армии южнее г. Уфы.

Каждая из четырех командных инстанций (командующий фронтом, командующий армией, начальники дивизий и командиры бригад) по-своему оценивала обстановку. Это привело, с одной стороны, к борьбе между ними по вопросу отступить или обороняться, а с другой стороны, к установлению явочным порядком нового рубежа войск 5-й армии южнее города фронтом на север.

Резко изменилась в связи с этим оперативная обстановка. Весьма остро ощутил изменение Ханжин. Правый фланг его армии занял 22 марта г. Мензелинск: путь к р. Волге свободен, можно нанести удар в глубокий тыл 2-й нашей армии на Сарapul. Перспективы весьма заманчивы, но от использования достигнутого успеха придется отказаться: главные силы Западной армии скованы под г. Уфой. Наступающий на бугульминском направлении 2-й Уфимский корпус подошел уже к ст. Кандры — около 80 км западнее ст. Чишма. Перед корпусом те же несколько разбитых полков 27-й дивизии, не выдерживающих боя и отступающих на запад к р. Ик, но корпус не может продолжать стремительное преследование. Малейшая неустойка главных сил Западной армии южнее

г. Уфы грозит потерей узловой станции Чишма и перехватом единственной железнодорожной линии подвоза. Несомненно, занятый южнее города Уфы 26-й дивизией рубеж — фланговая позиция крупного оперативного значения. Роли как будто переменялись. Новый фронт 5-й армии — не линия, занятая нами после потери района города. Она — исходная позиция, на которую вышли красные, ведя наступление с юга на г. Уфу. Ханжин вынужден держать на этом направлении главные силы Западной армии, чтобы надежно обеспечить за собой район узловой станции Чишма и город.

Конфигурация линии фронта приводит командующего Восточным фронтом к мысли восстановить положение под г. Уфой совместными действиями 5-й и 1-й армий, ведь теперь не только возможно, но крайне необходимо оперативное взаимодействие войск соседних армий. Принято и выполнено совершенно правильное решение: собрать на исходной позиции южнее г. Уфы сильный кулак для удара на ст. Чишма и город. Обстановка для Западной армии противника еще более ухудшилась. Но тут еще раз невольно помогло Ханжину наше командование. Начиная с 17 марта решения и распоряжения Каменева проникнуты одной-единственной мыслью — скорее начать наступление. Главный и единственный мотив такой срочности — стремление предупредить наступление противника. Ради гадательных выгод от «предупреждения противника» Каменев жертвует реальными преимуществами. Войска 5-й армии уже восстановили свою боеспособность, укрепились на занятом рубеже, противник не в состоянии сбить их. Три полка создаваемого кулака уже на месте, остальные три на подходе. Шесть полков в тылу войск на угрожаемом направлении — резерв, какого никогда ни одна из армий Восточного фронта не имела. Шансы Ханжина на прорыв нового фронта 5-й армии окончательно упали. Но подобно тому, как в сражении севернее г. Уфы командарм Блюмберг, собрав на угрожаемом направлении 16 полков из 21 полка, имевшихся в армии, не сумел организовать маневра, так и теперь южнее города Каменев не сумел организовать контрнаступления, что привело к провалу операции: вместо мощного кулака из шести полков под одним началом создаются две группы, координировать действия которых берется Каменев сам, так как группы входят в состав двух армий; вместо одно-

временного удара всеми силами (пусть даже двух самостоятельных групп) — губительный разницей: из девяти бригад наступали 22 марта только три, 24 марта начали еще три и, наконец, 26 марта — последние три. Провал такого контрнаступления неизбежен.

Когда в первых числах апреля ударом 4-й Уфимской дивизии на ст. Раевка и прорывом силами армейского резерва центра нашей 26-й дивизии главные силы 5-й армии были сбиты южнее г. Уфы и начали отход на запад, Ханжин мог наконец приступить к выполнению второй части столь блестяще начатой, но потом так долго затянувшейся и дорого обошедшейся задачи — выйти на рубеж р. Ик.

Но сейчас р. Ик как исходный рубеж для решительных действий уже не устраивает ни Ханжина, ни Колчака. Отданная Ханжиным 3 апреля директива № 01266 ставит задачей армии: вцепиться в противника и безостановочно преследовать его в расчете этим путем реализовать достигнутые под г. Уфой успехи и добиться окончательного развала 5-й армии.

Колчак подтвердил это решение Ханжина, отдав 12 апреля директиву № 01085/0, которая по своему значению и последствиям должна быть поставлена рядом с директивой № 0799 от 6 января 1919 г. Впервые вместо р. Ик точно названа р. Волга; она — тот рубеж, с которого будут начаты решительные действия против Центральной России, и поэтому необходимо на плечах отступающего противника захватить на р. Волге переправы, чтобы красные не успели их испортить.

Грубо недооценивая силы белых и все еще не уяснив себе истинного положения дела в армии, наше командование ставит войскам непосильную задачу — приостановить наступление противника. Конкретно это означает, что измотанные месячными боями 8—9 тысяч штыков и сабель 5-й армии должны приостановить стремительное наступление 40 000 штыков и сабель армии Ханжина на фронте 150—170 км. *В тяжелых отступательных боях от г. Уфы на запад к р. Волге 5-я армия еще раз притянула на себя главные силы армии Ханжина и в течение трех недель сковала их оперативную свободу.* Без прямой помощи Западной армии казачья армия Дутова не была в состоянии начать какую-либо операцию против нашей Южной группы. Небоееспособность Оренбургской казачьей ар-

мии — одна из основных причин поражения четырех дивизий Западной армии во время «бега к р. Волге». Эта же небоеспособность уральцев и оренбургских казаков позволила нам сосредоточить главные силы Южной группы против открытого левого фланга армии Ханжина и перейти в победоносное контрнаступление.

Глава 4

ЗНАЧЕНИЕ ПРОВАЛА УФИМСКОЙ ОПЕРАЦИИ КОЛЧАКА В КРУШЕНИИ ПЛАНОВ АНТАНТЫ ВЕСНОЙ 1919 г.

1. Военно-политические итоги Уфимской операции

Под нажимом союзников Колчак был признан «Верховным Правителем и Верховным Главнокомандующим» всеми остальными белогвардейскими главарями: Чайковским, Деникиным, Юденичем и другими «вождями» более мелкого калибра. Но очень скоро выяснилось, что признание это никакой практической ценности не имеет. Отлично понимая свою роль ставленника Антанты, Колчак и не делал никаких попыток посылать какие-либо «повеления» своим сподвижникам ни по линии гражданской, ни по линии военной. Зато с тем большей энергией борется он за Сибирь и Дальний Восток. Обусловлено это не только необходимостью упрочить свое положение диктатора и вести войну с Советами, но и необходимостью подготовиться к предстоящей борьбе за власть со своими конкурентами.

Во главу угла всех военно-политических мероприятий Колчака поставлено создание сильной во всех отношениях армии. Об этом как основной и первоочередной задаче было официально объявлено в его приказе от 23 ноября 1918 г., об этом же постоянно говорилось и писалось вплоть до окончательного разгрома и пленения его армии в январе — феврале 1920 г.

Характерным для всего пятнадцатимесячного периода диктаторства Колчака следует признать именно то, что, ведя военные действия на фронте против Красной Армии, а с лета 1919 г. и в тылу против красных партизан, Колчак уделял исключительное внимание и направлял работу всего созданного им аппарата управления на формирование и создание «Российской армии».

Если в ноябре 1918 г. он получил по наследству от своих предшественников вооруженные силы в количестве 160—180 тысяч человек, то уже к июню 1919 г. армия его насчитывала около 450 тысяч человек, в том числе около 17 000 добровольцев и около 18 000 офицеров и военных чиновников. Но и это было признано недостаточным, и в июле 1919 г. был утвержден план развертывания «Российской армии» до 1 200 000 человек для формирования 26 стрелковых дивизий и 10 кавалерийских дивизий действующей армии, не считая кадровые части и технические войска.

Концепция длительной войны и необходимости создания для этого прежде всего сильной армии была навязана Колчаку унаследованной им военно-политической обстановкой не только в Сибири, но и на всех остальных белогвардейских фронтах. Разгром Красной Армией объединенных белочешских войск на р. Волге и в Поволжье сыграл в этом отношении крупную роль.

Расчет на длительную серьезную войну с Советской республикой нашел полностью отражение во всех директивах, отданных Колчаком с конца 1918 г. по апрель 1919 г. В них весьма отчетливо выражена мысль последовательного разгрома армий нашего Восточного фронта — 3, 2, 5 и 1-й.

На основании подлинных белогвардейских документов следует считать бесспорно установленным, что, придя к власти, Колчак:

а) тут же отменил все основные стратегические директивы своего предшественника генерала Болдырева о прорыве на север для соединения с северной группой интервентов, о наступлении на г. Ташкент для установления связи с южной группой английских войск и о наступлении для соединения с Бичераховым и донскими казаками;

б) ставил перед войсками своего Западного фронта в целом задачи последовательного разгрома по очереди армий нашего Восточного фронта;

в) признавал, что только после выполнения указанных задач должны быть начаты решительные операции против Центральной России.

12 апреля 1919 г., когда Уфимская операция вступила уже в третий этап своего развития, министерство иностранных дел Колчака представило ставке полученный из

Парижа доклад генерала Головина, составившего (как сказано в самом докладе) «с разрешения генерала Щербачева»⁶⁷ обзор общей обстановки на всех белогвардейских фронтах в России к весне 1919 г. Доклад начинается с заявления, что по общему положению дел текущее лето 1919 г. будет решающим периодом в борьбе. «Окончательно установлено, — говорилось в докладе, — что мы предоставлены своим силам, союзники помогут только снабжением. Здесь должны быть приняты все меры, чтобы облегчить выполнение задачи Сибирской армией по освобождению Поволжья и дальнейшему продвижению на г. Москву. Генерал Деникин сейчас потерял значение силы, способной перейти в наступление на г. Москву, он борется на юге Донской области с обнаженными флангами. Одесса и Крым потеряны. Юг и середина Дона продолжают оставаться надежными, но силы и средства сильно истощаются, численно едва ли превосходя 60 000 человек. Поэтому максимальная его ближайшая активность — восстановить разрушенный казачий фронт и связаться в Поволжье с левым флангом Сибирской армии».

Далее в обзоре говорилось, что на Белом море группа генерала Миллера имеет всего 10 000 человек, он рассчитывает к первому июля 1919 г. еще на 15 000. «Не хватает офицеров, и нужна поддержка при мобилизациях в лице свежих союзнических войск; нынешние устали и постепенно разлагаются. Группа ген. Миллера может сыграть также лишь вспомогательную роль, связываясь с северным крылом Сибирской армии при наступлении его вдоль северной железной дороги, подготавливая выход к Северному морю. Принимая во внимание, что, таким образом, вся тяжесть военной работы ляжет на Сибирскую армию, что временная пассивность Южной и Северной групп позволит большевикам обратить большинство своих сил против Сибирской армии, настоятельно необходимо образовать новый фронт, который в лучшем случае своим ударом оказал бы существенную помощь, а в худшем — оттянул бы силы от Сибирской армии. Таким фронтом должен стать финляндско-эстляндский фронт с задачей овладения Петроградом. На этом фронте у ген. Юденича пока своих 5000 человек, в Эстляндии 2000 офицеров, а в Финляндии формирование тормозится затруднениями политического и материального порядка».

Заканчивая обзор, авторы его предлагают испросить

у союзников денежные средства на создание указанной армии численностью в 50 000 человек, причем они надеются набрать для армии 30 000 человек из числа бывших военнопленных русских солдат за границей, а 18 000 «мобилизовать по взятии г. Петрограда из освобожденных районов».

Отметив, что требуются срочные указания «верховного», в какой мере его армии нуждаются в помощи союзников на других фронтах, в частности для активных действий на петроградском направлении, авторы обзора писали: «Размер жертв политических и материальных для образования фронта ген. Юденича трудно сейчас определить».

В такой завуалированной форме указывалось в обзоре на разгоревшийся торг между русскими белогвардейскими главарями и буржуазными националистами прибалтийских народностей, требовавшими обещаний и «гарантий», что за оказание военной помощи Колчаку им будет оплачено политическими и территориальными подачками.

В рассматриваемый период Париж был одним из главных европейских центров, где рождались и составлялись всевозможные проекты и планы свержения Советов любыми средствами. Он — сборище большинства бежавших из России видных государственных и военных деятелей царизма, в частности, здесь подвизался бывший министр иностранных дел М. Д. Сазонов, посылавший Колчаку зашифрованные телеграммы по военно-политическим вопросам. Нельзя сомневаться в том, что если в то время у союзников имелись вообще какие-либо конкретные планы войны с Советской республикой (все равно — своими ли армиями или войсками русских контрреволюционных генералов), то авторы обзора не могли об этих планах не знать и не могли не поспешить сообщить о них Колчаку; во всяком случае предположения и намерения военного командования союзников по этому вопросу должны были так или иначе найти то или иное отражение в обзоре.

Рассматривая приведенный документ только в соответствии с ограниченными задачами нашего исследования, мы считаем необходимым подчеркнуть следующее:

а) обзор Щербачева — второй из приводимых нами подлинных белогвардейских документов, подтверждающий, что союзники вынуждены отказаться от вооружен-

ной помощи собственными войсками и даже от использования тех иностранных войсковых частей, которые уже находятся в России;

б) авторы обзора пытаются выступить в роли посредников между союзниками и Колчаком, с одной стороны, и в роли какого-то центра, организующего и объединяющего политические устремления и военные усилия всех враждебных Советам сил, с другой стороны;

в) составленный с явно выраженной целью получения от союзников средств и прежде всего денег, обзор в основном совершенно правильно установил, что главное место среди всех белогвардейских группировок и армий занимает Колчак и что именно создаваемой им в Сибири армии предстоит сыграть решающую роль в операциях 1919 г.;

г) точная дата составления обзора неизвестна, но показательно, что указанный в нем первый этап задачи Сибирской армии — овладение Поволжьем — фактически уже проводился в жизнь Колчаком к моменту получения обзора из Парижа. Не менее показательно, что в обзоре не указывается на необходимость возобновления северного стратегического варианта (Пермь — Вятка — Москва или Вологда) и не рекомендуется южный вариант — нанесение главного удара с целью соединения с Деникиным на Нижней Волге;

д) необходимость и важность максимальной активности и взаимодействия существующих белогвардейских фронтов Щербачеву, конечно, понятна. Однако о задачах близких к району наступления Сибирской армии соседних с нею фронтов Деникина и Миллера говорится лишь мимоходом; эти задачи не рассматриваются как существенная и важная составная часть разработанного и кем-то принятого стратегического плана ведения военных операций всеми группировками;

е) важную роль в стратегическом плане на 1919 г. авторы обзора отводят Прибалтике. Правда, состояние собственных белогвардейских войск и здесь представляет жалкое зрелище. Но это не смущает Щербачева. Авторы обзора предлагают считать серьезным фактором стратегического значения войска Юденича — 5 тысяч человек, находящиеся на другой окраине России, за 1,5 тысячи км от района, где нанесится главный удар. Говорится о до-

ведении войск Юденича до 50 тысяч человек, но для выполнения этой задачи нет еще ни материальных средств, ни живой силы, а главное — нет времени; ведь Сибирская армия развернула наступление, главными своими силами прошла уже больше половины пути от Урала к р. Волге. Бесспорно, основная цель предлагаемого плана — вовлечь в войну против Советов армии буржуазно-националистических правительств Прибалтики;

ж) правительства этих новых государственных образований еще колеблются и предъявляют какие-то требования, названные весьма откровенно в обзоре «материальными и политическими жертвами» с точки зрения великодержавных целей белогвардейцев. Заставить буржуазные правительства Прибалтики начать войну против Советской России могут и должны, по мнению авторов обзора, только союзники. Это весьма ясно выражено в обзоре словами: «Здесь (в Париже. — Г. Э.) должны быть приняты все меры, чтобы облегчить выполнение задачи Сибирской армией...» В этих условиях важнейшее политическое значение приобретают чисто военные успехи Сибирской армии и войск Юденича. Если Сибирская армия выйдет к р. Волге, а Юденич будет штурмовать Петроград, — всем буржуазно-националистическим правительствам сопредельных стран придется поторопиться и срочно бросить свои армии против Советов на помощь Колчаку и Юденичу. Иначе они могут потерять и то, что уже имеют. Победивший без их помощи «верховный правитель» не простит им, конечно, их «дружественного нейтралитета» по отношению к Советской республике.

На основании сказанного должны быть сделаны два основных вывода:

1) развернутое Колчаком общее наступление на фронте от г. Глазова до г. Оренбурга и безудержный бег Западной армии к р. Волге могут быть в значительной степени объяснены соображениями и целями внешнеполитического порядка, когда ставка делалась не на узковое и простое взаимодействие уже существующих фронтов, а на вовлечение в войну с нами новых, еще колеблющихся сил бывших западных окраин России, и на усиление в странах Антанты позиции сторонников прямого действия собственными армиями;

2) назвать первый поход Антанты комбинированным

можно лишь с точки зрения политики ее, не приведшей, однако, к желательным для нее результатам, не приведшей потому, что ей противостояла мудрая внешняя политика Коммунистической партии. Мы не располагаем документами, позволяющими констатировать, что имелся стратегический комбинированный план, определявший выполнение каждой из существовавших белогвардейских группировок какой-то частной задачи, предусмотренной единым оперативно-стратегическим замыслом руководящего центра и, что имело особо важное значение, увязанной во времени с действиями всех остальных группировок.

В решениях и оперативных приказах Колчака вплоть до середины апреля 1919 г. ничего не говорится о задаче овладения Средней Волгой. До отдачи директивы от 12 апреля № 1085/ОП белые сибирские армии выполняли директиву 354/ОП от 15 февраля, упомянутую нами выше. Эта последняя директива начиналась словами: «К началу апреля армиям занять выгодное исходное положение для развития с наступлением весны решительных операций против большевиков».

Директива № 354/ОП соответствовала основной концепции белых и представителей союзного командования о длительной войне силами реорганизованных, пополненных, снабженных союзниками боеспособных армий «верховного». К моменту отдачи директивы № 354/ОП Западная армия Ханжина все еще не была готова. Колчак ее не торопит. Он дает Ханжину еще три недели на подготовку и одновременно значительно сокращает задачу, поставленную ему директивой от 6 января № 0799. Вместо овладения г. Бугурусланом — выход на р. Ик и вместо разгрома 1-й нашей армии — только удар в тыл ей для оказания содействия Дутову. Занятию войсками Ханжина района г. Уфы придается такое же относительное значение, какое придавалось в конце декабря 1918 г. занятию района г. Перми войсками армии Гайда. Овладение г. Уфой — только одна из частных задач, этап на пути к занятию войсками Ханжина исходного положения на общем для всех войск фронта исходном рубеже.

В десятидневном сражении севернее г. Уфы Ханжин почти достиг оперативного окружения главных сил 5-й армии. Совершенной неожиданностью и для него и для нашего командования был новый фронт, созданный

по инициативе двух бригад 26-й дивизии южнее города. Если бы войска 5-й армии выполнили в точности глубоко ошибочное распоряжение командарма Блюмберга от 10 марта, отмененное командующим фронтом, но 13 марта вновь отданное начальником 26-й дивизии, о глубоком отходе всего правого фланга армии на меридиан ст. Давлеканово — р. Чермасан, Западная армия Ханжина получила бы, вне всякого сомнения, возможность нанести стремительный удар в тыл войскам 1-й армии, находившимся еще по ту сторону перевалов Южного Урала, а также продвинулась бы без боев на 80—85 км на запад к р. Ик.

Три недели боев южнее г. Уфы имели ряд далеко идущих последствий для общей обстановки на Восточном фронте южнее р. Камы.

Была полностью скована оперативная свобода центра и левого фланга колчаковского фронта. Ханжин дважды отказывался от предложенной ему (и, несомненно, вполне выполнимой) операции нанести удар во фланг и глубокий тыл 2-й нашей армии на г. Сарапул из района г. Мензелинска. Без прямой помощи армии Ханжина казачьи войска Дутова не были в состоянии разбить нашу 1-ю армию или перейти к широким по замыслам и размаху операциям для выполнения приказа Колчака об оказании содействия Западной армии при ее наступлении к р. Ик, а также обеспечения ее фланга.

В трехнедельных боях южнее г. Уфы главные силы Ханжина несли тяжелые потери; он вынужден был ввести в дело все свои свежие резервы. Это означало, что Колчак был вынужден начать решительную операцию силами Западной армии не с рубежа р. Ик, как было указано в директиве от 15 февраля, а уже под г. Уфой, то есть на месяц раньше и на 150—180 км восточнее намеченного для всего белогвардейского фронта исходного рубежа. Сражением южнее г. Уфы были выиграны не только три недели времени, но и эти 150—180 км пути и соответствующая ему территория. Благодаря этому наши части на три недели позднее оказались в нескольких переходах от р. Волги, то есть на том критическом для нас рубеже, куда белым удалось оттеснить нас к концу апреля.

Не будь этих выигранных нами в упорных и кровопролитных боях трех недель, распутица застала бы войска

Колчака не в районе г. Бугуруслана — г. Бугульмы, а значительно ближе к р. Волге. Стремясь наверстать потерянное под г. Уфой время, Ханжин гонит безудержно свои войска к р. Волге и в конце концов подводит под сокрушительные удары наших свежих войск части Белова на р. Салмыш, а 6-й корпус — в районе Михайловское (Шарлык) и под г. Бузулуком.

Не будь этих трех недель, брошенные из тыла части наших 2-й и 35-й стрелковых дивизий не подоспели бы вовремя, чтобы встретить стремительно наступающие войска Ханжина на восточном берегу р. Волги, на подступах к ней. Это же верно в отношении большинства тех десятков тысяч бойцов, что прибывали к нам в действующую армию в виде маршевого пополнения по мобилизации, проводившейся партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями независимо от мобилизации по декрету Совета Народных Комиссаров от 10 апреля 1919 г.

Рядом с этими выигранными под Уфой тремя неделями следует поставить (по своему значению и последствиям) еще и вторые три недели, в течение которых отступающие под натиском превосходящих сил противника две разбитые, потерявшие основные свои кадры дивизии 5-й армии сдерживали стремительный бег к р. Волге главных сил Ханжина на симбирском и самарском направлениях.

Благодаря Уфимскому сражению южное крыло Восточного фронта получило возможность и время для реорганизации войск 4-й и Туркестанской армий, на пополнение их за счет местных мобилизаций и приема добровольцев, на подготовку и отдых войск и, что имело особо важное значение, на выделение крупных резервов в виде оперативно-тактических единиц, в ходе перегруппировки и сосредоточения которых удалось нанести тяжелое поражение четырем дивизиям Западной армии.

Весь ход Уфимской операции привел армию Ханжина к положению, из которого она без серьезного поражения выйти уже не могла.

В течение полутора месяцев наша 5-я армия сковала превосходящие силы ударной армии Ханжина и нанесла ей тяжелые потери. Если сравнить Уфимскую операцию Колчака с ходом контрнаступления Южной группы, то приходится констатировать, что фактически наше контрнаступление велось против той же самой Западной армии

белых. Но теперь с нашей стороны участвовало три армии в составе восьми стрелковых и одной кавалерийской дивизий, насчитывающих свыше 50 000 штыков и сабель — почти в пять раз больше, чем имелось в нашей 5-й армии в начале марта, когда на нее обрушились семь дивизий Ханжина *. Понадобились те же полтора месяца, чтобы отбросить Западную армию за р. Белую на позиции, с которых она начала наступление в первых числах марта.

Но значение Уфимской операции этим не исчерпывается.

Грозная опасность, нависшая над Советской республикой в связи с военными успехами Колчака в период проводившейся им Уфимской операции, и слабая работа нашего военного ведомства побудили ЦК партии снова непосредственно взяться за организацию разгрома врага.

Снова были объявлены мобилизации партийные, профсоюзные и комсомольские; они дали Восточному фронту несколько десятков тысяч коммунистов, комсомольцев и передовых рабочих. *Опережая работу военного ведомства по призыву и мобилизации военнообязанных по декретам СНК, эти специальные мобилизации сыграли крупнейшую роль, дав на фронт пополнение значительно быстрее, чем военное ведомство, пополнение, которое не только увеличивало наши силы количественно, но оказало решающее влияние на создание перелома на фронте, на укрепление морально-политического состояния действующих войск.*

Была развернута широчайшая агитационно-политическая кампания помощи Восточному фронту, и, как всегда, она шла одновременно с конкретными мерами партии и правительства; крупнейшее значение имело то обстоятельство, что по времени проведения эта кампания совпадала с осуществлением партией новой политики по отношению к среднему крестьянству — установлению с ним военно-политического союза под руководством рабочего класса. Из большого числа мероприятий следует отметить как имевшие первостепенное военное значение:

а) принятие декрета о запашке и засеве земли призванных в армию, декрет о льготах по чрезвычайному налогу, запрещение мобилизовать лошадей крестьян на время посева;

* На 15 апреля 1919 г. Западная армия (включая группу Белова) насчитывала 46 000 штыков и сабель и занимала по фронту около 400—425 км.

б) проведение трудовых мобилизаций на усиление заготовки топлива для ж. д., ускорение погрузочно-разгрузочных работ на транспорте и прежде всего в отношении военных и продовольственных грузов;

в) реорганизация системы снабжения фронта материальными средствами борьбы, усиление работы по увеличению производства всех необходимых фронту военных материалов, в частности боеприпасов и обмундирования, с привлечением к пошиву обмундирования кустарной промышленности, создание комитетов содействия фронту на предприятиях и в учреждениях;

г) улучшение материально-бытовых условий красноармейцев, предоставление семьям призванных по специальным мобилизациям льгот как добровольцам Красной Армии;

д) реорганизация и усиление партийно-политической работы в армии, в частности создание Политического отдела Реввоенсовета Республики во главе с членом ЦК;

е) упорядочение вопросов о местных мобилизациях, об обеспечении действующей армии пополнением, о создании стратегических резервов главкома.

«Центральный Комитет обращается ко всем организациям партии и ко всем профессиональным союзам с просьбой взяться за работу по-революционному, не ограничиваясь старыми шаблонами», — эти слова из «Тезисов ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта» были партией претворены в жизнь. Под руководством партии в борьбу вступили широчайшие массы трудящихся. Дав конкретное и правильное партийно-политическое разрешение всех кардинальных вопросов взаимоотношения тыла и фронта, подняв на борьбу с Колчаком миллионные массы трудового народа, ЦК и СНК предоставили в распоряжение нашего командования силы и средства, необходимые для разгрома врага.

Как показал ход дальнейших событий, впервые в таком крупном масштабе в годы гражданской войны проявилось значение тыла как одного из постоянно действующих факторов, решающих исход войны. Что мог противопоставить в этом отношении Колчак? Приведенная выше резолюция командира 6-го корпуса генерала Сукина: «Никакие пополнения не помогут. Разложение будет увеличиваться, ибо тыл остается мертвым» дает исчерпывающий ответ на этот вопрос.

В течение первого года гражданской войны против интервентов и белогвардейцев общее положение на Восточном фронте трижды сложилось так, что ЦК, Совету Обороны и СНК приходилось три раза (летом 1918 г., в период «Пермской катастрофы» и весной 1919 г.) выработать и осуществить решения и мероприятия крупнейшего исторического значения как в области обеспечения потребностей фронта и строительства армии, так и в области военно-политического и стратегического руководства войной. В этих решениях проявились преимущества советского строя благодаря организующей и руководящей роли партии большевиков, не только определявшей правильную политику, соответствующую интересам широких масс трудящихся, но сумевшей провести ее в условиях ожесточенной борьбы с внутренними и внешними врагами и разрухи во всех областях жизни страны.

Опыт организации разгрома Колчака был использован для организации разгрома Деникина, Юденича и других наших противников в период гражданской войны.

2. Некоторые оперативно-стратегические уроки по опыту Уфимской операции

Приведенные выше документы и выводы по материалам предыдущих глав показали, что одной из основных причин крушения плана Колчака выйти на р. Волгу в апреле 1919 г. были развал и малая боеспособность двух его армий — Оренбургской и Уральской. Между тем именно они должны бы были сыграть решающую роль по двум причинам:

а) они состояли целиком из уже обученных военному делу бойцов — казаков и в основной своей массе представляли как раз тот род войск — конницу, который в условиях Восточного фронта мог сыграть крупнейшую роль;

б) место, занимавшееся названными армиями в общей линии колчаковского Западного фронта, предопределяло их первостепенное стратегическое значение и возможности как для установления взаимодействия с южной контрреволюцией, так и для действий крупными конными массами против фланга и тыла всех трех армий правого крыла нашего Восточного фронта.

По боевому расписанию всех вооруженных сил Колчака на конец мая 1919 г. насчитывалось около 50 000 са-

бель, в том числе около 35—38 тысяч сабель только на нашем фронте *. Несмотря на это, белый фронт был, да и Колчак сам стремился создать его как фронт пехотный.

Естественно встает вопрос — почему Колчак не воспользовался этим ценным и готовым в военном смысле людским материалом так, как это было сделано на юге России — на Дону и на Кубани, и почему казачество на Востоке оказалось менее боеспособным, чем донское или кубанское?

Контрреволюционным генералам удалось создать на востоке России самую многочисленную из всех белогвардейских армий, проявлявшую нередко высокую боеспособность. Если бы вдобавок к этой пехотной армии Колчак сумел бы использовать массы казачества — готового с узко военной точки зрения войска, находившегося в то время целиком еще под влиянием белогвардейской и реакционно настроенной своей верхушки, — его шансы на много бы поднялись, во всяком случае ход борьбы протекал бы совершенно иначе.

Прежде всего необходимо отметить, что производившаяся Колчаком в конце 1918 г. коренная реорганизация всех его вооруженных сил совершенно не коснулась казачьих войск; Колчак ограничился тем, что утвердил образование (по постановлению Войскового круга Оренбургского казачьего войска) Оренбургского военного округа в рамках бывшей Оренбургской губернии (без Челябинского и Троицкого уездов) и Тургайской области. В составе ставки было создано главное управление по делам казачьих войск во главе с казачьим генералом Хорошхиным, а Уральская армия переименована в отдельную.

Вопреки общему представлению о казачьих войсках как наиболее надежной и серьезной военной силе контрреволюции, Оренбургская и Уральская казачьи армии оказались самым слабым местом колчаковского фронта. Надо подчеркнуть, что состояние названных армий не было секретом для высшего белогвардейского командования. Оставив нетронутыми казачьи армии при всеобщей реорганизации вооруженных сил, Колчак и в дальнейшем держался в стороне. Можно было бы привести много документов периода с конца 1918 г. по конец мая 1919 г. (когда наступление к Волге было окончательно

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 2, д. 19, л. 65.

ликвидировано нами), показывающих, что на срочную необходимость реорганизации казачьих армий, смены высшего командного состава и самого атамана Дутова указывалось неоднократно. Но и без этих донесений ставке Колчака должно было быть совершенно ясно, что на Оренбургскую армию рассчитывать не приходится: ведь ни одна из оперативных директив Колчака, начиная с конца 1918 г., выполнена ею не была.

Понимая, что реорганизация Оренбургской армии — дело политически сложное, весьма щепетильное и длительное, командование Западной армии (больше всего непосредственно заинтересованное в боеспособности и активности войск Дутова) несколько раз обращалось к Колчаку с другим, более простым и легче выполнимым, предложением — направить в армию Дутова стрелковые соединения за счет сформировавшихся в тылу войск, чтобы таким образом создать какое-то более устойчивое ядро и уравновесить казачьи и пехотные части. Но никакие просьбы и доводы во внимание приняты не были. Создается вполне обоснованное документами впечатление, что Колчак преднамеренно держался в стороне, старался не вмешиваться в казачьи дела. Проще всего, конечно, объяснить все дело тем, что не имевший ни политического, ни военно-административного опыта «сухопутный адмирал» не сумел правильно понять значения такого важного для того времени рода оружия, как конница, но это означало бы отказ от попытки дать на основе марксизма-ленинизма правильное объяснение отмеченному историческому факту.

Как среди трудовых масс казачества, так и среди зажиточных и верхушечных его слоев в тот период происходили весьма сложные политического и социального характера процессы, характеризующиеся вкратце следующим:

а) Основным и общим стремлением для подавляющего большинства казаков после падения царизма было — сохранить свое положение бывшего привилегированного военного сословия России. Именно это стремление, ловко использованное буржуазией и контрреволюционными генералами, привело казаков в лагерь контрреволюции. Однако положение казаков в стане наших врагов было особое. *Они выступили на стороне контрреволюции и принимали участие в борьбе против нас как вполне*

самостоятельная, организовавшаяся по территориальному и сословному принципу вооруженная сила, как союзники белогвардейцев, а не как род оружия армии, обязанный им своим существованием. На фронте казачьи войска подчинялись Колчаку, как верховному главнокомандующему. На этом власть его фактически кончалась, так как во всех прочих отношениях, и в частности в военно-административных вопросах, действительная власть была в руках атамана и войскового круга, производивших по своему собственному усмотрению мобилизации, формирования войсковых частей, назначения командного состава и т. п. Колчак вынужден был до поры до времени отказаться от всякой попытки вмешиваться в эти вопросы, зная заранее, что любое такого рода его распоряжение будет расценено войсковым кругом как посягательство на казачью «автономию», не будучи уверенным, что приказ будет выполнен, и не имея ни сил, ни возможностей заставить круг выполнить его.

б) В царской армии казак никогда не был ни «земляком», ни боевым товарищем для основной массы солдат; в войну 1914—1918 гг. она мало ощущала его помощь и боевую поддержку. С изменением возрастного состава армии и после Февральской революции 1917 г. неприязненное и недружелюбное отношение к казакам еще более обострилось по причинам политического порядка. Такого же характера отношения установились между казаками и остальной массой солдат также в армии Колчака. Положение усугублялось развивающимся безостановочно процессом революционизирования и классового расслоения в массе казаков, внутренней борьбой среди белогвардейской верхушки казаков, часть которых поддерживала Колчака, другая часть — Деникина, третья ориентировалась на союзников.

Сказанным объясняется в основном занятая Колчаком позиция в вопросе об отношении к казачеству; она привела высшее белогвардейское командование к грубой стратегической ошибке — к решению добиться победы без казаков, силами только двух армий собственного формирования — Сибирской и Западной. Об этом, в частности, говорит использование Волжского корпуса ген. Каппеля — стратегического резерва Колчака. Корпус был направлен в Западную армию и разгрузился в районе г. Белебея — на самом безыдейном в оперативном отношении

направлении, его пришлось ввести в дело по частям, и фактически он никакого влияния на ход событий не оказал. Если бы части этого корпуса (как об этом уже давно и неоднократно просил Ханжин) были бы направлены на усиление армии Дутова, то здесь они явились бы тем ядром, которое придавало бы устойчивость казачьим частям и вес распоряжениям высшего командования Колчака. Маловероятно, чтобы наша слабая Оренбургская группа, состоявшая в основном из наспех организованных рабочих полков, сумела бы задержать наступление Волжского корпуса и «ожившей» с прибытием корпуса армии Дутова; это не могло бы не привести к резкому изменению всей обстановки на участке нашей Южной группы.

Антагонизм между ставкой Колчака и войсковым кругом, а также войсковым атаманом проявился весьма выпукло еще в одном вопросе за рассматриваемый период. Как уже было отмечено, несколько конных бригад оренбургских казаков находились в Западной и Сибирской армиях в качестве корпусной и дивизионной конницы. Ставка Колчака давала систематически строжайшие предписания войсковым начальникам не допускать использования бригад наравне с пехотой на боевых участках, а направлять их сосредоточенным кулаком на выполнение чисто кавалерийских боевых задач — для охвата флангов, удара в тыл, преследования и т. д. Но, несмотря ни на какие строжайшие приказания, дело шло по-старому; в армиях нашего Восточного фронта не было крупных кавалерийских соединений, способных парализовать неприятельскую конницу. Как правило, наши стрелковые дивизии имели в своем составе (в лучшем случае) кавалерийский полк, насчитывавший максимально 4—5 сотен сабель. В этих условиях ставка Колчака должна была бы задуматься над вопросом, почему же все 6—8 командиров корпусов Западной и Сибирской армий как один не выполняют ее требований об использовании казачьих бригад так, как это рекомендуется наставлениями и диктуется обстановкой на фронте? Столь упорное невыполнение войсковыми начальниками категорических приказов подсказывало ставке, что дело не в комкорах и не в начальниках дивизий, а в низкой боеспособности казачьих бригад, не получающих от войска своевременного пополнения людьми, предоставленных войском самим себе и вынужденных драться вдали от родных станиц, когда вокруг

этих станиц шли такие же ожесточенные бои. Можно было изъять бригады из корпусов и создать из них в каждой из армий по конному корпусу или группе для решения кавалерийских задач по указаниям самих командармов. Но ставка не решалась на этот шаг, как затрагивающий компетенцию войскового круга и атамана. Не было Дутовым выполнено предложение ставки от 23 марта о направлении двух казачьих дивизий в Западную армию и одной — в Сибирскую численностью 2,5—3 тысячи сабель*. Как видно из сказанного, элемент политики, внутренняя борьба и грызня играли крупную и притом отрицательную роль в самом контрреволюционном лагере в вопросах организации, а также стратегического и оперативного руководства вооруженными силами.

Колчаку удалось за короткий срок (декабрь 1918 г. — март 1919 г.) нанести тяжелое поражение трем из пяти наших армий на Восточном фронте. Исследование показало, что это не может быть объяснено тем, что белогвардейское высшее командование выказало особое искусство в своих планах и проявило особое умение и энергию при их осуществлении. Дело происходило гораздо проще. Собрав ударный кулак против левого открытого фланга нашей 3-й армии, армия Гайда обрушилась на него и благодаря контрреволюционному восстанию и измене в непосредственном тылу нашей армии разгромила нас. Затем та же Сибирская армия Гайда нанесла поражение нашей 2-й армии, сосредоточив превосходящие силы против нее за счет ослабления своих войск на участке еще не восстановившей свою боеспособность нашей 3-й армии. Западная армия Ханжина действовала по этому же шаблону: собрано было четырехкратное превосходство сил против открытого левого фланга нашей 5-й армии, что и привело к тяжелому поражению главных сил ее севернее г. Уфы. Только развернувшееся южнее города сражение помешало Ханжину нанести такое же поражение нашей 1-й армии. Этими успехами Колчак обязан был не только своим генералам. Наши 3-я и 2-я армии были разгромлены последовательно и каждая в отдельности в значительной мере потому, что командование Восточного фронта не обеспечило взаимодействия названных соседних армий при наступлении Колчака и не

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 34, ч. I, л. 200.

сумело организовать взаимодействия 3, 2 и 5-й армий в период январского контрнаступления наших войск. Сражение южнее г. Уфы показало, что взаимодействие армий, пусть даже плохо организованное и неудовлетворительно проведенное в жизнь, резко меняет обстановку. Следует отметить, что части или соединения, оказавшиеся случайными соседями и продолжающие выполнять каждая свою задачу, еще не создают взаимодействия; достигается оно лишь в том случае, если действия их объединены единым оперативным (или стратегическим) замыслом.

Отмеченные выше успехи белых против наших трех армий были достигнуты Сибирской и Западной армиями противника каждой в отдельности на свой собственный страх и риск, без какого бы то ни было взаимодействия между собою и еще до того, как результаты достигнутых успехов начали оказывать влияние на обстановку на всем фронте или на участке соседней армии. Следовательно, речь шла об армейской операции сперва на участке Гайда, а потом на участке Ханжина. К середине апреля, когда Западная армия выдвинулась на линию г. Бугульма — г. Бугуруслан и продолжала стремительный бег к р. Волге, обстановка на фронте изменилась настолько, что уже нельзя было говорить об операции отдельной армии. Начатое Ханжиным в начале марта наступление — армейская операция с ограниченной целью — переросло в операцию всего фронта, когда оперативное взаимодействие соседних армий становится обязательным и начинает играть роль фактора обстановки. Именно поэтому мы назвали выше директиву Колчака от 12 апреля о выходе на р. Волгу столь же важной, как директиву его от 6 января. Директива от 12 апреля тем и примечательна, что в ней говорится и о Деникине, и о Юдениче, и о разбитых, деморализованных и поспешно отступающих войсках нашего Восточного фронта, и о том, что уральцы уже действуют в районе г. Уральска, но не дается никакой оценки положению собственных армий ни с точки зрения выполняющихся задач, ни с точки зрения предстоящих. Если бы такая оценка была произведена, ставка Колчака должна была бы констатировать, что из четырех армий, которым приказано вести наступление, фактически только две — Сибирская и Западная выполняют приказ и продвигаются на запад, а остальные две армии не выполняют даже роли сковывающей силы в отношении наших 1-й и 4-й армий.

В порядке дня снова стоял вопрос о взаимодействии армий во фронтовой операции. И тут сразу же обнаружилась несостоятельность белогвардейских стратегов. Даже трудно определить, чего в директиве от 12 апреля больше: пренебрежения, авантюризма или военной малограмотности Колчака и его советчиков, среди которых, кстати говоря, не было ни одного, имеющего опыт командования хотя бы корпусом в первую мировую войну, строевого генерала или офицера генерального штаба. Директива от 12 апреля и последующие распоряжения ставки показывают, что Колчак стремился решить поставленную армиям задачу — «уничтожить красные войска, оперирующие на востоке от рек Вятки и Волги, отрезав их от мостов через эти реки» — простым наступлением каждой из четырех армий фронта прямо перед собой, путем маневрирования каждой из армий только своими собственными силами; в директиве не указано направление главного удара, не дано никаких указаний и не видно попытки создать возможности взаимодействия и взаимопомощи соседних армий. На деле все это означало попытку решить весь вопрос о разгроме всего центра и правого фланга нашего Восточного фронта наступлением одной Западной армии, имеющей оба фланга необеспеченными, наступающей на фронте около 400 км, с расстроенными войсками, с дезорганизованным управлением, далеко отставшим тылом, с неналаженным подвозом и скрытым сопротивлением части войскового командования, выступающего против «бега к Волге». На этот раз в масштабе фронта повторилось то же разделение сил перед началом решительной операции, которое так наглядно было продемонстрировано Ханжиным при наступлении 6-го корпуса на Михайловское (Шарлык) и Бузулук.

Возможно, что директива от 12 апреля и не привела бы к поражению четырех дивизий Ханжина еще до начала нашего контр наступления, если бы ставка ограничивалась только общим стратегическим руководством армиями. Десять дней спустя после указанной директивы, а именно 22 апреля, штаб Западной армии получил телеграмму из Омска с указанием, что ставка «настаивает на скорейшем занятии Западной армией ст. Бузулук и города» *. Резолюция начальника штаба армии на этой телеграмме гла-

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 10, л. 26.

сила: «Неужели Ставка предполагает, что мы не понимаем всей важности занятия Бузулука». Отражая эти же требования ставки, генквармзап Нарышкин в разговоре с командиром 6-го корпуса по этому поводу заявил: «Если бы нам удалось выйти на линию Бугуруслан — Бузулук до ростепели, мы бы считали себя счастливыми» *.

Таким образом, г. Бузулук оказался в центре устремлений и главной целью распоряжений белогвардейского высшего командования. Еще 18 апреля командир 2-го корпуса наметал бросить бригаду ижевцев (с крайнего правого фланга Западной армии) для овладения городом. Тогда же обсуждался вопрос о направлении на г. Бузулук казачьих частей, но выяснилось, «что казаков послать на Бузулук невозможно, они могут пройти только пешком, так как местность к югу от Бугуруслана страшно залита водой. Ни по дорогам, ни вне дорог верхами не пройдут, а пешком тем более...» **.

Командир 3-го Уральского корпуса, наступавшего вдоль Самаро-Златоустовской ж. д. на г. Самару, представил Ханжину 21 апреля обширный доклад со своими соображениями о выполнении задачи захвата переправ через р. Волгу и разгрома красных, оперирующих к югу от названной железной дороги. В докладе отмечалось, что в районе г. Бугуруслана красные уже переходят местами в контратаки, что в районе Михайловское (Шарлык) сосредоточена ударная группа в составе 7 полков и что необыкновенно близкое расположение к фронту армейских штабов — 5-й (на ст. Кротовка) и 1-й (в г. Бузулуке) говорит о том, что противник — красные — прочно занял рубежи на подступах к р. Волге и будет их упорно оборонять. Как видно, штаб названного корпуса собрал и довольно тщательно проанализировал сведения о наших войсках и пришел в основном к правильному выводу о том, что обстановка уже изменилась. Но все эти данные были приведены в докладе с определенной целью. Подчеркнув, что «очередной и очень важной задачей является взятие г. Бузулука, которому красные, вероятно, придают большое значение», генерал Голицын заявил, что «лишь по взятии Бузулука и продвижении войск Западной армии вдоль ж. д. на запад и обеспечении, таким

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 34, ч. I, л. 85.

** Там же, д. 34, ч. I, л. 32.

образом, левого фланга 3-го корпуса последний может начать наступление для овладения ст. Кротовка» *.

Естественно, встает вопрос: почему скорейшему захвату названного города уделялось столько внимания и придавалось такое исключительное значение всеми командными инстанциями белых? Для чего нужен был район названного города противнику?

Уездный городишко — Бузулук абсолютно никакого ни стратегического, ни оперативного значения не имел. Он не был ни политическим, ни административным центром, ни средоточием каких-либо имеющих важное военное значение сооружений, военных заводов, фабрик, складов, ни железнодорожным узлом. История дает нам примеры того, когда районы и крупные населенные пункты, до поры до времени абсолютно ничем не выделявшиеся из числа других таких же районов и пунктов и не привлекавшие до этого никакого особого внимания, вдруг совершенно как будто неожиданно начинают играть выдающуюся роль и приобретают в планах и расчетах противников решающее значение на данном театре военных действий. В ходе военных действий создалось положение, когда от того, кто ими (районом или территорией) владел, зависел исход ведущихся операций, их дальнейшее развитие и коренным образом менялась обстановка. Следовательно, речь идет не об абсолютном, а об относительном значении определенных районов или пунктов для решения оперативно-стратегических задач, то есть значение это временное, зависящее от прочих отмеченных нами условий обстановки. Видимо, колчаковское высшее командование и придавало г. Бузулуку и его району такое относительное оперативное значение при выполнении задач по директиве от 12 апреля. Были ли требования ставки о скорейшем захвате города и рискованное наступление 11-й дивизии для выполнения этой задачи оправданы? Ведь сам по себе факт разгрома нами 11-й дивизии под Бузулуком говорит лишь о том, что Ханжин допустил при организации захвата г. Бузулука ряд грубых (отмеченных нами выше) ошибок, значительно упростивших и облегчавших для нас задачу поражения противника. Очевидно, захват района названного города расценивался противником прежде всего как операция, в результате которой:

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 7, л. 95.

а) будет надежно разобщена наша Оренбургская группа от группировки наших войск на участке Ханжина;

б) будет перехвачена железная дорога в глубоком тылу находящихся в треугольнике г. Оренбург — г. Уральск — г. Бузулук наших войск и отрезан им путь отхода и эвакуации на запад, поскольку казаками Уральской армии будет прервана ж. д. на г. Саратов из г. Уральска;

в) левый фланг армии Ханжина сумеет принять непосредственное участие в операции против г. Самары, не давая возможности красным повернуть все сосредоточенные для обороны самарского района силы против наступающих от г. Сергиевска и вдоль Самаро-Златоустовской ж. д. корпусов.

Несомненно, соображения важные. Захват и удержание белыми района г. Бузулука в двадцатых числах апреля изменили бы обстановку на самарском направлении не в нашу пользу. Отсюда, однако, совершенно не следует, что решение ставки Колчака о захвате названного района было правильное и что все дело провалилось только потому, что мы успели сосредоточить в этом районе части 25-й дивизии и нанести поражение 12-й дивизии в районе Михайловское (Шарлык). Причины разгрома четырех белогвардейских дивизий на путях к р. Волге и крушение плана захвата г. Бузулука лежат значительно глубже. Для их уяснения на основании документов самих белогвардейцев необходимо привести выдержки из разговора генквармзап Нарышкина с командиром 6-го корпуса ген. Сукиным, состоявшегося в начале апреля по прямому проводу:

«Я не вполне согласен с основной задачей, — заявил ген. Сукин. — ...Вы хотите одновременно решить задачу на самарском направлении и на оренбургском. Между тем для этого сил у нас недостает. Поэтому, я полагаю, надо остановиться на важнейшей, а таковая есть задача движения на Самару с выходом на станцию Кинель *. И мы этим самым решим и оренбургскую задачу. Выходить же на Волгу слабыми силами, слабыми поредевшими частями — это равносильно провалу всего дела.

* Ст. Кинель — находящийся в 80 км восточнее г. Самары узел, где расходятся железные дороги на г. Бузулук — г. Оренбург и на г. Бугуруслан — г. Уфа.

Поэтому мой взгляд таков: генералу Белову занять фронт Дедово — Мелеуз и удерживать его, если он не в состоянии продвигаться... Большую часть сил Западной армии сосредоточить в районе ж. д. на Самару, укомплектовать и начать серьезную операцию серьезными силами. Промежуток же между ген. Беловым и моим левым флангом прикрывать конницей» *.

Заявление Сукина вскрывает одну из основных причин провала весеннего наступления Колчака в 1919 г. — несоответствие сил задачам, поставленным действующей армии. Недостаточность сил на участке ведущей главный удар Западной армии должна была компенсироваться содействием соседних армий, но ни Гайда, ни Дутов, ни уральцы помочь Ханжину не сумели. Ставка Колчака могла и не знать о переброске и сосредоточении крупных сил нашей Южной группы для контрнаступления, но ничто не мешало ей разобраться в положении собственных армий. У нас нет оснований считать, что ставка Колчака не видела и не понимала всей серьезности риска, связанного с безудержным бегом Западной армии к р. Волге в условиях, когда все говорило против этого. В предыдущем разделе настоящей главы мы коснулись внешнеполитических причин, заставивших Колчака начать в середине апреля решительное наступление к р. Волге. Имелись еще и причины другого — внутреннего — порядка, на которые уже в начале января тот же Ханжин указывал Колчаку. «Эта операция, — говорилось в телеграмме Ханжина, — в данное время имеет особо важное и существенное значение, так как закрепит положение Оренбурга и Уральска и поведет к сближению и связи с армиями, действующими на юге России, и к согласованию наших действий с их действиями».

Далее в телеграмме указывалось, что замедление с началом наступления приведет к следующим нежелательным последствиям: к потере Оренбурга, к потере надолго связи с уральскими казаками, к подавленности настроения уральцев и оренбуржцев, создаст угрозу перехода их на сторону Советов, создаст опасное положение внутри и в тылу, позволит большевикам восстановить связь с Туркестаном и приведет благодаря этому

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 34, ч. 1, л. 80.

к образованию новых фронтов и к новым затруднениям. В основном эти мрачные для дела контрреволюции предсказания Ханжина сбылись, но за истекшие с тех пор почти целых четыре месяца белые все же добились крупных успехов, разгромив три наши армии и находясь уже на подступах к тем самым поволжским городам, на скорейшем захвате которых Ханжин настаивал в своей упомянутой телеграмме. Выход к Волге и поставленная директивой от 12 апреля задача «уничтожить красные войска, оперирующие к востоку от нее и от р. Вятки», совершенно не требовали занятия г. Бузулука; от этого города до ближайшей переправы через р. Волгу в районе г. Самары около 160—180 км, и вряд ли занятие района Бузулука могло оказать непосредственное влияние на успешность операции по захвату самарской переправы. Так же вряд ли занятие одной изолированной и малочисленной 11-й дивизией района Бузулука могло иметь какое-либо существенное значение для выполнения задачи уничтожения действующих к востоку от р. Волги красных войск, разобщение наших самарской и оренбургской групп было ей, бесспорно, не по силам, как и задача оперативного окружения наших войск.

Нельзя отрицать, что захват бузулукского района мог иметь большое значение для всего дальнейшего хода военных действий в этом районе фронта. Но следует признать, что эта задача не находилась ни в какой связи с задачами, поставленными и фактически выполнявшимися главными силами белых армий. Далеко не сложные подсчеты должны были показать Ханжину и ставке, что, как ни желателен и необходим захват названного района, наступление для овладения им выходит, на данной стадии развития общего хода наступления, за пределы поставленных войскам задач захвата переправ. В этих условиях наступление на г. Бузулук означало по существу начало новой операции, а, следовательно, также необходимость создания новой группировки войск для ее выполнения. Этого не поняли Ханжин и ставка, а если поняли, то переоценивали свои силы и недооценивали наши. Стратегия высшего белогвардейского командования тем и характеризуется в исследуемый период, что, не закончив одной операции, оно начинает другую. Так было в январе при отдаче директивы № 0799. Так было в начале марта после овладения г. Уфой, когда вместо энергичного преследова-

ния всеми корпусами отброшенных к югу и расстроенных главных сил 5-й армии Ханжин приостановил удар на ст. Давлеканово и повернул весь 2-й корпус на запад. Так было в начале апреля, когда после овладения районом г. Стерлитамака и постановки задачи ген. Белову — ударить прямо на юг, на г. Оренбург для помощи Дутову, — группа, не успев выполнить задачи, была повернута на юго-запад, не сумела помочь оренбуржцам, не помогла 6-му корпусу и оказалась сама разбитой.

Задача перерезать оставшийся единственный путь под-роза по ж. д. г. Самара — г. Оренбург не требовала обязательного занятия бузулукского района. Она могла быть решена занятием района ст. Кинель, находившейся на сто км ближе к линии фронта главных сил Ханжина и лежащей на прямом пути их наступления на г. Самару. Но в эти дни почти половина всех войск Ханжина была занята выполнением другой задачи. Самый сильный из корпусов Западной армии — 2-й Уфимский, насчитывавший около 22 тысяч человек, в том числе около 16 тысяч штыков и сабель, 247 пулеметов и 39 орудий, собрав ударный кулак из шести полков, обрушился на прикрывавшую симбирское направление нашу 27-ю дивизию (всего около 4 тысяч штыков) с задачей разбить ее, отбросить на юг с Волго-Бугульминской ж. д. и открыть себе путь к г. Симбирску. Ввиду этого соседнему слева 3-му корпусу ген. Голицына пришлось одному вести наступление в лоб на четыре бригады нашей 26-й дивизии, прикрывавшей самарское направление и узловую станцию Кинель.

Действия этих корпусов — лишний пример слабости и несостоятельности стратегии белых. Соотношение сил на симбирском направлении было таково, что 2-й корпус мог, конечно, выйти к р. Волге у г. Симбирска. Но что это давало противнику? Какие оперативно-стратегические задачи мог решить корпус, оказавшись на р. Волге под г. Симбирском? Можно сказать — никаких. Корпус не мог один форсировать реку и продолжать наступление на ее западном берегу. Он не мог нанести удара в глубокий тыл нашей 2-й армии — для этого надо было повернуть фронт на север и форсировать р. Каму, оставив против г. Симбирска заслон и имея свой тыл и левый фланг необеспеченным до тех пор, пока соседний слева 3-й корпус не овладеет районом г. Самары. Наступление от г. Симбирска по восточному берегу р. Волги на юг для оказания помощи

3-му корпусу не могло дать быстрого и значительного эффекта из-за отдаленности, общего направления течения реки и образуемой ею Самарской луки. Не на г. Симбирск пролегало главное направление, энергичное наступление на котором столь крупными силами могло дать решение стратегической задачи всего наступающего белогвардейского фронта.

Наступление 3-го корпуса развернутым фронтом вдоль ж. д. на г. Самару встречало упорное сопротивление 26-й дивизии и приданной ей 1-й бригады 27-й дивизии; оно развивалось слабо. Приведенная выше выдержка из доклада командира корпуса ген. Голицына показывает, что он ставил занятие района г. Бузулука войсками 6-го корпуса предварительным и обязательным условием решительного наступления своих войск для овладения ст. Кинель. Ханжин не сразу понял, что далеко отставшее, растянутое на 200 км левое крыло в условиях начавшейся распутицы и при наличии шарлыкской группировки красных не позволяет рассчитывать на быстрое и успешное выполнение задачи в районе г. Бузулук и что 2-му корпусу на симбирском направлении оперативного успеха для всей Западной армии не добиться. Только 26 апреля им была отдана директива № 01575 *, согласно которой командиру 2-го корпуса надлежало переменить срочно направление главного удара, создать из трех полков 4-й дивизии и одного временно приданного полка 11-й дивизии ударный кулак и нанести им удар с севера на юг на ст. Кинель, воспользовавшись разрывом между внутренними флангами наших 26-й и 27-й дивизий. Ударному кулаку, насчитывавшему всего около 5 тысяч штыков и сабель, удалось овладеть районом г. Сергиевска и к 30 апреля выдвинуться на 25—28 км к югу и юго-востоку от него; оказавшись благодаря этому примерно в 100—120 км от ст. Кинель, ударная группа нависла над открытым левым флангом нашей 26-й дивизии, сдерживавшей с фронта наступление 3-го корпуса. Обнаружив слабое наше место, белое командование бросило сюда еще один стрелковый полк, но время было уже упущено; с нашей стороны на сергиевском направлении были сосредоточены две бригады 26-й дивизии, а уступом, в 25—29 км за ее

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 5, л. 75.

левым флангом, начали выдвижение войска свежей 2-й стрелковой дивизии. Достигнутый противником на сергиевском направлении незначительными (сравнительно со всей боевой численностью 2-го корпуса) силами и в короткий срок успех говорит об упущенной Ханжиным возможности добиться решительного успеха на названном, а следовательно, и на самарском направлении. Район ст. Кинель был бы захвачен, и 26-я дивизия сброшена на юг с Самаро-Златоустовской ж. д., если бы собранный ген. Войцеховским ударный кулак не начал наступления в симбирском направлении, а был бы брошен на кинель-сергиевское направление сразу, то есть 20—21 апреля, когда прикрывать это направление нам было еще нечем.

Неудача этого маневра не означала еще, что исчерпаны все возможности противника и что инициатива переходит к нам; в спешном порядке и непрерывно прибывали на фронт маршевые пополнения, нетронутым был еще армейский резерв Ханжина, в пути из Сибири находился стратегический резерв Колчака — упомянутый корпус Каппеля, головные эшелоны которого уже проследовали узловую ст. Чишму. 30 апреля на ст. Талды Булак (40 км западнее г. Белебея) уже высаживались свыше трех с половиной тысяч солдат, не принимавших пока никакого участия в боях. Правда, этот армейский резерв представлял собой в военном отношении пеструю картину. Он состоял из отряда «сербского воеводы» Киселева, отряда полковника Рожнова, полка Сагайдачного и украинского куреня им. Шевченко. По численности из этого войска можно было сформировать бригаду полного состава, но Колчак сохранял их в настоящем виде из политических соображений. Как бы то ни было, своевременно выброшенные на фронт и поставленные рядом с испытанными боевыми частями Западной армии, названные отряды и полк могли принести известную пользу и высвободить более боеспособные силы для действий на решающих направлениях. Теперь они были с ходу переданы на усиление 3-го корпуса, частично на фронт 6-го корпуса, но заметного успеха это не дало. Использование Ханжиным этого армейского резерва заслуживает внимания как первый случай за все время командования им армией, когда он оставался без армейского резерва, правда, всего один день. Предыдущий опыт должен был подсказать ему, что не всегда

правильно держаться судорожно за резерв и что создаются иногда положения, когда удерживание войск в резерве приносит вред, а не пользу. Так случилось под г. Уфой в первые дни после занятия его белыми. Приведенные нами при рассмотрении второго этапа Уфимской операции документы показывают, что Ханжину тогда нечего было бояться какого-то контрудара с нашей стороны и что состояние нашей 5-й армии и отсутствие у нее резервов было ему известно. Тем не менее он задержал в районе ст. Чишма — г. Уфа в качестве армейского резерва Ижевскую бригаду и 11-ю дивизию. Брошенные без остановки вместе с находившейся до этого в резерве совершенно свежей бригадой 6-й дивизии эти силы опрокинули бы с ходу наши две бригады 26-й дивизии с занятого ими южнее города рубежа, настигли и уничтожили бы вырывавшиеся из окружения сильно расстроенные главные силы 5-й армии. Но, как показывают документы, и в конце апреля не приходится говорить ни о том, что Ханжин проявил больше понимания и решительности, ни о том, что армейский резерв был введен в дело своевременно, сосредоточенным кулаком и на наиболее выгодном направлении. Дело заключалось в том, что, отдав свой резерв, Ханжин в тот же день — 30 апреля — уже не первый раз добивался от ставки передачи ему для немедленного использования первых эшелонов войск корпуса Капеля, только прибывающих на фронт.

По директиве от 12 апреля Колчак приказал сосредоточить Волжский корпус и Сводную Сибирскую казачью дивизию (конную) западнее г. Уфы, оставляя названные соединения в своем резерве.

27 апреля последовала директива его за № 1203/ОП, согласно которой резерву были указаны новые районы сосредоточения: Волжскому корпусу — район упомянутого г. Сергиевска, а Сводной Сибирской казачьей дивизии — район г. Бугульмы. Обстановка вынудила отвести сосредоточение назад — в район г. Белебея вместо г. Сергиевска. Но это ничего не дало; вместо того чтобы развернуть корпус для нанесения удара движением вперед на избранном направлении, войскам корпуса пришлось (как уже было выше указано) сразу же перейти к обороне в районе выгрузки, а затем начать отход вместе с остальными соединениями армии Ханжина. Вопрос об этом корпусе занимает нас здесь лишь постольку, по-

скольку он выявляет стратегические и оперативные замыслы и распоряжения высшего белогвардейского командования за исследуемый период.

Первое распоряжение об отправке корпуса в действующую армию было отдано в дни крупных успехов армии Ханжина, стремительного наступления ее и боев уже на подступах к г. Бугульме и г. Бугуруслану. Приказание сосредоточить корпус «западнее г. Уфы», в 150—180 км за центром и в тылу продолжающей успешное наступление Западной армии, показывает, что ставка еще не решила вопроса о том, на каком направлении и когда будет использован этот крупный по тому времени стратегический резерв. Двумя неделями позже последовало новое распоряжение (№ 1203/ОП), явно не соответствующее обстановке. Ханжин все время настаивал на скорейшем прибытии корпуса для развития успехов своей армии или усиления Дутова, ставка же заняла в этом вопросе выжидательную позицию, что объяснялось рядом причин, из которых главными были: незаконченность формирования, неподготовленность большого процента солдат корпуса, прошедших ко дню отправки только двух-, трехнедельное обучение, а главное — нежелание выпустить из рук свой самый крупный и последний (по срокам готовности) резерв. Назначение г. Сергиевска районом сосредоточения — компромисс, на который пошла ставка, уступая формально требованиям «героя дня» — Ханжина (чья армия победоносно марширует на запад, к р. Волге, и, может быть, сумеет на плечах красных перейти на ее западный берег) и в то же время сохраняя распоряжение корпусом в своих руках. Не оправдался ни один из этих расчетов: Ханжин не дошел до р. Волги, корпус не доехал до г. Сергиевска. Положение, в котором очутился стратегический резерв Колчака, лучше всего характеризуется следующей выдержкой из заявления командира Волжского корпуса ген. Каппеля генквармзап в дни боев в районе г. Белебея: «Я не хочу, — говорится в этом заявлении, — участвовать в расстройстве того, что создавалось с таким трудом для пользы общего дела, и в таком случае прошу о моем увольнении от должности командира Волжского корпуса» *.

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 3, д. 26, л. 124.

Передача корпуса в полное распоряжение командующего Западной армией — решение вынужденное, ибо Ханжин уже не мог собственными силами сдерживать натиск нашей Южной группы, и войска Каппеля оказались ходом событий сразу же в сфере действий наших сил. На деле это означало, что стратегический резерв главного командования будет использован для «затыкания дыр» на фронте одной Западной армии.

В предыдущих главах, рассматривая ход военных действий за период Уфимской операции, мы попутным критическим разбором и некоторыми выводами привлекали внимание читателя к ошибкам и просчетам нашего командования. Надо сказать, что отмеченные в этой главе основные ошибки и промахи белогвардейского командования относятся в полной мере и к нам. В соответствии с задачами настоящей работы мы ограничиваем наше исследование рассмотрением и разбором архивных документов, содержащих указания и распоряжения войскам и предписывающих приемы и способы действий в новых условиях обстановки. В целях удобства рассмотрения использованные нами документы подразделены на две группы: а) белые о нас и б) наше командование о противнике. Подавляющее большинство документов в каждой из групп составляют указания и распоряжения своим собственным войскам. Познавательная ценность их, однако, не меньше тех документов, где прямо дается характеристика или оценка действий противника.

Белые о нас

7 марта — на другой день после начала общего наступления — Ханжин послал следующие руководящие указания войскам Западной армии:

«Недопустимо расположение штадивов в десяти и более верстах от войск и управление исключительно по телефону. Начдивам и комкорам выезжать на боевые участки в войска. Красной нитью во всех действиях нашего противника проводится активность во что бы то ни стало и при всякой обстановке, доходящая до дерзости. Такую же дерзость нужно и нам и на удар отвечать ударом. Если стратегически красные как бы не имеют тыла, что увеличивает их дерзость, то тактически они очень чувствительны к охватам и окружению. А имея в виду способность красных быстро оправляться после неудачных линейных,

любых столкновений, я с тем большей настойчивостью рекомендую уверенные, решительные, даже дерзкие тактические приемы, ставящие целью войска противника; отнюдь не выигрыш пространства, но стремление поставить противника в положение: «или сдавайся — или умирай», а не вынуждение к оставлению того или иного пункта. Пространство в тылу противника и его людской запас велики, и надо стремиться разрушить военную организацию его, привести насильно мобилизованных солдат противника к убеждению, что искусство, а не масса на нашей стороне, что можно сделать в короткий срок лишь путем хорошо продуманных энергичных тактических приемов. Мы ведем гражданскую войну, в которой вольно и невольно, особенно на стороне красных, население прифронтовой полосы принимает деятельное участие. Отсюда ясна выгода иметь его симпатии на нашей стороне, что достигается гуманным, братским отношением к красноармейцам и проведением в жизнь девиза — «смерть комиссарам и коммунистическим добровольческим отрядам» *.

Заканчивалась телеграмма указаниями о соблюдении военной тайны, о порядке раздачи и рассылки боевых приказов, о шифрах и предписывалось проявлять во всем особую бдительность. Телеграмма примечательна во многих отношениях. Ханжин совершенно правильно указывает на наши преимущества: помощь и сочувствие нам населения, ибо речь идет о классовой войне; неисчерпаемость поддерживающих нас людских резервов; обширность пространства как источник материальных средств борьбы и как элемент обстановки. Он также совершенно правильно определил, что указанные им основные, постоянно действующие факторы обстановки — причина наших преимуществ при ведении военных действий: живучесть армии и ее «активность во что бы то ни стало и при всякой обстановке, доходящая до дерзости». Что могло белогвардейское командование противопоставить нашим преимуществам, в чем надеялось оно найти ключ к победе? Ответ может быть дан в нескольких словах: учиться у большевиков. Ханжина не смущает, что его требование привлечь на свою сторону население и красноармейцев — по существу нарушение провозглашенного Колчаком в приказе требования: «армия вне политики». Пра-

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 5, лл. 4—5.

вильно поняв значение в классовой войне элемента политики, Ханжин также правильно констатирует, что в гражданской войне приходится наравне с чисто военными задачами решать задачи политические и что добиться победы только одними штыками невозможно. Телеграмма была адресована командирам корпусов и начальникам дивизий, которые вправе ожидать от командующего армией помощи конкретными указаниями и для которых общие политические соображения — весьма отвлеченная и далекая материя. Но оказалось, что и в области военного дела — в тех специальных знаниях ведения вооруженной борьбы, которые до этого составляли монополию офицеров и генералов как представителей господствующего класса и благодаря обладанию которыми они надеялись получить сразу же над нами большие преимущества на войне, — что и в области военного искусства Ханжину ничего не оставалось, как рекомендовать учиться у Красной Армии активности, смелости, настойчивости, упорству, оперативному маневрированию и быстрому восстановлению боеспособности за счет местных ресурсов.

Указания поступали и от ставки. 25 января всем командующим армиями (в копии генералу Жанену) была разослана специальная телеграмма, указывавшая на следующие общие для всех частей белой армии недостатки:

- а) пассивность войсковых начальников;
- б) действия по шаблону — равномерное распределение войск по всему фронту, ввиду чего войска везде несут поражения и теряют инициативу;
- в) войсковые командиры не проявляют энергии ни в чем, ждут по каждому пустяку указаний и ведут дело управления войсками бюрократически.

По «повелению верховного» ставка требовала:

- а) везде и всегда проявлять инициативу;
- б) собирать войска в одном пункте — нанести удар и снова собирать в другом пункте для нового удара, не боясь неудач на второстепенных участках и помня, что только быстрота, решительность и маневр могут дать успех;
- в) командармам требовать от всех начальников максимальной и самостоятельной работы. Смещать всех неспособных, нерешительных, несамостоятельных начальников, а допускающих бездействие, слабость и недисципли-

нированность — предавать суду «как за противодействие операциям армии» *.

21 марта ставка дала следующие указания: «Поступают сведения, что часто искусно начатая нами операция не всегда доводится до конца вследствие большой осторожности начальников, что создает у противника впечатление нашего бессилия. Верховный главнокомандующий повелел: всем начальникам действовать решительно и смело, памятуя, что большевистские части очень легко поддаются панике и разложению» **.

Командующий Южной группой ген. Белов в приказе от 12 апреля писал: «...Всюду нападать, окружать, обезоруживать, брать в плен, отбирать снаряжение и сапоги, которые нам так нужны... Комиссаров и коммунистов уничтожать. ...Покончить с остатками 20-й и 24-й дивизий, не выпускать их, а то встретим их снова за Волгой... Продолжать стремительное преследование, не спрашивая «сколько их, а где» ***.

В разговоре со ставкой начальник штаба Западной армии ген. Щепихин дал следующую характеристику нашего маневрирования соединениями при выполнении армейской задачи: «Зная упрямство и настойчивость красных, убежден, что одновременно с действиями против г. Троицка они будут развивать наступление на Верхнеуральск и оба эти направления будут, несомненно, оказывать друг другу поддержку и стремиться разобщить наши внутренние фланги».

Систематически все командные инстанции от ставки и до начальников дивизии повторяли (в разном, конечно, изложении) эти же поучения и указания, требуя от подчиненных «идейности в замысле, активности в исполнении боевых действий и удержания всегда в наших руках инициативы, ударов сосредоточенными силами по важнейшим направлениям, обходов и окружений».

Делались также попытки использовать морально-политическое состояние войск своих и противника, а также населения. Вначале велась игра на использование патриотических чувств населения под лозунгами восстановить фронт против немцев; распространялись в печати и в приказах сообщения, что в Красной Армии командуют немец-

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 10, л. 84.

** ЦГАОР, ф. 292, оп. 1, д. 34, л. 146.

*** ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 25, л. 109.

кие офицеры и вводится немецкая дисциплина, что «в наступлении участвуют немецкие войска, мадьяры, китайцы, латыши, венгры и т. д., а русских мало». Во время боев на р. Волге эмиссары «Комуча» распространяли прокламации и сообщения по радио, что вслед за «Народной армией» двигаются эшелоны с хлебом для голодающих центральных областей России. Радиogramмы с ложными оперативными приказами и сообщениями передавались систематически так, чтобы они были перехвачены нами. Так же систематически распространялись прокламации, политического характера приказы и обращения Колчака, командующих армиями и командиров корпусов. Были попытки прямого использования политической обстановки для решения военных задач; в течение трех месяцев (март—май) весь крайний правый фланг Западной армии от левого берега р. Камы (на участке от города Мензелинска до Елабуги) к югу на 80—100 км обеспечивался одним 32-м Прикамским полком, состоявшим из местных уроженцев, пополнявшимся и снабжавшимся за счет местных ресурсов. Выше мы отметили предложение штаба Западной армии использовать тятю ижевцев домой для нанесения удара в глубокий тыл нашей 2-й армии на г. Сарапул, а также работу среди башкирского населения при помощи буржуазных националистов. Разгром зимой 1918 г. нашей 29-й дивизии, прикрывавшей направление г. Верхотурье—г. Пермь,— в значительной степени результат того, что наступление регулярных войск противника с фронта было проведено в тесной связи с мятежами в непосредственном тылу названной дивизии и действиями белых партизан. Эта сторона нашей борьбы с контрреволюцией на востоке России очень часто совершенно не учитывается в военно-исторических работах, авторы которых пытаются изобразить белых примитивными и глупыми, действующими только насилем и расстрелами. Замалчивая эту сторону вопроса, мы не даем объективного и всестороннего освещения истории, преуменьшаем сложность и трудности борьбы, искусственно отрываем военную сторону борьбы от политической и, как неизбежное следствие этого, приходим к ошибочным выводам и в вопросах военного искусства гражданской войны. «Довольно немудно,— говорил В. И. Ленин в речи в мае 1919 г.,— порицать Колчака только за то, что он насильничал над рабочими и даже порол учительниц за то, что они сочув-

ствовали большевикам. Это вульгарная защита демократии, это глупое обвинение Колчака. Колчак действует теми способами, которые он находит» *.

К сожалению, эти слова В. И. Ленина о том, что Колчак действовал «теми способами, которые он находит», забываются нередко авторами исследований.

Белогвардейское командование, как показывают документы, всегда отдавало себе полный отчет в том, что решающая роль в исходе борьбы принадлежит массам; вопрос сводился к тому, как использовать эти массы в своих целях, какие для этого нужны и могут быть применены способы, приемы, лозунги, силы и средства. Имея в виду ограниченные задачи нашего исследования, мы отмечаем только мероприятия противника, относящиеся непосредственно к рассматриваемой теме.

Тридцать пять тысяч добровольцев и офицеров — цифра ничтожная для ведения войны против Советов. Попытка пополнить армию классово близкими мелкобуржуазными слоями населения (интеллигенция, учащиеся) ничего не дала. Упор был сделан на формирование армии за счет призыва новобранцев — молодежи зажиточного сибирского крестьянства. В январе 1919 г. колчаковское правительство издало закон, предусматривавший: а) присягу солдат на «верность Государству Российскому»; б) подписание солдатами «торжественного обещания» и в) подписание письменного обязательства — не состоять ни в каких политических или партийных организациях на время нахождения в армии. Был издан закон об учреждении в армии института священнослужителей всех вероисповеданий и утверждено «Временное положение» об их работе. От названных лиц требовалось воспитывать солдат в духе своей веры, «в духе патриотизма и сознательного отношения к воинской дисциплине, служению Родине, выполнению своего долга и присяги» и т. д. Особо предписывалось священнослужителям проявить «заботу о наискорейшем проведении в жизнь всех пожеланий, указаний и требований высшего военного и духовного начальства...». Для армии издавалась солдатская газета, брошюры, рассылались портреты Колчака. Был издан закон о льготах по имущественному и земельному устройству в районах, отведенных для переселенцев, с предо-

* В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 331.

ставлением леса на постройки, ссуд. Колчак вынужден был издать «закон» о том, что занятые крестьянами самовольно помещичьи и государственные земли остаются в их пользовании на правах аренды вплоть до окончания войны. Не останавливалось руководство белых перед созданием фальшивок. В апреле 1919 г. получил широкое распространение среди казачьего населения «Приказ ЦК коммунистической партии». В этом «приказе», нарочито неграмотно написанном, излагалась целая программа мероприятий, провести которые в отношении казаков требовал якобы немедленно ЦК большевиков. В «приказе» говорилось о немедленном массовом переселении крестьянской бедноты на казачьи земли, об оставлении оружия только иногородним и отобрании его у всех казаков под угрозой расстрела, об уравнивании всего пришлого населения с казаками во всех отношениях, о конфискации хлеба и всех прочих съестных припасов у казаков и т. д. и т. п. От себя белые снабдили фальшивку припиской: «Приказ направлен против казаков. Он не требует пояснений, сами видите». В связи с победой Антанты над Германией Колчак в одном из своих приказов, отмечая победу над «историческим врагом России», писал: «Близится час суда — международный конгресс мира, и если мы не победим к этому часу, то лишимся права голоса на совещании народов-победителей и нашу судьбу решат без нас».

В этой связи было объявлено башкирскому народу от имени Колчака, что его заслуги в борьбе с большевиками «будут приняты во внимание при заключении мирного договора».

Но никакие ухищрения, никакие лживые, обманные фразы и обещания не могли скрыть истинной реставраторской сущности аграрной, национальной и экономической политики колчаковского правительства.

Как уже было отмечено, основную массу населения захваченной Колчаком территории составляло крестьянство. В исследуемый период середняк, составлявший подавляющее большинство крестьянства Сибири и Дальнего Востока, будучи в массе еще пассивен и колеблясь между пролетариатом и буржуазией, убеждался ежедневно, что белая власть ведет его хозяйство к упадку и разорению в условиях общей хозяйственной разрухи колчаковского тыла. Все увеличивавшееся бремя налогов, поборов и повинностей, разгул беззакония и про-

извола колчаковских властей и интервентов, непрерывные наезды на село карательных отрядов, грабивших и производивших порки и расстрелы без суда и следствия, — все это ускоряло переход крестьянства на путь открытой вооруженной борьбы против белой власти. «Колчак дал нам, — говорил В. И. Ленин, — миллионы сторонников Советской власти в самых отдаленных от промышленных центров районах, где нам трудно было бы их завоевать» *. Борьба трудящихся масс в тылу Колчака не была стихийным явлением. Ее организовывали, направляли и возглавляли, ею руководили местные подпольные партийные организации, связанные через линию фронта с ЦК партии и лично с В. И. Лениным. Происходившая в тылу борьба была перенесена в армию. Существовавший до этого в белой армии антагонизм между солдатами и офицерами принимал более отчетливо выраженный характер классовой борьбы, снижая боеспособность войск, состоявших в основном из крестьян.

Наше командование о противнике

Среди документов нашего командования, и прежде всего командования и штабов Восточного фронта и входящих в его состав армий, мы не нашли такого документа, который, подобно приведенной выше телеграмме Ханжина, давал бы общую краткую характеристику противника в отношении его сил и способов действий, содержал бы указания своим войскам, как надлежит действовать. Однако было бы глубоко ошибочно на основании сказанного делать вывод, что наше высшее командование не занималось теми же вопросами о силах, средствах и их использовании. Указания советского командования войскам не излагались, как правило, в отдельных приказах и телеграммах (как это систематически делали белые) и не отличались ни законченностью формулировок, ни категоричностью предписания. В силу этого нам пришлось избрать несколько иной способ для выявления принципиальных установок и взглядов нашего командования: попытаться заменить отсутствующие в делах со штабными документами готовые наставления и предписания собственными выводами, добытыми в результате рассмотрения конкретных действий наших войск и анализа лежащих в

* В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 59.

основе их директив и приказов. В удобствах исследования мы сгруппировали рассматриваемые материалы вокруг нескольких основных, важнейших, по нашему мнению, оперативно-стратегических вопросов гражданской войны.

Объекты действий

Как показали приведенные выше документы, колчаковское командование считало главным объектом действий своих войск живую силу противника — войска Красной Армии. Разгром противника, обладающего высоко развитой оперативной маневренностью, активностью в обороне и живучестью войск (каковым считали нас белые), возможен лишь в условиях окружения. Исходя из этих основных своих установок, белое командование ставит войскам конкретные задачи, пишет наставления и указания. В этом надеялось оно найти решение проблемы: как победить малыми силами на обширном театре военных действий.

Эта же проблема стояла в целом и перед нашим командованием. На Восточном фронте она была усложнена тем, что на стороне противника имелся весьма значительный перевес сил. Однако в директивах как фронтового, так и армейского командования нет почти совершенно задач на окружение противника; действия наших войск подтверждают сказанное. В чем же в таком случае наше командование видело решение проблемы? Сама жизнь поставила об этом вопрос в острой форме перед Революционным Военным советом Республики в первые же дни «Пермской катастрофы». Совершенно неожиданное для центра поражение сильнейшей армии фронта и неспособность всего левого крыла фронта оказать ей помощь требовали объяснений: кто виноват в разразившейся катастрофе — отдельные ли люди (какую бы должность они ни занимали) или в целом сама система, основные оперативно-стратегические установки и решения не соответствуют новым условиям ведения войны?

С этой точки зрения заслуживает рассмотрения доклад, представленный РВС Республики начальником Полевого штаба Республики Костяевым.

Доклад начинается с констатации того факта, что Восточный фронт, на котором находятся пять наших армий и сосредоточено около 35% всех вооруженных сил

полевой армии, претерпевает за последние месяцы большие колебания и изменения. В то время как мы легко продвигаемся на уфимском и стерлитамакском направлениях, пал за весьма короткий период борьбы «главнейший военный центр Восточного фронта — г. Пермь». Далее в докладе говорилось:

«Судя по численности противника, казалось бы, крупных неудач не должно быть. Становится очевидным, что были допущены основные стратегические недочеты во всей операции на Восточном фронте. Главным недочетом следует признать разрозненность операции по многим направлениям, что неминуемо повлекло за собой дробление сил по всему фронту и отсутствие их на важнейшем направлении в решительный период борьбы. Так, в настоящее время на этом фронте ведутся операции на направлениях: Пермь, Кунгур, Красноуфимск, Бирск, Уфа, Стерлитамак, Бугуруслан, Оренбург, Николаевск, Уральск и Александров-Гай, то есть силы раздроблены по 10—12 участкам. Это заставляет нас всюду быть слабыми, несмотря на сравнительно малую численность и мощь противника. Отсюда — скоротечность успехов на второстепенных направлениях и тяжелые неудачи на главных. Между тем обстановка на всем Восточном фронте, согласованная с планом действий на других фронтах, выдвигает здесь лишь три главные задачи: 1) овладение и прочное закрепление Пермского района с его крупнейшим центром — г. Пермью, Пермским и Ижевско-Воткинскими заводами, потеря которых может губительно отразиться на всей нашей боевой мощи; 2) наступление на оренбургском направлении для восстановления связи с Туркестаном и 3) продолжение операции на г. Уфу до овладения этим пунктом, как имеющим для нас и для противника крупное моральное значение. Последняя задача допускается лишь в силу того, что наша наступательная операция здесь получила широкое и успешное развитие.

На остальных направлениях, как второстепенных, боевые задачи должны ограничиться лишь обороной главных путей и пунктов.

Такой план даст возможность сосредоточить превосходные силы на главных направлениях и снять часть сил с других направлений с целью образования из них достаточных и сильных резервов командующего фронтом, без которых нельзя ни развивать успеха, ни дать отпора про-

тивнику, что с такой очевидностью отразилось на операции в районе Перми. Приостановка действий на некоторых направлениях необходима также для восстановления боеспособности многих частей, расшатанной зимними походами» *.

Таковы рассуждения и выводы лица, стоявшего в исследуемый период в центре аппарата военно-стратегического руководства гражданской войной — первого помощника нашего главнокомандующего. Что же конкретно предлагает Полевой штаб? Вкратце предложения его сводятся к следующему:

а) избрать главные направления наступления, сосредоточить на них достаточные силы и действовать активно наступательно;

б) на прочих направлениях перейти к обороне «главных путей и пунктов», чтобы получить возможность собрать превосходящие силы на главных направлениях и образовать сильные фронтовые резервы.

Из существующих 10—12 направлений Костяев предлагает признать главными только два — на г. Пермь и г. Оренбург. Промежуток между ними около 750—800 км. Следовательно, ни о содействии, ни о помощи между ними говорить не приходится. Отсутствие рокадных путей почти что исключает своевременную переброску фронтовых резервов с одного из названных направлений на другое. Что касается остального участка фронта, то Костяев не указывает, можно ли, где и насколько сократить его, и не дает расчета, сколько потребуется сил для того, чтобы удерживать занятую уже территорию в наших руках. На оба этих вопроса в докладе дается один ответ — перейти к обороне главнейших путей и пунктов. Предложение это весьма неопределенное: что следует понимать под словами «оборона» и «главнейшие»? Костяев не отказывается ни от одного из названных им направлений — все они для него главнейшие пункты и пути, подлежащие обороне. Что же в таком случае значит «ограничиться обороной» их? Прямого ответа не дано, но по общему смыслу доклада ясно, что речь идет о требовании отказаться на этих направлениях от активных наступательных действий оперативного значения. На войне пассивность одного из противников всегда приводила к усилению активности другого, не обя-

* ЦГАКА, ф. 6, оп. 4, д. 44, л. 38

зательно, конечно, на данном участке или направлении фронта и в данный отрезок времени. Принятие предложения Костяева означало: а) передачу полностью в руки противника инициативы на подавляющей части Восточного фронта, растянутого на 1600—1800 верст; б) предоставление противнику времени и пространства для новых формирований за счет ресурсов театра военных действий; при колоссальной растянутости линии фронта и изолированности друг от друга намечаемых Костяевым главных наших группировок (на г. Пермь, на г. Уфу и на г. Оренбург) результаты достигнутых ими успехов весьма не скоро могли оказать влияние на общую обстановку. Материалы исследования показали, что крупный успех белых на пермском направлении не помешал нам овладеть г. Уфой, а затем и г. Оренбургом и восстановить связь с Туркестаном. Крупный успех Ханжина против нашей 5-й армии почти совершенно не отразился на положении наших 3-й армии на глазовском направлении, 2-й армии на сарапулском и Южной группы под г. Оренбургом и Уральском.

Предложения Костяева — давным-давно известные трюизмы. Он не уяснил себе основного, а именно, что и протяженность фронта, и разбросанность войск, и скоротечность операций при большой амплитуде колебаний линии фронта — проявления нового содержания вооруженной борьбы — войны гражданской, а не войны между суверенными государствами, подготовившимися к войне задолго до ее начала, когда социально-экономическое содержание и цели войны совершенно другие.

Сравнивая предложения Костяева с тем, что говорилось в рассмотренной выше телеграмме Ханжина, мы должны признать, что наши противники близко подошли к правильному пониманию новой обстановки на войне и пытались дать конкретное решение проблемы об основах действий своих войск, исходя из классового характера войны и признавая политическую борьбу элементом обстановки при решении военных задач.

Доклад Костяева остался без последствий. Согласно резолюции главкома Вацетиса («пока к делу») вопрос о внесенных предложениях был отложен, но проблема осталась. Попытку дать ее решение можно усмотреть в предложении главкома в его упомянутом докладе от 7 октября 1918 г. «Недостаточность вооруженных сил, —

говорилось в названном докладе, — для решительной наступательной борьбы на всех фронтах обязывает нас предусмотреть, не теряя времени, подготовить и усилить в инженерном отношении как важнейшие оборонительные сооружения в пределах фронтов, так и ряд рубежей и пунктов, эшелонированных в глубину вдоль направлений, по которым возможно развитие операций и по которым мы вынуждены отходить. Оборонительные районы в пределах фронтов, вернее, их система должна составить крепкий скелет, на который можно было бы опереть полевые армии».

Указав, что не должно быть ни сплошных линий, ни полос и что задача инженерной подготовки — создать для войск возможность малыми силами удерживать подлежащий обороне район, главком намечал для Восточного фронта создание 12 таких укрепленных районов⁶⁸. Предложения Вацетиса остались на бумаге по ряду причин: ограниченность средств и рабочей силы, недостаточность времени при больших и быстрых колебаниях линии фронта и т. д.; подтвердилась тем самым их нереальность — несоответствие обстановке на Восточном фронте в рассматриваемый период. Были найдены другие возможности решить задачу прикрыть р. Волгу и начать разгром противника. Достигнуто это было не контрнаступлением полевой армии, опирающейся на систему укрепленных районов. Понадобились два крупных поражения (под г. Пермью и г. Уфой) и два неудачных наших контрнаступления, чтобы наше командование уяснило себе истинные причины этих событий и поняло, что противник, действуя в тех же условиях обстановки, сумел в своих целях использовать и обширность театра военных действий и малочисленность наших войск. Наше контрнаступление от р. Волги к Уралу (с сентября 1918 г. по февраль 1919 г.) принесло нам крупные успехи, несмотря на все отмеченные выше недостатки его: отсутствие правильно выбранного направления главного удара и сосредоточения сил на нем, отсутствие взаимодействия между соседними армиями и т. д. Значит, нельзя считать, что наступление всех армий развернутым и сильно растянутым фронтом было нарушением требований военного искусства в гражданской войне. Опыт командования Восточным фронтом указывал ему, что в одинаковой степени ошибаются:

1) как тот, кто стремится только к захвату пространства, надеясь, что разгром и уничтожение живой силы противника будут достигнуты попутно в ходе выполнения основной задачи (захвата пространства);

2) так и тот, кто стремится исключительно к окружению и уничтожению живой силы противника, надеясь в свою очередь, что пространство будет захвачено попутно с выполнением основной задачи — разгрома войск противника.

К обстановке на войне полностью могут быть отнесены следующие слова Ф. Энгельса: «Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит один общий результат—историческое событие... Ведь то, чего хочет один, встречает препятствие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел... Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей... достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, — из этого не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в нее» *.

Обстановка на войне именно такая равнодействующая. Задача командования в том и состоит, чтобы определить направление и тенденции ее развития, раскрывать закономерности существующих связей, их взаимообусловленность и взаимодействие как борьбу не только внешних противоположностей (колоссальность пространства и малочисленность войск), но прежде всего противоречий внутренних. Речь идет не о случайном скоплении не зависящих и оторванных друг от друга событий и явлений, не о механическом воздействии на обстановку количества живой силы или пространства. Обстановка — не простая сумма составляющих ее элементов; одного только анализа для ее правильного понимания недостаточно. Совершенно недостаточно выявить элементы обстановки и иметь о каждом из них даже самые исчерпывающие и правильные сведения. Ведь каждый из них не есть величина абсолютная, односложная и неизменная, а такой же продукт столкновения целого ряда других сил, сложный и

* К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1953, стр. 423—424.

меняющийся, развивающийся по законам материалистической диалектики. Каждый из противников на войне, взятый в целом и оцениваемый по количеству и качеству его сил и средств борьбы, представляет собой по существу такое же нечто среднее, то есть равнодействующую своей собственной системы сил. Столкновения противников, то есть двух враждебных и сложных систем сил, проявляясь во времени и в пространстве, создают одну новую равнодействующую, обычно называемую обстановкой, причем время и пространство — не формы познания нами опыта, а такие же сложные и меняющиеся элементы. В каждом данном случае на войне мало для определения объектов действий войск одного только анализа обстановки (то есть расчленения ее на элементы). Боевые усилия войск должны быть так организованы и направлены, чтобы они не вступали в столкновение с равнодействующей силой обстановки (одним из элементов которой они сами являются в то же время), а совпадали с основной линией ее диалектического развития.

Расчет сил

Расположение войск на театре военных действий длинными растянутыми линиями имело место не только на Восточном фронте, но и на всех остальных фронтах гражданской войны как с нашей стороны, так и со стороны противников. Таков исторический факт. И как бы отрицательно мы ни относились к такому способу употребления войск на войне, какой бы беспощадной критике он ни подвергался, от этого он не перестает быть историческим фактом. Очевидно, речь идет не об ошибке или неспособности той или другой командной инстанции, а об исторической необходимости.

Рискованных мест и угрожаемых направлений было много у каждого из противников. Растянутое расположение преследовало цель не только прикрывать свои слабые направления, но также использовать рискованные места врага. Наступлением сплошным, во всяком случае широко растянутым фронтом имелось в виду постепенно и постоянно выдвигаться то на одном, то на другом направлении и таким путем, не всегда стремясь к решительному сражению или бою, оказывать влияние на обстановку, теснить противника, лишать его источников средств и сил, не давать ему сосредоточить ударные превосходящие силы на

одном каком-либо направлении и т. д. Этому взгляду придерживались штаб фронта и штабы армий. Отсюда та колоссальная активность, на которую обращал внимание Ханжин и которой он требовал от своих командиров корпусов. Эта широко применявшаяся нами система ведения операций на широком фронте на многих направлениях давала положительные результаты только до тех пор, пока она не приводила к распылению сил, то есть к разброске войск для действий на направлениях или участках, находившихся, по условиям времени и пространства, вне общей равнодействующей всей обстановки. Это приводит нас к вопросу о расчете сил.

В гражданской войне отсутствовали свойственные обычным войнам между государствами все предшествующие вооруженным столкновениям фазы создания вооруженных сил: расчеты потребности, подготовка, мобилизация, сосредоточение и развертывание их на театре войны, который также не мог быть заблаговременно определен и подготовлен.

Потребности определялись уже в ходе вооруженной борьбы и в первое время удовлетворялись за счет местных ресурсов главным образом. Но уже с осени 1918 г. все дело формирования, призывов и мобилизаций централизуется строжайшим образом; какие бы то ни было формирования силами и попечением самих армий, равно как и прием добровольцев, были запрещены под страхом ответственности по суду. Это имело ряд отрицательных последствий в силу того, что вполне правильное по существу решение директивных органов Советской республики не проводилось в жизнь с необходимой энергией и знанием дела, а в некоторых случаях прямо искажалось.

Вопрос поддержания действующих на фронте частей на установленном уровне (некомплект против штатов в размере 35%) численности людей привлекал мало внимания. В этом отношении мы значительно уступали противнику. Вопросы пополнения очень редко, лишь в виде исключения, встречаются в разговорах и переписке между командными инстанциями различных степеней на Восточном фронте. Между тем в разговорах белогвардейского командования они затрагиваются всегда и притом (что весьма показательно) не войсковым командованием, а командованием и штабами армий, ставящими подчиненные штабы в известность о прибывающем уже пополнении

и запрашивающими, сколько еще потребуется для покрытия убыли и поддержания частей в пределах установленной нормы — в роте 130—150 штыков. Налаженность этого вопроса военным ведомством Колчака позволяла поддерживать численный состав действующих армий на прежнем уровне (с незначительными колебаниями в ту и другую сторону) даже после длительных боев и больших потерь. В марте 1919 г., когда Сибирская и Западная армии белых, продвигаясь на запад, стали занимать значительные территории, ставка потребовала от штабов названных армий не только пополнения действующих частей, но и формирования новых за счет призывов, мобилизаций и приема добровольцев в захваченных местностях, заявив, что «тыл без конца давать пополнений не может». Находилось это в связи с тем, что, кроме формирующегося корпуса Каппеля, было приступлено к формированию еще шести стрелковых дивизий, объявленный же 20 апреля 1919 г. призыв должен был дать только около 100 тысяч новобранцев.

В декабре 1918 г. Советом Обороны по предложению В. И. Ленина был утвержден план формирования Красной Армии в размере 1,5 миллиона человек. К сожалению, центральными военными органами решение это выполнялось очень слабо. По докладу главкома от 22 февраля 1919 г., за предыдущие 2,5 месяца общая численность Красной Армии выросла на 150 тысяч человек и составила всего около 482 тысяч, в том числе 60 тысяч тыловых формирований.

Ясно, что вопрос о фронтовых и армейских резервах находился в прямой зависимости от работы Всероглавштаба, ведавшего вопросами призывов, мобилизаций и формирований в тылу. Вопрос о фронтовых и армейских резервах нельзя считать достаточно выявленным по опыту одной операции. Единичными были случаи, когда командование фронта отдавало приказы о создании резервов фронта. Как правило, эти резервы тут же передавались в распоряжение командармов на усиление или поддержку и ни разу как резервы самого командующего фронтом использованы не были. Ненаучно пытаться объяснить это явление непониманием командованием значения резервов или ошибкой. Критике должны быть подвергнуты и фронтовое и главное командование не за то, что они не держали на фронте готовые стрелковые соединения в каче-

стве резерва, а за то, что они допускали всегда такое ослабление численного состава войск фронта, что ни о резервах, ни о нормальном отдыхе войск речи быть не могло.

Отсутствие резервов следует признать основной причиной того большого внимания, которое в работе нашего командования уделялось вопросам взаимодействия соседних армий и соединений. В этом отношении мы намного превосходили колчаковское командование как в признании важности такого взаимодействия, так и в попытках осуществления его.

Изучение материалов показало, что инициатива в организации взаимодействия всегда исходила от войскового или армейского командования и поэтому в подавляющем числе случаев сводилась к вопросам: взаимодействие на стыках, для прикрытия флангов, и лишь редко под взаимодействием понималось создание группировки для активного решения задачи оказания помощи в оперативном масштабе. Когда же вопросы взаимодействия возникали по инициативе командования фронта или по указаниям главкома, они чаще всего решались:

а) или как задача контрнаступления во фланг или тыл противнику, теснящему соседа, или

б) целью ставилось притянуть на себя силы врага, атакующего соседа. И в том и в другом случае решающее значение приобретали условия времени и пространства. Но, как показало исследование, в этом отношении нашим командованием не всегда производились правильные расчеты; не всегда начатая соседом операция успевала оказывать ощутимое влияние на обстановку и достигала цели, ради которой она была начата.

К положительным моментам работы нашего командования следует отнести:

а) широко и постоянно практиковавшийся обмен мнениями и взглядами на обстановку и предстоящие задачи между командованием и штабами всех ступеней. Отмеченные нами выше отдельные случаи, когда вместо плодотворного обмена мнениями имели место уговаривания, попытки убедить или переубедить подчиненную инстанцию, не могут служить доказательством ненужности или вредности осуществлявшейся путем систематических переговоров и посещений войск тесной связи;

б) правильную постановку работы разведывательных

органов штабов, данные которых о противнике служили основанием для выводов и гипотез, своевременно раскрывающих состояние и намерения противника. В дополнение к сказанному при исследовании операции можно было бы привести большое количество документов, подтверждающих тот факт, что во многих случаях штабы давали заблаговременно материалы о сосредоточивании ударных группировок белых, о намечаемых операциях, перегруппировках и т. д. Вот несколько примеров в подтверждение сказанного. Уже 11 марта штаб 1-й армии доносил штабу фронта, что, по его предположениям, противник после овладения г. Уфой начнет активную операцию на г. Стерлитамак. 12 марта командарм 5 докладывал Каменеву о появлении двух полков 12-й дивизии на его стыке с 1-й армией, что, по его мнению, указывало, что «намечается обход с правого фланга армии». 18 марта штаб 5-й армии доносил, что, по его данным, 8-я дивизия противника наступает широким фронтом от Бугульминской до Красноуфимской ж. д. и «что 4-я дивизия, за исключением заслона против 3-й бригады 27-й дивизии, обращена стрелой на юг...». Как уже отмечалось, своевременно, за несколько дней до начала атаки было установлено нами сосредоточение ударного кулака в районе ст. Чишма, причем штаб указывал такое расположение частей и полосы действий войск 6-го и 3-го корпусов, которое в точности соответствовало действительности, в чем легко убедиться при сравнении наших данных с оперативными документами штаба Ханжина.

Речь идет не только о распознавании намерений противника, но также о выявлении его приемов действий.

«Оказывается, — заявил командарм Гая 23 марта Каменеву, — у белых такая тактика — действовать группами не менее пяти — шести полков, прорвать этими силами фронт в стыке. Такая же история была с пятой и второй армиями, а наша тактика — действовать общим непрерывным фронтом жидкой цепью» *.

Мы не касаемся тех довольно частых случаев, когда о силах, группировках и намерениях противника можно было получить точные сведения из захваченных документов. Уже 8 марта на убитом офицере был захвачен приказ по 7-й Уральской дивизии, раскрывавший общую группировку Западной армии и задачи ударного корпуса по ов-

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 192, л. 160.

ладению г. Уфой. 29 марта был захвачен приказ по 12-й дивизии, раскрывавший группировку и задачи всего 6-го Уральского корпуса на втором этапе Уфимской операции. В первой половине января штаб фронта ориентировал командарма 5 на основании перехваченного донесения Сибирской армии. О захвате документов оперативного характера и подслушивании переговоров нашего командования говорится несколько раз в материалах штаба Ханжина и Сибирской армии. Но при этом следует подчеркнуть, что оба противника всегда весьма осторожно и подозрительно относились к данным таких захваченных документов, подвергая достоверность их большим сомнениям. Находилось это в прямой связи с тем, что обе стороны нередко пускали в ход ложные приказы и сводки, чтобы ввести противника в заблуждение. Этим отчасти объясняется то обстоятельство, что иногда весьма ценные выводы разведывательных органов оставались неиспользованными и не побудили командование принимать необходимые контрмеры.

Заслуживают внимания высказывания и указания нашего командования по некоторым общим вопросам использования войск на войне.

1) Возражая командарму 1 относительно тактики наших войск, командующий фронтом дал следующие указания: «...Дело в том, что нельзя стоять на месте, а надо бить. Противник тоже не мог бы собрать пяти полков, если бы мы не стояли на месте. А раз мы стоим, противник может группироваться. А вторая наша ошибка, что уж если вынуждены стоять, то надо выделять резервы» *.

Эта же мысль (иметь резервы обязательно в обороне, при наступлении их могут заменить активные, энергичные действия) высказывалась Каменевым несколько раз. «Раз вы действуете активно, — заявил Каменев в разговоре с командармом 2 в начале января 1919 г., — то можно пока обходиться без армейских резервов» **.

2) Показательно, что все командующие армиями ставили целостность и сохранение живой силы войск выше задачи сохранения за нами занятой территории и удерживания отдельных пунктов и районов «во что бы то ни стало». Во всех приведенных выше случаях командующий фронтом не дал согласия на такой отвод. В состоявшемся по

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 192, л. 160.

** Там же, д. 25, л. 83.

Этому поводу разговоре между Каменевым и командармом 5 в феврале 1919 г. были приведены следующие мотивы: отход, хотя бы по приказу, действует на войска в высшей степени деморализующе; отход допустим, но лишь при условии, что он создаст благоприятную обстановку для действий *. Высказанные соображения не были лишены оснований, в подтверждение чего можно привести следующее донесение политкома 2-й бригады 26-й дивизии за время мартовских боев под г. Уфой:

«...Общее настроение неудовлетворительное. Причина такого настроения заключается в самом факте отступления, которое вызвало массу поводов для недовольства. Прежде всего для массы красноармейцев не понятна причина такого отступления. После усиленного наступления на Аша-Балашева отступление на сотню с лишним верст по непонятной для массы стратегии фронта породило недоверчивое отношение к высшему командному составу и внесло среди красноармейцев дезорганизацию» **.

3) Наше командование всегда требовало активной обороны во всех тех случаях, когда по тем или иным причинам наступать мы не могли. В период ожесточенных боев южнее г. Уфы в последних числах марта 1919 г. командарм 5 докладывал Каменеву, что, потеряв за последние дни половину своего боевого состава, 26-я дивизия продолжать наступления не может и РВС армии приказал перейти ей к активной обороне. «Я не знаю, — указал на это сообщение Каменев, — что вы понимаете под активной обороной. Я понимал восстановление утраченного положения и считаю, что только контрударами можно удержать линию, но никак не отходом» ***. Обращает на себя внимание тот факт, что Каменев считает основной задачей всякой активной обороны «восстановление утраченного положения». В данном случае речь шла о восстановлении утраченных тактических позиций, но, как показало исследование, и наше и белогвардейское командование требовали от войск восстановления положения в масштабе операций армии, а то и всего фронта. «Восстановить положение» — термин, взятый из старого военного лексикона, сугубо формалистический. Поясним примером. По-

* ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 190, лл. 172—178.

** Там же, д. 194, л. 156.

*** ЦГАВМФ, ф. 185, оп. 2, д. 20, л. 101.

положение, в котором находилась наша 3-я армия накануне начала противником Пермской операции (октябрь 1918 г.), не было, конечно, случайностью. Оно — результат борьбы на всем Восточном фронте за известный отрезок времени. Оно — то именно «нечто среднее», о котором говорится в приведенной выше цитате из письма Энгельса. В конце декабря 1918 г. белые захватили район г. Перми, наши войска продолжали отход на запад. И это — не случайность, а «средний» результат борьбы. Таким же «нечто средним» было положение, к которому мы пришли в результате нашего контрнаступления в январе 1919 г. на левом крыле фронта. Всякое положение на войне — «нечто среднее». Только в математике квадрат гипотенузы всегда равен сумме квадратов катетов независимо от того, куда треугольник обращен своим прямым углом — на север, юг, запад или восток. Военное искусство таких непреложных истин не знает. Абсурдно требовать от войск восстановить в январе «нечто среднее», существовавшее в октябре — ноябре прошлого года. Фактически, конечно, приказы пишутся по-иному, и войска получают вполне конкретные задачи, вытекающие из новой обстановки и направленные на изменение ее в нашу пользу.

Исследуемая операция — блестящая иллюстрация ко многим высказываниям В. И. Ленина о войне, армии и военной науке.

Дважды за рассмотренный период старая военная наука и ее представители — старые военные специалисты — оказывались бессильными перед сложившимся положением: летом 1918 г., когда чехи захватили Среднюю Волгу, и в апреле 1919 г., когда Западная армия Ханжина была на подступах к названной реке.

И оба раза мы одержали победу только потому, что ЦК партии во главе с Лениным — генеральный штаб Октября — взялся непосредственно за организацию нашей вооруженной борьбы против интервентов и белогвардейцев.

Уфимская операция опрокинула многие «принципы» дореволюционной военной науки и военного искусства, в ней обнаружили многие новые начала нашего, совет-

ского, военного искусства и советской военной науки, отражавшие военно-боевой опыт Коммунистической партии и трудящихся масс в борьбе с самодержавием и опирающиеся на марксистско-ленинское учение о войне и армии.

Блестяще подтвердились слова В. И. Ленина о том, что война не только продолжение политики, но и обучение политике» *.

В частности речь идет о следующем:

1) Политика из чего-то отвлеченного и далекого стала элементом обстановки на театре войны и в то же время сильнейшим нашим оружием для победы над классовыми врагами. Политика оказывала нередко решающее и прямое влияние на ход военных действий. Рабочие полки уральских заводов (дважды — летом 1918 г. и в марте 1919 г.), рабочие полки г. Уфы, рабочие полки г. Оренбурга и рабочие полки г. Уральска, созданные в буквальном смысле слова под огнем, сыграли крупнейшую не только морально-политическую, но также оперативно-тактическую роль. Двухтысячный отряд рабочих-коммунистов г. Самары сыграл большую роль на втором и третьем этапах операции в районе Волго-Бугульминской ж. д. Мы упоминаем об этих полках потому, что нам пришлось говорить о них, изучая отдельные этапы операции. Было немало и других отрядов, полков, батальонов и т. д., составленных из коммунистов и рабочих и сыгравших такую же крупную роль в боях с чехобелыми за Волгу, во время «Пермской катастрофы» и нашего контрнаступления в мае — июне 1919 г.

2) Уфимская операция еще раз по-новому поставила вопрос о роли ближайшего тыла войск, то есть об использовании сил и средств самого района военных действий.

3) Изменилось взаимодействие между политикой и военной наукой. Именно политика толкнула Колчака на решительную операцию по овладению р. Волгой тогда, когда главные его союзники — Деникин и Юденич — были не в состоянии начать со своей стороны такое же решительное наступление. Он мог вполне уклониться от наступления к Волге до мая — июня, выждать готовности своих союзников, ибо начать раньше этого времени реши-

* См. В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 187—203.

тельные операции на Восточном фронте наше главное командование не собиралось и фактически не могло. Политика вынуждала Колчака воздерживаться от вмешательства в дела казачьих армий. Она же не позволила ему построить свою в политическом отношении надежную классовую армию. Колчак не решался призывать на военную службу бывших фронтовиков первой мировой войны, как революционно настроенный элемент. Между тем в Красной Армии именно фронтовики — рабочие и трудящиеся крестьяне — составляли основную массу бойцов. Они обладали боевым опытом и прошли отличную политическую школу за 1917—1918 гг. В этом было одно из наших крупных военных преимуществ. Оно — результат правильной политики партии.

4) Уфимская операция показала неопровержимо, что одного только численного превосходства сил и средств для достижения решительной победы совершенно недостаточно. Ханжин имел четырех-пятикратное численное превосходство над нашей 5-й армией на протяжении всей названной операции в течение почти двух месяцев, но ему не удалось ни уничтожить окончательно войска 5-й армии, ни прорваться к р. Волге. «Никогда не победят того народа, — говорил Ленин в речи 16 апреля 1919 г., — в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»*. В масштабе отдельного фронта гражданской войны приведенные слова Ленина должны быть полностью отнесены к рассмотренной нами Уфимской операции.

5) Без большого преувеличения можно констатировать, что основная масса колчаковских офицеров не имела того практического опыта войны, как основная масса бойцов нашей армии, не говоря уже о морально-политическом нашем превосходстве. Партия сумела обеспечить превосходство над противником и в командном составе, правильно разрешив вопрос об использовании старых военных специалистов под контролем политических комиссаров и смело выдвигая на командные должности из

* В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 292.

своих рядов сотни и тысячи способных командиров — организаторов масс⁶⁹.

6) Основное же наше превосходство — партийно-политическая работа в армии, среди местного населения и среди солдат противника и в его тылу. Весь армейский организм Красной Армии был пронизан и охвачен снизу доверху партийными и политическими организациями. Если в условиях гражданской войны политика, как уже отмечено выше, была одним из элементов обстановки, то партийно-политическая работа в ходе подготовки и осуществления оперативно-стратегических планов командования и ведения боев становилась материальной силой.

3. Дальнейший ход военных действий *

Идея создания Южной группы «большого состава» для разгрома Западной белой армии, высказанная впервые 7 апреля и организационно оформленная 10 апреля, не сразу получила достаточно ясное и четкое выражение в задачах армиям, включенным в группу. Отданный того же 10 апреля приказ № 021 войскам Южной группы не был свободен от некоторых просчетов.

Второй вариант подготовки операции контрнаступления был дан через три дня в директиве войскам группы за № 1011. Вариант этот показывает, что более тщательное ознакомление с обстановкой и выслушивание мнений командующих армиями группы (на совещании 12 апреля на ст. Кинель) побудило штаб группы внести некоторые существенные исправления в план.

Шесть дней спустя последовал новый — третий по счету — приказ для выполнения той же задачи подготовки нашего контрнаступления.

Приказ этот от 19 апреля за № 022 заслуживает того, чтобы остановиться на нем несколько подробнее. Прежде всего следует отметить, что приказ был отдан на другой день после того, как были захвачены три заблудившихся ординарца 7-й белогвардейской дивизии и у них отобраны два приказа по названной дивизии. Это

* В соответствии с задачами нашего исследования отмечаются только самые существенные вопросы военной стороны последовавших событий.

дало в руки штабу Южной группы ценные данные как раз по тому вопросу, в котором он менее всего был осведомлен, а именно: захваченные приказы раскрывали группировку 3-го и 6-го корпусов, и тут же ясна стала основная слабость их — растянутость войск, расположение их отдельными изолированными группами с большими — в 40—50 км — неприкрытыми промежутками. Получив благодаря перехваченным приказам ясную картину группировки частей 6-го и 3-го корпусов, командование Южной группы приняло тут же весьма ответственное и совершенно правильное решение: начать наше контрнаступление немедленно и а л и ч н ы м и силами, не дожидаясь полного сосредоточения. Наступление должны начать: а) 5-я армия правым флангом силами шести стрелковых бригад (четыре бригады 26-й дивизии и переданные командарму 5 две бригады 25-й дивизии) и б) ударная группа из района г. Бузулука силами четырех стрелковых и одной казачьей бригад (73-я бригада 25-й дивизии, 31-я Оренбургская дивизия и кавбригада 3-й кавалерийской дивизии) с задачей отбросить Бугурусланскую группу противника на север и отрезать ее «от сообщений к Белебею». На 1-ю армию возлагалась задача, «минуя всякие препятствия», прекратить дальнейший отход, перейти теперь же в решительное наступление и сковать находящиеся перед нею части 6-го корпуса, чтобы не дать ему возможности действовать во фланг нашей ударной группы и войти в связь с Бугурусланской группой белых — 3-м корпусом.

Приказ показывает, что фактически центр тяжести операции по силе сосредоточенных для удара войск был теперь перенесен на правый фланг 5-й армии; под давлением обстановки состав и исходный район ударных войск переместился на север — ближе к направлению наступления главных сил армии Ханжина.

После тщательного ознакомления с обстановкой командующий Южной группой 24 апреля отдал приказ № 0119, которым начало нашего контрнаступления было определено на 28 апреля.

Обстановка накануне перехода в контрнаступление характеризуется тем, что если мы сумели собрать трехкратное превосходство сил для удара с юга и юго-запада в общем направлении на г. Бугуруслан, то Ханжин собрал превосходящие силы на избранном им направлении

главного удара на г. Сергиевск с севера и северо-востока. Угроза захвата противником района станций Кротовка — Кинель была для нас несравнимо более опасной и реальной, чем для Ханжина угроза захвата нами района г. Бугуруслана. Как уже было отмечено, Ханжин упустил возможность овладеть районом названных станций до того, как мы сумели прикрыть направление г. Сергиевск — ст. Кинель резервами. Он пытался наверстать упущенное, бросая пять полков на это направление в дни, когда уже началось наше контрнаступление на г. Бугуруслан и когда тактические успехи его войск в районе г. Сергиевска никакого оперативного значения иметь уже не могли.

Мы уже отметили в свое время, что и ставка Колчака и командарм Ханжин оставались глухими ко всем докладам и донесениям подчиненных начальников о пагубных последствиях безостановочного наступления к р. Волге и о плачевном состоянии войск армии. Слепая случайность предоставила им еще один шанс укрепить положение Западной армии. В руки Ханжина попал приказ войскам нашей Южной группы о переходе ее 28 апреля в общее контрнаступление; опасность получить сильнейший удар в левый открытый фланг главных сил армии кулаком из нескольких крупных и свежих войсковых соединений красных была реальна. Она не могла вызвать никаких сомнений — ее подтвердил перешедший на сторону врага командир бригады 25-й дивизии предатель Авалов. В тот самый день 28 апреля 1919 г., когда раскрывавший группировку и задачи войск Южной группы приказ Фрунзе лежал перед Ханжиным и войска группы уже начали наступление, Ханжин также отдал очередную свою директиву. Она составлена в том же «победоносном» стиле и показывает еще раз весь авантюризм высшего белогвардейского командования и его иностранных советников и контролеров в Уфимской операции. Указав вкратце содержание захваченного приказа по нашей Южной группе, Ханжин не меняет несколько основной задачи армии: продолжать стремительный натиск на красные войска, возможно глубже охватить левый фланг нашей 26-й дивизии и отбросить ее на юг, от Самаро-Златоустовской ж. д., воспользовавшись для этого разрывом между внутренними флангами 26-й и 27-й дивизий. Каковы бы ни были мотивы, приведшие

к этому решению Ханжина, неопровержимым остается исторический факт, что командование Западной армии знало своевременно о подготовленной и начинающейся крупной операции нашей Южной группы и тем не менее ничего не предпринимало, чтобы не допустить разгрома своих 3-го и 2-го корпусов. Упорствует не только Ханжин — продолжает бравировать и ставка.

27 апреля Колчак отдал директиву № 1203/ОП, в которой говорилось: «...Продолжая выдвижение к переправам через р. Волгу у Симбирска и Сызрани, разбить Оренбургскую и Уральскую группы красных, стремясь отбросить их в степи и отрезать от выхода на Саратов. В сторону Туркестана выставить заслон»*.

И даже 3 мая — на пятый день нашего успешно начатого контрнаступления, когда наши части успели нанести первые сокрушительные удары во фланг Западной армии и продвинулись уже на 50—60 км, ставка Колчака отдает директиву № 1379/ОП, начинающуюся словами: «Верховный главнокомандующий повелел все большевистские войска, сбившиеся в районе Самары — Оренбурга — Уральска, окружить и уничтожить»**.

В частных задачах во исполнение указанной директивы было приказано:

а) группе Войцеховского (созданной по указаниям ставки из 2-го Уфимского и 3-го Уральского корпусов), прикрывая бугульминское направление, нанести решительный удар всеми силами на ст. Кинель с целью отрезать красных от путей отхода на Самару;

б) Волжскому и 6-му Уральскому корпусам, включая все отдельные войсковые части, находящиеся в районе г. Белебея — ст. Шафраново, нанести удар на г. Бузулук;

в) Южной группе генерала Белова нанести правым флангом удар на Сорочинское;

г) Оренбургской армии — задача прежняя — в обход г. Оренбурга с юга действовать конными казачьими дивизиями в тыл красных войск в направлении на г. Бузулук;

* ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 10, л. 15.

** Там же, л. 12.

д) Уральским казачьим войскам препятствовать отходу красных из района г. Бузулука — г. Оренбурга на г. Саратов;

е) Сибирской армии генерала Гайда ускорить наступление левым флангом вдоль р. Камы и совместно с военной речной флотилией не допускать высадку красных войск на левый (южный) берег р. Камы для наступления в тыл Западной армии, занятой всеми своими силами на самарском и бузулукском направлениях.

В разговорах со ставкой Ханжин объяснял наши первые успехи малочисленностью и усталостью войск 6-го и 3-го корпусов. Бесперывным потоком прибывали на фронт мобилизованные пополнения, дивизии названных корпусов отводились по очереди в ближайший тыл для принятия пополнения и приведения в порядок.

Мощными стрелами на картах ставки были изображены направления многочисленных ударов согласно директиве № 1379/ОП: получалась весьма убедительная, впечатляющая картина мощного одновременного натиска всех сил от Глазова (через Оренбург) до г. Уральска.

Заслуживает внимания требование ставки нанести решительный удар войсками двух корпусов с севера и северо-востока на ст. Кинель. Но упущенные возможности и утерянное время на войне никогда не возвращаются. Директива и отданные в развитие ее приказы Ханжина остались на бумаге. Еще до получения этих распоряжений командующий северной группой ген. Войцеховский вынужден был на рассвете 2 мая отдать приказ о приостановке наступления и о переходе к обороне для производства перегруппировки. Район г. Бугуруслана прикрывала только одна пехотная дивизия противника; она была легко смята и отброшена на север ударом шести бригад правого фланга 5-й армии, занявшей утром 4 мая район г. Бугуруслана частями 3-й бригады 26-й дивизии. Так как дальнейшее продвижение правого фланга 5-й армии угрожало перехватом Волго-Бугульминской ж. д. в районе г. Бугульма, Войцеховский приказал отойти своим войскам в район названного города и создал здесь сильный ударный кулак для противодействия наступающему с юга правому флангу 5-й армии. Против левого фланга 5-й армии в районе Волго-Бугульминской ж. д. были оставлены только два полка 8-й дивизии, на обяза-

ность которых было возложено прикрыть с запада на фронте 60—70 км действия главных сил группы. Таким образом, благодаря нашим успешным действиям сергиевская вдавленность была ликвидирована, но группа Войцеховского, насчитывавшая около 29—31 тысячи штыков и сабель, сохранила полностью свою боеспособность и маневренную свободу. По схеме это был тот же маневр 2-го корпуса, который был произведен Войцеховским на первом этапе Уфимской операции севернее г. Уфы. Однако соотношение сил было теперь другим, инициатива была в наших руках. Кроме того, стремительное наступление правого фланга 5-й армии от Бугуруслана на Бугульму заставило Войцеховского начать контр наступление 9 мая самостоятельно, не согласовав действия своего ударного кулака с Волжским корпусом, высаживавшимся в районе г. Белебея. Штаб Западной армии оказался не на высоте требований обстановки, и начальник штаба Колчака ген. Лебедев тут же обвинил Ханжина в том, что армия вышла из его подчинения и части действуют самостоятельно на свой страх и риск. Попытка Войцеховского контрударом собранного южнее г. Бугульмы кулака приостановить наступление правого фланга 5-й армии и вырвать у нас инициативу потерпела крах. 11 мая он вынужден был снова отдать приказ об отходе и занятии позиции на восточном берегу р. Ик. Город Бугульма был взят днем 13 мая войсками 26-й дивизии 5-й армии. Только слабые действия Туркестанской армии, продвинувшейся за время с 1 по 11 мая всего на 80 км, дали возможность стратегическому резерву Колчака — Волжскому корпусу выгрузиться в районе г. Белебея, но, как уже было показано, корпусу не удалось изменить обстановку на фронте Западной армии. Вынужденный отход Западной армии на восточный берег р. Ик и полный провал всех расчетов противника на то, что прибытие на фронт Волжского корпуса даст возможность приостановить наше наступление, имели своим последствием выступления обеих командующих армиями Колчака. Гайда представил Колчаку доклад, доказывавший, что отход Западной армии за названную реку лишает его возможности продолжать наступление против 3-й и 2-й красных армий из-за опасений за свой левый фланг; он просил разрешения перейти к обороне впредь до укрепления положения Западной армии. Ханжин также обратился в эти дни (14—16 мая)

в ставку со своим предложением. План Ханжина сводился к двум задачам. В качестве ближайшей задачи он предлагал создать в районе ст. Чишма сильный ударный кулак (для чего в этот район уже были отведены разгромленные части 6-го корпуса и отдельные полки) под общим командованием бывшего командира 3-го корпуса ген. Голицына. Согласно представленным Ханжиным расчетам, в течение 12—14 дней в названном районе могла быть создана ударная группа примерно в 15 тысяч штыков, в основном за счет срочно выбрасываемого военными округами пополнения. Доложив, что отмеченная задача создания ударного кулака уже выполняется, Ханжин поставил перед ставкой вопрос крупного оперативно-стратегического значения: разрешить ему немедленно начать отход всей Западной армии на восточный берег р. Белой, дабы уклониться от сокрушительных ударов наших войск в условиях невыгодной оперативной обстановки, сложившейся для Западной армии к этому времени. В некотором отношении это предложение Ханжина напоминало такие же решения и предложения наших командармов Блюмберга и Гая об отходе на 100—120 км «в целях спасения живой силы армии». И подобно тому как наш командующий Восточным фронтом не дал согласия на отход войск 5-й, а затем и 1-й армий, ставка Колчака отказала в просьбе Ханжину, указав, что до реки Белой еще около 200 км расстояния и что главные силы Западной армии — 2-й Уральский и Волжский корпуса — сохранили свою боеспособность и до сего времени использованы слабо и неудачно. Ханжин не мог оспаривать правильности утверждений ставки — до Белой действительно было около 200 км, можно было говорить лишь о временном расстройстве войск названных корпусов, кроме того, ведь его собственным распоряжением создавался в районе ст. Чишма ударный кулак. Переговоры Ханжина с начальником штаба Колчака ген. Лебедевым по этому поводу показали недовольство ставки и попытку возложить на штаб Западной армии ответственность за начавшиеся неудачи; тут же был снят с должности начальник штаба армии ген. Шепихин, его заменил присланный из ставки ген. Сахаров, заменивший двумя месяцами позднее самого Ханжина. Но переговоры эти примечательны не проявлением очередных разногласий и споров среди высшего генералитета белых по оперативно-стратегиче-

ческим вопросам, а тем, что именно в эти дни в ставке Колчака зародилась идея бросить резерв Сибирской армии Гайда — ударный корпус из района г. Екатеринбург — в район г. Мензелинска — устья р. Белой для нанесения удара в глубокий тыл 5-й армии при наступлении ее на г. Бирск — г. Уфу.

Как видно из сказанного, еще в конце второй декады мая, то есть через две недели после начала нашего контрнаступления, ставка Колчака продолжала строить и пыталась осуществлять планы активных действий для Западной и Сибирской армий. Выполнить их белым не удалось. Туркестанская армия, усиленная 25-й и 2-й дивизиями, смяла и нанесла тяжелое поражение Волжскому корпусу и сформировавшейся под ст. Чишмой группе Голицына; 5-я армия разбила и опрокинула в р. Белую ударный корпус из армии Гайда. Уже 5 июня войска 5-й армии форсировали р. Белую, а 8 июня ими был занят район г. Бирска. Разгромив действовавшую в этом районе Уральскую группу белых, главные силы нашей 5-й армии (26, 27 и 35-я дивизии) прорвали фронт Западной армии, создали угрозу тылу Сибирской армии, а также тылу Уфимской и Волжской групп Ханжина, пытавшихся обороняться в районе г. Уфы — г. Стерлитамака. Сорванными оказались планы Колчака: задержать на р. Белой победоносное наступление наших войск, пополниться, сформировать новые соединения, привести в порядок части Ханжина и Гайда и начать снова активные действия.

29 мая 1919 г. В. И. Ленин телеграфировал Реввоенсовету Восточного фронта: «Если мы до зимы не завоем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной; напрягите все силы; следите внимательнее за подкреплениями; мобилизуйте поголовно прифронтовое население; следите за политработой; еженедельно шифром телеграфируйте мне итоги...» *

Две недели спустя армии Восточного фронта приступили к форсированию Уральского хребта — второй, сильнейшей по своим естественным свойствам, позиции противника на нашем пути в Сибирь.

13 июля 1919 г. части 5-й армии овладели районом

* В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920). Воениздат, 1956, стр. 132—133.

г. Златоуста, а 14 июля под ударами нашей 2-й армии пал г. Екатеринбург.

Приказ вождя был выполнен. Телеграмма Ленина с приветом и поздравлением «победителей Урала» воодушевляла войска Восточного фронта на новые подвиги. Разгромив в тяжелых и кровопролитных боях в районе г. Челябинска в течение десяти дней выброшенные Колчаком на фронт две новые дивизии, 5-я армия открыла ворота для нашего победоносного наступления в Сибирь.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В ходе первой мировой войны русская армия взяла в плен свыше миллиона солдат австро-венгерской армии, среди которых находилось большое число чехов, словаков. Царское правительство решило использовать национальные устремления названных славянских народностей для политической борьбы с Австро-Венгерской империей в соответствии с декларациями Антанты (в том числе и России) о том, что после победы над германо-австрийским блоком входящие в состав Австро-Венгрии народности получают национальную автономию. В этих целях в 1916 г. была сформирована 1-я чехословацкая дивизия, а при Керенском и 2-я дивизия. Летом 1917 г. генерал Корнилов пытался использовать части чехословацкого корпуса для монархического переворота; расчет состоял в том, что солдаты корпуса — иностранцы, послушны своим офицерам и не разбираются в происходящих в России событиях. Организуя и собирая контрреволюционные силы на юге России, другой русский генерал — бывший верховный главнокомандующий Алексеев — планировал стянуть корпус из Украины на Дон, чтобы здесь создать сильную армию контрреволюции из белоказаков и частей корпуса. Последовавшие события — Брестский мир и оккупация Украины немцами — внесли в генеральские планы существенные поправки. Советская Россия вышла из войны, корпус был ей вообще не нужен. Антанта продолжала войну против австро-германской коалиции на Западе. Последовало официальное решение правительств Антанты о выводе корпуса из Советской России с перспективой дальнейшего использования его на Западном фронте против немцев и австрийцев. Советское правительство дало согласие на вывод солдат корпуса из России через Сибирь и Дальний Восток при условии, что корпус сдаст все полученное им от России оружие, являющееся нашей собственностью, и что личный состав корпуса будет передвигаться не как воинская часть, а как прочие частные граждане Республики. Ни одно из этих условий выполнено не было, так как Антанта готовилась использовать корпус для свержения власти Советов и оказания помощи контрреволюционерам.
- ² Растянutosть эшелонов была в известной степени обусловлена пропускной способностью железных дорог, но основное заключалось в другом. Составленный командованием корпуса график перевозок предусматривал такое распределение войск по эшелонам и такой порядок следования последних, чтобы можно было в любой момент и в любом районе быстро собрать под одним командованием крупные силы из всех родов оружия. Если можно так

выразиться, корпус передвигался в эшелонах в боевом порядке, и когда заранее намеченные группы эшелонов оказались в заранее намеченных районах, был дан сигнал к нападению. Лента эшелонов корпуса оказалась разорванной на несколько изолированных частей, так как контрреволюционное выступление солдат встретило на всем протяжении от Пензы — Тамбова до Приморья решительный отпор со стороны отрядов Красной гвардии и возникших в ходе борьбы на местах отрядов и дружин рабочих и коммунистов. Наиболее многочисленная группа мятежников находилась уже по ту сторону оз. Байкал. Другая группа (около 11 000 солдат) под командованием чеха Гайда была растянута от Иркутска до Кургана. Далее на запад, в районе городов Челябинск, Златоуст, находились эшелоны группы под командованием русского подполковника Войцеховского, всего в количестве около 9000 чехов и словаков. Наконец эшелоны последней группы под командованием чеха полковника Чечек (около 8000 солдат) были в районе городов Сердобск, Балашов, Пенза.

Каковы были эти первые успехи мятежников, видно из следующей таблицы, показывающей даты захвата ими советских городов в интересующем нас районе:

Наименование городов	Даты захвата их мятежниками
Челябинск	26 мая 1918 г.
Пенза .	29
Сызрань .	30 " "
Курган .	2 июня 1918 г.
Омск .	7
Самара .	8
Ставрополь	15

Не может не привлечь сразу же внимания то обстоятельство, что в приведенном списке нет ни г. Уфы, ни других городов бывшей Уфимской губернии: Бирска, Бугульмы, Бугуруслана. Объясняется это тем, что территория от р. Волги до Урала и обе пролегающие по ней железные дороги упорно оборонялись нашими отрядами вплоть до начала июля 1918 г.

Кучка меньшевиков и эсеров, бывших членов разогнанного в январе 1918 г. в Петрограде Учредительного собрания, воспользовавшись мятежом корпуса, захватила власть в Самаре. Назвавшись «Комитетом членов Учредительного собрания», сокращенно «Комуч», они объявили себя «преемником власти Учредительного собрания» и в качестве такового — центральной властью России. «Комуч» поддерживал тесную связь с иностранными консулами и различными миссиями. От имени России он разослал через эту иностранную агентуру правительствам держав Антанты, США и прочим буржуазным правительствам Европы обширные политические декларации. Основным и главным в этих декларациях и обращениях был прямо поставленный «Кому-

чем» вопрос о вооруженной помощи правительств капиталистических стран русским контрреволюционерам. Образовавшиеся на захваченной мятежным корпусом и белогвардейскими отрядами территории многочисленные контрреволюционные группировки («Сибирское временное правительство», «Уральское казачье войсковое правительство», «Оренбургское казачье войсковое правительство», «Башкирское национальное правительство», «Киргизское правительство») и прочие им подобные претенденты на власть были объявлены «Комучем» местными органами самоуправления. Упомянутые «правительства» не отставали от «Комуча» и в свою очередь выступали с различного рода декларациями, заявлениями и политическими программами по актуальным вопросам того времени: о будущем государственном устройстве России, об отношении к войне 1914—1918 гг., о взаимоотношениях с союзниками России в этой войне и т. д. Отлично понимая, что всем этим выступлениям грош цена, если они не подкрепляются реальной силой, все названные «правительства», и прежде всего «Комуч», стремились создать свое собственное войско. В отличие от других «армий» вооруженные силы «Комуча» были названы «Народной армией» и состояли вначале из добровольцев и офицеров.

⁵ Под влиянием контрреволюционной агитации и провокаций эсеров в ряде мест в тылу наших войск на Златоустовском направлении вспыхнули кулацкие мятежи. В районе Саткинского и Кусинского заводов и Мясогутова мятежи приняли крупные размеры, что вынудило нас снять с фронта войска. Этим воспользовались чехобелые, мы оказались вынужденными оставить район г. Златоуста и отойти на Нязепетровск; путь на запад для белых и чехов был открыт. По-другому разворачивались события на фронте против Чечека. Нашими войсками здесь командовал левый эсер, бывший полковник царской армии Муравьев, поднявший 10 июля вооруженный мятеж, связанный с эсеровским мятежом в Москве. Но еще задолго до открытого вооруженного выступления Муравьев всячески дезорганизовывал и ослаблял наш фронт против Чечека. Пользуясь этим, чехобелые получили возможность начать энергичные действия из района Самары на восток — на Уфу для восстановления связи с группой полковника Войцеховского; в частности, уже 12 июня им удалось овладеть станцией Кротовка. О том, что представляла собой часть собранных Муравьевым послушных ему отрядов анархо-максималистов и им подобных, говорит тот факт, что во время боев на фронте против войск Чечека пришлось разоружить около 2500 солдат за отказ подчиняться боевым приказам до того, пока не будут удовлетворены полностью их провокационные требования: выдать им на месяц вперед продовольствие, жалованье и т. д.

⁶ По данным отдела учета добровольческой Красной Армии, на 1 июня 1918 г. числилось в 11 военных округах всего около 315 тысяч человек со следующим весьма показательным примечанием: «...В том числе обученных 49 тысяч, готовых к отправке 17 тысяч, вооруженных всего 181,8 тысячи» (ЦГАКА, ф. 4, оп. 1, д. 39, лл. 121—143). Непосредственно на фронте против чехобелых в районе Средней Волги числилось во второй половине августа 1918 г. в 1, 4 и 5-й армиях всего около 26 тысяч штыков и 80 ору-

дий, 6 пароходов, несколько вооруженных барж и 4 катера. За короткий срок была проведена мобилизация в прифронтовых губерниях, давшая свыше 10 тысяч бойцов.

Поднятое эсерами и кулаками восстание началось 7 августа 1918 г. на Ижевском военном заводе и охватило большой район от Сарапула до Воткинска. По данным наших разведывательных органов, контрреволюционные войска насчитывали свыше 15 тысяч человек, имели орудия и пулеметы, поддерживали связь с чехобелыми. Подавление восстания отвлекло с фронта значительные наши силы и было закончено в середине ноября 1918 г.

- 8 На захваченной территории сразу же началась лихорадочная работа по созданию «Народной армии». Была объявлена мобилизация, вербовались добровольцы. По постановлению «Комуча» каждый уезд должен был сформировать пехотный полк, батарею и сотню. В помощь добровольческим частям во всех волостях и городах предписывалось создавать боевые дружины. В Самаре началось формирование Самарского корпуса, а в Казани — Казанского стрелкового корпуса. В Сибири было начато формирование нескольких корпусов, объединенных в Западносибирскую армию, насчитывавшую на 1 июля свыше 20 тысяч человек (ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 9, лл. 13—15). Чехословацкий корпус стал тем основным ядром, вокруг и под защитой которого все белогвардейские контрреволюционные группировки от Волги и до Владивостока спешно создавали свои собственные «армии».
- 9 Казань была взята частями 5-й армии после кровопролитных боев. Большую роль в боях за Казань сыграла наша речная военная флотилия и части соседней (слева) 2-й армии.
- 10 По существу ничего принципиально нового, конечно, не произошло. Если до этого и были какие-либо разногласия между «правительствами», то объяснялось это только внутренней борьбой и склокой. Везде в этих «правительствах» власть была в руках тех же эсеров и меньшевиков или примыкавших к ним буржуазных националистов. Контрреволюционная сущность у всех них была одна. Выборы «Директории» не прекратили, конечно, борьбы и грызни среди контрреволюционных группировок, но они раскрыли перед широкими массами трудящихся истинную контрреволюционную сущность названных мелкобуржуазных партий, вошедших в коалицию с царскими генералами и подготовивших приход к власти военного диктатора Колчака.
- 11 Создававшаяся тяжелая для наших противников обстановка снова поставила весьма остро вопрос: что же дальше делать чехословацким войскам челябинской и пензенской групп? Перед ними все еще оставалась открытой возможность, оторвавшись от наших частей, в тех же эшелонах беспрепятственно добираться до Приморья. Это был простой, надежный и самый быстрый путь из России на родину; он отвечал желаниям и надеждам солдат корпуса. «Союзные власти должны наконец увидеть, что нам необходимо беречь это маленькое оставшееся здесь еще в живых число людей нашего многострадального народа... Долг наш напомнить об этом обстоятельстве и заявить, что в ближайшее время мы не можем выслать какую-нибудь часть на фронт», — писал 5 ноября 1918 г. командир добровольческого полка сербов, хорватов и

словенцев майор Благодич начальнику штаба 3-го Уральского корпуса белых (ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 14, л. 45).

- ¹² Решающую роль в этом вопросе сыграла политическая работа, проводившаяся среди солдат подпольными комитетами большевистских организаций. Еще летом 1918 г. были заключены в концентрационный лагерь на Русском острове около 3000 солдат корпуса за отказ выступить против Советов на Дальнем Востоке. Широкое распространение как на фронте, так и в тылу получили воззвания Советского правительства к солдатам корпуса и приказы, запрещающие обращаться с пленными и добровольно сдающимися чехословаками, как с врагами; категорически предписывалось не допускать расстрелов пленных. Автору исследования приходилось наблюдать случаи, когда, отстреливаясь до последнего, чехословацкие солдаты, вынужденные все же сдаваться в плен, бросали оружие и, поднимая вверх руки, еще издали кричали на ломаном русском языке: «А приказ Ленина знаешь?!»
- ¹³ 14 февраля 1919 г. начальник штаба Колчака ген. Лебедев телеграфировал всем штабам армий, в копии ген. Жанену: «Прошу сделать секретные указания военным властям о неизменно благожелательном отношении к чехословакам». «Первому Волжскому корпусу в особенности» — такова резолюция на полученной телеграмме начальника штаба Западной армии ген. Щепихина, не забывшего еще старой вражды между «союзниками».
- ¹⁴ Как известно, в конце декабря 1918 г. состоялось тайное соглашение между Англией и Францией о разделе России (См. М. Сейерс и А. Кан. Тайная война против Советской России. Перевод с английского. Государственное издательство иностранной литературы. Москва, 1947, стр. 22). В числе прочих областей России Англия должна была завладеть русским Севером с его колоссальными природными богатствами. В осуществление этого соглашения английские войска начали 9 марта 1918 г. высадку в Архангельске; кроме англичан, здесь были американские, французские, итальянские, датские войска. Несмотря на большой численный перевес, врагам не удалось добиться серьезных успехов. Основная причина провала операции была одна и та же везде: заняв северные районы России, интервенты оказались здесь в такой же политической изоляции, как и на других окраинах. Вместо обещанного русскими «вождями» (читай: главарями белых) сочувствия и поддержки со стороны населения интервенты встретили вооруженный, восставший на защиту своей родины и свободы народ. Именно местное население составляло в этот период основную военную силу, ведущую самоотверженную борьбу с интервентами и белыми; помощь из центра регулярными войсками была очень незначительной. Малонаселенность края, отсутствие развитой сети дорог, а главное — суровые природные условия сковали действия интервентов. Однако по сравнению с другими окраинами, захваченными интервентами, Север давал им весьма крупные выгоды: близость к метрополиям, надежность морских путей сообщения и относительно недалекое расстояние до жизненных центров Советской республики. Но в то же время Север имел один крупнейший недостаток: здесь нельзя было набрать живой силы для создания белой армии; примерно на 20 тысяч иностран-

ных солдат-интервентов приходилось всего около 5 тысяч белогвардейцев. В этих условиях зародилась идея прорыва сибирской группы белых на соединение с северной группой интервентов. Раздувая среди солдат чехословацкого корпуса провокационные слухи, что корпусу приходится штыками пробивать себе дорогу из большевистской России на родину, штаб корпуса и организованное при нем русское отделение Чехословацкого Национального Совета выбрали такое направление наступления, на котором войска корпуса смогут оказать наибольшую помощь белым в осуществлении планов Антанты.

- ¹⁵ Летом 1919 г., когда армии Колчака откатывались от Волги на восток и его единственной надеждой было удержаться на рубежах рек Камы и Белой, в Архангельск продолжали прибывать из Англии подкрепления материалами и войсками. 1 июня 1919 г. по случаю прибытия батальона англичан в Архангельске состоялся парад. Генерал Айрнсайд, командующий войсками интервентов, заявил после парада на пресс-конференции: «...А план очень прост и сводится к тому, чтобы использовать летнее время для перенесения базы русской национальной армии из Сибири в Архангельск. Из Архангельска теперь морем нужно всего 8 суток для перевозки людей, снаряжения, грузов и т. д. Вы понимаете, какая экономия времени и сил и выгоды материальные, стратегические и другие получаются при переводе базы из Сибири в г. Архангельск. Ни расстояние, ни какие-либо международные, союзные и национальные соображения не могут влиять на получение всего необходимого на фронт Колчака...»

Заканчивая интервью, Айрнсайд добавил, что союзники надеются «...утвердиться этим летом в трех пунктах: Котлас, Вологда и Петроград... и тогда можно будет серьезно заняться центром и югом...» (Г. Е. Мырин. Американские империалисты — вдохновители и организаторы военной интервенции на Севере. Архангельск, 1953.)

В основе идеи переноса базирования Сибирской белогвардейской армии на север лежали прежде всего собственные интересы и замыслы Англии, рассчитывавшей, что русские белогвардейцы займут и удержат для нее русский Север. Идея эта не была новостью. Над осуществлением ее работал уже предшественник генерала Айрсайда — английский генерал Пуль, поддерживавший непосредственно связь с генералом Болдыревым — верховным главнокомандующим «Народной армии Уфимской Директории». В сношениях Пуля с «Комучем» и следует искать первые мероприятия белых по осуществлению операции объединения сибирской и северной групп для переноса базы из Сибири в Архангельск.

- ¹⁶ Северное направление давно уже привлекало внимание наших противников. 29 июня 1918 г. начальник челябинской группы чехословацкого корпуса полковник Войцеховский отдал приказ № 131 частям корпуса своей группы и действующим с ними белогвардейским отрядам. Отметив успехи соседних групп корпуса, Войцеховский указывает, что центром сосредоточения советских войск в районе действий его сил стал Екатеринбург. «По стратегическим, политическим и моральным причинам занятие этого

пункта необходимо», — сказано в упомянутом приказе. Поставив конкретные задачи своим войскам, Войцеховский указывает, что со стороны г. Ишима и г. Шадринска одновременно с его частями ведут наступление в екатеринбургском направлении войска «Временного Сибирского Правительства» и чешские войска. Приказ примечателен в том отношении, что в нем неоспоримо четко выявляется отмеченное выше стремление использовать чехословацких солдат для свержения Советов и оказания помощи русским контрреволюционерам. Группа Войцеховского находилась в районе Челябинска, откуда имелось прямое железнодорожное сообщение с Омском и далее на восток, Екатеринбург же лежит в стороне от этого пути. В приказе нет ссылки на чье-либо распоряжение, Войцеховский действует как будто по собственной инициативе. Так же действуют упомянутые в приказе восточная группа чешских войск и наступающие с ними белогвардейские войска. Но нетрудно понять, что концентрическое наступление двух сильных групп чехобелых преследовало цель захвата Североуральского горнопромышленного района, приобретавшего важное экономическое значение в планах белых для дальнейшей борьбы с Советами. Добываясь направления значительных сил корпуса и своих собственных войск в указанный район, главарь контрреволюционной «Директории» имели в виду и то обстоятельство, что среди некоторой части рабочих Северного Урала (в районе заводов Ижевского и Воткинского) меньшевики и эсеры в то время пользовались известным влиянием. Захват названного района сулил прирост сил и распространение политического влияния на обширные районы с колеблющимся в ту и другую сторону населением. Приведенный приказ Войцеховского — первый документ о зарождении екатеринбургской группы белых и интервентов, нанесшей впоследствии серьезное поражение нашим войскам в период Пермской операции, и выявляет роль чеховских в этой операции.

¹⁷ В районе городов Томск, Омск, Новониколаевск, Барнаул формировался 2-й Среднесибирский стрелковый корпус. К концу октября в корпусе насчитывалось уже шесть полков, но однобатальонного состава; были сформированы полковые команды, но не было еще обозов. Несмотря на это, все шесть полков были срочно направлены генералу Гайда, который признал их, однако, совершенно неподготовленными и не принял их до окончания формирования и подготовки. Вторые батальоны упомянутых полков и два других полка корпуса (оба уже двухбатальонного состава) были направлены генералом Болдыревым в начале ноября в район Уфы, так как обстановка на этом направлении все более ухудшалась и создалась угроза срыва плана по приказу № 386/ОП. Но эти войска были распоряжением Гайда перехвачены в пути на Уфу и поступили на усиление его армии; показательно, что в этом вопросе Гайда заручился заранее поддержкой английского генерала Нокса, занимавшего официальный пост помощника названного выше генерала Жанена — верховного главнокомандующего всеми войсками союзников в Сибири и на Дальнем Востоке.

¹⁸ Омский переворот отразился на ходе Пермской операции. По показаниям пленных и перебежчиков (как отмечают разведывательные сводки наших армий), установление диктатуры Колчака

было встречено отрицательно в ряде частей на белогвардейском фронте. «Был момент, когда целые части готовы были перейти на сторону Красной Армии в знак протеста против переворота и несогласия с новой властью», — говорится в одной из разведывательных сводок 5-й армии. Учредилковские главы обратились к Советскому правительству с предложением своих «сил» для борьбы с Колчаком, выставив при этом ряд предварительных условий. Дело кончилось тем, что если в начале переворота Колчака в «Народной армии» и появились кое у кого колебания и кое-где произошло замешательство, то очень быстро наступило успокоение, ведь основная цель — свержение Советской власти — была и оставалась для всех них одна и та же. Решительные меры нового диктатора также сыграли известную роль в этом отношении.

19 Известный интерес представляет инсценировка переворота. 20 ноября 1918 г. «Информационный отдел штаба Верховного» разослал по всем адресам обширную телеграмму. В ней сообщалось, что «под давлением широких слоев населения и наиболее сильных в настоящее время общественных групп, партий и организаций в ночь на 18 ноября в г. Омске были произведены самочинные аресты членов «Комуча» и «Директории». Далее сообщалось, что на следующий день к Колчаку явилась группа русских офицеров с повинной. «Признавая за собою тяжелую вину в производстве самочинных арестов... они сами просят передать их военно-полевому суду, причем все они будут счастливы умереть за возрождение России и спасение родины. Начато расследование, вследствие которого все виновные в самочинных арестах преданы военно-полевому суду». Арестованным членам «Комуча» и «Директории» возвращена свобода, но, «зная враждебное отношение к себе населения и войска», они отказались выйти на свободу, просят приставить к ним надежный караул и разрешить им выехать за границу «с обещанием впредь никакого участия в российской активной политике не принимать». 24 января 1919 г. в Омске состоялось продолжение этого спектакля. Под рукой оказалось несколько успешных удрать из Петрограда бывших царских сановников из числа «неприсутствующих» сенаторов. Их собрали на торжественное открытие «Временного Присутствия Правительствующего Сената». Как и полагается в порядочном государстве, началось с торжественного молебна с иконой для диктатора, а затем состоялась не менее торжественная церемония принесения присяги на верность «Родине и законам». Присягали все: и сенаторы, и Колчак, и министры, и товарищи министров, и прочие. На другой день белогвардейские газеты возвестили всему миру: «Двухвековые начала правосудия, законности и порядка в России спасены и восторжествовали».

20 В докладе отмечалось, что на юге против нас действуют «Добровольческая армия», войска Донской области и новообразуемая Южная армия. Восстановлена на Дону старая войсковая организация, но из-за нехватки лошадей часть казаков действует в пешем строю. Из крестьян (составляющих около 50% населения области) формируются стрелковые полки. «Добровольческая армия» насчитывает около 80 тысяч человек, а на Дону числится 11 казачьих и две с половиной пехотных дивизий. Донской Большой казачий круг одобрил внешнюю политику атамана Краснова и его оперативные

планы, то есть (для обеспечения области от советских войск) занятие рубежа Лиски — Поворино — Балашев — Камышин — Царицын. Далее в докладе говорилось: «С востока мы отрезаны, главным образом, от хлеба и жиров, с юга мы отрезаны почти от всего, чем живет страна: хлеб, скот, жиры, твердое и особенно жидкое топливо, материалы и сырье для промышленности. Сравнивая в этом отношении восток и юг, принимая во внимание также и то, что указанные средства к жизни на востоке лежат по расстоянию значительно дальше от войскового расположения, нежели на юге, приходится прийти к выводу и заключению, что юг для нас является более важным, нежели восток, так как, развивая наши усилия на юг в первую очередь, мы тем скорее достигнем необходимых средств к жизни, без чего центр страны не может существовать». В заключении этого раздела доклада говорилось: «Задаваясь различными целями на внешних фронтах, нельзя не признать, что обеспечение страны средствами к жизни, без которых нельзя существовать, является главной целью, которую необходимо себе поставить прежде всего. А раз это так, то из изложенного следует, что для нас наиболее важным является юг, которому надлежит придать наибольшее значение при замысле операций на фронтах».

²¹ Боевой состав Восточного фронта на день отдачи директивы был следующим:

Армии	Численность			Орудий	Броне-поездов	Самолетов
	штыков	сабель	пуле-метов			
1-я	14 800	600	368	42	2	20
2-я	8600	600	165	33		
3-я	32 400	3700	399	77	3	25
4-я	25 900	500	270	107	1	4
5-я	19 300	1200	361	74	2	16
Итого . .	101 000	6600	1563	333	8	65

Кроме того, в составе фронта числились:

а) Гарнизон г. Нижнего Новгорода	3500	шт. 12 пулем.	3 орудия
б) „ г. Арзамаса	500	34	2 „
в) Алатырская группа	300	12	2 „
г) Шихранская . „	800	6	2 „

²² «После этих перебросок операция южнее рек Камы и Белой примет пассивный характер», — докладывал командующий Восточным фронтом С. С. Каменев главному Вацетису. Фактически на фронте дело выглядело, однако, совершенно по-другому. Занять участки снимаемых с фронта трех дивизий 1-й армии может только 4-я ар-

мия, но она сама ослабляется изъятием у нее Уральской дивизии. Новая полоса действий 4-й армии около 400 км, причем вполне уже определились три основных направления: на г. Уральск, на г. Оренбург (вдоль ж. д. от г. Бузулука) и на г. Стерлитамак; последнее направление в целях установления оперативного взаимодействия с правым флангом 5-й армии.

После ухода Уральской дивизии в 4-й армии остаются семь полков Самарской стрелковой дивизии, восемь полков Николаевской стрелковой дивизии и Александрово-Гайский отряд; всего в армии 17 446 штыков, 2255 сабель, 297 пулеметов, 93 орудия и 19 самолетов. Названные войска в процессе реорганизации формировались из отдельных отрядов и частей. В них очень очень силен партизанский дух: обсуждение приказов, самовольное смещение неугодных командиров, отказ выполнить приказы и т. п. На стороне противника на названных направлениях действуют войска Оренбургской и Уральской казачьих армий, объединенных под командованием ген. Дутова и насчитывавших около 20 000 штыков и сабель.

В этих условиях 4-я армия — лишь слабая завеса на участке около 400 км, не имеющая сил надежно прикрывать фланг и тыл остальных армий фронта. Для действий крупных соединений конницы белых обстановка более чем благоприятна.

²³ В течение ноября 1918 г. РВС фронта были получены распоряжения главкома об отправке еще следующих (помимо вышеназванных) войсковых частей и соединений:

1) Воткинская дивизия из 2-й армии	ок. 6000 чел.
2) Бригада 4-й Петроградской дивизии (из 2-й армии)	2000
3) Бригада 4-й Петроградской дивизии (из 5-й армии)	2000
4) Отряд Кожевникова	4000
5) „ Панюшкина (из 5-й армии)	1500
6) Эстонский полк	600
7) Финский батальон	500 „
8) 1-й латышский пехотный полк	620 „
9) 4-й „ „ „	1420 „
10) 6-й „ „ „	618 „
11) 7-й „ „ „ „	?
12) Либавский латышский пехотный полк	500 „
13) Латышский кавалерийский полк	620 „
14) 4-я латышская легкая батарея	4 орудия
15) 6-я „ „ „	4 „
16) 1-я „ „ „ „	3 „

Всего в перечисленных соединениях и частях около 18—20 тысяч человек, около 200 пулеметов и около 40 орудий.

Таким образом, всего по телеграммам главкома подлежало переброске (включая дивизии 1-й и 4-й армий) около 40—45 тысяч человек, около 500 пулеметов и свыше 100 орудий. 16 ноября 1918 г. поступила еще одна телеграмма: к переброске на юг началось управление 2-й армии.

²⁴ Как уже было указано, по директиве от 8 октября 1918 г. 2-я армия получила задачу ликвидировать Ижевско-Воткинское восста-

ние. 16 ноября, когда задача эта была окончательно выполнена, состоялись два разговора между руководством названной армии и штабом фронта по вопросу о дальнейших задачах ее. «Если, — говорил командующий армией В. И. Шорин, — на восток, то для этого нужны хорошие и сильные силы, иначе мы будем биты, так как местность лесистая, а фронт нужно охватить широкой лавой, а для этого нужны войска, и я настаиваю оставить полки Петроградской и Воткинской дивизий, тогда могу ручаться за успех». В тот же день фронт дал директиву № 02449, согласно которой задача 2-й армии: «очистить левый берег Камы от остатков противника». Одновременно было приказано входящей в состав армии группе отрядов Аглока начать наступление из района г. Сарапула в общем направлении на г. Красноуфимск с последующей передачей группы в 3-ю армию. По существу это была для 2-й армии старая задача, указанная уже в директиве от 8 октября: «...Очистить от остатков войск противника Прикамье». Но теперь, в середине ноября, она вызывает возражения командарма. С уходом из 2-й армии трех ее соединений у Шорина остается всего только шесть полков 28-й дивизии. 18 ноября он заявил штабу фронта: «...По три полка на каждом берегу Камы, местность сплошь лесистая, и рассчитывать на успешное продвижение столь незначительных, разобренных рекой сил не приходится. Или меняйте задачу, или оставьте полки названных дивизий», — в такой категорической форме командарм 2 поставил перед фронтом вопрос о будущих действиях своей армии. Указав, что вопрос об отправке войск на Южный фронт решен окончательно, Коленковский заявил: «...Аглок ведь от вас уйдет, чего вы беспокоитесь... Очищать надо от противника только вдоль берега на 1—2 перехода от реки...». Разговор закончился ничем, но в связи с поднятым Шориным вопросом Каменев послал ему 20 ноября телеграмму с сообщением, что управление 2-й армии само подлежит переброске на Южный фронт, а участок ее будет передан 3-й армии. Но и это разъяснение оказалось недостаточным, и поэтому на следующий день — 21 ноября — Каменев дал командарму 2 еще одну телеграмму по этому же вопросу. Подтверждая еще раз, что он не меняет задачи Аглоку и его отряды должны наступать как ранее приказано было, Каменев дает Шорину следующее распоряжение: «...Очищение левого берега Камы временно отпадает, не пускайте белых только на правый берег...» (ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 17, л. 112). Сущность затронутого в приведенных документах вопроса ясна — речь идет об окончательной ликвидации 2-й армии. Главком взял из ее состава полки двух дивизий, а комфронта подготавливает движением отрядов Аглока передачу и этого соединения в соседнюю армию. Но после этого все еще остаются управление 2-й армии и шесть полков 28-й дивизии. Для них вот и нужно подыскать какую-нибудь задачу, пока (не сегодня-завтра) не начнется погрузка армейского управления. Именно этим только и можно объяснить весьма странную позицию командования фронта: вначале требуется очистить от противника все Прикамье, затем задача суживается до марша вдоль берегов по три полка на каждом на 1—2 перехода от реки и в конце концов от всей задачи остается только одно пожелание: «...Не пускайте только белых на правый берег». После сказанного не нужны другие доказательства того, что

ни у главкома, ни у командующего фронтом не было ясного представления о том, какая задача стоит перед армиями левого крыла фронта и какие существенные изменения вносит обстановку снятие с этого направления главных сил 2-й армии.

⁸⁵ Обширный район, лежащий севернее рек Камы и Белой и включавший весь горнопромышленный Урал, был одним из первых, где по приказу Народного комиссариата по военным делам от 14 июня 1918 г. за № 695 было произведено объединение под одним командованием многочисленных отдельных групп наших войск, разбросанных на громадной территории, включая районы по ту сторону Урала. Под наименованием «Северо-Урало-Сибирский фронт» это объединение просуществовало до середины июля, ведя бои против чехов и белых на следующих направлениях: Челябинское, шадринское, тюмень-омское. По приказу командующего Восточным фронтом от 14 и 29 июля составлявшие названный фронт войска были включены в состав 3-й армии Восточного фронта (ЦГАКА, ф. 142, оп. 2, д. 1, л. 160). В ее состав в сентябре 1918 г. вошли около 8 тысяч бойцов с Южного Урала в виде отрядов Н. Д. Каширина и В. К. Блюхера, прорвавшихся на север после потери нами Башкирии и Оренбургской области.

²⁶ В этой связи заслуживает внимания следующий эпизод. 22 ноября 1918 г. от находившегося в г. Москве члена РВС фронта Т. Д. Смилги штабом Восточного фронта был получен телеграфный запрос — выехал ли уже комфронта Каменев в 3-ю армию. Посланный на другой день ответ гласил: «...Положение 3-й армии устойчивое...». И далее сообщалось, что комфронта не выезжает (ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 17, л. 127). Нет надобности доказывать, что в устах высокоответственного руководителя Восточного фронта приведенные из телеграммы слова об устойчивости 3-й армии прозвучали в руководящих инстанциях Москвы во много раз убедительнее всяких оперативных и разведывательных сводок. На фоне крайне тяжелой общей обстановки на юге и на западе было не только приятно услышать от авторитетного в делах Восточного фронта лица твердое заявление. Слова «положение устойчивое» приобретали в данном случае особое значение, ибо речь шла об армии, которая в течение уже месяца с лишним вела напряженные бои с превосходящими силами противника и от устойчивости которой зависело прежде всего решение вопроса: можно или нельзя снимать с этого направления крупные войсковые соединения для переброски на другие фронты.

²⁷ Направление копии телеграммы В. И. Ленину не было, конечно, ни случайностью, ни простым желанием главкома информировать Председателя Совета Обороны о предпринимаемых командованием мерах по обеспечению Пермского района. Главком давал этим ответ на привлечший внимание В. И. Ленина вопрос, и по существу инициатива оказания помощи 3-й армии исходила не от Полевого штаба Республики, а от Ленина.

В. И. Ленин, всегда внимательно следивший за ходом военных действий на всех фронтах, послал 13 декабря 1918 г. следующую записку в Реввоенсовет Республики: «Крайне тревожны вести из-под Перми. Ей грозит опасность. Боюсь, что мы забыли

про Урал. Непременно налегайте на Вацетиса и проверяйте, достаточно ли энергично он дает подкрепления Перми и Уралу».

(В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920), Воениздат, 1956, стр. 88).

- 28 К сожалению, первая часть резолюции: «все выполнено» — не отражала истинного положения вещей. Главком требовал, чтобы была оказана помощь 3-й армии действиями 2-й и 5-й армий, и двумя месяцами позднее вернулся к этому вопросу, указав Каменеву, что задача эта не была им правильно поставлена командованию 2-й и 5-й армий, направление наступления которых было настолько удалено от района действий 3-й армии, что ни о каком содействии речи быть не могло.
- 29 История с получением фронтом бригады из Ярославского военного округа раскрывает те иногда прямо непреодолимые трудности, с которыми приходилось нашему командованию весьма часто встречаться в тот начальный период военного строительства. Вкратце это видно из следующих документов:
- 1) В день получения телеграммы главкома РВС фронта тотчас же запросил военного комиссара названного округа — М. В. Фрунзе — и просил выслать бригаду возможно более срочно ввиду того, что обстановка под Пермью осложняется;
 - 2) На другой день (14 декабря) Фрунзе и военный руководитель округа Ф. Ф. Новицкий прислали ответную телеграмму, что никаких распоряжений об отправке бригады ими из Москвы не получено;
 - 3) Оказалось, что Полевой штаб послал свое распоряжение об отправке бригады не прямо в округ, а «по инстанции», то есть начальнику Всероссийского главного штаба Раттелю, того же 13 декабря;
 - 4) 17 декабря РВС фронта вторично запрашивает Фрунзе, что сделано по вопросу отправки;
 - 5) Так как никакого ответа нет, то 19 декабря РВС в третий раз посылает запрос в Ярославль;
 - 6) Но и на эту телеграмму ответа от округа нет, и поэтому 20 декабря РВС фронта срочно телеграфирует Полевому штабу и просит заставить Ярославский военный округ ускорить отправку, а также прислать сведения, что же бригада собою представляет;
 - 7) Но и эта телеграмма ничего не дала. Поэтому, прождав еще три дня, РВС фронта опять телеграфирует округу и просит сообщить данные о бригаде;
 - 8) 24 декабря, узнав, что из Вологды на Вятку по железной дороге следуют части какой-то 4-й дивизии, Каменев срочной телеграммой просит начальника Полевого штаба Республики дать ему бригаду из этой дивизии, так как обещанная главкомом бригада 7-й дивизии начнет погрузку не ранее 25 декабря;
 - 9) Наконец 26 декабря — на другой день после падения Перми — Каменев, не получив от Ярославского военного округа ни бригады, ни даже сведений о ее составе, посылает главкому жалобу по всему этому вопросу (ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 100, лл. 78, 112, 196, 202, 211).
- 30 «Общее состояние частей армии с моральной и численной точек зрения определенно скверное», — в таких словах был сформулиро-

ван в докладе основной вывод. Вывод этот надо признать правильным в отношении морального состояния войск, но он вызывает возражения по вопросу о численности. Касаясь сил своих и противника, доклад давал следующее заключение: «...Наших 11 800 штыков и 1800 сабель, белых 13 000 штыков и 1000 сабель плюс неподтвержденные данные о 2-й чешской дивизии и о 6-м полке 2-й Сибирской дивизии».

«...Настоящий отход армии под таким сравнительно небольшим превосходством сил противника, — говорится в докладе, — объясняется следующими причинами...» и далее в качестве причин указывается на: а) усталость войск, не выходящих из боя со времени падения Екатеринбурга; б) отсутствие теплого обмундирования; в) неподготовленность и непригодность влитого в полки пополнения из местного населения, так как пополнение из центра не поступало; имели место случаи перехода местных мобилизованных на сторону врага; г) неподготовленность командного состава; д) невыполнение 2-й армией приказа комфронта о новых разграничительных линиях между 2-й и 3-й армиями, что лишает командарма 3 возможности произвести перегруппировку для усиления своего левого фланга. Против армии, насчитывавшей 13 600 штыков и сабель и занимавшей участок шириною 160—180 верст, перевес сил в 2—3 тысячи настолько незначителен, что он не может служить оправданием продолжающегося отхода армии.

³¹ В телеграмме комиссии ЦК на имя В. И. Ленина говорилось: «...Абсолютно необходимо срочно перекинуть из России в распоряжение командарма по крайней мере три совершенно надежных полка. Настоятельно просим сделать в этом направлении нажим на соответствующие военные учреждения. Повторяем: без такой меры Вятке угрожает участь Перми, таково общее мнение причастных к делу товарищей, к которому мы присоединяемся на основании всех имеющихся у нас данных». (И. В. Сталин. Соч., т. 4, стр. 186—189).

³² Соображения, в силу которых Болдырев избрал главным пермское направление, были следующие: а) военно-экономическое значение района Среднего Урала и г. Перми, в частности военных заводов Ижевска и Воткинска; б) стремление расширить социально-классовую базу контрреволюции захватом районов, население которых еще колеблется и среди которого еще пользуются большим влиянием эсеро-меньшевистские лозунги; в) близость войск союзников, сосредоточенных в количестве около 15 тысяч на севере и активно действующих на Котлас и Вологду, навстречу сибирской группировке; г) на пермском направлении уже имелась самая сильная группировка, в состав которой входили шесть чешских полков. Можно было надеяться, что удастся убедить солдат этих полков наступать навстречу идущим на помощь войскам союзников; д) наконец, за выбор этого направления говорила также конфигурация линии фронта. Левый фланг наш нависал над всем фронтом белых, и малейшая неустойка противника под Екатеринбургом грозила потерей не только этого важнейшего района, но делала реальной угрозой нанесения нами глубокого удара на Челябинск в тыл поволжской группировке белых, выхода наших войск в Сибирь и потерю казачьей армией Дутова возможности базирования на ж. д. Челябинск — Омск.

³³ Можно считать установленным, что решение бросить пермское направление, отказавшись от развития успехов и даже от стратегического преследования, и вместо этого обрушиться на центр Восточного фронта было не единоличным решением Колчака, а результатом обстоятельного изучения и неоднократного обсуждения военно-политической обстановки при прямом участии и под контролем генералов Жанена и Нокса. Сейчас нас не занимает вопрос, было ли принятое решение наиболее целесообразным и вообще единственно возможным. Широко распространено мнение, что предпринятое Колчаком в начале марта 1919 г. севернее Уфы наступление имело целью соединение с Деникиным на Средней Волге для дальнейших совместных действий на Москву. Созданию этого мнения способствовало опубликование в статье И. В. Сталина «К военному положению на юге» письма Деникина Колчаку, в котором Деникин говорит о предстоящей своей встрече с Колчаком в районе Саратова. При этом упускается совершенно из виду, что по дате написания письма, времени его отправки оно никак не могло повлиять на принятие Колчаком и его советниками решения, легшего в основу директивы, составленной и разосланной войскам уже 6 января 1919 г. Ни в одном из отданных в развитие упомянутого решения приказов и оперативных директив белого командования и ставки Колчака не говорится ни о соединении с Деникиным, ни о наступлении на Москву. Конечно, занятие Москвы — административно-политического жизненного центра Советской республики — всегда было целью наших врагов, но командование белых не было настолько наивным, чтобы ставить занятие Москвы задачей войскам уже весной 1919 г.

³⁴ Боевой состав 2-й и 3-й армий на 20 января 1919 г. был следующий:

2-я армия:	17 900	штыков,	670	сабель,	439	пулеметов,	72	орудия
3-я „	17 400	„	3240	„	263	„	55	„

Итого . . . 35 300 штыков, 3910 сабель, 702 пулемета, 127 орудий

Общее количество людей: 2-я армия 32 800
3-я „ 30 400

Итого . . . 63 200 человек

Количество пулеметов и орудий указано без 29-й дивизии, так как необходимых данных в таблице нет (ЦГАКА, ф. 6, оп. 4, д. 233, л. 19).

³⁵ Приказом преследовалась двойная цель: а) военно-административная для наиболее полного и наилучшего использования ресурсов тыла для обеспечения действующей армии и б) военно-политическая — в обязанности главных начальников тыловых военных округов входило подавление восстаний и партизанского движения силами войск своего округа без привлечения войск из действующей армии. Вплоть до конца мая 1919 г. ни одна войсковая часть не была снята с фронта для борьбы с партизанами и восстаниями в тылу. Задачи эти выполнялись специально сформированными отрядами и войсками интервентов.

7-я Уральская дивизия горных стрелков побывала на всех наиболее серьезных участках Сибирской армии от крайнего северного (Верхотурье) и кончая крайним южным (г. Сарапул) направлением. Несомненно, большую роль в этом деле сыграл лично авантюрист чех Гайда; стремясь сберечь находившиеся в его армии родные ему чешские полки, Гайда бросал на самые трудные участки русские войска. По жалобе Ханжина Колчак давал повторные распоряжения о немедленной отправке названной дивизии в Западную армию. Ханжин сам лично обращался к Гайда, но также безуспешно. «Упрямство генерала Гайда, — телеграфировал 17 января Ханжин Колчаку, — и эгоистическое отношение к общему делу я считаю преступным в настоящий тяжелый для всего фронта момент. Я начинаю терять уверенность, что вообще когда-либо 7-я дивизия присоединится к армии, а если это случится, то получу дивизию в таком небоеспособном виде, что рассчитывать на нее для решительных действий я не смогу».

37 Боевая ценность всего этого войска была крайне незначительна; люди были совершенно не обучены, офицеров, знающих башкирский язык, имелось единицы; ощущалась острая нужда в вооружении, снаряжении, в патронах и т. д. Но, несмотря на это, башкирские иррегулярные войсковые части представляли собой врага опасного и серьезного. Действуя преимущественно как партизаны-лыжники, прекрасно знающие и использующие условия местности, свою связь с населением, а главное, действуя крайне активно и смело на флангах и в тыловых районах наших войск, они нередко целыми сутками держали наши отдельные небольшие гарнизоны отрезанными от главных сил и создавали крайнее физическое и нервное напряжение своими непрерывными тревогами и угрозами ежеминутного нападения или налета. Используемые на второстепенных участках вместе с регулярными войсками, башкирские части приносили им большую пользу, сковывая наши силы. Это было прекрасно известно белому командованию по операциям лега 1918 г. в районе Зелима, г. Верхнеуральска и в других местах.

38 Председатель «Башкирского национального правительства» Валидов оказался вынужденным начать переговоры с нами, дабы не потерять поддержки населения. Исторический интерес представляет следующий документ: «Приказ по Башкирскому войску, № 70. Штаб Башвойск в д. Темясово, 16 февраля 1919 г. в 20.00. — Объявляю всему башкирскому войску и башкирскому народу, что башкирское войско с 10 часов 18 февраля 1919 г. переходит на сторону Советской власти и начинает совместно с Красной Армией беспощадную борьбу с врагами революции, свободы и самоопределения наций — Колчаком, Деникиным и всеми мировыми империалистами. Всех лиц состава башкирских войск, пытающихся бежать и уклониться от служения революции и борьбы с врагами народа, приказываю задерживать и представлять в штаб башкирских войск в селе Темясово. Неприкосновенность личности офицеров, остающихся в рядах башкирских войск для дальнейшей службы, гарантируется мною, о чем договорился с Советской властью.

Командующий Войсками и Начальник Башкирского
Войскового Управления Валидов.

Верно: и. д. Начальника штаба Илиас Алкин»
(ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 9, лл. 181—183).

³⁹ В этой связи известный интерес представляет следующий эпизод. Пытаясь удержать в своих руках массы рядового казачества, белоказачья верхушка созывала войсковой круг для решения волновавших массы вопросов с приглашением на него в пропагандистских целях представителей военных миссий интервентов.

«На круг должен приехать Пишон и Нильсон, которые получили для этого полномочия от своих миссий. Американцы едва ли будут, да они мне вообще не нравятся... Вильсон что-то начинает мутить», — заявил в январе 1919 г. в одном из разговоров с Омском атаман Дутов. (ЦГАОР, ф. 1447, оп. 1, д. 42, ч. II, л. 628).

⁴⁰ 20 января 1919 г. Дутов доносил Колчаку: «Связь с уральцами еще имею. Противник усиленно идет в разрез армий. Обороняю сам город Оренбург. Штаб армии в линии боевого расположения. Красные наступают с трех сторон. Все, что можно, брошено в бой, включая сотню казаков безоружных... Положение критическое, дух же бодрый. Я на своем посту атамана остаюсь до конца». «Обычное красноречие и паника», — гласит резолюция начальника штаба Западной армии на полученной копии этой телеграммы, характеризующая отношение командования Западной армии лично к Дутову, снятия которого с поста командующего армией добивались и Ханжин и его начальник штаба ген. Щепихин.

⁴¹ Но предыдущий период гражданской войны кое-чему уже научил белогвардейских генералов. Расчет на одну только грубую вооруженную силу и карательные отряды признавался недостаточным. В ход пускаются другие средства. «Мы установили прочную связь с башкирами, у нас организована широкая агитация среди населения... у нас в Челябинске создан небольшой центр популярных башкирских деятелей. Не делайте никаких шагов в отношении башкирского населения без согласования с нами, иначе мы можем распылить силы башкир», — указывал начальник штаба Западной армии ген. Щепихин в разговоре с главным начальником Оренбургского военного округа ген. Акулиным. «Я взм посылаю массу воззваний и приказов Верховного и генерала Ханжина на русском и башкирском языках», — сообщает командующему Южной группой генералу Белову генерал-квартирмейстер Западной армии полковник Нарышкин и советует Белову выпускать от себя воззвания, напечатанные хотя бы на пишущей машинке.

Касаясь вопроса о формировании башкирских войск, тот же полковник Нарышкин заявил: «Не надо создавать чисто башкирские, а смешанные с русскими части войск, дабы не повторить те же ошибки, что с Валидовым... и всяких представителей гражданских не допускать на пушечный выстрел, чтобы не заводили митингов». Отвечая ему, Белов заверил его, что добровольцев из башкир можно набрать много, но нужны офицеры; без них «получится сброд... его и так много. От него только вред... Он только ест, а не воюет».

⁴² Для нашего исследования известный интерес представляет вопрос о стратегических резервах. Из 11 сформировавшихся в тыловых военных округах стрелковых дивизий осталось на конец февраля только 4. Остальные семь были брошены на фронт в связи с неудачами под Пермью, Ревелем и потерей нами на Южном фронте линии Поворино-Новохоперск — Таловская — Лиски. Ушли на фронт

Дивизии плохо организованными, недостаточно снаряженными и плохо обученными. Заслуживает внимания заявление главкома, что на основании опыта с предыдущими отправками главное наше командование вынуждено было отказаться от метода помощи фронтам и усиления их путем посылки целых, сформированных в тылу дивизий. Основным способом усиления действующей армии теперь признается посылка маршевого пополнения. Недостаток этого способа в том, что он тормозит формирования в тылу и не решает вопроса о создании на фронте резервов и группировок из свежих бригад и дивизий.

- 43 23 декабря 1918 г. главком Вацетис получил телеграмму: «Совет Обороны запрашивает: ...2) Верно ли, что две недели назад издан Вами приказ о взятии Оренбурга, и если это верно, почему приказ не приводится в исполнение? ...Совет Обороны ждет от Вас ответа.

Председатель Совета Обороны В. Ульянов (Ленин)»
(В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 312).

- 44 6 января 1919 г. главком Вацетис телеграфировал командующему Восточным фронтом: «Не исключена возможность, что войска Колчака, взяв Пермь и закрепившись на этом направлении, будут переброшены для активных действий на уфимском направлении. Поэтому предлагаю Вам обратить на уфимское направление особо серьезное внимание» (ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 2, л. 165).

Еще до получения этой телеграммы Каменев телеграфировал командарму 5 из штаба 3-й армии: «Разведкой 3-й армии установлено, что 4-я и 5-я Сибирские дивизии, действовавшие на пермском направлении, сняты с фронта. Есть опасения, что эти части могут обнаружиться на уфимском направлении. РВС фронта приказывает — энергично выполнять последнюю директиву фронта — обеспечить Уфу пространством и скорее решить вопрос с Бирским и начать выдвижение на Явгельдин» (ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 25, л. 48).

- 45 Особенно большими были потери обмороженными; пополнение же прибывало редко и в совершенно недостаточном количестве. В штаб и политический отдел 5-й армии уже давно поступали беспрерывные донесения и доклады командиров и политических комиссаров частей с требованиями дать войскам отдых, присылать пополнения, улучшить питание, обеспечить теплым обмундированием и т. д. Под давлением этих требований и острой постановки вопросов политический отдел армии назначил специальные комиссии по обследованию состояния войск. Ниже даются несколько выдержек из поступивших в руководящие органы армии донесений и материалов:

«Красноармейцы сыят по месяцу и более одну и ту же рубаху, которую не различить от шинели... Нет индивидуальных пакетов, раненые часто перевязываются долгое время спустя после ранения... Огромное количество не хватает перчаток, шинелей, портянок, сапог... страшная нужда в бумаге и полевых книжках... Не хватает полевых кухонь, варят сами у крестьян. Пополнение 100 человек прибыло в лаптях, без шинелей, невооруженное и необученное; его не приняли и вернули обратно в обоз. Это не единственный случай. Оружие портится — нечем чистить. Огромная

нужда в первых номерах пулеметчиков, абсолютно не знают ничего о задержках, отчего они бывают... Знают только зарядить пулемет и нажать курок... Нужно хотя бы по одной карте на полк... У некоторых совершенно нет обуви, сидят босые. Недостаток сахара, чаю, табаку. Полк в течение месяца ничего не получает от отдела снабжения, питание очень плохое. Самая главная причина упадка настроения — сильная физическая усталость, огромные переходы без ночевки, без хлеба и вообще без всякого снабжения продуктами, а когда стали на место — ничего не изменилось: обуви, белья, табаку нет...».

В непрерывных боях части несли громадные потери, достигающие нередко катастрофических размеров. Так, в донесении от 8 января 1919 г. говорилось, что 1-я бригада 26-й дивизии за два дня потеряла убитыми, ранеными и обмороженными до 70% состава — в полках осталось 150—250 штыков. Донесение от 12 января отмечает, что общая убыль людей во 2-й бригаде 26-й дивизии достигает 90%.

«За весь январь, — доносил начальник штаба 5-й армии штабу фронта, — получено только 2500 человек пополнения, из них 1000 местных, бугульминских. Все наряды на отправку пополнения из тыла сняты, и в ближайшем будущем можно рассчитывать только на мобилизацию бугульминским уездным воинским комиссариатом, но это пополнение не обмундированное, не вооруженное и не обученное». (ЦГАКА, ф. 185, оп. 2, д. 20; ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 190, л. 205).

⁴⁶ В составе самарской группы противника действовал на бирском направлении батальон французской армии; в конце декабря 1918 г. он был снят с фронта и отправлен в Челябинск. В районе ж. д. на этом же фронте действовал английский бронепоезд, также снятый с фронта в это же время. Не доехали до фронта прибывшие в Сибирь, но задержанные в районе Красноярск — Новониколаевск — Омск следующие воинские эшелоны интервентов: а) три эшелона 25-го английского полка в составе 25 офицеров и 943 солдат; б) три эшелона французского колониального сибирского батальона в составе 17 офицеров и 895 солдат; в) два эшелона 1-й французской Сибирской батареи в составе 6 офицеров, 163 солдат и 6 орудий; г) три эшелона итальянских войск под командованием полковника Фосини в составе 32 офицеров и 1070 солдат; д) эшелон итальянской артиллерии в составе 3 офицеров и 210 солдат под командованием капитана Больдешери. Ожидалось прибытие и велась подготовка к пропуску через новониколаевский железнодорожный узел, начиная с 1 декабря 1918 г., ежедневно по одному эшелону канадских войск, прибывших во Владивосток.

⁴⁷ 31 декабря 1918 г. командующий Сибирской армией Гайда вызвал к прямому проводу начальника штаба Западного фронта генерала Дитерихса и пытался получить от него согласие на оставление 7-й дивизии в составе Сибирской армии, мотивируя просьбу необходимостью удерживать г. Пермь и занятые города Оханск-Осу и Сарапул и считая, что этим будет оказана помощь фронту на уфимском направлении. Ответ Дитерихса был следующий:

«Общее наше положение ныне вытекает из совершенно другой обстановки. Ни Пермь, ни Уфа, ни Сарапул никакой роли сейчас играть не могут. Раз что союзники не могли по тем или

инным причинам привезти свои войска на фронт, то наша задача сводится к тому, чтобы создать прочные в боевом отношении русские войска. Достигнуть этого можно последовательно, воспитывая сначала на активных операциях одну часть их, потом другую.

На Пермскую операцию я сам смотрю только как на хорошую школу, которая дана была Средне-Сибирскому и Степному корпусам. Теперь эти части могут драться, и надо как можно скорее переходить к воспитанию других молодых русских частей, а именно Уральских. Для этого необходимо, чтобы среди них была 7-я дивизия, как прочное ядро, которое будет как закваска для всех остальных частей этого корпуса. Недели через три или четыре путем активных операций на уфимском направлении и мы достигли бы и с другими частями таких же хороших военных качеств, которые ныне показали ваши сибиряки. Тогда мы имели бы на всем фронте прочные боевые русские части и только тогда мы можем начать думать о тех или других стратегических операциях, а до тех пор, повторю, наша главная задача есть воспитание войск и есть сохранение войск армии в наибольшей целостности, упорядочение тыла, продовольствия, снабжения и не овладение и закрепление за собою тех или иных районов. Конечно, это не значит, что тактические операции должны быть брошены в вашем районе, но если бы меня спросили, что важнее: боевая подготовка Уральского корпуса или удержание Перми, я бы ответил: в данное время, в стратегическом отношении, важнее подготовка Уральского корпуса».

⁴⁸ По данным главного штаба военного министерства Колчака, к этому времени были призваны на военную службу: а) интеллигенция в возрасте от 18 до 35 лет; б) запасные сроков службы 1914—1918 гг., новобранцы 1898—1900 годов рождения; в) в некоторых прифронтовых уездах все мужское население от 18 до 45 лет. Мобилизованными считались все офицеры старой армии. Для пополнения младшего командного состава были призваны на военную службу все унтер-офицеры, фельдфебели и подпрапорщики сроком службы с 1909 по 1913 г. Все это позволило довести численность армии до 600 тысяч человек и составить план развертывания «Российской армии» к концу 1919 г. до 1200 тысяч человек. Вооружение, снаряжение, обмундирование должно было поступить от Антанты в дополнение к тому, что белые получили от союзников в порядке передачи военных материалов и из захваченных в г. Владивостоке складов, созданных еще в период поставки союзниками и США военных материалов по заказам царского правительства и Керенского.

⁴⁹ Директивы главкома не всегда ограничивались постановкой крупных стратегических задач в масштабе фронта. Нередко в них давались указания, означавшие по существу вмешательство в компетенцию командования фронта, сковывавшие инициативу последнего. В тех редких случаях, когда командование фронта считало необходимым отстаивать свою собственную точку зрения или вынуждено было (по ряду причин) возражать против полученных от главкома указаний, вопросы ставились и решались всегда по линии Революционного Военного Совета фронта и ЦК партии. Кроме того, необходимо иметь в виду, что речь идет о периоде до VIII съезда партии, когда основные вопросы строительства Красной Армии и руководства войной были предметом дискуссий и

споров. Так, к примеру, на экстренном заседании РВС 5-й армии 15 февраля 1919 г. было принято следующее постановление: «Революционный Военный Совет 5-й армии, рассмотрев полученные от штаба Восточного фронта утвержденные ВЦИК 29 ноября 1918 г. Устав внутренней службы и Устав гарнизонной службы, постановил: воздержаться от распространения этих уставов ввиду того, что они совершенно не соответствуют основным принципам организации армии и распространение их способно вызвать волнение в войсках. Сообщить это постановление РВС Республики и Председателю Совнаркома т. Ленину» (ЦГАКА, ф. 185, оп. 1, д. 5, л. 19).

Только два месяца спустя — приказом от 17 апреля 1919 г. — были объявлены по 5-й армии те же упомянутые уставы и одновременно уставы полевой, дисциплинарный, строевой и пехотный.

Аналогичный «протест» имел место при введении знака отличия — ордена «Красное Знамя»; в обоих случаях 5-я армия не была исключением. Нельзя также не отметить проводившуюся в тот период реорганизацию Красной Армии и связанную с этим жесткую централизацию в ряде важнейших для действующей армии вопросов: использование местных ресурсов, мобилизации и призывы в прифронтовой полосе, прием добровольцев, формирование новых частей и т. п.

⁵⁰ «Но мое безусловное решение, — заявил в разговоре с командующим 5-й армией Каменев в начале января 1919 г., — что операция Уфы может считаться законченной, если мы Уфу обеспечим от обратного овладения противником, что возможно исключительно, овладев достаточным пространством к востоку от Уфы, приблизительно достигнув станции Аша-Балашева...» Указав далее, что все полки Пензенской дивизии (четыре) следует сосредоточить в районе г. Уфы в резерве фронта для обеспечения бирского направления и для действий на явгельдинском направлении и что войска 1-й армии должны быть направлены на г. Стерлитамак, Каменев заявил: «Вот группировка, которая более-менее обеспечит Уфимобирский район, который теперь особенно для нас важен...» (ЦГАКА, ф. 185, оп. 8, д. 61, лл. 121—128).

Оперативная сводка штаба 5-й армии к 15 часам 15 февраля указывала: «На всем фронте 27-й дивизии по имеющимся сведениям противник сосредоточил значительно превосходные силы, готовясь сам к наступлению». Это писалось за 18 дней до начала наступления Ханжина.

В разговоре начальника оперативного отдела штаба 5-й армии с начальником оперативного управления штаба фронта 27—28 февраля указывалось: «По сведениям 27-й дивизии, противник сосредоточил серьезные силы на левом фланге дивизии в районе Сейтяково—Ново-Никольское... общая численность около 3000 штыков».

В 22 часа 6 марта командарм 5 послал телеграмму командующему 2-й армией, в копии Каменеву: «Противник крупными силами перешел в наступление на всем фронте 27-й дивизии, ведя, по-видимому, главный удар в направлении из района Верх. Карышево — Сейтяково на г. Бирск». Сообщив далее, что 27-я дивизия вынуждена отходить под напором превосходящих сил, Блюмберг просил командарма 2 о переходе правого фланга его армии в наступление на Верх. Кудаш — Сейтяково и добавил, что, по только

- что полученным сведениям, белые прорвали фронт 3-й бригады 27-й дивизии в направлении Бол. Шады — Ключево (ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 190, лл. 161, 235).
- ⁵² 8 марта 1919 г. у убитого белого офицера был обнаружен оперативный приказ по 7-й Уральской дивизии, составлявшей главную силу ударной группы Ханжина. Приказ раскрывал полностью картину начавшейся армейской операции, в частности в нем говорилось о поставленной дивизии задаче захвата станции Юматово — в 20 км западнее г. Уфы.
- ⁵³ Командарм доложил во время этого разговора Каменеву, что в г. Уфе находятся начальники 26-й и 27-й дивизий. Они сообщили командарму, что приняли решение оставить город и просят санкции РВС армии. Мотивы начдивов: сильное утомление войск, продолжающийся натиск противника, отход наших войск из состава 27-й дивизии на Арасланово и захват противником Подымалово (в 15 км северо-западнее города). С захватом противником района ст. Чишма и потерей ж.-д. сообщения прекратится подвоз боеприпасов, фуража и продовольствия, а также эвакуация раненых и больных. «Положение таково, — заявил Блюмберг, — что каждые полчаса промедления вынесения решения могут иметь большие последствия для положения многих частей войск... Начдивы предупреждают, что, возможно, они сами примут решение, не дождавшись директивы...» (ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, лл. 107—110).
- ⁵⁴ О полнейшей растерянности командарма говорит следующий факт. В двух своих директивах (от 11 марта за № 306 и от 12 марта со станции Чишма) он приказывает 3-й бригаде 27-й дивизии, «оставаясь в занимаемом районе, находиться в резерве армии». Достаточно взглянуть на схемы 7 и 8, чтобы убедиться, что понятие «армейский резерв» никак не подходит для бригады, находящейся на линии фронта и фактически прикрывающей с боями Волго-Бугульминскую ж. д.
- ⁵⁵ Как в штабе 5-й армии расценивали все эти директивы командарма, видно из разговора начальника штаба армии Ермолина с начальником оперативного управления штаба фронта Гарфом. «Мне кажется, — заявил Ермолин, — что какие бы задачи ни ставили по удержанию Уфы, я думаю, с нею вопрос временно решен. Раз оно так, то тут уже политические соображения должны отпасть, заменившись военными. И главнейшей нашей задачей является сохранение живой силы, чего не думаю, что мы достигнем при условии удержания Уфы во что бы то ни стало, при непрерывной обтечке левого фланга и намечающейся какой-то активности на правом, при наличии измотанных окончательно частей, бывших до сего времени и в дальнейшем делающих в день по 35—40 верст. Теперь, я думаю, сохранение живой силы нам нужно во что бы то ни стало, чтобы обеспечить левый фланг 1-й армии» (ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, л. 126).
- ⁵⁶ Пока в г. Уфе, в штабе 26-й дивизии, происходило совещание начдивов, из г. Стерлитамака связался с Уфой начальник Пензенской дивизии 1-й армии Воробьев. Его разговор со штабом 26-й дивизии начался весьма интересным заявлением: «Какие меры

нужно принять, чтобы переговорить с начальником 26-й дивизии? До сих пор я не удостоился чести... Кроме помощника оперативного дежурного, никто к аппарату не подходит....» Но и на этот — третий — раз Воробьеву пришлось вести разговор только с помощником начальника штаба дивизии. Начальник 26-й дивизии к аппарату не подошел — «шло совещание». Сообщив Воробьеву сведения о положении на фронте, относящиеся к 16 часам 11 марта, работник штаба дивизии заявил под конец разговора: «В случае неудачи имеется в виду отход 26-й дивизии на ст. Давлеканово». Но Воробьев с этим не согласился и пытался тут же доказать, какие пагубные последствия может иметь такой отход не только для 1-й армии, но и для 5-й. Разговор оборвался, закончившись ничем. Не возмемло также действия заявление Воробьева, что, по его сведениям, к левому флангу 1-й армии должны в скором времени прибыть три полка из г. Оренбурга; это должно дать возможность отбросить противника на север (ЦГАКА, ф. 1317, оп. 2, д. 65, л. 96).

57 «Таким образом, у нас осталась 3-я бригада 27-й дивизии и обозы ее», — совершенно недвусмысленно заявил начальник штаба 5-й армии 15 марта штабу фронта. «Правда, — добавил начальник штаба армии, — на станцию Давлеканово тянутся части 27-й дивизии, но все это небоеспособное войско». Отвечая ему, начальник оперативного управления штаба фронта указал, что передача бригад временная — «пока вы не соберете и не устроите 27-ю дивизию, а вышло это потому, что эти бригады имели связь с Пензенской дивизией и управлять ими можно было только через 1-ю армию. Обижаться вам нечего» (ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 193, л. 170). Но все эти разъяснения и уговаривания не устраивали руководство 5-й армии. В тот же день командарм 5 в телеграмме на имя Каменева заявил: «...Временный перерыв связи, естественный в сложившейся обстановке, был, по-видимому, представлен штабу фронта как общее отсутствие управления войсками». Телеграмма заканчивалась в том же тоне обиды: «В случае передачи частей 26-й дивизии в 1-ю армию позволительно поставить вопрос: какие боеспособные войска остаются в 5-й армии и какими средствами будет обладать РВС армии для обеспечения важных направлений на г. Белебей и г. Бугульму». (Там же, л. 177—178).

58 Заслуживает внимания тот факт, что следователи говорят подробно о центре фронта 5-й армии, вскользь упоминают о новом рубеже южнее города Уфы и ничего не сказали о 3-й бригаде 27-й дивизии, прикрывавшей бугульминское направление. Южнее Уфы находились названные выше пять наших бригад — главные силы 5-й армии. Они были возвращены командарму из состава 1-й армии в ночь на 17 марта, и умалчивание о значении этого рубежа для всей обстановки на стыке 5-й и 1-й армий может быть объяснено только или отсутствием связи у штаба 5-й армии с упомянутыми бригадами или нежеланием Балтийского и Берзиня вмешиваться в споры, которые все еще велись между РВС фронта и Реввоенсоветом 5-й армии по вопросу о самовольном занятии войсками рубежа.

59 На деле это означало, что 1-я армия должна будет совершить заход своим правым плечом круто на север через Южный Урал, имея на всем пути этого трехсотпятдесятикилометрового марша

открытый правый фланг, и подставлять этот фланг, а в дальнейшем еще и тыл свой казачьим массам Оренбургской армии ген. Дугова. Не касаясь здесь подробностей плана проведения этой операции, надо признать, это речь идет об одной из тех директив, которых, к сожалению, было немало у наших главнокомандующих в период гражданской войны. Осуществление стратегических директив такого рода, если бы оно имело место, дало бы отрицательные, а в некоторых случаях прямо губительные результаты. Как правило, подобные директивы всегда встречали категорические возражения со стороны армейских руководителей на фронтах, результатом чего было вмешательство ЦК и В. И. Ленина. Иногда же директивы эти просто не выполнялись; их явное несоответствие обстановке было очевидно всем, включая даже самих авторов. Так случилось бы, видимо, и на этот раз, если бы не поражение 5-й армии севернее г. Уфы. В создавшихся под Уфой условиях упомянутая директива о наступлении на Челябинск войск 1-й армии сыграла большую положительную роль в деле уменьшения размеров нашего поражения и ограничения успехов противника.

Заслуживают внимания в этой связи два факта: а) несмотря на многочисленные данные о готовящемся наступлении Западной армии на уфимском направлении, РВС фронта уделял основное внимание подготовке операции 1-й армии на г. Челябинск. 5 марта в г. Оренбурге (в штабе 1-й армии) было проведено совещание РВС фронта (Каменев и Смилга) с РВС 1-й армии по этому же вопросу. В этот же день РВС фронта отдал директиву № 313/К, предусматривающую план проведения наступления 1-й армии и обеспечение тыла ее силами 4-й и Туркестанской армий (ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 170, л. 2); б) принятый план был представлен на утверждение главному, но из-за начавшегося наступления Западной армии приступить к его выполнению не пришлось. Это не помешало главному в апреле признать его несостоятельным и указать Каменеву на то, что нельзя было задачу овладения Челябинском поручать 1-й армии.

⁶⁰ Еще до сдачи нами города Уфы главное и фронтовое командование отдало несколько распоряжений, категорически требовавших от командования 5-й армии «восстановления положения под Уфой во что бы то ни стало» (ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 170, лл. 5, 6, 11 и 15).

⁶¹ Подтверждением ненормальных отношений между командованием фронта и 5-й армии может служить следующая выдержка из телеграммы РВС 5-й армии от 24 марта на имя РВС фронта: «РВС 5 вынужден протестовать против ваших систематически повторяющихся обвинений командования армии в растерянности и нервничании, обвинений, к которым не дается оснований и которые могут, по мнению нашему, вызываться лишь предубежденным к нам отношением РВС фронта. Во избежание повторения подобных обвинений, незаслуженно дискредитирующих действия командования армии, РВС 5 ходатайствует перед РВС фронта о назначении комиссии по расследованию и контролю действий и поведения командования 5-й армии» (ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 194, лл. 33—35).

Копия телеграммы была направлена РВС 1-й и РВС 2-й армий.

- ⁶² Обеспокоенное потерей района г. Мензелинск, командование фронта по указаниям главкома собирало спешно войска для прикрытия казанского направления. По данным штаба фронта на 25 марта, с этой целью были направлены войска из 2-й армии, сформировавшейся 5-й дивизии и др. В г. Елабуге был сосредоточен 40-й полк, в район Икского устья прибыл 250-й полк, из Казани походным порядком вышел в Елабугу сводный полк уездного военкома, в районе Пьяного Бора находились части 39-го и 43-го полков. «Мы считаем вопрос ликвидированным,— заявил в связи с этим штаб фронта,— и помышляем перейти в наступление для обратного овладения Мензелинском» (ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 192, лл. 185—186). Оснований для такой оптимистической оценки положения не было, на что тут же указал Полевой штаб Республики: «Положение под Мензелинском внушает большие опасения... Направленные вами части из всех армий до сих пор не объединены под одним командованием, так как думается, что ни командарм 5, ни командование 2-й армии этими частями вследствие удаленности справиться не могут» (ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 194, лл. 16—18). Штаб фронта ответил, что если противник не будет ликвидирован в ближайшее время, то командарм 2 возьмет на себя объединение руководства войсками в этом районе. Как известно, нам удалось вернуть г. Мензелинск только в конце мая.
- ⁶³ Отличным источником сведений для белых служили пропускаемые через линию нашего фронта возвращавшиеся из германского плена солдаты старой армии, а также местные жители, главным образом подводчики.
- ⁶⁴ Точных сведений о боевом составе 5-й армии на 1 апреля не имеется. Вообще следует заметить, что со дня перехода противника в наступление в начале марта прекратилась почти всякая работа штабов дивизий и бригад (а следовательно, и штаба армии) по представлению сведений о составе частей, о трофеях и потерях. На начало марта армия насчитывала около 12 тысяч бойцов. Принимая во внимание потери за месяц боев и поступавшее пополнение, можно ориентировочно считать ее боевой состав на начало апреля равным 8—9 тысячам бойцов. Таким образом, пятикратное численное превосходство, с которым Ханжин начал операцию, было налицо еще после месяца тяжелых боев, несмотря на крупные потери его армии. Это указывает на напряженную работу военного министерства, которому Колчак в оперативных директивах ставил задачей обеспечение непрерывного пополнения действующей армии маршевыми частями.
- ⁶⁵ Командование белых было уверено, что с занятием района ст. Раевка все, что из красных войск находится к востоку от нее, будет отброшено в горы и уничтожено. Начальник штаба 3-го корпуса представил в штаб Ханжина по этому поводу особый доклад, доказывая, что наконец-то корпус выполнил неоднократно ставившуюся ему командармом Ханжиным задачу отрезать красным отход на запад и отбросить их навстречу наступающим с северо-востока и востока частям 6-го корпуса и группы Белова. В связи с этим штаб армии бросил 12-ю дивизию прямо

на юг — на г. Стерлитамак, но и на этот раз оперативное окружение белым не удалось превратить в окружение тактическое. В 22 часа 5 апреля штаб 5-й армии донес фронту, что 3-я бригада 26-й дивизии вышла к правому флангу армии в районе Кунаккулово, что в 25 км южнее ст. Ажсеново. Весьма сложный и опасный фланговый марш был совершен бригадой в течение трех суток успешно (ЦГАКА, ф. 106, оп. 3, д. 190, лл. 291—292).

- ⁶⁶ О помощи, оказанной Деникиным Уральской казачьей армии в исследуемый период, имеются следующие сведения: в апреле 1919 г. было доставлено 7000 винтовок и 4 миллиона патронов; военные грузы, в том числе орудия, отправлялись Деникиным из портов Черного моря по ж. д. на Батум — Баку, затем морем на Гурьев, причем перевозка производилась под английским флагом (ЦГАКА, ф. 1447, оп. 1, д. 7, лл. 23 и 25).
- ⁶⁷ Генерал Щербачев — бывший главнокомандующий румынским фронтом в войну 1914—1918 гг. — находился в Париже, пытаясь играть перед Антантой роль ходатая по делам русских контрреволюционных генералов.
- ⁶⁸ Нашим главным командованием было намечено, что на Восточном фронте должны быть созданы следующие укрепленные районы: Пермский, Ижевско-Воткинский — Сарапульский, Казанский, Нижне-Камский, Симбирский, Ставропольский, Сызранский, Самарский, Хвалынский, Вольский, Саратовский и «важнейший» Нижне-Новгородский. На стыке с Южным фронтом намечено было создать укрепленные районы: Камышинский, Балашовский, Поворинский.
- ⁶⁹ Ошибочно мнение, что основную силу армии Колчака составляло офицерство. Всего в его армии числилось около 17 тысяч офицеров и генералов. Более подробное изучение материалов показало, что армия временами ощущала острый недостаток в командном составе. Никаких самостоятельных офицерских полков, батальонов или отрядов в армии Колчака никогда не было. Никакой политической роли офицерство в своей массе при Колчаке не играло. В колчаковской армии было введено деление на офицеров кадровых и офицеров военного времени. К первым относились все офицеры производства до 1915 г. включительно, все же остальные — к офицерам военного времени. Из документов видно, что таких кадровых офицеров насчитывалось всего в армии менее тысячи. Таким образом, остальные 15—16 тысяч офицеров колчаковской армии были производства 1916 г. и более позднего времени, то есть это были люди без достаточной теоретической подготовки и почти совершенно без практического опыта допозиционного периода первой мировой войны. Еще хуже обстояло дело с высшим командным составом белой армии. Дивизиями и корпусами Колчака не командовал ни один из генералов старой армии. Всем упоминаемыми в нашем труде соединениями командовали офицеры, пришедшие в белую армию в чинах не выше полковника и произведенные в следующие чины, в том числе в генералы, приказами Колчака и его предшественника Болдырева. Из генералов старой армии видную активную роль играли только двое — Дитерихс и Ханжин.

Для подготовки офицеров службы генерального штаба начали функционировать ускоренные курсы, организованные при старой русской военной академии, значительная часть профессорско-преподавательского состава которой во главе с ген. Андогским в качестве начальника академии сразу же перешла в лагерь контрреволюции. Следует в этой связи отметить, что из 1600 человек офицеров службы генерального штаба царской армии к концу 1917 г. было взято на учет нашим военным ведомством только около 460 человек, а фактически работало лишь 323 человека, из них только 131 человек в действующей Красной Армии на штабных должностях; все же остальные оказались на стороне наших противников или находились за границей.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИЛОЖЕННЫХ СХЕМ

- Схема 1. Район действий Восточного фронта осенью 1918 г. — весной 1919 г.
- Схема 2. Наступление армий Восточного фронта по директиве от 8. 10. 1918 г.
- Схема 3. Восточный фронт к 25. 10. 1918 г. *.
- Схема 4. Положение на Восточном фронте к 1. 1. 1919 г.
- Схема 5. Положение Восточного фронта перед началом наступления Колчака.
- Схема 6. Наступление Западной армии Ханжина по директиве от 26. 2. 1919 г.
- Схема 7. Первые крупные успехи белых на участке 27-й советской стрелковой дивизии.
- Схема 8. Положение войск 5-й армии в районе г. Уфы.
- Схема 9. Второй этап Уфимского сражения южнее города.
- Схема 10. Обстановка на фронте 5-й армии на 2. 4. 1919 г.
- Схема 11. Действия 1-й красной армии с 5. 3. по 9. 4. 1919 г.
- Схема 12. Обстановка на фронте 1-й и 5-й армий к 10. 4. 1919 г.
- Схема 13. Обстановка на Восточном фронте к концу апреля 1919 г.

* Схемы 3, 4, 5, 11 и 12 заимствованы (с поправками автора) из книги Ф. Огородникова «Удар по Колчаку весной 1919 г.». Воениздат, 1938.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
Введение	3
Глава 1. Основные военно-политические события на Восточном фронте в 1918 г., оказавшие решающее влияние на обстановку к весне 1919 г.	15
Армия белогвардейцев	15
1. Чехословацкий корпус — основное ядро контрреволюционных вооруженных сил на востоке России	—
2. Разгром Красной Армией объединенных чехобелых войск на Волге осенью 1918 г. Военно-политические последствия нашей победы	18
3. Пермская операция в планах белогвардейского командования	21
Красная Армия	24
1. Стратегическое положение Советской республики осенью 1918 г.	24
2. Ослабление Восточного фронта в ноябре — декабре 1918 г.	27
3. Мероприятия нашего командования в связи с Пермской операцией противника	30
Заключение	36
Глава 2. Военно-политическая обстановка к весне 1919 г.	45
1. Поворотный момент в планах интервентов и белогвардейцев на 1919 г.	—
2. Итоги нашего контрнаступления для ликвидации „Пермской катастрофы“	46
3. Образование Западной (ударной) армии генерала Ханжина	49
4. Стратегическое положение Советской республики к концу февраля 1919 г.	58
5. Восточный фронт в январе — феврале 1919 г.	62
Заключение	71
Глава 3. Уфимская операция Колчака	79
Первый этап операции	80
Сражение севернее г. Уфы с 3 марта по 13 марта 1919 г.	80
1. Директива командующего Западной армией белых генерала Ханжина о переходе в наступление	—
2. Первые крупные успехи белых против 27-й стрелковой дивизии 5-й армии	82

	<i>Стр.</i>
3. „Уфимские „Канны“	89
4. Директивы советского командования и действия наших войск на первом этапе Уфимской операции белых	95
Второй этап операции	108
Сражение южнее г. Уфы с 15 марта 1919 г. по 3 апреля 1919 г.	108
1. Обстановка в районе г. Уфы по занятии его белыми	—
2. Образование нового фронта войск 5-й армии южнее г. Уфы. Борьба вокруг вопроса — отступить или обороняться	113
3. Планы советского командования по восстановлению положения под г. Уфой	127
4. Директива командующего Западной армией ген. Ханжина — уничтожить 26-ю дивизию 5-й армии	135
5. Наше контрнаступление и причины его неудачи	140
6. Прорыв фронта 26-й дивизии южнее г. Уфы	149
Третий этап операции	155
Отступательные бои Красной Армии с 3 апреля по 26 апреля 1919 г.	155
1. Начало отступления 5-й и 1-й красных армий. Директива ген. Ханжина от 3 апреля 1919 г.	—
2. Директива Колчака от 12 апреля 1919 г. — овладеть переправами через р. Волгу	167
3. Обстановка на крайнем правом фланге Восточного фронта и действия наших войск	172
4. Начало поражения Западной армии Ханжина	185
Заключение	195
Глава 4. Значение провала Уфимской операции Колчака в крушении планов Антанты весной 1919 г.	204
1. Военно-политические итоги Уфимской операции	—
2. Некоторые оперативно-стратегические уроки по опыту Уфимской операции	215
3. Дальнейший ход военных действий	257
Примечания	266
Перечень приложенных схем	293

Эйхе Генрих Христофорович
УФИМСКАЯ АВАНТЮРА КОЛЧАКА

Редактор полковник *Соловьев Н. И.*
Художник *Щербаков В. Н.*
Технический редактор *Красавина А. М.*
Корректор *Павлова Г. С.*

Сдано в набор 22.10.59 г. Подписано к печати 1.9.60 г.
Формат бумаги 84×108^{1/2} — 9^{1/4} печ. л. = 15,17 усл. печ. л. + 13 вклеек —
— 1^{1/2} печ л. 2,46 усл. печ. л. 17,238 уч.-изд. л.
Г-63473.

Военное издательство Министерства обороны Союза ССР
Москва, Центр, Тверской бульвар, 18.

Изд. № 7/1799.

Зак. 705.

1-я типография
Военного издательства Министерства обороны Союза ССР.
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 9 р. 60 к.

С 1.1.1961 г. — 96 коп.

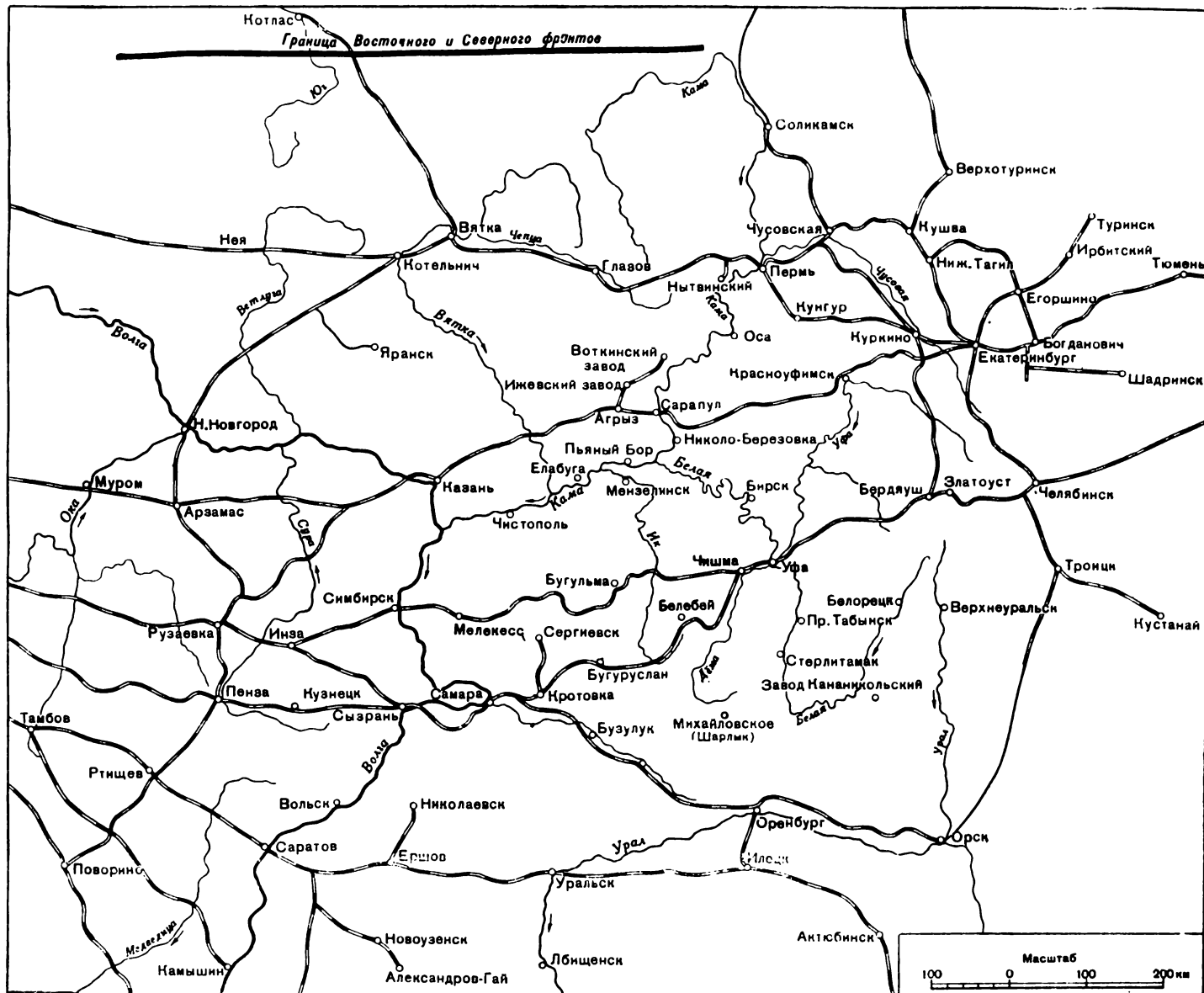

Схема 1. Район действий Восточного фронта осенью 1918 г. — весной 1919 г.

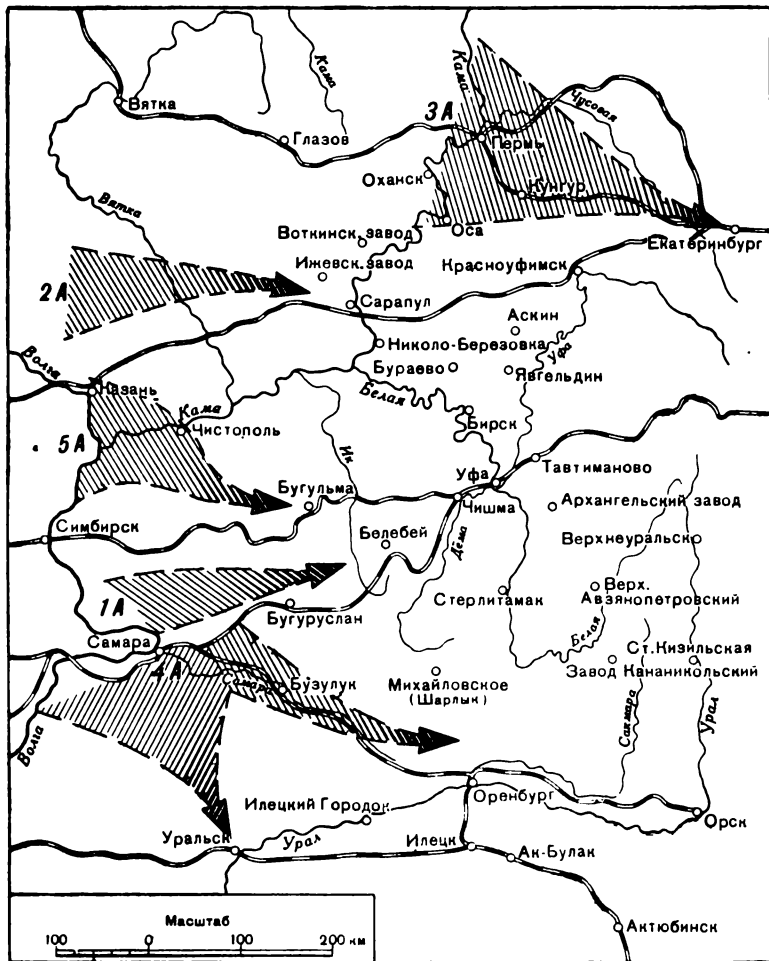

Схема 2. Наступление армий Восточного фронта по директиве от 8.10.1918 г.

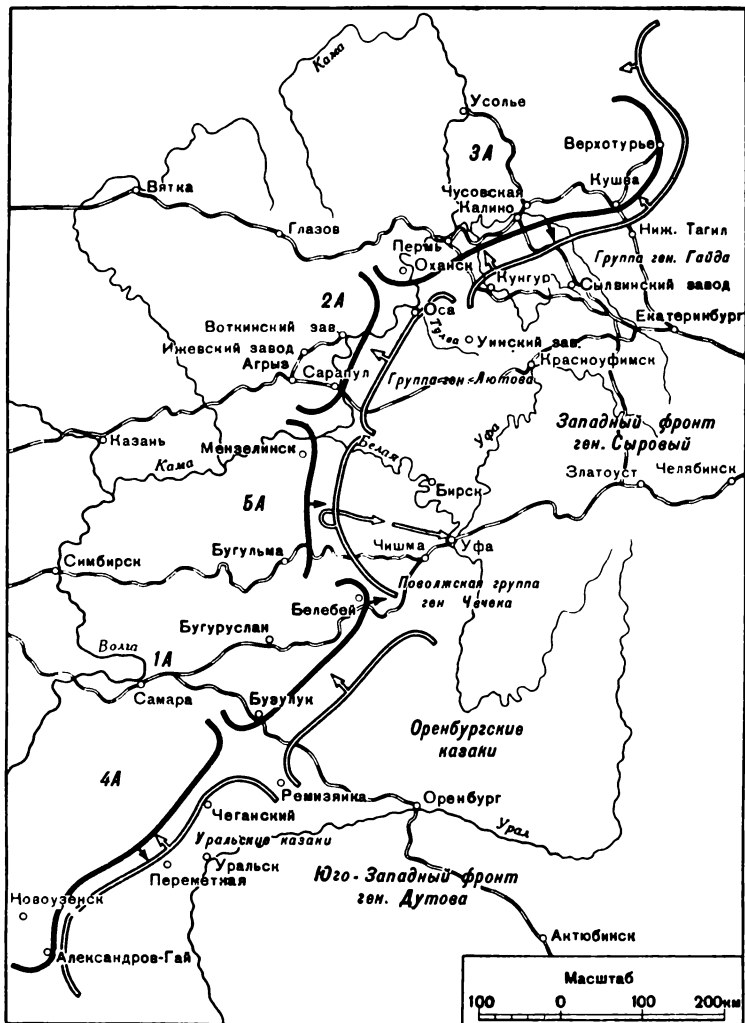

Схема 3. Восточный фронт к 25.10.1918 г.

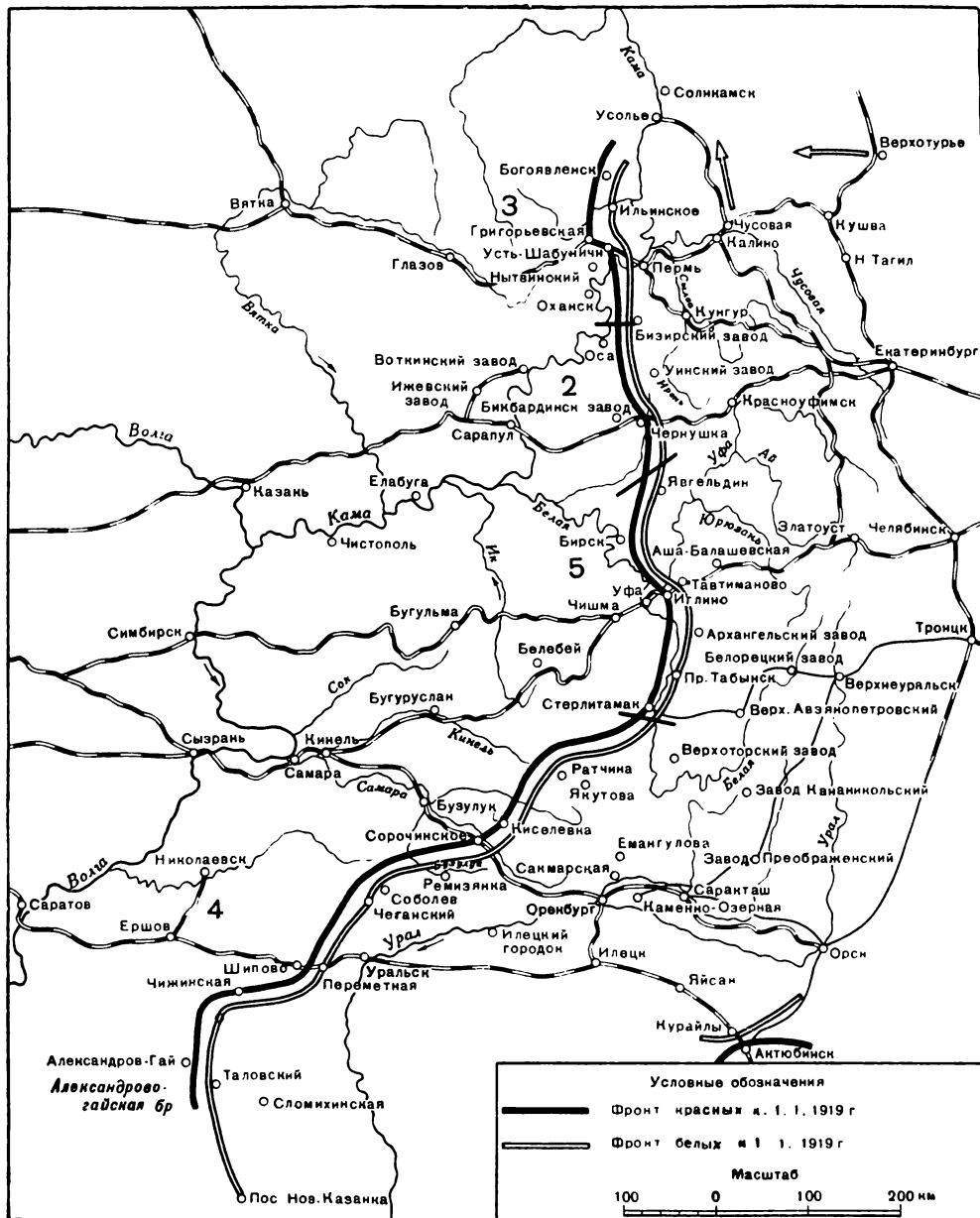

Схема 4. Положение на Восточном фронте к 1. I. 1919 г.

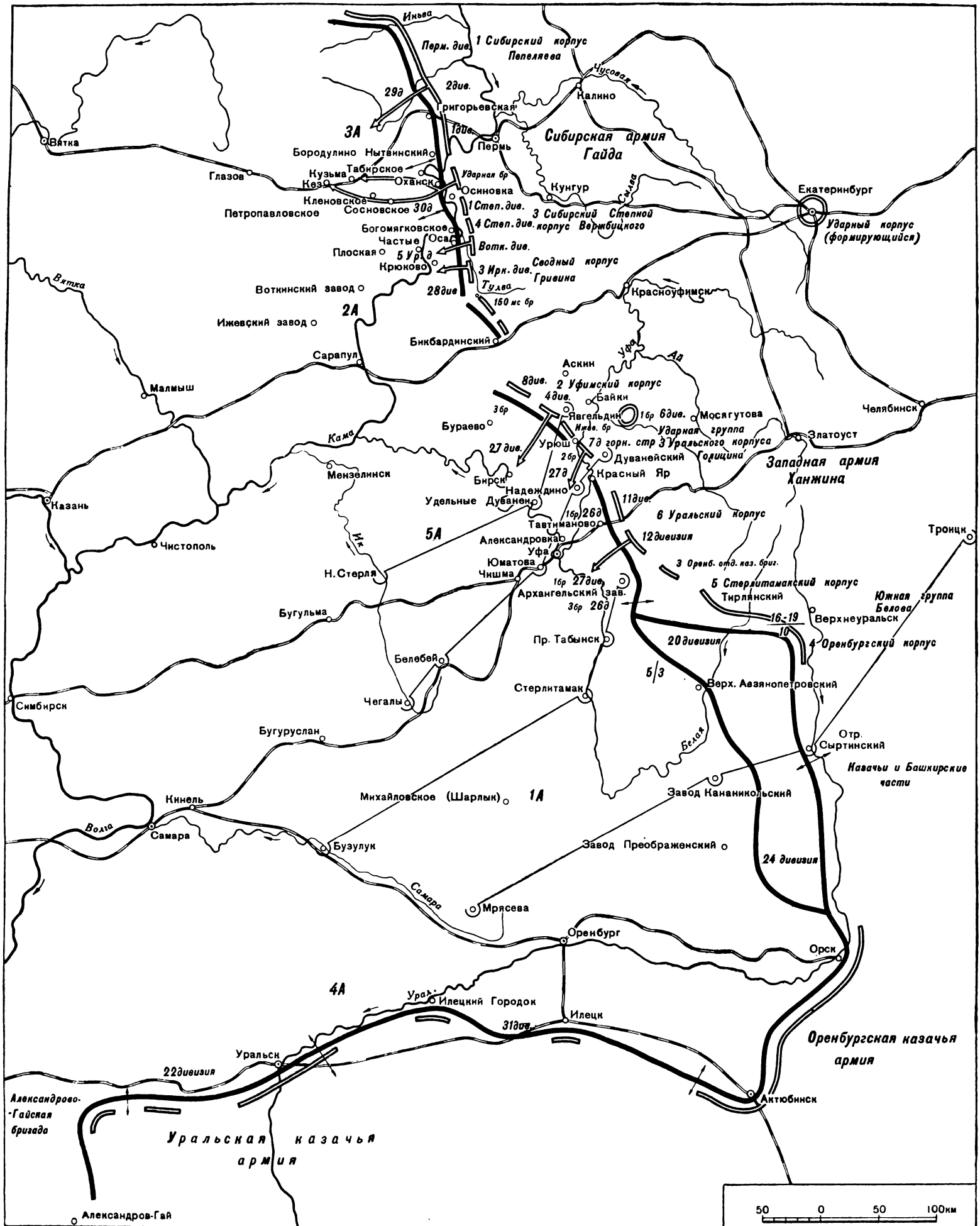

Схема 5. Положение Восточного фронта перед началом наступления Колчака.

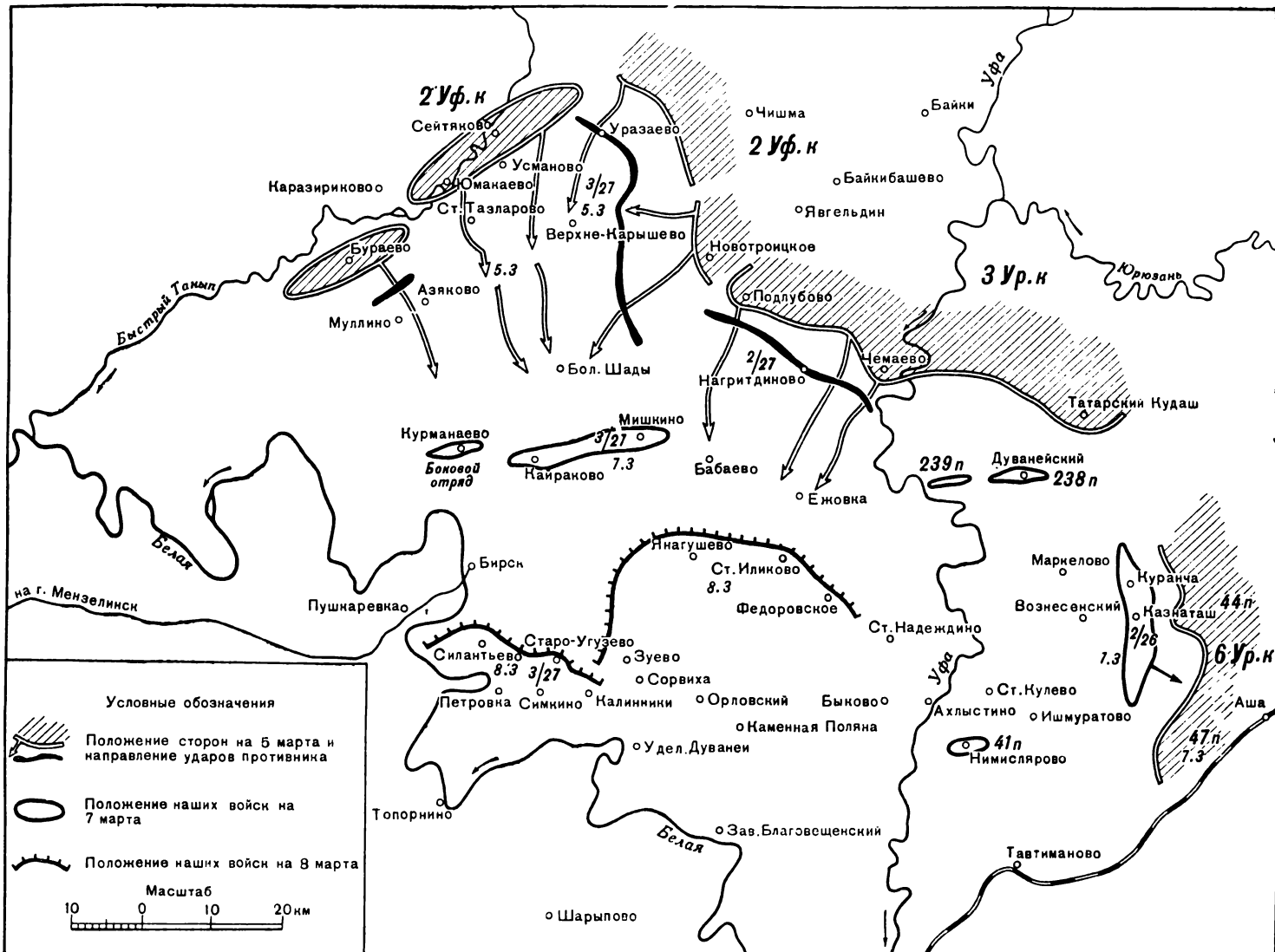

Схема 7. Первые крупные успехи белых на участке 27-й советской стрелковой дивизии

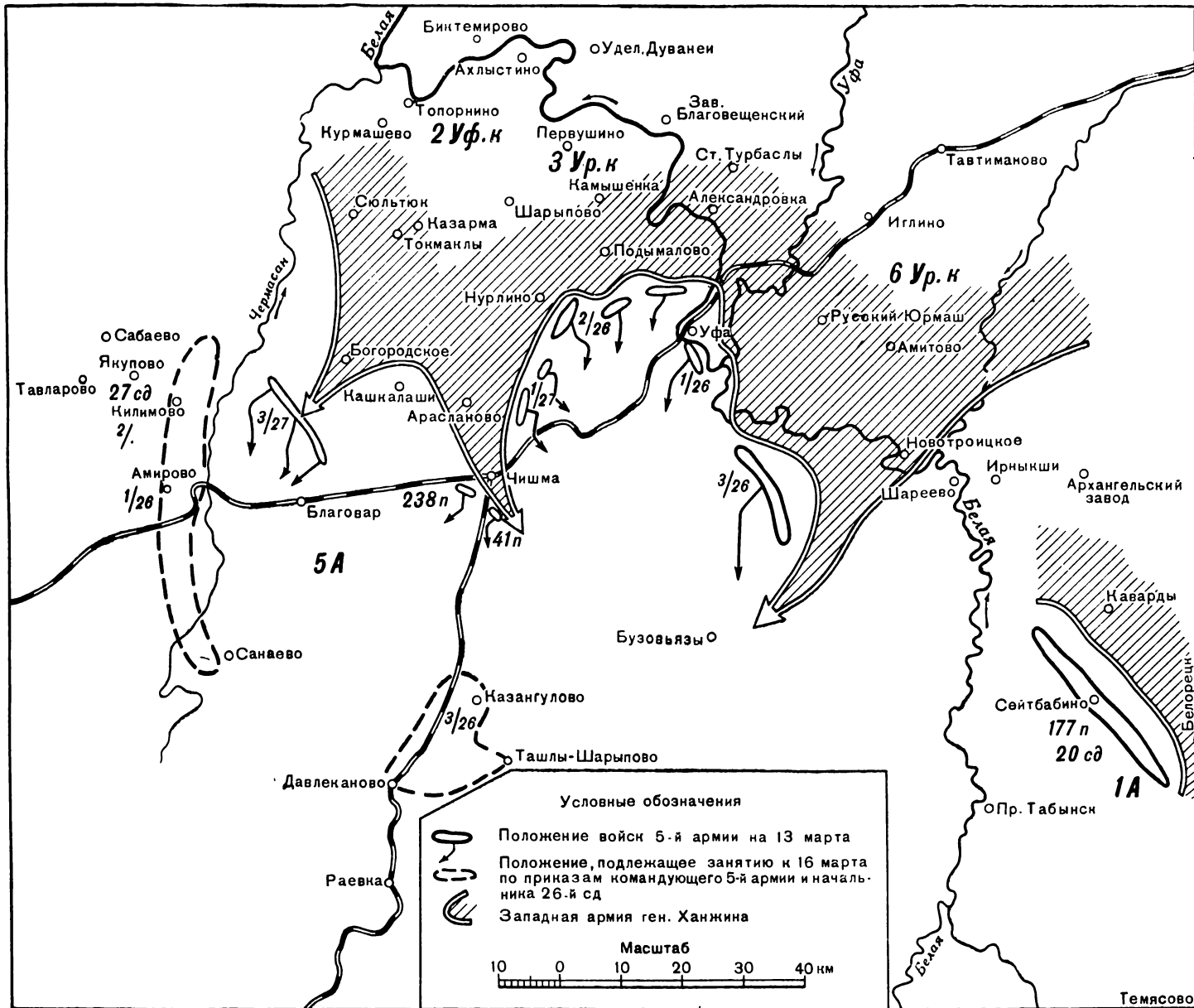

Схема 8. Положение войск 5-й армии в районе г. Уфы.

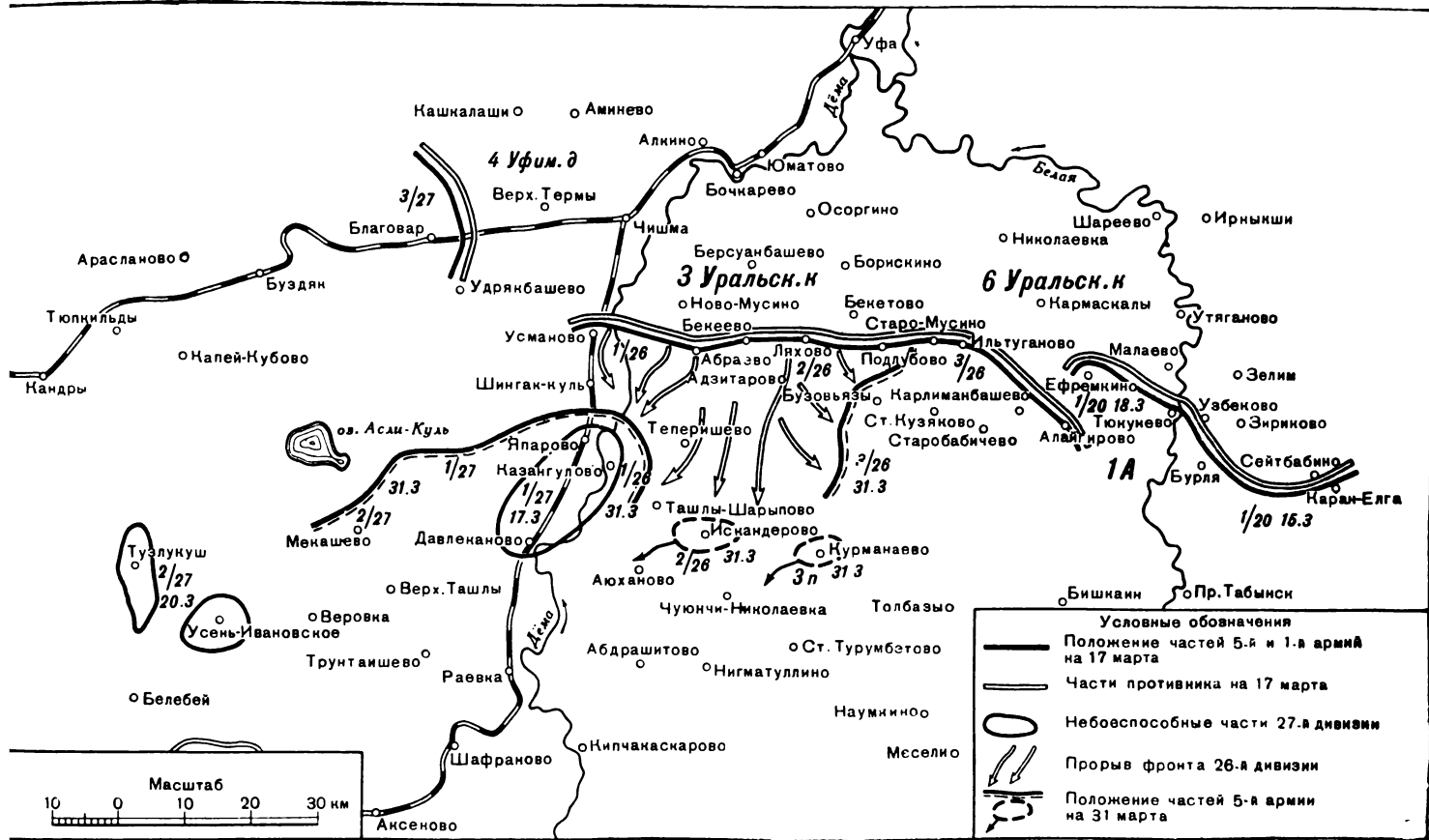

Схема 9. Второй этап Уфимского сражения южнее города.

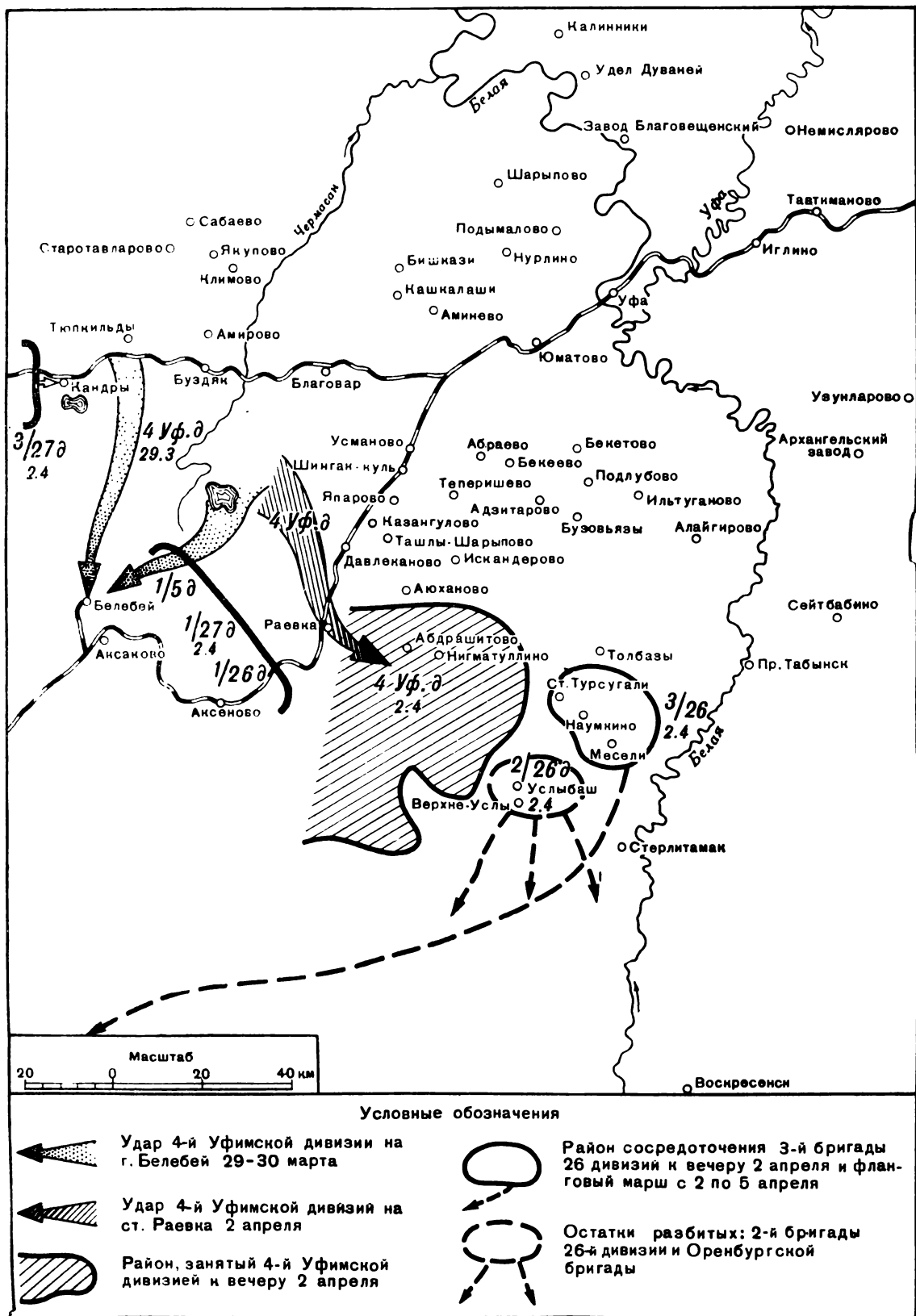

Схема 10. Обстановка на фронте 5-й армии на 24.1919 г

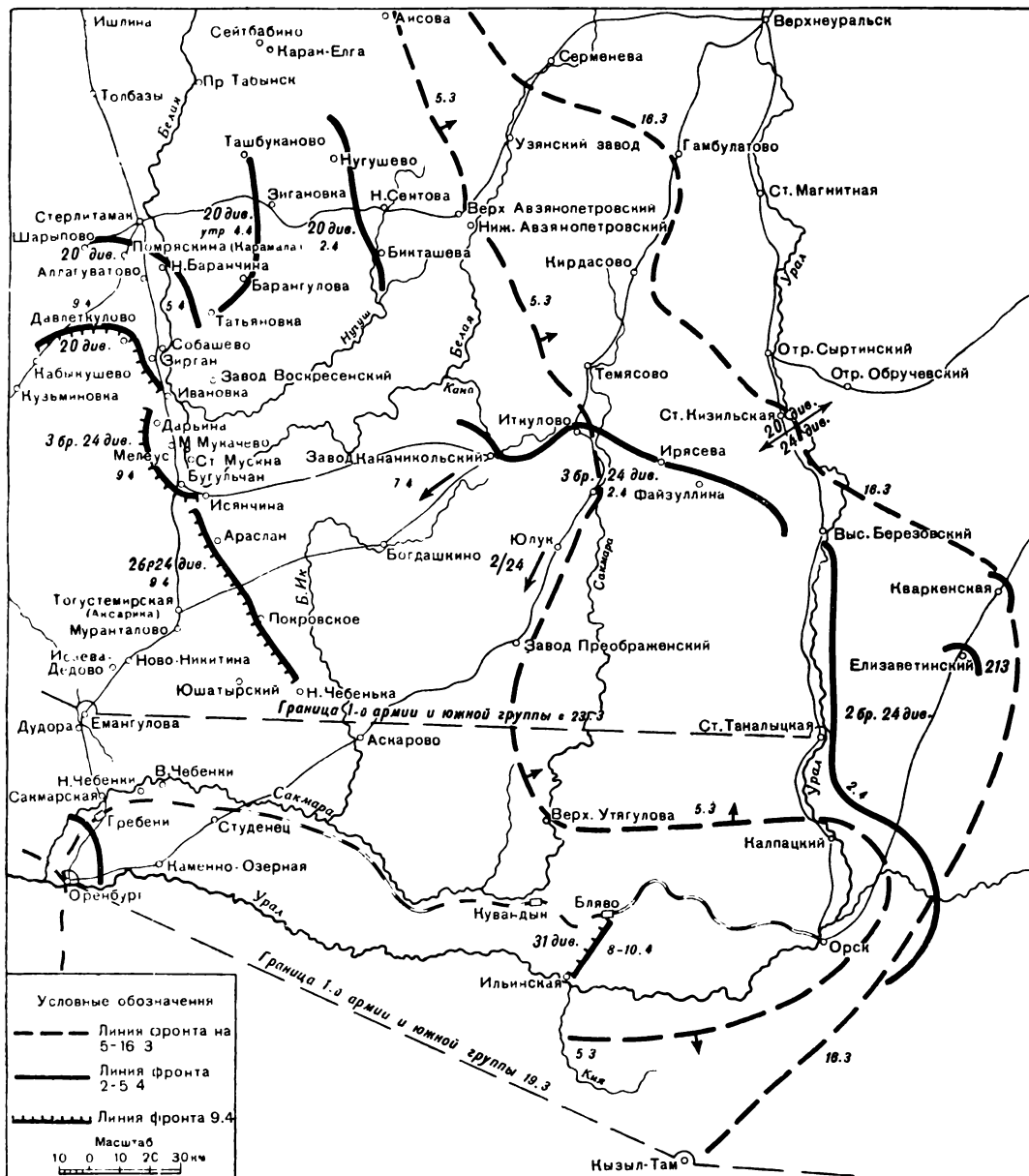

Схема 11. Действия 1-й красной армии с 5.3 по 9.4.1919 г.

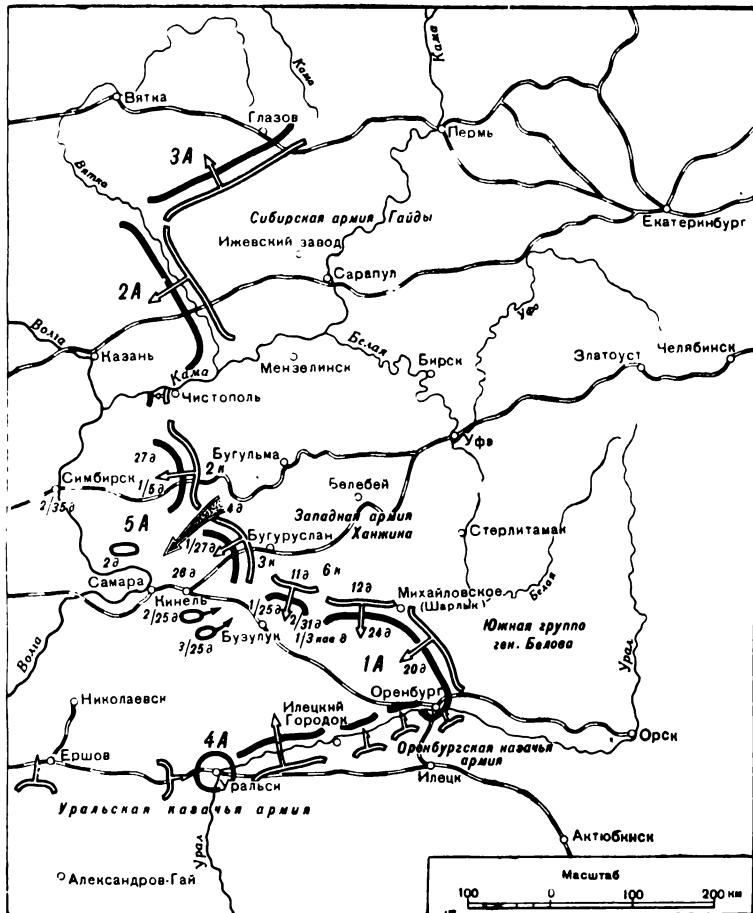

Схема 13 Обстановка на Восточном фронте к концу апреля 1919 г.